

2024 № 3

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Борисенко (Нутскова) Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафuanов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2024

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Borisenko (Nutskova) E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zaharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2024

СОДЕРЖАНИЕ:

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Гурина О.Д., Ремеева А.Ф.

Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) 1–12

Гагарина М.А., Соловова Н.А., Неврюев А.Н.

Отношение россиян к смертной казни:
роль личностных и социально-психологических характеристик 13–25

Кружкова О.В.

Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»? 26–38

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С.

Судебно-психологическая экспертная оценка конфликта лояльностей ребенка при судебных спорах между родителями о его воспитании 39–49

Дегтярёв А.В., Чивилёва С.Д., Купцова Д.М.

Связь эмоционального интеллекта, уровня одиночества и особенностей отношения к родителям в подростковом возрасте 50–68

Горьковская И.А., Микляева А.В., Самойлов О.М.

Ценностные предикторы гражданской идентичности у подростков с девиантным поведением 69–83

Медведева А.С.

Особенности выражения эмоций у девочек-подростков в ситуациях кибергруминга 84–93

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Цветкова Н.А.

Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями 94–106

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Канунников Р.И., Коноплева Е.А.

Психологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях 107–121

Овчарова Е.В., Душкин А.С., Коноплева И.Н., Ковальчук И.А.

Психологическая готовность сотрудников отдела охраны
следственного изолятора к применению огнестрельного оружия на поражение 122–133

Ахмадеева Е.В., Дмитриева Л.Г.

Самопредъявление как фактор
профессионального самоотношения сотрудников МВД..... 134–149

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б.

Социальные представления о теле: теория, факты и комментарии (Часть 2) 150–160

Никишина В.Б., Петраш Е.А., Юнина-Пакулова Н.Ю.

Структурная организация событийного пространства
временной перспективы личности у участников боевых действий 161–173

**Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.**

Жестокое обращение с собаками-компаньонами и их проблемное поведение:
как зоопсихолог поможет юристу? 174–195

**Pronicheva M.M., Dubinsky A.A., Rashevskaya O.Yu. /
Проничева М.М., Дубинский А.А., Рашевская О.Ю.**

Review of Foreign Studies of the Mechanisms
of Mental Adaptation in Mentally Healthy People /
Обзор зарубежных исследований механизмов
психической адаптации у психически здоровых лиц 196–205

Власова Н.В., Бушлаева Е.Л.

Особенности самовосприятия у мужчин и женщин,
страдающих алкогольной зависимостью 206–219

Mironova O.I., Ruonala L.A. / Миронова О.И., Руонала Л.А.

Determinants of Successful Social and Psychological
Adaptation of Women Married to Foreigners /
Детерминанты успешной социально-психологической
адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами 220–236

CONTENTS:

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Gurina O.D., Remeeva A.F.

Psychological Mechanisms of Youth Involvement in Extremist and Terrorist Organizations (Using the Example of Social Networks)..... 1–12

Gagarina M.A., Solovova N.A., Nevryuev A.N.

Russians' Attitude towards the Death Penalty: The Role of Personal and Socio-Psychological Characteristics 13–25

Kruzhkova O.V.

Vandalism. Why Doesn't the "Broken Windows" Theory Work? 26–38

LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Savina O.F., Safuanov F.S.

Forensic Psychological Expert Assessment Conflict of Loyalties of the Child in Court Disputes between Parents about his Upbringing..... 39–49

Degtyarev A.V., Chivileva S.D., Kuptsova D.M.

The Connection Between Emotional Intelligence, the Level of Loneliness and Characteristics of Attitudes towards Parents in Adolescence..... 50–68

Gorkovaya I.A., Miklyaeva A.V., Samoilov O.M.

Value Predictors of Civic Identity in Adolescents with Deviant Behavior..... 69–83

Medvedeva A.S.

Features of Expression of Emotions in Adolescence Girls in Cybergrooming Situations..... 84–93

PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Tsvetkova N.A.

Personal Characteristics of Men Newly Sentenced to Imprisonment Related to the Time Interval between Two Convictions 94–106

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Kanunnikov R.I., Konopleva E.A.

Psychological Safety of Law Enforcement Officers in Extreme Situations..... 107–121

Ovcharova E.V., Dushkin A.S., Konopleva I.N., Kovalchuk I.A.

Psychological Readiness of Pre-Trial Detention Center Officers to Use Lethal Force with Firearms 122–133

Akhmadeeva E.V., Dmitrieva L.G.

Self-Presentation as a Factor in the Professional Self-Attitude of Employees of the Ministry of Internal Affairs 134–149

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B.

Social Representations of the Body: Theory, Facts and Commentary (Part 2)..... 150–160

Nikishina V.B., Petrash E.A., Yunina-Pakulova N.Yu.

The Structural Organization of the Event Space
of the Time Perspective of the Personality of the Combatants 161–173

**Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.**

Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist Help a Lawyer? 174–195

Pronicheva M.M., Dubinsky A.A., Rashevskaya O.Yu.

Review of Foreign Studies of the Mechanisms
of Mental Adaptation in Mentally Healthy People..... 196–205

Vlasova N.V., Buslaeva E.L.

Features of Self-Perception in Men and Women Suffering from Alcohol Addiction.....206–219

Mironova O.I., Ruonala L.A.

Determinants of Successful Social and Psychological
Adaptation of Women Married to Foreigners220–236

Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей)

Гурина О.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Ремеева А.Ф.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3041-849X>, e-mail: a-remeeva@yandex.ru

В работе описаны признаки вербовки и психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации в сети Интернет. Представлен структурный анализ материалов, содержащих коммуникацию, направленную на вовлечение молодежи в деятельность экстремистских или террористических организаций и/или сообществ с экстремистскими целями. Объектом исследования стали дела, поступившие на комплексное психолого-лингвистическое исследование в ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр». Целью работы стало описание признаков вербовки и основных психологических механизмов вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации в сети Интернет. Основой для методологического обоснования выделенных психологических механизмов вовлечения стали идеи А.А. Леонтьева о концепции общения; научные представления Г.М. Андреевой о социальной коммуникации. С помощью метода интен-анализа были выделены психологические механизмы вовлечения молодежи в сети Интернет, в основе которых лежит воздействие на мотивационно-потребностную и ценностную сферы личности. Описанные механизмы позволяют углубить понимание вовлечения молодежи в экстремистские и террористические сообщества.

Ключевые слова: терроризм, социальные сети, механизмы психологического воздействия, вовлечение в экстремистские и террористические организации, психологическое исследование информационных материалов.

Для цитаты: Гурина О.Д., Ремеева А.Ф. Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 1–12. DOI:10.17759/psylaw.2024140301

Psychological Mechanisms of Youth Involvement in Extremist and Terrorist Organizations (Using the Example of Social Networks)

Oksana D. Gurina

Moscow State University of Psychology & Education; Moscow Research Center, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Alfiya F. Remeeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3041-849X>, e-mail: a-remeeva@yandex.ru

The work describes the signs of recruitment and the psychological mechanisms of youth involvement in extremist and terrorist organizations in the Internet. A structural analysis of materials containing communication aimed at involving youth in extremist or terrorist organizations and/or communities with extremist goals. The object of the study are cases received for a comprehensive psychological and linguistic study at the Moscow State Budgetary Institution “Moscow Research Center”. The purpose of the work was to describe the signs of recruitment and the basic psychological mechanisms of youth involvement in extremist and terrorist organizations in the Internet. The basis for the methodological substantiation of the identified psychological mechanisms of involvement were the ideas of A.A. Leontiev on the concept of communication; scientific ideas of G.M. Andreeva about social communication. Using the intent analysis method, the psychological mechanisms of youth involvement in the Internet were identified, which are based on the impact on the motivational-need and value spheres of the individual. The described mechanisms allow us to deepen our understanding of the involvement of young people in extremist and terrorist communities.

Keywords: terrorism, social networks, mechanisms of psychological influence, involvement in extremist and terroristic organizations, psychological research of information materials.

For citation: Gurina O.D., Remeeva A.F. Psychological Mechanisms of Youth Involvement in Extremist and Terrorist Organizations (Using the Example of Social Networks). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 1–12. DOI:10.17759/psylaw.2024140301 (In Russ.).

Введение

Актуальность темы связана со сложно контролируемой проблемой вовлечения молодежи посредством сети Интернет в различные экстремистские и террористические сообщества. Наибольший риск, с учетом действительной статистики, представляет собой участие в различного рода радикальных группировках, например исламского или правоэкстремистского толка. Так, по данным Генеральной прокуратуры¹, количество зарегистрированных преступ-

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 18.06.2024).

лений террористического характера в 2022 г. составило 2233 случая, что на 4,5% больше предыдущего года (2136 случаев). За период с 2010 по 2022 г. динамика зарегистрированных преступлений террористического характера увеличилась с 581 случая до 2233 случаев. Выявлено лиц, совершивших преступления террористического характера за 2022 г., — 922 человека. Количество преступлений экстремистской направленности с 2021 по 2022 г увеличилось в процентном соотношении на 48,2%, а количество выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, снизилось на 16,5% с 2021 по 2022 г. и составило 1078 человек.

Относительно участия молодежи в террористической и экстремистской деятельности, учитывая статистические данные, можно предположить, что их доля достаточно высока. Так, в 2022 г., выявлено 2000 лиц, совершивших преступления экстремистской направленности и террористического характера, из них 37,5% совершили указанные деяния в возрасте 18—29 лет [14].

В исследованиях, изучающих причины вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации [1; 6; 11; 17; 20; 23], сделан акцент на такие основные явления и клинико-психологические механизмы, как социальная изоляция, наличие психического расстройства, диффузная эго-идентичность.

Применительно к уголовному кодексу, действия, направленные на вовлечение в экстремистскую и террористическую деятельность, рассматривают в рамках ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» и ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», где используются такие правовые понятия, как «склонение», «вербовка» и «иное вовлечение» [3; 19].

Исследователи А.Н. Тарбагаев и Г.Л. Москалев [19] предлагают рассматривать «вербовку», «склонение» и «вовлечение» как один признак объективной стороны преступления, так как в правовом поле эти термины синонимичны и обозначают действия, направленные на возбуждение у другого лица желания совершить одно из преступлений, например указанных в диспозиции ч. 1. ст. 205 УК РФ.

В актуальной работе используются все три понятия, однако «вовлечение» затрагивает, на наш взгляд, больший спектр различных способов привлечения лица к участию в террористической и экстремистской деятельности, в связи с чем оно и заявлено в названии статьи.

Проблему вербовки в террористическую и экстремистскую деятельность в сети Интернет стоит начать с рассмотрения анализа ее этапов. Так, большинство авторов, изучавших данное явление, выделяют приблизительно следующие этапы [4; 5; 16; 17; 18; 21; 22; 24; 26].

1. Начальный этап со стороны вербовщика связан с выбором подходящего кандидата. Это этап отбора подходящих и отсева малоподходящих лиц для вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность. Предполагается, что на этом этапе формируется психологический портрет потенциального вербуемого.
2. Этап установления контакта. Характеризуется формированием доверительного контакта между вербовщиком и вербуемым.
3. Этап перехода к совершению конкретных действий, связанных непосредственно с содействием террористической и/или экстремистской организации, ее непосредственным участникам.
4. Этап полноценного вступления в организацию экстремистской и/или террористической направленности; включение в деятельность в качестве участника организации.

На каждом из этих этапов могут быть представлены разные приемы и способы психологического воздействия, направленные на вовлечение в террористическую или экстремистскую деятельность. Наиболее полно приемы психологического воздействия представлены в работе М.В. Кроз, Н.А. Ратиновой, О.Р. Онищенко «Криминальное психологическое воздействие» (2008). Авторы систематизировали разнообразные формы криминального психологического воздействия, в том числе определили типы воздействия в преступлениях против личности, в сфере экономики и против государственной власти [8].

Отдельно работы отечественных и зарубежных авторов (О.Ю. Ананьин, И.Б. Гайворонская, С.Н. Ениколопов, А.Л. Журавлев, М.В. Кроз, О.Р. Онищенко, Н.А. Ратинова, М.М. Решетников, В.А. Соснин, И.Ю. Сундиев, I. Gonzales, M. Moyano [1; 4; 7; 8; 12; 13; 16; 17; 18; 23]) посвящены как стратегиям, механизмам психологического воздействия в целом, так и в рамках вербовки в террористическую и/или экстремистскую деятельность. Среди основных методов психологического воздействия с целью вербовки выделяют внушение и убеждение. Убеждение, с точки зрения криминального воздействия, направлено на формирование у адресата когнитивных представлений, схем, которые впоследствии становятся мотивом поведения человека. Внушение — метод воздействия, связанный с не критическим восприятием и усвоением информации субъектом, направленный на эмоциональную сферу [8].

В зарубежной и отечественной литературе уделяется мало внимания теоретическим моделям психологического воздействия в сети Интернет, в частности в социальных сетях. В публикациях встречаются модели воздействия, описывающие то, как пользователь может реагировать на получаемые сообщения в целом, вплоть до поведенческих реакций. В такой модели воздействие рассматривается как имеющее краткосрочный аффективный результат (это может быть подкрепление или ориентация на изменение) [25]. При этом в существующих теориях не хватает более целостных моделей, учитывающих различные способы коммуникации, такие как средства массовой информации, социальные сети, развлекательные программы и др.

В экспертной практике также сложился подход к анализу разных психологических приемов воздействия, связанных с вовлечением лиц в экстремистскую и террористическую деятельность. Так, в работе Т.Н. Секераж [15] отдельно описываются виды экспертиз по различным категориям дел, таких как, например, исследование информационных материалов по делам о правонарушениях экстремистской и террористической деятельности. В частности, описанные Т.Н. Секераж принципы психологического анализа могут быть рассмотрены в рамках исследования материалов по вербовке лиц в экстремистскую и/или террористическую деятельность [15].

Целью настоящей работы стало описание признаков вербовки и основных психологических механизмов вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации в сети Интернет на основе проведенных в ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз.

Материалы и методы

В ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» были проанализированы информационные материалы, содержащие элементы вербовки, вовлечения, склонения к участию в экстремистских и террористических сообществах. В учреждении были проведены комплексные судебные психолого-лингвистические экспертизы, назначенные по делам вербовки в рамках ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» и ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации». Так, за период с 01 января

2018 года по 31 декабря 2023 года было проведено лишь 3 подобных экспертизы, возраст вербуемых составил 20, 28, 30 лет. Анализ материалов проводился в соответствии с методикой проведения судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, подготовленной авторским коллективом О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секераж [9]. Методика предполагает использование психосемантического подхода в экспертном исследовании, в котором анализ проводится с учетом трехкомпонентной семантической структуры «экстремистского» значения: предмет речи (тематика), отношение и цель. Лингвист определяет содержание высказывания, оценочные значения и коммуникативную цель, психолог устанавливает наличие/отсутствие конфликта в исследуемом материале, наличие/отсутствие соответствующих установок и социально-психологическую направленность объекта исследования.

Результаты и их обсуждение

Опираясь на методические рекомендации [9], а также согласно теоретико-методологическому подходу в рамках исследования коммуникации [2; 10] были выделены следующие особенности указанных переписок в социальных сетях, направленных на вовлечение лица в экстремистскую и/или террористическую деятельность:

- в коммуникации участвуют, как правило, двое: вербовщик и вербуемый;
- коммуникация носит межличностный характер и часто выстраивается как дружеское или наставническое общение;
- коммуникация формируется в системе: «воздействующий (доминирующий) и тот, на кого оказывается воздействие» (подчиненный);
- коммуникация имеет деструктивный характер, так как окончательной коммуникативной целью «вербовщика» является вовлечение вербуемого в деятельность террористической и/или экстремистской организации. Это подтверждено в том числе предоставленными материалами уголовных дел.

Основой коммуникации, на наш взгляд, является установление доверительного контакта между вербовщиком и вербуемым.

I. На первом этапе вербовщика интересует круг общения, основные занятия и увлечения вербуемого. Вербовщик привлекает внимание вербуемого к наличию некоторых социально-политических, религиозных и иных конфликтов, формирует представление у вербуемого о том, что он непосредственно причастен к актуальному конфликту, является одной из сторон, способной изменить настоящее положение дел.

II. На втором этапе вербовщиком формируются положительные установки по отношению к участию в конкретной стороне конфликта, которая представлена как правильная, чьим идеям необходимо следовать.

III. На третьем этапе вербовщик взаимодействует с вербуемым как с лицом, которому можно доверять, и способен поручать вербуемому некоторые дела или просить о помощи (например материальной), рассчитывая на ее получение.

Как правило, основными психологическими приемами воздействия вербовщика являются следующие: убеждение, внушение и отдельно выделяется побуждение.

Наиболее важным в процессе вовлечения, на наш взгляд, является воздействие на мотивационно-потребностную и ценностную сферы адресата. В основном это приемы, которые представлены как апелляция или обращение к важным значимым сферам адресата, например, апелляция к вере, общей идее, ценностям семьи, справедливости, традициям, истории и др.

Стоит отметить, что в работе отечественного исследователя В.А. Соснина [17] были указаны такие характерные особенности лиц, имеющих риск вступления в деятельность, как трудности в определении мотивационных целей, состояние стресса и кризиса идентичности, что как раз отражает наличие у данных лиц разного рода ценностных и экзистенциальных конфликтов. Авторы зарубежной статьи [25] отдельно выделяют такое характерное чувство, как неопределенность — субъективное чувство сомнения в себе, во взглядах на мир или в отношениях между ними. В этом случае радикальная идеология несет для лиц, переживающих чувство неопределенности, конкретное решение, привносит смысл и дает некий фокус жизни.

Стоит обратить внимание на следующие характеристики переписок с целью вербовки в социальных сетях:

- внимание адресата в исследуемых переписках со стороны вербовщика привлекается к тому, что является правильным и должно представлять интерес для вербуемого (например, как необходимо разрешать проблемы; какая должна быть их оценка; как необходимо относиться к конфликту, какую сторону занимать и др.);
- речевые действия вербовщика направлены на то, чтобы сформировать у вербуемого готовность к принятию предлагаемой точки зрения и к совершению описываемых действий (в частности вступлению в организацию, содействию ее деятельности; борьбе с нарушением прав конкретной группы лиц властями; продвижению идеологии организации, направленной на создание единого, например исламского, государства);
- вербовщик использует ряд приемов, таких как, например, рациональная и/или эмоциональная аргументация, в том числе апелляция к вере, к пророку, к богу, рассчитанная на активацию определенных реакций, переживаний, чувств у адресата — недовольства несправедливостью, возмущения, бесстрашия перед властями, веры в истинность предлагаемого пути и др. — с целью изменить установки вербуемого.

Результатом «вербовки» становится формирование у адресата позитивного эмоционально-смыслового отношения к деятельности экстремистской и/или террористической организации (в том числе целям организации и ее идеям, ее деятельности, членам организации и совершенным ими действиям) и готовности к совершению действий, связанных с терроризмом и/или экстремизмом.

В таблице приведены признаки вербовки, выделенные на основе доступных экспертам материалов (тексты переписок в социальных сетях), а также показана направленность высказываний со стороны вербовщика.

Таблица

Признаки вербовки, выделенные в ходе психологического анализа материалов

Признаки вербовки	Направленность высказываний со стороны вербовщика
Эмоциональное вовлечение. Аффектация	Активизация и формирование у вербуемого соответствующих чувств и переживаний
Поляризация мира на «мы» и «они». Актуализация конфликта	Формирование у вербуемого соответствующих представлений, когнитивных схем
Конкретизация совершения необходимых действий, способных изменить актуальную ситуацию. Постановка перед вербуемым конкретных задач	Формирование у вербуемого готовности к соответствующим действиям

Выделенные признаки вербовки в проанализированных материалах встречались в сочетании виде.

Согласно указанным признакам были выделены психологические механизмы вовлечения вербуемых в экстремистские и/или террористические организации в сети Интернет:

- стратегия, направленная на формирование убеждения «вербуемого» в причастности к актуальному конфликту (социально-политическому, религиозному);
- стратегия, направленная на формирование у «вербуемого» соответствующей групповой идентичности;
- стратегия, направленная на формирование у «вербуемого» готовности к совершению действий, связанных с террористической и/или экстремистской деятельностью.

Указанные стратегии в качестве механизмов вовлечения используются комплексно, включают разные приемы и средства психологического воздействия на вербуемое лицо.

Одним из существенных ограничений исследования стал малый объем представленных материалов. Несмотря на это, описанный трехкомпонентный анализ в методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, позволяет выявить и описать характеристики вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации. Учитывая существующие современные представления, знания о вербовке лиц в террористическую деятельность, а также используя подходящие методы анализа материалов переписки в социальных сетях, представляется возможным углубить и проработать надежные критерии, указывающие на вовлечение молодежи в экстремистские и террористические группы.

Выводы

Проблематика вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации в сети Интернет посредством социальных сетей освещена во многих публикациях. При этом в немногих из них рассмотрен экспертно-аналитический подход к исследованию этого феномена. Сложность предоставления публичного анализа подобной коммуникации сводится также к тому, что материалы содержат запрещенную к распространению информацию и могут быть использованы в противоправных целях или иметь материал, ограниченный этическими нормами.

Описанные результаты анализа могут быть использованы для мониторинга распространения экстремистских и террористических идей в сети Интернет, а также для составления профилактических программ по противодействию распространению экстремистских и террористических идей. В рамках судебно-психологической экспертной деятельности выделенные признаки вербовки, могут быть использованы для анализа побуждения, склонения к участию, вовлечению в экстремистские и террористические сообщества.

В дальнейшем исследовании предполагается представить комплексный подход к исследованию психологических и лингвистических признаков склонения, вербовки или вовлечения лиц в совершение преступлений экстремистской и/или террористической направленности.

Литература

1. Ананьин О.Ю., Базулина А.А., Жуланов А.В. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики [Электронный ресурс] // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 290–295. doi:10.24412/2414-3995-2022-5-290-295

2. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 290 с.
3. Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 275 с.
4. Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165. doi:10.17759/psylaw.2020100411
5. Давыдов В.О. О способах склонения, вербовки и иного вовлечения лица в террористическую деятельность с использованием IT-технологий [Электронный ресурс] // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 14–25. doi:10.24412/2071-6184-2022-2-14-25
6. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Бовина И.Б. Легитимизация терроризма в подростково-молодежной среде: от механизмов радикализации к модели оценки риска [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 154–170. doi:10.17759/psylaw.2022120412
7. Ениколопов С.Н., Мкртчян А.А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 41–46.
8. Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. М.: Юрлитинформ, 2008. 200 с.
9. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [Электронный ресурс]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2022. 108 с. doi:10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11
10. Леонтьев А.А. Психология общения: Учебное пособие. 4-е изд. М.: Смысл; Академия, 2007. 412 с.
11. Ошевский Д.С. Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 123–132. doi:10.17759/psylaw.2017060210
12. Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Институт психологии РАН, 2012. 368 с.
13. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: Монография / Под ред. М.М. Решетникова. 2-е изд. М.: Юрайт, 2024. 257 с.
14. Русина Т.С. Оценка масштабов вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность (на основе данных социальной и уголовно-правовой статистики) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4 (62). С. 87–91.
15. Секераж Т.Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: Монография [Электронный ресурс]. М.: Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2021. 406 с. doi:10.30764/978-5-91133-231-0-2021-13
16. Соснин В.А. Психология современного терроризма: Учебное пособие. 2-е изд. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2017. 160 с.
17. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема вербовки людей в террористические сети: психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 20–28.

18. Сундиев И.Ю. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху // Научный портал МВД России. 2018. № 1 (41). С. 67–76.
19. Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205.1 УК РФ) [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Том 11. № 2. С. 350–360. doi:10.17150/2500-4255.2017.11(2).350-360
20. Alava S., Frau-Meigs D., Hassan G. Youth and violent extremist on social media: mapping the research. UNESCO, 2017. 161 p.
21. Aly A., Macdonald S., Jarvis L., Chen T.M. Introduction to the Special Issue: Terrorist Online Propaganda and Radicalization // Studies in Conflict and Terrorism. 2016. Vol 40(1). doi:10.1080/1057610X.2016.1157402
22. Crayne M.P., Hunter S.T., Ligon G.S., Shortland N.D. Recruitment and selection in violent Extremist Organizations: exploring what industrial and organizational psychology might contribute // American Psychologist. 2017. Vol. 72(3). P. 242–254. doi:10.1037/amp0000089
23. González I., Moyano M., Lobato R.M., Trujillo H.M. Evidence of Psychological Manipulation in the Process of Violent Radicalization: An Investigation of the 17-A Cell // Frontiers in Psychiatry. 2022. Vol. 13. doi:10.3389/fpsy.2022.789051
24. Miller-Idriss C. Extremist recruitment and extremist sentiment normalization // The Journal of Intelligence, Conflict, and Warfare. 2022. Vol. 5(3). P. 164–168. doi:10.21810/jicw.v5i3.5190
25. Trip S., Bora C.H., Marian M., Halmajan A., Drugas M.I. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.00437
26. Understanding Recruitment to Organized Crime and Terrorism / Eds. by Weisburd D.L., Savona E.U., Hasisi B., Calderoni F. Springer, 2020. 346 p. doi:10.1007/978-3-030-36639-1

References

1. Ananin O.Yu., Basulina A.A., Zhulanov A.V. Verbovka molodezhi v terroristicheskie organizatsii posredstvom sotsial'nykh setei: problemy profilaktiki [Recruitment of youth into terrorist organizations through social networks: problems of prevention] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2022, no. 5, pp. 290–295. doi:10.24412/2414-3995-2022-5-290-295 (In Russ.).
2. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya: Uchebnik. 5th ed. Moscow: Aspekt Press, 2010. 290 p. (In Russ.).
3. Badamshin S.K. Prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti, sovershaemye s ispol'zovaniem elektronnykh i informatsionno-telekommunikatsionnykh setei: ugovovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika: Diss. kand. yurid. nauk. Moscow, 2018. 275 p. (In Russ.).
4. Gaivoronskaya I.B., Fomina T.F., Amanzholova B.A. Verbovka v ekstremistskie i terroristicheskie organizatsii posredstvom seti Internet [Online Recruitment into Extremist and Terrorist Organizations] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165. doi:10.17759/psylaw.2020100411 (In Russ.).
5. Davydov V.O. O sposobakh skloneniya, verbovki i inogo vovlecheniya litsa v terroristicheskuyu deyatel'nost' s ispol'zovaniem IT-tekhnologii [About methods of declination, recruitment and other involvement of the person into terrorist activities using IT-technologies] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki =*

Гурина О.Д., Ремеева А.Ф.
Психологические механизмы вовлечения молодежи
в экстремистские и террористические организации
(на примере социальных сетей)
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 1–12

Gurina O.D., Remeeva A.F.
Psychological Mechanisms of Youth Involvement
in Extremist and Terrorist Organizations
(Using the Example of Social Networks)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 1–12

Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences, 2022, no. 2, pp. 14–25. doi: 10.24412/2071-6184-2022-2-14-25 (In Russ.).

6. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Bovina I.B. Legitimizatsiya terrorizma v podrostkovo-molodezhnoi srede: ot mekhanizmov radikalizatsii k modeli otsenki riska [The Legitimization of Terrorism in Adolescence and Youth: from Radicalisation Mechanisms to Risk Assessment Model] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 154–170. doi:10.17759/psylaw.2022120412 (In Russ.).

7. Enikolopov S.N., Mkrtychyan A.A. Psikhologicheskie posledstviya terrorizma i rol' SMI v protsesse ikh formirovaniya [Psychological consequences of terrorism and the role of mass media in the process of their formation]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2010, no. 2 (4), pp. 41–46. (In Russ.).

8. Kroz M.V., Ratinova N.A., Onishchenko O.R. Kriminal'noe psikhologicheskoe vozdeistvie. Moscow: Yurlitinform, 2008. 200 p. (In Russ.).

9. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Metodika provedeniya sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu [Method of conducting complex forensic psychological and linguistic examination on cases related to counteraction to extremism and terrorism] [Elektronnyi resurs]. 2nd ed. Moscow: Federal'noe byudzhethnoe uchrezhdenie Rossiiskii federal'nyi tsentr sudebnoi ekspertizy pri Ministerstve yustitsii Rossiiskoi Federatsii Publ., 2022. 108 p. doi:10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11 (In Russ.).

10. Leontiev A.A. Psikhologiya obshcheniya: Uchebnoe posobie. 4th ed. Moscow: Smysl; Akademiya, 2007. 412 p. (In Russ.).

11. Oshevsky D.S. Kliniko-psikhologicheskie aspekty vkhozheniya podrostkov v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatelnost' [Clinical and psychological aspects of adolescent involvement in extremist and terrorist activities] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 123–132. doi:10.17759/psylaw.2017060210 (In Russ.).

12. Zhuravlev A.L., Pavlova N.D. (Eds.). Psikhologicheskoe vozdeistvie: Mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodeistviya. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2012. 368 p. (In Russ.).

13. Reshetnikov M.M. (Ed.). Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora: Monografiya [Psychology and psychopathology of terrorism. Humanitarian strategies of antiterror]. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2024. 257 p. (In Russ.).

14. Rusina T.S. Otsenka masshtabov вовлечeniya molodezhi v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatelnost' (na osnove dannyykh sotsial'noi i ugolovno-pravovoi statistiki) [Assessment of the scales of the involvement of youth in extremist and terrorist activities (based on social and criminal-legal statistics)]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2023, no. 4 (62), pp. 87–91. (In Russ.).

15. Sekerazh T.N. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza informatsionnykh materialov: teoriya i praktika: Monografiya [Psychological forensic examination of information material: theory and practice] [Elektronnyi resurs]. Moscow: Federal'noe byudzhethnoe uchrezhdenie Rossiiskii federal'nyi tsentr sudebnoi ekspertizy pri Ministerstve yustitsii Rossiiskoi Federatsii Publ., 2021. 406 p. doi:10.30764/978-5-91133-231-0-2021-13 (In Russ.).

16. Sosnin V.A. Psikhologiya sovremennogo terrorizma: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: FORUM; INFRA-M, 2017. 160 p. (In Russ.).

17. Sosnin V.A. Sovremenniy terrorizm i problema verбовki lyudei v terroristicheskie seti: psikhologicheskie aspekty [Contemporary terrorism and the problem of recruitment to terrorist nets: psy-

chological aspects]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied legal psychology*, 2015, no. 4, pp. 20–28. (In Russ.).

18. Sundiev I.Yu. Evolyutsiya verbovochnykh tekhnologii v tsifrovuyu epokhu [The Evolution of Recruitment Technologies in the Digital Age]. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2018, no. 1 (41), pp. 67–76. (In Russ.).

19. Tarbagaev A.N., Moskalev G.L. Problemy ugolovno-pravovoi reglamentatsii skloneniya, verbovki ili inogo вовлечения v osushchestvlenie terroristicheskoi deyatel'nosti (chast' 1 stat'i 205.1 UK RF) [Issues of criminal law regulation of inducement, recruitment or other involvement in terrorist activities (Part 1 of article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017. Vol. 11, no. 2, pp. 350–360. doi:10.17150/2500-4255.2017.11(2).350-360 (In Russ.).

20. Alava S., Frau-Meigs D., Hassan G. Youth and violent extremist on social media: mapping the research. UNESCO, 2017. 161 p.

21. Aly A., Macdonald S., Jarvis L., Chen T.M. Introduction to the Special Issue: Terrorist Online Propaganda and Radicalization. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2016. Vol 40, no. 1. doi:10.1080/1057610X.2016.1157402

22. Crayne M.P., Hunter S.T., Ligon G.S., Shortland N.D. Recruitment and selection in violent Extremist Organizations: exploring what industrial and organizational psychology might contribute. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 242–254. doi:10.1037/amp0000089 (In Russ.).

23. González I., Moyano M., Lobato R.M., Trujillo H.M. Evidence of Psychological Manipulation in the Process of Violent Radicalization: An Investigation of the 17-A Cell. *Frontiers in Psychiatry*, 2022. Vol. 13. doi:10.3389/fpsy.2022.789051

24. Miller-Idriss C. Extremist recruitment and extremist sentiment normalization // *The Journal of Intelligence, Conflict, and Warfare*. 2022. Vol. 5(3). P. 164–168. doi:10.21810/jicw.v5i3.5190

25. Trip S., Bora C.H., Marian M., Halmajan A., Drugas M.I. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.00437

26. Weisburd D.L., Savona E.U., Hasisi B., Calderoni F. (Eds.). *Understanding Recruitment to Organized Crime and Terrorism*. Springer, 2020. 346 p. doi:10.1007/978-3-030-36639-1

Информация об авторах

Гурина Оксана Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); главный эксперт, Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Ремеева Альфия Фаатовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3041-849X>, e-mail: a-remeeva@yandex.ru

Information about the authors

Oksana D. Gurina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psy-

Гурина О.Д., Ремеева А.Ф.
Психологические механизмы вовлечения молодежи
в экстремистские и террористические организации
(на примере социальных сетей)
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 1–12

Gurina O.D., Remeeva A.F.
Psychological Mechanisms of Youth Involvement
in Extremist and Terrorist Organizations
(Using the Example of Social Networks)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 1–12

chology & Education, Moscow, Russia; Main Expert, Moscow State Budgetary Institution «Moscow Research Center», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Alfiya F. Remeeva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3041-849X>, e-mail: a-remeeva@yandex.ru

Получена 01.07.2024
Принята в печать 08.08.2024

Received 01.07.2024
Accepted 08.08.2024

Отношение россиян к смертной казни: роль личностных и социально-психологических характеристик

Гагарина М.А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Соловова Н.А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1112-0759>, e-mail: solovovana@gmail.com

Неврюев А.Н.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: a.n.nevrujev@mail.ru

Работа направлена на исследование связи личностных черт, политических установок и социальных верований с отношением россиян к смертной казни. Представлены результаты теоретического анализа и эмпирического исследования, полученные на выборке 450 человек (49% мужчин) в возрасте от 18 до 74 ($M = 33,3$; $SD = 13,7$). Использовались сверхкраткая версия вопросника «Большая пятерка» (BFI-2-XS), короткая версия опросника «Темная тетрада», короткая версия методики Дж. Даккита в адаптации Д.С. Григорьева, а также ряд вопросов социально-демографического характера. Полученные результаты показывают, что отношение к смертной казни связано с личностной чертой «Открытость опыту», политическими установками «Авторитарная агрессия» и «Авторитарное подчинение» и социальным верованием «Вера в опасный мир», но не связано с чертами темной тетрады — макиавеллизмом, нарциссизмом, психопатией и садизмом. Медиационный анализ показал, что правый авторитаризм частично опосредует связь между верой в опасный мир и отношением к смертной казни.

Ключевые слова: отношение к смертной казни, авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный мир, пятифакторная модель личности, темная тетрада, поляризация.

Финансирование: М.А. Гагарина и А.Н. Неврюев выполнили исследование за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00422, <https://rscf.ru/project/23-18-00422/>

Для цитаты: Гагарина М.А., Соловова Н.А., Неврюев А.Н. Отношение россиян к смертной казни: роль личностных и социально-психологических характеристик [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 13–25. DOI:10.17759/psylaw.2024140302

Russians' Attitude towards the Death Penalty: The Role of Personal and Socio-Psychological Characteristics

Maria A. Gagarina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Nadezhda A. Solovova

Financial University under the Government of the Russian Federation), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1112-0759>, e-mail: solovovana@gmail.com

Andrey N. Nevryuev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: a.n.nevryuev@mail.ru

The work is aimed at studying the connection between personality traits, political attitudes and social beliefs with the attitude of Russians towards the death penalty. The results of theoretical analysis and empirical research obtained from a sample of 450 people (49% men), aged from 18 to 74 ($M=33.3$; $SD=13.7$) are presented. Methods used: an ultra-short version of the Big Five questionnaire (BFI-2-XS), a short version of the “Dark Tetrad” questionnaire, a short version of the J. Duckitt technique adapted by D.S. Grigorev, as well as a number of questions on socio-demographic data. The results obtained show that the attitude towards the death penalty is associated with the personality trait “Openness”, the political attitudes “Authoritarian aggression” and “Authoritarian submission” and the social belief “Belief in a dangerous world”, but is not associated with the traits of the dark tetrad Machiavellianism, Narcissism, Psychopathy and Sadism. The mediation study showed that right-wing authoritarianism partially mediates the relationship between belief in a dangerous world and attitudes toward the death penalty.

Keywords: attitude towards the death penalty, right-wing authoritarianism, social dominance orientation, belief in a dangerous world, five-factor model of personality, dark tetrad, polarization.

Funding: M.A. Gagarina and A. N. Nevryuev carried out the research at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00422, <https://rscf.ru/project/23-18-00422/>

For citation: Gagarina M.A., Solovova N.A., Nevryuev A.N. Russians' Attitude towards the Death Penalty: The Role of Personal and Socio-Psychological Characteristics. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 13–25. DOI:10.17759/psylaw.2024140302 (In Russ.).

Введение

Смертная казнь относится к одному из тех явлений, о которых у людей могут складываться устойчивые противоположные мнения. При том что смертная казнь, как исключительная мера наказания, установленная за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь (УК РФ, статья 59) [13], в России с 16 апреля 1997 г. не может ни назначаться, ни исполняться [12], отношение к ней продолжает оставаться одной из категорий морального выбора и слу-

жить триггером групповой поляризации общества [9]. Противники смертной казни отмечают, что нет никаких доказательств предполагаемого сдерживающего эффекта и что лишать жизни человека, который нарушает моральные границы путем убийства, само по себе аморально [18]. Сторонники смертной казни в США объясняют свою позицию одной из двух причин: инструментальной перспективой (смертная казнь может снизить преступность и защитить общество) [27], либо желанием возмездия [21]. При этом более поздние исследования, проведенные в Китае, подтвердили наличие обеих причин отношения к смертной казни, но больший вклад первой, по сравнению со второй [22].

Если обратиться к исследованиям отношения к смертной казни в России, то большинство работ поднимают эту проблему в контексте прав граждан, выполняются в рамках юридических наук [6], либо по своей сути являются философскими [2] и социологическими [7]. Вопросы психологического отношения людей в контексте их личностных особенностей в отечественных публикациях в индексируемых научных журналах практически не представлены, в связи с чем наш теоретический обзор и постановка гипотез строились в основном на зарубежных публикациях, что требует уточнения некоторых ограничений. Во-первых, в некоторых странах смертная казнь все еще применяется как высшая мера наказания (например, Китай, Египет, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, США, Вьетнам, Йемен и др.), а жители стран, сохраняющих смертную казнь, в целом более поддерживают смертную казнь, чем жители стран, отменивших смертную казнь [21]. Во-вторых, следует учесть политический строй, религиозность, уровень и характер преступности в стране [28]. В-третьих, сам по себе конструкт «отношение к смертной казни» является сложным и многокомпонентным, включающим такие аспекты, как общая поддержка смертной казни, возмездие и месть, сдерживание, «затраты—выгоды» и возможность условно-досрочного освобождения при пожизненном заключении [25]. Тем не менее, хотя предполагаемые результаты будут иметь ограниченный потенциал для экстраполяции за пределы Российской Федерации, отношение к смертной казни, его психологические факторы требуют изучения на российской выборке. Особую актуальность данное исследование приобретает в связи с публичным высказыванием политиков об отмене моратория на смертную казнь [10].

Целью данной работы является определение вклада индивидуально-личностных и социально-психологических факторов в отношении к смертной казни у россиян. Опираясь на результаты предыдущих исследований, мы выделили следующие группы индивидуально-личностных и социально-психологических факторов, связанных с отношением к смертной казни: социально-демографические характеристики, личностные черты, социальные верования и политические установки.

Социально-демографические факторы и отношение к смертной казни. Была показана связь пола и возраста с поддержкой смертной казни. Мужчины в большей степени поддерживали смертную казнь, чем женщины [23] (о роли личностных черт в этой связке будет сказано ниже); люди среднего и пожилого возраста в большей степени поддерживают суровое наказание, чем молодые люди [24].

Личностные черты и отношение к смертной казни. Более высокая экстраверсия, более высокая добросовестность и более низкая открытость также были значимыми предикторами смертной казни [23]. Гендерный анализ показал, что среди мужчин (но не среди женщин) открытость была значимым предиктором настроений против смертной казни, а в отношении добросовестности — наоборот [26].

Политические установки и отношение к смертной казни. Правая идеология состоит из двух основных социальных установок [19]: авторитаризм правого толка, или правый авторитаризм, и ориентация на социальное доминирование. «Правый авторитаризм — это совокупность представлений, включающая в себя: одобрение традиций и социальных норм, которые кажутся широко распространенными; готовность подчиняться любым представителям власти, которые считаются легитимными; негативное отношение ко всем, кто не соглашается подчиняться этим авторитетам» [5, с. 21]. Предыдущие исследования взаимосвязи между правой идеологией и карательными установками в целом указывают на положительную связь между авторитаризмом и суровым наказанием [14; 16]. Также было показано, что политические консерваторы с большей вероятностью поддержат смертную казнь и авторитарные установки (например, более высокая поддержка существующих властей, против социального протеста и сопротивления, поддержка закона и порядка), что предсказывает поддержку смертной казни [24].

Ориентация на социальное доминирование — это «...позитивное отношение к социальному неравенству, доминированию одних социальных групп над другими» [4, с. 21]. Ориентация на социальное доминирование, так же, как и авторитаризм правого толка, положительно связана с поддержкой суровых наказаний [16].

Таким образом, нами были сформулированы следующие *гипотезы*.

1. У россиян поддержка смертной казни положительно связана с высоким авторитаризмом правого толка, а также с высокой добросовестностью и низкой открытостью опыту.
2. У россиян поддержка смертной казни положительно связана с высокой ориентацией на социальное доминирование и с низкой доброжелательностью.
3. Высокие показатели по составляющим «Темной тетрады» — макиавеллизму, психопатии и садизму положительно связаны с поддержкой смертной казни.

Последняя гипотеза была добавлена с целью проверки предположения о том, что положительное отношение к смертной казни является проявлением темной стороны личности, а именно; жестокости, получения удовольствия от страданий других, неспособности к контролю и стремления к манипулированию.

Модели, описывающие связи между личностными, социально-психологическими характеристиками и отношением к смертной казни. S.S. Kandola и V. Egan указывают на тот факт, что сочетание высокой экстраверсии и добросовестности и низкой открытости лежит в основе правого авторитаризма, что ведет к поддержке смертной казни [23]. A. Colémont, A.V. Hiel, I. Cornelis предложили многоуровневую модель, в которой общие личностные факторы влияют на социальные установки при авторитаризме правого толка и ориентацию на социальное доминирование, которые, в свою очередь, влияют на конкретные установки по отношению к смертной казни. Так, требование сурового наказания во многом было обусловлено правыми взглядами и личностными чертами, но авторитаризм правого толка полностью опосредовал эффект нейротизма, в то время как эффекты открытости опыту и экстраверсии были опосредованы лишь частично [16]. Если обратиться к двухкомпонентной модели социальных верований Дж. Даккита, то связь между личностными чертами и авторитаризмом опосредует вера в опасный мир, а связь между личностными чертами и ориентацией на социальное доминирование — вера в конкурентный мир [5]. Под верой в опасный мир понимается «...убеждение в том, что общество хаотично, непредсказуемо, люди нападают на окружающих, а существующий социальный порядок находится под угрозой разрушения» [5; с. 70], а под верой в конкурентный мир «...убеждение человека в том, что окружающие люди стре-

мятся “обыграть” его, поэтому, чтобы достичь успеха и выиграть соревнование, он должен использовать все преимущества, предоставляемые ситуацией, лгать людям и манипулировать ими» [там же]. Вера в опасный мир предсказывает авторитаризм правого толка, который связан с поддержкой смертной казни. Таким образом, нами была сформулирована еще одна гипотеза — *гипотеза 4*. Правый авторитаризм выступает посредником между верой в опасный мир и отношением к смертной казни.

Процедура и методы исследования

Для оценки *отношения к смертной казни* мы использовали следующий вопрос: «С 16 апреля 1997 года в России больше не может применяться смертная казнь, тем не менее исследования показали, что люди по-разному относятся к смертной казни: есть как ее сторонники, так и противники. Формат опроса не позволяет уточнить все возможные условия, обстоятельства и исключения, поэтому просим Вас только выразить свою принципиальную позицию. В какой степени Вы согласны с утверждением, что смертная казнь необходима?». Вопрос сопровождался 10-пунктной шкалой Лайкерта.

Для оценки *личностных черт* в исследование включены: сверхкраткая версия вопросника «Большая пятерка» (Big Five Inventory-2, BFI-2-XS), далее Б-5-XS [11], включающая шкалы «Экстраверсия», «Доброжелательность», «Добросовестность», «Нейротизм», «Открытость опыту», и короткая версия опросника «Темная тетрада», далее ТТ [8], включающая шкалы «Макиавеллизм», «Нарциссизм», «Психопатия» и «Садизм».

Для оценки политических установок и социальных верований использовалась короткая версия методики Дж. Даккита в адаптации Д.С. Григорьева [3]. Данная методика включает следующие шкалы. 1. «Авторитаризм правого толка», шкала отражает мотивацию и установки на поддержание социальной сплоченности, порядка, стабильности и коллективной безопасности, включает субшкалы «Авторитарное подчинение», «Авторитарная агрессия» и «Конвенционализм». 2. «Ориентация на социальное доминирование», шкала отражает мотивацию и установки на поддержание группового доминирования и превосходства, включает субшкалы «Доминирование» и «Эгалитаризм». 3. «Вера в опасный мир», шкала отражает представления о социальном мире как об опасном и угрожающем. 4. «Вера в конкурентный мир», шкала отражает представления о социальном мире как об конкурентном и ожесточенном.

Поскольку то, что человек становился жертвой преступления, в незначительной степени предсказывало поддержку смертной казни [23], мы включили вопрос: «Становились ли Вы жертвой серьезных (на ваш взгляд) противоправных действий?».

Необходимо также отметить, что результаты исследования, представленные в данной статье, были собраны с 11 по 20 марта 2024 — т. е. за несколько дней до теракта в Крокус Сити Холле 22 марта 2024.

Всего в исследовании приняли участие 450 респондентов (49% мужчин), в возрасте от 18 до 74 ($M = 33,3$; $SD = 13,7$).

Результаты исследования

Достоверных различий в отношении к смертной казни между мужчинами ($M = 6,0$; $SD = 2,30$) и женщинами ($M = 5,9$; $SD = 3,06$) получено не было ($t = 0,65$; $p > 0,05$), как и между людьми, явившимися ($N = 156$; $M = 6,1$; $SD = 3,40$) и не явившимися ($N = 294$; $M = 5,9$; $SD = 3,06$) жертвами преступлений ($t = 0,45$; $p > 0,05$).

Связи отношения к смертной казни с личностными чертами, политическими установками и социальными верованиями

Результаты корреляционного анализа отношения к смертной казни с показателями личностных черт, политических установок и социальных верований в общей выборке показали следующие взаимосвязи между переменными.

«Большая пятерка» личностных черт: только шкала «Открытость новому опыту» образует обратную достоверную взаимосвязь с принятием смертной казни ($r=-0,171$; $p<0,01$).

Черты «Темной тетрады» достоверных взаимосвязей с принятием смертной казни не образуют.

Политические установки: из шкал авторитаризма правого толка субшкала «Авторитарная агрессия» ($r=0,327$ $p<0,001$) и субшкала «Авторитарное подчинение» ($r=0,389$ $p<0,001$) образуют положительные достоверные взаимосвязи с принятием смертной казни. Субшкалы, относящиеся к шкале «Ориентация на социальное доминирование», достоверных взаимосвязей с отношением к смертной казни не образуют.

Из шкал социальных верований «Вера в опасный мир» и «Вера в конкурентный мир» только первая образует положительную достоверную взаимосвязь ($r=0,225$; $p<0,01$) с поддержкой смертной казни.

Полученные результаты могут быть проинтерпретированы следующим образом.

Чем больше человек открыт для всевозможных стимулов, готов познавать новое и более глубоко этот опыт прорабатывать, тем меньше он поддерживает идею смертной казни (и наоборот, поскольку связь не является направленной). Данный результат согласуется с данными других исследователей [например: 20, 26]. Отсутствие корреляций с «Темной тетрадой» указывает на то, что поддержка смертной казни не является простым проявлением жестокости и низкой эмпатии, а, скорее, отражает идеологические убеждения.

Чем выше готовность подчиняться власти и одобрение жестоких наказаний в отношении нарушителей общественного спокойствия, тем выше поддержка смертной казни. Эта закономерность тоже выглядит вполне логичной и согласуется с предыдущими исследованиями [например: 14, 17].

Чем выше вера в опасный мир, интерпретируемая как переживание угрозы существующему социальному порядку, тем выше поддержка смертной казни, как наказания тех, кто нарушает установленный порядок. Эта закономерность тоже выглядит логичной, однако, как уже было сказано выше, корреляционный анализ не позволяет нам говорить о направленности связи, что требует продолжения анализа. Тем не менее на данном этапе исследования можно констатировать: гипотеза 1 (у россиян поддержка смертной казни положительно связана с высоким авторитаризмом правого толка, а также с высокой добросовестностью и низкой открытостью опыту) подтвердилась для открытости опыту и для авторитарной агрессии и авторитарного подчинения при авторитаризме правого толка и не подтвердилась для добросовестности. Гипотеза 2 (у россиян поддержка смертной казни положительно связана с высокой ориентацией на социальное доминирование и с низкой доброжелательностью) не подтвердилась. Гипотеза 3 (высокие показатели по составляющим «Темной тетрады» — макиавеллизму, психопатии и садизму положительно связаны с поддержкой смертной казни) не подтвердилась.

Медиационный анализ

Исходя из результатов, которые были получены в ходе корреляционного анализа, на дальнейшем этапе обработки результатов была использована модель медиации. В различных теоретических работах, которые были опубликованы на данный момент [например: 15], установлено, что правый авторитаризм, с одной стороны, имеет позитивные взаимосвязи с представлением о мире как о месте, которое может содержать в себе потенциальную опасность. С другой стороны, исследования, которые были связаны с правым авторитаризмом, также указывают на то, что они могут быть связаны с агрессивным отношением к людям, которые нарушают существующие законы. Исходя из этих теоретических представлений, для тестирования была предложена модель, в которой независимой переменной являлась вера в опасный мир, а зависимой — отношение к смертной казни. Медиатором выступал правый авторитаризм. Для тестирования предложенной модели был использован пакет Prosess (v 3.5) в программе SPSS. В качестве исходной модели была выбрана «Model 4».

В табл. 1 представлены основные характеристики, которые были получены в ходе тестирования предложенной модели.

Таблица 1

Результаты проверки медиационной модели

Связь	Общий эффект	Прямой эффект	Непрямой эффект	Доверительный интервал	
				Верхняя граница	Нижняя граница
Вера в опасный мир → Правый авторитаризм → Отношение к смертной казни	0,730 ($p < 0,001$)	0,470 ($p < 0,001$)	0,259	0,142	0,391

Коэффициенты и уровни статистической значимости, рассчитанные для них, указаны на рис. 1.

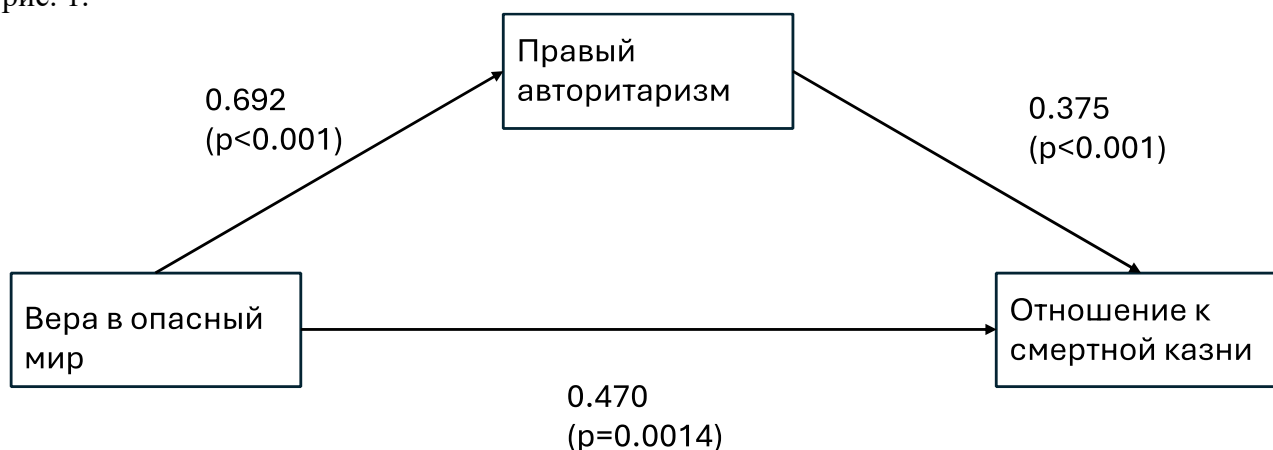

Рис. 1. Результат анализа медиации

Результат анализа медиации позволяет предположить, что правый авторитаризм частично опосредует связь между верой в опасный мир и отношением к смертной казни.

Представленные результаты могут быть интерпретированы следующим образом: люди, у которых высокий уровень веры в опасный мир, выражают позитивное отношение к смертной казни. Результаты, которые были получены в настоящем исследовании, подтверждаются уже

опубликованными данными [например: 20]. Было показано, что вера в опасный мир связана как с авторитарными, так и с консервативными аттитюдами. Связь между правым авторитаризмом и отношением к смертной казни, возможно, будет объясняться следующим образом. Позитивное отношение к смертной казни является возможной реакцией (выраженной в крайней степени) относительно людей, нарушающих порядок, установленный в данном обществе ранее.

Также дополнительно было установлено, что прямой эффект имеет больший коэффициент, чем непрямой эффект. Этот результат может означать, что люди с высоким уровнем веры в опасный мир предпочитают позитивно оценивать смертную казнь, по сравнению с людьми с высоким уровнем веры в опасный мир и правым авторитаризмом. Данные результаты также могут соотноситься с уже полученными [например: 17]. Было установлено, что люди могут по-разному реагировать на представления о мире (в том числе и опасном), если они оценивают события, которые происходили (и такие события отличаются друг от друга). Вероятно, такая оценка в данном исследовании связана с ситуацией, которая происходит во внешней политике страны и затрагивает людей, в ней проживающих.

В целом, представленное исследование демонстрирует, что между политическими установками, социальными верованиями и отношением к смертной казни существует взаимосвязь, которая тем самым дополняет уже существующие представления о субъективной интерпретации последствий нарушения порядка, установленного в обществе. Более подробно установить эту связь и понять ее психологические механизмы предстоит в будущих исследованиях.

Ограничения исследования

Основным ограничением исследования, на наш взгляд, является упрощенное измерение отношения как оценки по биполярной шкале «поддерживаю/не поддерживаю». В то время как использование опросника, позволяющего выделить отдельные компоненты отношения к смертной казни [например: 25], дало бы более дифференцированную картину и позволило понять, является ли поддержка смертной казни стремлением к сдерживанию, возмездию или объясняется экономическими (или другими) причинами.

Литература

1. Абдуллаев А.М. Право человека на жизнь и смертная казнь в актах конституционного правосудия [Электронный ресурс] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 6. С. 136–141. doi:10.37882/2223-2974.2023.06.20
2. Варламова Н.В. Права человека в психологической теории права Л.И. Петражицкого: опыт критической интерпретации [Электронный ресурс] // Антиномии. 2022. Том 22. № 2. С. 73–95. doi:10.17506/26867206_2022_22_2_73
3. Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 30–44. doi:10.11621/npj.2017.0403
4. Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть I. Определение, методы измерения и проблемы изучения [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2020. Том 41. № 5. С. 18–24. doi:10.31857/S020595920011076-9

Гагарина М.А., Соловова Н.А., Неврюев А.Н.
Отношение россиян к смертной казни:
роль личностных и социально-
психологических характеристик
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 13–25

Gagarina M.A., Solovova N.A., Nevryuev A.N.
Russians' Attitude towards the Death Penalty:
The Role of Personal and Socio-
Psychological Characteristics
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 13–25

5. Гулевич О.А., Анিকেенок О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Том 11. № 2. С. 68–89.
6. Давитадзе М.Д., Майстренко Г.А. Смертная казнь: аргументы «за» и «против» [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 102–107. doi:10.24412/2073-0454-2021-1-102-107
7. Дударь А.И., Хусяинов Т.М. Отношение к смертной казни среди современной молодежи (по данным пилотного социологического исследования) // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 6-2. С. 113–118.
8. Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2022. Том 43. № 5. С. 87–98. doi:10.31857/S020595920022787-1
9. Лебедев А.Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 2. С. 159–171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
10. Медведев допустил возврат к смертной казни без изменения Конституции [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2022/6391cedb9a7947a17ec87a55> (дата обращения: 02.04.2024).
11. Мишкевич А.М., Щебетенко С.А., Калугин А.Ю., Сото К., Джон О. Апробация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2022. Том 43. № 1. С. 95–108. doi:10.31857/S020595920017744-4
12. Отмена смертной казни [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/otmena_smertnoj_kazni/ (дата обращения: 02.04.2024).
13. УК РФ Статья 59. Смертная казнь [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/adad84c3db53a9f9b7baf3187fc7ad830785dc4f/ (дата обращения: 02.04.2024).
14. Benjamin A.J., Jr. The relationship between right-wing authoritarianism and attitudes toward violence: Further validation of the Attitudes Toward Violence Scale // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2006. Vol. 34(8). P. 923–926. doi:10.2224/sbp.2006.34.8.923
15. Birdir E., Sayılan G., Cingöz-Ulu B., Adams G. Ideological orientations and generalized prejudice in Turkey: Adapting the dual process motivational model // International Journal of Intercultural Relations. 2022. Vol. 90. P. 21–37. doi:10.1016/j.ijintrel.2022.07.006
16. Colémont A., Hiel A.V., Cornelis I. Five-Factor Model personality dimensions and right-wing attitudes: Psychological bases of punitive attitudes? // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 50(4). P. 486–491. doi:10.1016/j.paid.2010.10.032
17. Clay R. The ideological importance of worldview: An experimental investigation of the moderating effects of dangerous and competitive worldviews on ideological attitudes // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 99. P. 346–351. doi:10.1016/j.paid.2016.05.012
18. Donohue J., Wolfers J.J. The death penalty: No evidence for deterrence // The Economists' Voice. 2006. Vol. 3(5). P. 1553–3832. doi:10.2202/1553-3832.1170
19. Duckitt J., Birum I., Wagner C., Plessis I. du The psychological bases of ideology and prejudice. Testing a Dual Process Model // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83(1). P. 75–93. doi:10.1037//0022-3514.83.1.75
20. Duckitt J., Fisher K. The impact of social threat on worldview and ideological attitudes // Political Psychology. 2003. Vol. 24(1). P. 199–222. doi:10.1111/0162-895x.00322

21. *Durham A.M., Elrod H.P., Kinkade P.T.* Public support for the death penalty: Beyond Gallup // *Justice Quarterly*. 1996. Vol. 13(4). P. 705–736. doi:10.1080/07418829600093161
22. *Jiang S., Lambert E.G., Nathan V.M.* Reasons for death penalty attitudes among Chinese citizens: Retributive or instrumental? // *Journal of Criminal Justice*. 2009. Vol. 37(3). P. 225–233. doi:10.1016/j.jcrimjus.2009.04.002
23. *Kandola S.S., Egan V.* Individual differences underlying attitudes to the death penalty // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 66. P. 48–53. doi:10.1016/j.paid.2014.03.005
24. *McCarthy D., Brunton-Smith I.* Attitudes towards the death penalty: An assessment of individual and country-level differences // *European Journal of Criminology*. 2024. Vol. 21(1). P. 116–139. doi:10.1177/14773708221097670
25. *O'Neil K.M., Patry M.W., Penrod S.D.* Exploring the effects of attitudes toward the death penalty on capital sentencing verdicts // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2004. Vol. 10(4). P. 443–470. doi:10.1037/1076-8971.10.4.443
26. *Robbers M.* Tough-mindedness and fair play: Personality traits as predictors of attitudes toward the death penalty — an exploratory gendered study // *Punishment & Society*. 2006. Vol. 8(2). P. 203–222. doi:10.1177/1462474506062104
27. *Tyler T.R., Weber R.* Support for the death penalty: Instrumental response to crime or symbolic attitude? // *Law and Society Review*. 1982. Vol. 17(1). P. 21–45. doi:10.2307/3053531
28. *Zandian P., Habibi M., Seydi Z., Kleman B., Tayeri N., Fashandi N., Shariat S.V.* How Gender, Majors, Religion and Mental Health Affect the Justified Death Attitude? // *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*. 2017. Vol. 11(4). doi:10.5812/ijpbs.7700

References

1. Abdullaev A.M. Pravo cheloveka na zhizn' i smertnaya kazn' v aktakh konstitutsionnogo pravosudiviya [The human right to life and the death penalty in acts of constitutional justice] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of Economics and Law*, 2023, no. 6, pp. 136–141. doi:10.37882/2223-2974.2023.06.20 (In Russ.).
2. Varlamova N.V. Prava cheloveka v psikhologicheskoi teorii prava L.I. Petrazhitskogo: opyt kriticheskoi interpretatsii [Human Rights in the Leon Petrażycki's Psychological Theory of Law: Reconstruction and Critical Interpretation] [Elektronnyi resurs]. *Antinomii = Antinomies*, 2022. Vol. 22, no. 2, pp. 73–95. doi:10.17506/26867206_2022_22_2_73 (In Russ.).
3. Grigoryev D.S. Razrabotka korotkoi versii shkal iz metodiki Dzh. Dakkita: avtoritarizm pravogo tolka, orientatsiya na sotsial'noe dominirovanie, vera v opasnyi i konkurentnyi mir [Development of a short version of the dual process model scales: right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017, no. 4 (28), pp. 30–44. doi:10.11621/npj.2017.0403 (In Russ.).
4. Gulevich O.A. Psikhologicheskii analiz politicheskikh orientatsii. Chast' I. Opredelenie, metody izmereniya i problemy izucheniya [Psychological analysis of political orientations. part i. definition, methods and problems of study] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2020. Vol. 41, no. 5, pp. 18–24. doi:10.31857/S020595920011076-9 (In Russ.).
5. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial'nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei*

- shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 2, pp. 68–89. (In Russ.).
6. Davitadze M.D., Maistrenko G.A. Smertnaya kazn': argumenty "za" i "protiv" [Capital punishment: arguments for and against] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1, pp. 102–107. doi:10.24412/2073-0454-2021-1-102-107 (In Russ.).
 7. Dudar A.I., Khusyainov T.M. Otnoshenie k smertnoi kazni sredi sovremennoi molodezhi (po dannym pilotnogo sotsiologicheskogo issledovaniya) [Attitude to death among present-day youth of (according to pilot sociological study)]. *Nauka. Mysl': elektronnyi periodicheskii zhurnal = A Science. Thought: Electronic Periodic Magazine*, 2016, no. 6-2, pp. 113–118. (In Russ.).
 8. Kornienko D.S., Vyazovkina V.K., Gornostaev I.S. Adaptatsiya i psikhometricheskaya proverka metodiki "Korotkii oprosnik temnoi tetrady" [Adaptation and Psychometric Properties of the Dark Tetrad Short Questionnaire] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2022. Vol. 43, no. 5, pp. 87–98. doi:10.31857/S020595920022787-1 (In Russ.).
 9. Lebedev A.N. Gruppovaya polyarizatsiya mnenii v usloviyakh neopredelennosti moral'nogo vybora [Group Opinion Polarization in Conditions of Moral Choice Uncertainty] [Elektronnyi resurs]. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2022. Vol. 15, no. 2, pp.159–171. doi:10.17759/exppsy.2022150212 (In Russ.).
 10. Medvedev dopustil vozvrat k smertnoi kazni bez izmeneniya Konstitutsii [Elektronnyi resurs]. *RBK*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2022/6391cedb9a7947a17ec87a55> (Accessed 02.04.2024). (In Russ.).
 11. Mishkevich A.M., Shchebetenko S.A., Kalugin A.Yu., Soto C.J., John O.P. Aprobatsiya kratkoi i sverkhkratkoi versii voprosnika Big Five Inventory-2: BFI-2-S i BFI-2-XS [The Short and Extra-Short Forms of the Russian Version of the Big Five Inventory-2: BFI-2-S AND BFI-2-XS] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2022. Vol. 43, no. 1, pp. 95–108. doi:10.31857/S020595920017744-4 (In Russ.).
 12. Otmena smertnoi kazni [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/otmena_smertnoj_kazni/ (Accessed 02.04.2024). (In Russ.).
 13. UK RF Stat'ya 59. Smertnaya kazn' [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/adad84c3db53a9f9b7baf3187fc7ad830785dc4f/ (Accessed 02.04.2024). (In Russ.).
 14. Benjamin A.J., Jr. The relationship between right-wing authoritarianism and attitudes toward violence: Further validation of the Attitudes Toward Violence Scale. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 2006. Vol. 34, no. 8, pp. 923–926. doi:10.2224/sbp.2006.34.8.923
 15. Birdir E., Sayılan G., Cingöz-Ulu B., Adams G. Ideological orientations and generalized prejudice in Turkey: Adapting the dual process motivational model. *International Journal of Intercultural Relations*, 2022. Vol. 90, pp. 21–37. doi:10.1016/j.ijintrel.2022.07.006
 16. Colémont A., Hiel A.V., Cornelis I. Five-Factor Model personality dimensions and right-wing attitudes: Psychological bases of punitive attitudes? *Personality and Individual Differences*, 2011. Vol. 50, no. 4, pp. 486–491. doi:10.1016/j.paid.2010.10.032
 17. Clay R. The ideological importance of worldview: An experimental investigation of the moderating effects of dangerous and competitive worldviews on ideological attitudes. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 99, pp. 346–351. doi:10.1016/j.paid.2016.05.012
 18. Donohue J., Wolfers J.J. The death penalty: No evidence for deterrence. *The Economists' Voice*, 2006. Vol. 3, no. 5, pp. 1553–3832. doi:10.2202/1553-3832.1170

Гагарина М.А., Соловова Н.А., Неврюев А.Н.
Отношение россиян к смертной казни:
роль личностных и социально-
психологических характеристик
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 13–25

Gagarina M.A., Solovova N.A., Nevryuev A.N.
Russians' Attitude towards the Death Penalty:
The Role of Personal and Socio-
Psychological Characteristics
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 13–25

19. Duckitt J., Birum I., Wagner C., Plessis I. du The psychological bases of ideology and prejudice. Testing a Dual Process Model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83, no. 1, pp. 75–93. doi:10.1037/0022-3514.83.1.75
20. Duckitt J., Fisher K. The impact of social threat on worldview and ideological attitudes. *Political Psychology*, 2003. Vol. 24, no. 1, pp. 199–222. doi:10.1111/0162-895x.00322
21. Durham A.M., Elrod H.P., Kinkade P.T. Public support for the death penalty: Beyond Gallup. *Justice Quarterly*, 1996. Vol. 13, no. 4, pp. 705–736. doi:10.1080/07418829600093161
22. Jiang S., Lambert E.G., Nathan V.M. Reasons for death penalty attitudes among Chinese citizens: Retributive or instrumental? *Journal of Criminal Justice*, 2009. Vol. 37, no. 3, pp. 225–233. doi:10.1016/j.jcrimjus.2009.04.002
23. Kandola S.S., Egan V. Individual differences underlying attitudes to the death penalty. *Personality and Individual Differences*, 2014. Vol. 66, pp. 48–53. doi:10.1016/j.paid.2014.03.005
24. McCarthy D., Brunton-Smith I. Attitudes towards the death penalty: An assessment of individual and country-level differences. *European Journal of Criminology*, 2024. Vol. 21, no. 1, pp. 116–139. doi:10.1177/14773708221097670
25. O'Neil K.M., Patry M.W., Penrod S.D. Exploring the effects of attitudes toward the death penalty on capital sentencing verdicts. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2004. Vol. 10, no. 4, pp. 443–470. doi:10.1037/1076-8971.10.4.443
26. Robbers M. Tough-mindedness and fair play: Personality traits as predictors of attitudes toward the death penalty — an exploratory gendered study. *Punishment & Society*, 2006. Vol. 8, no. 2, pp. 203–222. doi:10.1177/1462474506062104
27. Tyler T.R., Weber R. Support for the death penalty: Instrumental response to crime or symbolic attitude? *Law and Society Review*, 1982. Vol. 17, no. 1, pp. 21–45. doi:10.2307/3053531
28. Zandian P., Habibi M., Seydi Z., Kleman B., Tayeri N., Fashandi N., Shariat S.V. How Gender, Majors, Religion and Mental Health Affect the Justified Death Attitude? *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*, 2017. Vol. 11, no. 4. doi:10.5812/ijpbs.7700

Информация об авторах

Гагарина Мария Анатольевна, доктор психологических наук, доцент, доцент, кафедра психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Соловова Надежда Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1112-0759>, e-mail: solovovana@gmail.com

Неврюев Андрей Николаевич, магистр психологии, старший преподаватель, кафедра психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Information about the authors

Maria A. Gagarina, Doctor of Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Fed-

Гагарина М.А., Соловова Н.А., Неврюев А.Н.
Отношение россиян к смертной казни:
роль личностных и социально-
психологических характеристик
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 13–25

Gagarina M.A., Solovova N.A., Nevryuev A.N.
Russians' Attitude towards the Death Penalty:
The Role of Personal and Socio-
Psychological Characteristics
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 13–25

eration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagari-
na224@gmail.com

Nadezhda A. Solovova, PhD in Psychology, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1112-0759>, e-mail: solovovana@gmail.com

Andrey N. Nevryuev, Master of Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Получена 09.04.2024
Принята в печать 06.06.2024

Received 09.04.2024
Accepted 06.06.2024

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»?

Кружкова О.В.

Уральский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО УрГПУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>, e-mail: galiat1@yandex.ru

Вандализм — широко распространенное явление, наносящее материальный урон и способствующее деградации городской среды, что требует проведения эффективных профилактических мер, в основе которых лежит понимание генезиса и феноменологии вандализма. Одной из базисных теорий, используемых в предотвращении вандализма, выступила теория «разбитых окон». Теория «разбитых окон» предполагает, что распространение вандальных преобразований вызвано первоначальным повреждением городской среды, сигнализирующим о возможности нарушения норм, слабости социального контроля и недостаточном наказании за нарушение норм. Незначительные признаки допустимости девиаций в городской среде (граффити, замусоривание и др.) могут способствовать распространению серьезного делинквентного поведения. В результате теория «разбитых окон» была положена в основу политики «нулевой терпимости». Высказывается обоснованная критика теории, связанная как с ее слабой доказательной базой, так и с отсутствием учета сложных причинно-следственных связей в функционировании социальных норм. В отношении вандализма ограничения теории «разбитых окон» связаны с многообразием форм вандальной активности, каждая из которых регулируется отдельной социальной нормой, отсутствием в ряде случаев у субъекта вандализма стремления к анонимности и избеганию санкционирования, тактическим характером вандализма и его тесной связью с культурными основами сообщества.

Ключевые слова: вандализм, вандальное поведение, теория «разбитых окон», городская среда, социальные нормы, граффити.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

Для цитаты: Кружкова О.В. Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»? [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 26–38. DOI:10.17759/psylaw.2024140303

Vandalism. Why Doesn't the "Broken Windows" Theory Work?

Olga V. Kruzhkova

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>, e-mail: galiat1@yandex.ru

Vandalism is a widespread phenomenon that causes material damage and contributes to the degradation of the urban environment, which requires the introduction of effective preventive measures based on an understanding of the genesis and phenomenology of vandalism. One of the basic theories used in the prevention of vandalism is the "broken windows" theory. The "broken windows" theory suggests that the spread of vandal transformations is caused by initial damage to the urban environment, which signals the potential for norm violations, weak social control, and insufficient sanctioning for such violations. Minor signs of tolerance for deviance in the urban environment (graffiti, littering, etc.) may contribute to the spread of serious delinquent behavior. As a result, the "broken windows" theory has been central to the "zero tolerance" policy. There are valid criticisms of the theory, related to both its weak evidence base and its failure to account for the complex causal relationships in the operation of social norms. Regarding vandalism, the limitations of the "broken windows" theory are related to the diversity of forms of vandal activity, each regulated by separate social norms, the lack of desire for anonymity or avoidance of sanctions in some vandals, the tactical nature of vandalism, and its close connection with the cultural foundations of the community.

Keywords: vandalism, vandal behavior, broken windows theory, urban environment, social norms, graffiti.

Funding: the reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

For citation: Kruzhkova O.V. Vandalism. Why Doesn't the "Broken Windows" Theory Work? *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 26–38. DOI:10.17759/psylaw.2024140303 (In Russ.).

Введение

В современном мире вандализм — достаточно распространенное явление, заключающееся в несанкционированном изменении среды без согласования с ее собственником или управляющим [36], содержащем в себе элементы нарушения норм морали и общепринятой ответственности, подрывающем право собственности и приносящем материальный ущерб от произведенных преобразований [12]. Формы вандализма многообразны и вариативны — от простого замусоривания общественных пространств, несанкционированной заклеивки объявлениями мест, не предназначенных для этого, сожжения, разбития и деформации объектов городской среды [18], в том числе зеленых насаждений [32], до графических преобразований среды в виде граффити, тегирования [10] и пр. Результатом вандализма становится деструкция информационной составляющей среды [8], снижение ее культурной и эстетической ценности [5], в том числе, например, приводящая к эрозии исторической памяти сообщества [7],

повышению уровня субъективного переживания небезопасности персонализированной девиантами среды [2] для людей, находящихся в ней [4; 20; 24], и иные негативные последствия.

В различных странах правовое определение вандализма вариативно [12], например, в Уголовном Кодексе Российской Федерации вандальные действия могут быть квалифицированы в зависимости от их смыслового содержания, масштаба и места совершения по 214-й статье «Вандализм», 213-й статье «Хулиганство», 243-й статье, где отводится отдельное внимание уничтожению или повреждению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также ряду статей КоАП РФ. Тем не менее все правовые нормы указывают на несанкционированные действия вандала с объектами чужой (частной, общественной, муниципальной, государственной и пр.) собственности, приводящие к трансформации ее характеристик (внешнего вида, функционирования и т. д.), но при этом не дающие существенных материальных или финансовых преимуществ субъекту вандализма, а иногда даже оказывающие на него негативное воздействие (вероятность подвергнуться агрессии, снижение качества среды жизнедеятельности и пр.) [11].

Широкое распространение явления вандализма приводит к необходимости его научного объяснения, в том числе для построения системы профилактирования [3] и противодействия его возникновению и распространению сопутствующих негативных эффектов [8; 9]. В этом контексте одной из первых упоминается теория «разбитых окон» как объяснительная основа для понимания причин и последствий несанкционированного преобразования городской среды. Возникшая в начале 80-х годов XX века, данная теория очень быстро получила популярность и была взята на вооружение не только научным сообществом, но и управляющими городским хозяйством структурами, а также органами правопорядка в США и иных странах. Применение данной теории привело к «нулевой терпимости» по отношению к признакам беспорядка или элементам девиантного поведения на улицах городов, усилению полицейского контроля и обострению социальной напряженности [14]. В итоге в последнее время все чаще стала звучать критика в адрес теории «разбитых окон», развенчивающая миф о ее универсальности, очерчивающая условия и ограничения в ее применении.

Целью представленного исследования стало выявление ограничений в применении теории «разбитых окон» в практике объяснения феномена вандализма в городской среде.

Теория «разбитых окон»

Теория «разбитых окон» (broken windows theory) впервые была представлена научному сообществу J.Q. Wilson и G.L. Kelling в статье «Broken windows: Police and neighborhood safety» в 1982 г. Ее авторы основывались на эксперименте P.G. Zimbardo 1969 года с оставленными без присмотра автомобилями, подвергающимися разграблению в зависимости от собственной сохранности и места расположения. Суть теории «разбитых окон» состоит в том, что «...если окно в здании разбито и не отремонтировано, то вскоре будут разбиты и все остальные окна... одно неотремонтированное разбитое окно является сигналом того, что это никого не волнует, и поэтому разбивание большего количества окон ничего не стоит» [35, р. 31]. То есть распространение беспорядка в виде вандализма на улицах города происходит в силу «считываемости» потенциальным вандалом наличия низкого уровня социального контроля за пространством в данной локации, когда преднамеренные (граффити, деформация объектов и пр.) или непреднамеренные (замусоривание, обветшание и пр.) изменения в качестве городской среды начинают разрастаться и распространяться на более широкие области. Теория «разбитых окон» призвана объяснить не только появление и распространение вандализма, она сосредоточена на попустительстве к мелким формам правонарушений или несо-

блюдении норм (в том числе резидуальных, характерных для отдельного локального сообщества) и последствиях этого. Авторы теории высказали мнение, что мелкие формы девиаций, отражающиеся в деструкции пространства города и беспорядке, способствуют совершению преступлений, т. е. стимулируют более серьезное делинквентное поведение.

Влияние состояния городской среды на нарушение норм и преступность, в том числе вандализм, базируется на трех факторах [17], к которым отнесены: наличие или отсутствие регулярного мониторинга состояния среды, нарушений в ее пределах социальных и правовых норм с последующим наказанием (если социальные санкции за нарушение норм менее вероятны, люди с большей вероятностью будут их нарушать) [30]; характеристика социальных сигналов и сигналов преступности (сигналы соответствия социальным нормам будут усиливать относительную важность нормативной, а не гедонистической цели, что, в свою очередь, повысит вероятность того, что люди будут действовать, подчиняясь социальным нормам или достигая просоциальных целей) [17]; влияние социальных норм и примеров следования им (подражание поведению других людей, которые демонстрируют принятые в сообществе социальные нормы) [19].

При этом распространение беспорядка в городской среде рождает среди жителей района страх за свою безопасность, а страх, в свою очередь, снижает уровень социального контроля, который могли бы осуществлять жители, что приводит к еще большей дезорганизации пространства и последующей эскалации переживания страха перед преступностью [31].

Исходя из этого, социально-психологическими механизмами, обеспечивающими действие теории «разбитых окон» в отношении вандализма, являются следующие:

- считывание чужих паттернов поведения и подражание им. Городская среда насыщена следами и образцами поведения членов локального сообщества, которые сообщают наблюдателю о принятых в данном пространстве нормах. Подражание поведению укорененных членов сообщества и следование принятым в данном социуме нормам является основой безопасности, поскольку в ином случае маркирует человека как «чужака» или «не своего». В результате вандальные действия могут совершаться под действием конформного мотива — как демонстрация лояльности сообществу и принятым в нем паттернам поведения;
- ослабление норм, приводящее к расширению границ дозволенного. Если городская среда и опыт жизнедеятельности в ней подсказывают человеку, что за отклонение от норм или прямое их нарушение наступление санкций маловероятно, то это способствует расширению диапазона его поведенческой активности за нормативные пределы, поскольку негативных последствий от этого им не прогнозируется, а риск их наступления минимален [25]. Также высокая вариативность и размытость границ норм приводит к иллюзии отсутствия ограничений и максимальной свободы в индивидуальном проявлении субъекта, когда социальная аномия способствует распространению девиантного поведения [16]. В этом случае вандальная активность может быть обусловлена широким мотивационным спектром, начиная от условно просоциального стремления несанкционированно усовершенствовать эстетику городского пространства и заканчивая эгоистичным стяжательным мотивом. Однако возможна и обратная ситуация, когда правильно и своевременно организованное информирование человека о требованиях и ограничениях по отношению к его поведению в определенной локации приводит к снижению вандальных актов и непреднамеренных повреждений пространства [37];
- считывание сигнала о слабом социальном контроле и невовлеченности сообществ в поддержание порядка, отсутствие сплоченности сообщества. Вандальные повреждения го-

родской среды и их медленное устранение считаются наблюдателем как безразличие сообщества к тому, что происходит со средой, как отказ от права управления ею или права собственности на нее. Среда опознается как «ничейная», т. е. не является «защищенным пространством» [29], следовательно, на использование данного пространства по собственному разумению может претендовать любой человек. Слабый социальный контроль также понижает субъективное ощущение риска санкций за девиантное поведение, поскольку безразличие и бездействие сообщества снимает фиксацию с факта его совершения. Вандальные акты в этой ситуации направлены, например, на маркирование пространства [15], на которое претендует индивидуальный или групповой субъект вандализма, а также являются следствием его несанкционированной эксплуатации.

Таким образом, одним из важных моментов теории «разбитых окон», положенным в основу профилактики правонарушений и вандализма, является страх субъекта перед санкциями за нарушение норм, когда опасения осуждения или иных форм наказания останавливают человека в проявлении ненормативной активности в пространстве города с четко установленными и считываемыми нормами. В то же время, если сообщество демонстрирует толерантность к вандализму, что проявляется в наличии его следов в городской среде, то и отдельный человек (даже не входящий в данное сообщество) ощущает дозволенность и безнаказанность проявления данной формы девиантного поведения.

Критика теории «разбитых окон»

Опыт внедрения теории «разбитых окон» в практику управления городским хозяйством и превенцию преступлений, полученный в 90-х и начале 2000-х годов, выявил несоответствие ожиданий от предпринимаемых мер по обеспечению порядка и реальности распространения нарушения норм, в том числе преступлений. М. Bergquist с коллегами отмечают, что «...текущее состояние теории разбитых окон можно охарактеризовать как неубедительное» [17, р. 2], требующее дополнительного изучения и экспериментального подтверждения. Основная критика теории разбитых окон касается следующих моментов.

Во-первых, авторы теории «разбитых окон» изначально не предоставили систематизированных и статистически достоверных доказательств связи между беспорядками в районах, социальным упадком и преступностью [38]. Часть исследований была построена в логике корреляционного, а не регрессионного или экспериментального дизайна [26; 34]. В результате были упущены или неверно восприняты причинно-следственные связи между повреждениями городской среды и совершаемыми в ней преступлениями, поскольку не учитывались иные социальные и экономические факторы, значимые как для качества среды, так и для поведенческой активности людей, находящихся в ней. Так, например, R.J. Sampson и S.W. Raudenbush обнаружили, что беспорядок умеренно взаимосвязан с хищническими преступлениями, но эта связь может быть обусловлена бедностью жителей района, миграционными процессами и иными социально-экономическими спецификациями городской локации. При учете перечисленных дополнительных факторов взаимосвязь оставалась значимой только в отношении грабежей, т. е. преступлений, основанных на страхе и запугивании [33]. В исследовании R.H. Konkel, D. Ratkowski и S.N. Tapp обнаружено, что беспорядок может влиять на уровень менее серьезных правонарушений (вандализм, мелкие кражи, незаконное проникновение на территорию и пр.), но не определяет уровень убийств, грабежей, поджогов, вооруженных нападений и т. п. [27].

Во-вторых, присутствуют кейсы, когда основанная на теории «разбитых окон» политика «нулевой терпимости» по отношению к графическому вандализму приводила к еще больше-

му распространению граффити в пространстве города, что продемонстрировал пример Белу-Оризонти в Бразилии [21]. Уничтожение граффити местными властями и противодействие райтерам привело к эволюционированию способов нанесения граффити в пользу более быстрых и более красочно-кричащих, а также к эскалации количества наносимых граффити взамен утраченных [22].

В-третьих, теория «разбитых окон» хорошо работает только в отношении распространения нарушений одной и той же нормы, тогда как перекрестный эффект практически отсутствует [17]. Например, мусор на улице будет приводить к тому, что люди будут еще больше мусорить и не убирать за собой, в то время как графический вандализм не будет приводить к замусориванию пространства и, наоборот, мусор на улице не будет способствовать возникновению графических повреждений на объектах городской среды в соответствующей локации. В результате политика «нулевой терпимости» в отношении незначительного нарушения порядка не приведет к искоренению преступности в соответствии с теорией «разбитых окон», поскольку последствия могут быть более разнообразными, обусловленными многочисленными факторами, кроме видимого беспорядка и нарушения норм. То же справедливо и в отношении вандализма — поскольку его проявления многообразны по форме и результатам, то одна форма вандализма не будет приводить к распространению явления в целом.

Вандализм за пределами теории «разбитых окон»

Главным и принципиально существенным ограничением теории «разбитых окон» для понимания вандализма является базирование ее объяснительного основания, с одной стороны, на подражании, а с другой — на страхе санкционирования, когда анонимность субъекта вандализма в ситуации нарушения норм сообщества, или конгруэнтность действий субъекта вандализма паттернам поведения сообщества в ситуации следования нормам являются залогом его безопасности.

Однако вандализм многообразен по формам проявления (замусоривание, граффити, разбиение объектов, несанкционированная реклама, наклейка объявлениями и пр.), каждая из которых регулируется отдельными нормами, а их перекрестное действие незначительно [17], следовательно, механизм подражания действует весьма ограниченно.

Кроме того, вандализм может быть не анонимен даже в условиях явного нарушения норм, когда субъект вандализма совершает действия открыто, фиксируя собственное авторство, рассчитывая на то, что окружающие будут иметь точное представление о том, кем совершен вандальный акт. В итоге любая форма вандализма может быть реализована анонимно или открыто, т. е. заявительно, когда анонимность нежелательна или даже недопустима для субъекта вандализма.

Вандализм — это инструментальная девиация, которая может сопровождать иные формы девиантного или делинквентного поведения или быть их следствием, а может тактически использоваться для достижения личных целей субъекта, в том числе в условиях недоступности иных легитимных инструментов для выражения гражданской или личной позиции. При этом тактическая функция вандализма выполняется вне зависимости от его формы. В ситуации жестких социальных запретов и ограничений свободы индивидуального проявления вандализм становится инструментом выражения протеста: например, применяя граффити, райтеры бросают вызов официальным структурам управления городским хозяйством, заявляя свое право на город [1], в том числе его номинацию [13], делая это дерзко и открыто, на адреналине [23], когда важно, чтобы не поймали, но знали, кто является автором, кто претендует на городское пространство.

Фиксация авторства и пренебрежение анонимностью при совершении вандализма возможны и в случае индивидуальной «погони за славой», когда вандальные акты — это заявление о себе, «празднование себя» [28], попытка зафиксировать свое присутствие в городском и социальном пространстве, обозначить, что «я есть». В частности, авторы тегов, бомбинга, граффити через свои творения наполняют городское пространство своими именами (никнеймами), демонстрируя собственную искусность, смелость, позицию, чтобы их заметили, узнали, оценили [21]. Безусловно, известность и оценку авторы граффити ждут, как правило, не от всех окружающих жителей города, а сосредоточены на своей субкультурной группе, являющейся референтной для них [6]. В исключительных случаях вандальный акт может совершаться для получения «геростратовой славы» среди широких масс людей с надеждой запомниться надолго, выйти за пределы собственного бытия, оставив память о себе через вопиющий акт вандализма. В этом случае анонимность вандального акта также нежелательна и недопустима для субъекта вандализма.

Стоит также учитывать, что графический вандализм, в частности граффити, является не столько признаком физического разложения и деградации городского пространства, сколько показателем культурной и социальной активности отдельных групп [21]. Например, в российских мегаполисах характерно широкое распространение графического вандализма в окрестностях креативных кластеров или штаб-квартир городских креативных проектов («Дизайн-завод “Флаконт”» в Москве, «Севкабель Порт» в Санкт-Петербурге, «Кластер Л52» в Екатеринбурге и др.). Однако распространение вандальной активности здесь происходит отнюдь не из-за считываемого слабого социального контроля или допустимого нарушения норм без последующего санкционирования, что предполагает теория «разбитых окон». Механизм распространения вандальных преобразований среды вызван сосредоточением в этих локациях и вокруг них большого числа уличных художников и их последователей, когда отдельные творческие идеи и заявления они реализуют не только в санкционированном пространстве, но и выходят за его пределы, расширяя их, экспансируя субкультурную эстетику и мировоззрение на близлежащие городские пространства, используя их как холст.

Выводы

Предлагаемое исследование направлено на обсуждение ограничений теории «разбитых окон» в объяснении возникновения и распространения вандальных повреждений городской среды. Несмотря на широкую популярность данной теории в объяснении беспорядков и преступности в пространстве города, а также превенции их посредством политики «нулевой терпимости», исследования последних двух десятилетий заставляют сомневаться в ведущей роли соблюдения или нарушения видимых значимых норм в условиях различного уровня социального контроля и вовлеченности сообщества в реализацию девиантного поведения, в том числе вандализма. Данные сомнения базируются как на слабой доказательной базе самой теории «разбитых окон», так и на понимании сложной природы вандального поведения. Вандализм имеет множество форм проявления, но каждая из них чаще всего выступает инструментом для достижения иных, чем просто изменение/повреждение элементов городской среды, целей. Тактический характер вандализма зачастую не подразумевает страха наказания, не предполагает стремления к анонимности или подражания в нарушении норм. Следовательно, применение основывающейся на теории «разбитых окон» политики «нулевой терпимости» в профилактике вандализма не ведет к его полному искоренению, а в некоторых случаях провоцирует рост вандальной активности в городской среде.

Таким образом, перспективы дальнейшего исследования вандализма базируются на разработке более универсальной для многообразных видов вандализма теоретической основы, но более специфичной в отношении широкого спектра девиаций, фокусирующейся именно на вопросах вандального поведения. Данная основа может стать фундаментом эффективных профилактических мероприятий в городской среде для предотвращения деградации и несанкционированного изменения городских пространств.

Литература

1. Аль-Амери Д.Х., Исмаиля Х.Б. Граффити, революция и городская среда [Электронный ресурс] // Проект Байкал. 2024. № 1 (79). С. 74–80. doi:10.51461/issn.2309-3072/77.2289
2. Бабаева В.А. «Теория разбитых окон»: понятие и история применения на практике Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] // Вопросы истории. 2022. № 2-1. С. 172–176. doi:10.31166/VoprosyIstorii202202Statyi19
3. Ганижева Х.М. Проектирование образовательной системы взаимодействия с молодежными девиациями в рамках «теории разбитых окон» // Вопросы педагогики. 2022. № 5-2. С. 46–50.
4. Злоказов К.В., Караяни Ю.М., Караяни А.Г., Шахматов А.В. Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77–93. doi:10.17759/psylaw.2021110306
5. Ильин А.М., Бирюкова Е.Е. Вандализм и архитектура: приемы борьбы на примере благоустройства общественных пространств // Мир современной науки. 2018. № 6 (52). С. 32–36.
6. Кобыща В.В. Конфликты вокруг культурных объектов: подходы к исследованию и их проблематизация (на примере граффити) [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 170–184. doi:10.14515/monitoring.2015.6.11
7. Коробицына Л.В., Кружкова О.В. Историко-культурный вандализм как механизм трансформации исторической памяти [Электронный ресурс] // Диалог со временем. 2023. № 85. С. 315–325. doi:10.21267/aquilo.2023.85.85.016
8. Кружкова О.В., Бабилова М.Р., Робин С.Д. Вандально нанесенные тексты: потенциал «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Научный диалог. 2024. Том 13. № 2. С. 96–117. doi:10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117
9. Кружкова О.В., Бабилова М.Р., Робин С.Д. Особенности восприятия учащимися городских граффити с выраженным воспитательным потенциалом [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2024. Том 26. № 6. С. 68–94. doi:10.17853/1994-5639-2024-6-68-94
10. Литвин Е.А. Граффити в итальянских городах как лингводидактический материал [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2017. Том 4. № 3. С. 87–107. doi:10.17759/langt.2017040310
11. Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В., Ростокинский А.В., Калиновская В.С. Исследование особенностей молодежного вандализма и выработка инструментария его профилактики [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234. doi:10.17759/psylaw.2020100315
12. Павлов В.Г. Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 95–100.
13. Радина Н.К., Крупная Д.А. Реализуя право на город: интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбанонимов нестоличных мегаполисов)

- [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 172–195. doi:10.14515/monitoring.2022.5.2098
14. Сергеевнин В.А. Роль теории разбитых окон в декриминализации городской среды обитания // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2014. № 2 (2). С. 112–118.
 15. Смолова Л.В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. СПб: Речь, 2008. 384 с.
 16. Усова О.В., Усов В.В., Костина Н.Б., Дуран Т.В. Девиантное поведение подростков как проявление индивидуальной аномии: социальный и гендерный аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2021. Том 23. № 5. С. 164–192. doi:10.17853/1994-5639-2021-5-164-192
 17. Bergquist M., Helferich M., Thiel M., Hellquist S., Skipor S., Ubianuju W., Ejelövl E. Are broken windows spreading? Evaluating the robustness and strengths of the cross-norm effect using replications and a meta-analysis // Journal of Environmental Psychology. 2023. Vol. 88(6). doi:10.1016/j.jenvp.2023.102027
 18. Björkvall A., Archer A. Semiotics of destruction: Traces on the environment // Visual Communication. 2021. Vol. 21(2). doi:10.1177/1470357220957375
 19. Cialdini R.B., Goldstein N.J. Social influence: Compliance and conformity // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55(1). P. 591–621. doi:10.1146/annurev.psych.55.090902.142015
 20. Crosby F., Hermens F. Does it look safe? An eye tracking study into the visual aspects of fear of crime // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2019. Vol. 72(3). P. 599–615. doi:10.1177/1747021818769203
 21. Alves Diniz A.M., Mark C.S. Graffiti and crime in Belo Horizonte, Brazil: The broken promises of broken windows theory // Applied Geography. 2021. Vol. 131(2). doi:10.1016/j.apgeog.2021.102459
 22. Alves Diniz A.M., Ferreira R.G.B., Alcântara S.A. Pichação, paisagem e território no Hipercentro de Belo Horizonte // Cadernos de Arquitetura e Urbanismo. 2015. Vol. 22(30). P. 85–103.
 23. Ferrell J. Urban Graffiti: Crime, Control, and Resistance // Youth and Society. 1995. Vol. 27(1). P. 73–92.
 24. Gargiulo I., Garcia X., Benages-Albert M., Martinez J., Pfeffer K., Vall-Casas P. Women's safety perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS // Landscape and Urban Planning. 2022. Vol. 198(4). doi:10.1016/j.landurbplan.2020.103779
 25. Keizer K., Lindenberg A., Steg L. Doing field studies. What is it all about? // Group Processes & Intergroup Relations. 2014. Vol. 17(3). P. 404–410. doi:10.1177/1368430213510750
 26. Keizer K., Lindenberg A., Steg L. The Spreading of Disorder // Science. 2008. Vol. 322. P. 1681–1685. doi:10.1126/science.1161405
 27. Konkel R.H., Ratkowski D., Tapp S.N. The Effects of Physical, Social, and Housing Disorder on Neighborhood Crime: A Contemporary Test of Broken Windows Theory // ISPRS International Journal of Geo-Information. 2019. Vol. 8. doi:10.3390/ijgi8120583
 28. Macdonald N. The graffiti subculture: Youth, masculinity and identity in London and New York. New York: Springer, 2001. 256 p.
 29. Newman O. Defensible Space: Crime Prevention through Urban Design. New York: Macmillan, 1972. 264 p.

30. O'Brien D.T., Farrell C., Welsh B.C. Broken (windows) theory: A meta-analysis of the evidence for the pathways from neighborhood disorder to resident health outcomes and behaviors // *Social Science & Medicine*. 2019. Vol. 228. P. 272–292. doi:10.1016/j.socscimed.2018.11.015
31. Ranasinghe P. Jane Jacobs' framing of public disorder and its relation to the 'broken windows' theory // *Theoretical Criminology*. 2012. Vol. 16(1). P. 63–84. doi:10.1177/1362480611406947
32. Richardson E., Shackleton C.M. The extent and perceptions of vandalism as a cause of street tree damage in small towns in the Eastern Cape, South Africa // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2014. Vol. 13(3). P. 425–432. doi:10.1016/j.ufug.2014.04.003
33. Sampson R.J., Raudenbush S.W. Systematic social observation of public spaces: A new look at disorder in urban neighborhoods // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105(3). P. 603–651. doi:10.1086/210356
34. Willis C. Graffiti in contemporary Rome: Why reductive solutions will fail and why that's a good thing // *Journal of Art Crime*. 2013. Vol. 9. P. 31–44.
35. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken windows: Police and neighborhood safety // *Atlantic Monthly*. 1982. Vol. 249(3). P. 29–38.
36. Wise J. A gentle deterrent to vandalism // *Psychology Today*. 1982. Vol. 16(9). P. 28–31.
37. Yang T.-H. The effectiveness of information signs in deterring visitor vandalism // *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2024. Vol. 45(4). doi:10.1016/j.jort.2023.100731
38. Young A. *Street art, public city: Law, crime and the urban imagination*. London: Routledge, 2013. 192 p.

References

1. AlAmeri J.H., Ismaila H.B. Graffiti, revolyutsiya i gorodskaya sreda [Graffiti, revolution and urban environmen] [Elektronnyi resurs]. *Proekt Baikal = Project Baikal*, 2024, no. 1 (79), pp. 74–80. doi:10.51461/issn.2309-3072/77.2289 (In Russ.).
2. Babaeva V.A. "Teoriya razbitykh okon": ponyatie i istoriya primeneniya na praktike Soedinyenykh Shtatov Ameriki [Broken Windows Theory: Concept and History of Practical Application in the United States of America] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, 2022, no. 2-1, pp. 172–176. doi:10.31166/VoprosyIstorii202202Statyi19
3. Ganizheva Kh.M. Proektirovanie obrazovatel'noi sistemy vzaimodeistviya s molodezhnymi devyatsiyami v ramkakh "teorii razbitykh okon". *Voprosy pedagogiki = Voprosy Pedagogiki*, 2022, no. 5-2, pp. 46–50. (In Russ.).
4. Zlokazov K.V., Karayani Yu.M., Karayani A.G., Shakhmatov A.V. Gorodskoi vandalizm v vospriyatii molodezhi: empiricheskoe issledovanie atributsii ego prichin [Urban Vandalism in the Eyes of Youth: an Empirical Study of Its Causes Attribution] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77–93. doi:10.17759/psylaw.2021110306 (In Russ.).
5. Il'in A.M., Biryukova E.E. Vandalizm i arkhitektura: priemy bor'by na primere blagoustroistva obshchestvennykh prostranstv. *Mir sovremennoi nauki = Mir Sovremennoi Nauki*, 2018, no. 6 (52), pp. 32–36. (In Russ.).
6. Kobyshecha V.V. Konflikty vokrug kul'turnykh ob"ektov: podkhody k issledovaniyu i ikh problematizatsiya (na primere graffiti) [The conflict over cultural objects: approaches to research and problematization, on example of graffiti] [Elektronnyi resurs]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2015, no. 6, pp. 170–184. doi:10.14515/monitoring.2015.6.11 (In Russ.).

7. Korobitsyna L.V., Kruzhkova O.V. Istoriko-kul'turnyi vandalizm kak mekhanizm transformatsii istoricheskoi pamyati [Historical and Cultural Vandalism as a Mechanism of Historical Memory Transformation] [Elektronnyi resurs]. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*, 2023, no. 85, pp. 315–325. doi:10.21267/aquilo.2023.85.85.016 (In Russ.).
8. Kruzhkova O.V., Babikova M.R., Robin S.D. Vandal'no nanesennye teksty: potentsial "myagkoi sily" [Vandalized Texts: Soft Power Potential] [Elektronnyi resurs]. *Nauchnyi dialog = Nauchnyi Dialog*, 2024. Vol. 13, no. 2, pp. 96–117. doi:10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117 (In Russ.).
9. Kruzhkova O.V., Babikova M.R., Robin S.D. Osobennosti vospriyatiya uchashchimisya gorodskikh graffiti s vyrazhennym vospitatel'nym potentsialom [Features of students' perceptions of urban graffiti with significant educational potential] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2024. Vol. 26, no. 6, pp. 68–94. doi:10.17853/1994-5639-2024-6-68-94 (In Russ.).
10. Litvin E.A. Graffiti v ital'yanskikh gorodakh kak lingvodidakticheskii material [Graffiti in Italian cities as a linguistic material] [Elektronnyi resurs]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2017. Vol. 4, no. 3, pp. 87–107. doi:10.17759/langt.2017040310 (In Russ.).
11. Nikolaeva Yu.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A.V., Rostokinskiy A.V., Kalinovskaya V.S. Issledovanie osobennostei molodezhnogo vandalizma i vyrabotka instrumentariya ego profilaktiki [Research of Features of Youth Vandalism And Development of Its Prevention Tools] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234. doi:10.17759/psylaw.2020100315 (In Russ.).
12. Pavlov V.G. Voprosy otvetstvennosti za vandalizm v zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve [Questions of responsibility for vandalism in the foreign criminal legislation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 2014, no. 4 (25), pp. 95–100. (In Russ.).
13. Radina N.K., Krupnaya D.A. Realizuya pravo na gorod: interpretatsii i nominatsiya gorodskikh ob"ektov gorozhanami (na materiale ergourbanonimov nestolichnykh megapolisov) [Realizing the Right to the City: Interpretations and Nomination of Urban Objects by Citizens (Based on Ergourbanonyms of Non-Metropolitan Cities)] [Elektronnyi resurs]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 5, pp. 172–195. doi:10.14515/monitoring.2022.5.2098 (In Russ.).
14. Sergevnin V.A. Rol' teorii razbitykh okon v dekriminalizatsii gorodskoi srede obitaniya [The Role of the Theory of Broken Windows in the Decriminalization of the Urban Environment]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penitentsiarnoe Pravo: Yuridicheskaya Teoriya i Pravoprimeritel'naya Praktika*, 2014, no. 2 (2), pp. 112–118. (In Russ.).
15. Smolova L.V. Vvedenie v psikhologiyu vzaimodeistviya s okruzhayushchei sredoi. Saint Petersburg: Rech', 2008. 384 p. (In Russ.).
16. Usova O.V., Usov V.V., Kostina N.B., Duran T.V. Deviantnoe povedenie podrostkov kak proyavlenie individual'noi anomii: sotsial'nyi i gendernyi aspekty problem [Deviant behaviour of adolescents as a manifestation of individual anomie: Social and gender aspects of the problem] [Elektronnyi resurs] // *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2021. Vol. 23, no. 5, pp. 164–192. doi:10.17853/1994-5639-2021-5-164-192 (In Russ.).
17. Bergquist M., Helferich M., Thiel M., Hellquist S., Skipor S., Ubianuju W., Ejelövl E. Are broken windows spreading? Evaluating the robustness and strengths of the cross-norm effect using rep-

- lications and a meta-analysis. *Journal of Environmental Psychology*, 2023. Vol. 88, no. 6. doi:10.1016/j.jenvp.2023.102027
18. Björkqvall A., Archer A. Semiotics of destruction: Traces on the environment. *Visual Communication*, 2021. Vol. 21, no. 2. doi:10.1177/1470357220957375
19. Cialdini R.B., Goldstein N.J. Social influence: Compliance and conformity. *Annual Review of Psychology*, 2004. Vol. 55, no. 1, pp. 591–621. doi:10.1146/annurev.psych.55.090902.142015
20. Crosby F., Hermens F. Does it look safe? An eye tracking study into the visual aspects of fear of crime. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2019. Vol. 72, no. 3, pp. 599–615. doi:10.1177/1747021818769203
21. Alves Diniz A.M., Mark C.S. Graffiti and crime in Belo Horizonte, Brazil: The broken promises of broken windows theory. *Applied Geography*, 2021. Vol. 131, no. 2. doi:10.1016/j.apgeog.2021.102459
22. Alves Diniz A.M., Ferreira R.G.B., Alcântara S.A. Pichação, paisagem e território no Hipercentro de Belo Horizonte. *Cadernos de Arquitetura e Urbanismo*, 2015. Vol. 22, no. 30, pp. 85–103.
23. Ferrell J. Urban Graffiti: Crime, Control, and Resistance. *Youth and Society*, 1995. Vol. 27, no. 1, pp. 73–92.
24. Gargiulo I., Garcia X., Benages-Albert M., Martinez J., Pfeffer K., Vall-Casas P. Women's safety perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS. *Landscape and Urban Planning*, 2022. Vol. 198, no. 4. doi:10.1016/j.landurbplan.2020.103779
25. Keizer K., Lindenberg A., Steg L. Doing field studies. What is it all about? *Group Processes & Intergroup Relations*, 2014. Vol. 17, no. 3, pp. 404–410. doi:10.1177/1368430213510750
26. Keizer K., Lindenberg A., Steg L. The Spreading of Disorder. *Science*, 2008. Vol. 322, pp. 1681–1685. doi:10.1126/science.1161405
27. Konkel R.H., Ratkowski D., Tapp S.N. The Effects of Physical, Social, and Housing Disorder on Neighborhood Crime: A Contemporary Test of Broken Windows Theory. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 2019. Vol. 8. doi:10.3390/ijgi8120583
28. Macdonald N. The graffiti subculture: Youth, masculinity and identity in London and New York. New York: Springer, 2001. 256 p.
29. Newman O. Defensible Space: Crime Prevention through Urban Design. New York: Macmillan, 1972. 264 p.
30. O'Brien D.T., Farrell C., Welsh B.C. Broken (windows) theory: A meta-analysis of the evidence for the pathways from neighborhood disorder to resident health outcomes and behaviors. *Social Science & Medicine*, 2019. Vol. 228, pp. 272–292. doi:10.1016/j.socscimed.2018.11.015
31. Ranasinghe P. Jane Jacobs' framing of public disorder and its relation to the 'broken windows' theory. *Theoretical Criminology*, 2012. Vol. 16, no. 1, pp. 63–84. doi:10.1177/1362480611406947
32. Richardson E., Shackleton C.M. The extent and perceptions of vandalism as a cause of street tree damage in small towns in the Eastern Cape, South Africa. *Urban Forestry & Urban Greening*, 2014. Vol. 13, no. 3, pp. 425–432. doi:10.1016/j.ufug.2014.04.003
33. Sampson R.J., Raudenbush S.W. Systematic social observation of public spaces: A new look at disorder in urban neighborhoods. *American Journal of Sociology*, 1999. Vol. 105, no. 3, pp. 603–651. doi:10.1086/210356
34. Willis C. Graffiti in contemporary Rome: Why reductive solutions will fail and why that's a good thing. *Journal of Art Crime*, 2013. Vol. 9, pp. 31–44.

Кружкова О.В.
Вандализм. Почему не работает
теория «разбитых окон»?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 26–38

Kruzhkova O.V.
Vandalism. Why Doesn't
the "Broken Windows" Theory Work?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 26–38

35. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken windows: Police and neighborhood safety. *Atlantic Monthly*, 1982. Vol. 249, no. 3, pp. 29–38.
36. Wise J. A gentle deterrent to vandalism. *Psychology Today*, 1982. Vol. 16, no. 9, pp. 28–31.
37. Yang T.-H. The effectiveness of information signs in deterring visitor vandalism. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, 2024. Vol. 45, no. 4. doi:10.1016/j.jort.2023.100731
38. Young A. Street art, public city: Law, crime and the urban imagination. London: Routledge, 2013. 192 p.

Информация об авторах

Кружкова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, лаборатория перспективных социосредовых исследований, Уральский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО УрГПУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>, e-mail: galiat1@yandex.ru

Information about the authors

Olga V. Kruzhkova, PhD in Psychology, Docent, Head, Laboratory of Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>, e-mail: galiat1@yandex.ru

Получена 17.04.2024
Принята в печать 17.07.2024

Received 17.04.2024
Accepted 17.07.2024

Судебно-психологическая экспертная оценка конфликта лояльностей ребенка при судебных спорах между родителями о его воспитании

Савина О.Ф.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psyhol1@yandex.ru

Сафуанов Ф.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

С целью уточнения содержания и экспертного значения «конфликта лояльности» ребенка как одного из ключевых понятий при судебно-психологическом экспертном исследовании семейных взаимоотношений феномен лояльности ребенка рассмотрен в рамках деятельностного подхода. Проанализированы качественные и динамические характеристики трансформации общесемейной лояльности на разных этапах конфликта, развода родителей и судебного спора о воспитании ребенка. Выделены следующие виды и этапы формирования негативного отношения к одному из родителей: разграничение лояльностей, неустойчивость лояльностей, параллельные лояльности, доминирующая лояльность, безальтернативная лояльность, индуцированная лояльность. Обобщены и систематизированы проявления конфликта лояльностей, раскрыты его адаптационный потенциал и деструктивное влияние на психологическое состояние и психическое развитие ребенка. Предложена методология использования исследуемого феномена при производстве судебной экспертизы при спорах родителей о месте жительства ребенка или порядке встреч отдельно проживающего родителя с ребенком.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, лояльность, конфликт лояльности, интересы ребенка, детско-родительские отношения, определение места жительства, судебные споры о воспитании ребенка.

Для цитаты: Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертная оценка конфликта лояльностей ребенка при судебных спорах между родителями о его воспитании [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 39–49. DOI:10.17759/psylaw.2024140304

Forensic Psychological Expert Assessment Conflict of Loyalties of the Child in Court Disputes between Parents about his Upbringing

Olga F. Savina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: orcid.org/0000-0002-7548-5239, e-mail: psychol1@yandex.ru

Farit S. Safuanov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

In order to clarify the content and expert value of the child's "loyalty conflict" as one of the key concepts in the forensic psychological expert study of family relationships, the phenomenon of child loyalty is considered within the framework of an activity approach. The qualitative and dynamic characteristics of the transformation of family loyalty at different stages of conflict, parental divorce and legal dispute over the upbringing of a child are analyzed. The following types and stages of the formation of a negative attitude towards one of the parents are highlighted: differentiation of loyalties, instability of loyalties, parallel loyalties, dominant loyalty, no alternative loyalty, induced loyalty. The manifestations of the conflict of loyalties are generalized and systematized, its adaptive potential and destructive influence on the psychological state and mental development of the child are revealed. The methodology of using the phenomenon under study in the production of forensic examination in disputes between parents about the child's place of residence or the order of meetings of a separate parent with a child is proposed.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychological examination, loyalty, conflict of loyalty, interests of the child, child-parent relations, determination of place of residence, litigation about the upbringing of a child.

For citation: Savina O.F., Safuanov F.S. The Connection Between Emotional Intelligence, the Level of Loneliness and Characteristics of Attitudes towards Parents in Adolescence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 39–49. DOI:10.17759/psylaw.2024140304 (In Russ.).

Введение

Одним из аспектов проблемы интересов ребенка является защита его безопасности. С психологической точки зрения интересы ребенка выражаются в гармоничном психическом развитии. Согласно культурно-исторической теории Л.С. Выготского, основным источником развития психики и личности ребенка является социальная среда, в которой ведущую роль играют взаимодействие и общение с родителями, формирующими социальную ситуацию развития [4; 12]. Социальная ситуация развития ребенка радикально меняется в условиях

развода родителей, неизбежно сопровождающегося конфликтными отношениями между ними. При заботе об интересах ребенка со стороны обоих родителей влияние измененной социальной ситуации нивелируется за счет их совместного участия в воспитании ребенка, когда они заключают мировое соглашение о месте жительства ребенка и порядке встреч с ним отдельно проживающего родителя. Однако 8—10% высоко конфликтных семей решают вопросы о воспитании ребенка, обращаясь в суд [8].

Судебная защита интересов ребенка в последние годы все чаще осуществляется с помощью судебно-психологической (СПЭ) или психолого-психиатрической (КСППЭ) экспертизы семейных взаимоотношений, в соответствии с рекомендациями Верховного суда Российской Федерации [5]. Одной из основных задач таких судебных экспертиз является диагностика возможного негативного влияния каждого из родителей на психическое состояние и психическое развитие ребенка [8].

Среди факторов, определяющих нарушения нормального психического развития ребенка, рассматривают формирование негативного или конфликтного отношения к одному из родителей. Отмечается, что «...привязанность к родителям и наличие позитивных детско-родительских взаимоотношений есть необходимое условие нормального психического и психологического развития ребенка» [8, с. 105].

По данным наших исследований, негативное отношение ребенка, в подавляющем числе случаев — к отдельно проживающему родителю, может возникать вследствие неправильного поведения родителя (злоупотребление алкоголем, пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, эксплуатация и т. п.), конфликта лояльности, индуцирования со стороны другого родителя [7]. Наименее проработанным в содержательном плане является «конфликт лояльности» как судебно-психологическое экспертное понятие. Между тем вследствие конфликта лояльности у ребенка формируется негативный образ отдельно проживающего родителя примерно в 10—15% случаев.

Цель статьи — уточнение содержания и экспертного значения одного из ключевых понятий при судебно-психологическом экспертном исследовании семейных взаимоотношений — «конфликта лояльности» ребенка.

Конфликт лояльности или конфликт лояльностей?

Лояльность в контексте деятельностного подхода. Конфликт лояльности — это интрапсихический конфликт, когда ребенок вынужден скрывать свое отношение к одному из родителей, информацию о нем и свои контакты с ним. Слово «лояльность» в англоязычной психологии имеет потенциально оценочный характер (преданность, верность) и отражает связь (в большой степени эмоциональную) человека с другими людьми при конфликте интересов или противостоянии между малыми группами. Данный термин в соответствии с работами зарубежных авторов [9; 10; 13; 14; 15; 16; 18] при анализе детско-родительских отношений стал употребляться в контексте «конфликта лояльности» в отрыве от представлений психологии лояльности. Понятие конфликта лояльности оказалось продуктивным для диагностики психологических механизмов детско-родительских взаимоотношений [6], однако, как экспертное понятие, оно трактуется по-разному: от естественной реакции ребенка на общение с конкурирующими и ссорящимися родителями до коррелята невротической симптоматики [1; 11].

В социальной психологии лояльность рассматривается как ценность, состояние и адаптационный механизм [2; 17]. Она базируется на общности между людьми, является фактором

развития личности, проявлением социального конформизма, что дает возможность в ходе социального научения, сопровождающегося циклическим процессом идентификации—обособления, определить свою индивидуальность. Лояльность помогает субъекту интериоризировать нормы, ценности, ролевые предписания и ожидания референтной группы.

Понятие лояльности в отечественной психологии не получило концептуального развития, но успешно использовалось в прикладных исследованиях, будучи особо востребовано в сфере бизнеса. Существенный вклад в развитие общих представлений о лояльности в отечественной психологии вносят работы С.В. Горностаева [2; 3], который рассматривает лояльность в широком контексте философских, психологических концепций, исторических фактов. Автор предлагает ее интегративное понимание: причастность личности к группе на взаимосвязанных уровнях самоопределения, групповых эмоций, мотивации, направленности и процессов групповой активности. Положения автора приобретают особый интерес для судебной психологии благодаря использованию им объяснительного потенциала деятельностного подхода. У человека, включенного в различные деятельности и в разные группы, существует множество соответствующих лояльностей, среди которых может возникнуть доминирующая, соподчиняющая себе другие.

В контексте теории деятельности интрапсихический конфликт приобретает иной смысл — он становится не конфликтом лояльности, т. е. противоречивым, амбивалентным отношением к значимому объекту, а *конфликтом лояльностей*. Такое понимание лояльности продуктивно при анализе детско-родительских отношений. Родительская семья — первая социальная группа, в отношении которой у ребенка формируется лояльность как некое позитивное новообразование — он ориентируется на традиции, нормы и правила семьи, чувствует свою принадлежность к ней, ее защиту, проявляет послушание. Семейные установки и уровень сплоченности родителей задают содержательные характеристики и смысл лояльности конкретной семьи. При разделенном типе взаимоотношений мужа и жены требования к общности будут минимальны, при запутанном — избыточно высоки. При связанном типе на фоне эмоциональной близости семейная лояльность наиболее адекватно встраивается в социальное функционирование супругов. Ребенок, как новый член группы, включается в общую деятельность, усваивает уклад семьи, систему отношений в ней, в том числе принятые в ней личные границы и пространство, меру свободы и зависимости, распределение ответственности и власти. На протяжении достаточно длительного времени лояльность семье является ведущей, обычно ей соподчиняются другие групповые лояльности (друзья, детский сад, школа, кружки и др.).

Первоначально лояльность формируется у детей при их зависимости и потребности в защите старших, носит интуитивный характер, проявляется в форме привязанности и послушания. В процессе становления собственной идентичности, личных границ возникают представления о семье и своей принадлежности к ней, уверенность в принятии и любви, что впоследствии влияет на степень базового доверия к миру, самооценку. Понимание различий материнской и отцовской фигур, их роли, функций в семье и общей деятельности, специфики отношения, эмоционального реагирования, требований, поощрений и контроля важно для адекватной гендерной принадлежности, а впоследствии и самосознания. Ребенок постепенно осваивает систему долженствований, ограничений, ожиданий и желательности, свою роль и права. В семье с наличием одного лидера (отца, матери, иногда прародителя) ему делегируются основная власть и ответственность, ребенок ориентирован на его мнение и оценку. При демократических принципах зоны ответственности распределяются между всеми с учетом их

возможностей, ресурсов и желаний, включая детей. В детоцентрированных семьях интересы ее членов соподчинены ребенку, постепенно может произойти частичная инверсия лояльности с занятием родителями зависимой позиции, желанием угождать ребенку. Обычно это сочетается с предъявлением ему высоких требований, возложением ответственности за соответствие его достижений и успехов статусу семьи, что может способствовать становлению лояльности как напряженного состояния (боязнь не оправдать ожидания собственные и близких, категоричность, нетерпимость).

Чем старше ребенок и сложнее система общесемейной деятельности, тем больше личностных смыслов задействовано в представлениях о семейной лояльности. При недостаточной эмоциональной вовлеченности (иногда и депривации) лояльность может носить формальный или меркантильный характер, либо сместиться в сторону более значимой социальной группы. Ребенок может сам выступать с требованием лояльности к родителям, ощущая субъективный недостаток внимания, поддержки или сомневаясь в верности родных семейному единству и сплоченности, включаясь в супружескую подсистему. Наличие иных лояльностей (значимых социальных связей) у родителей, когда они затрагивают общесемейные интересы, многие дети переживают как предательство, несовместимое с правом на родительство, что может быть нивелировано при направленных воспитательных воздействиях или, наоборот, закреплено в случае вовлечения в родительский конфликт.

В практике СПЭ и КСПЭ выявляются следующие виды конфликта лояльности, которые можно рассматривать и как этапы формирования негативного отношения к одному из родителей.

Разграничение лояльностей. Наблюдается в семьях с разницей в подходах и требованиях родителей к ребенку. Например, с учетом ролевых особенностей, рассказывая о событиях в школе, он отчитывается отцу, как смог постоять за себя в конфликте с одноклассниками, матери же сообщает, что выполнил требования учителя. Но на фоне уже семейного конфликта ребенок может соглашаться с папой, что мама невкусно готовит и «смотрит в телефон», а маме хвалить еду и возмущаться, что отец мало зарабатывает. При высоко конфликтных отношениях между родителями семья распадается на микрогруппы «ребенок—отец», «ребенок—мать». При психологически незавершенном разводе судящиеся родители не способны к нормальному взаимодействию и вниманию к интересам ребенка. Даже при уже раздельном проживании и отсутствии прямого «раздражителя» они не ограждают детей от конфликта, допуская аффективное отреагирование негативных эмоций в присутствии ребенка. В такой ситуации супружеская и детско-родительская подсистемы не отделены друг от друга: ребенок вовлекается родителями в конфликт на ценностном или инструментальном уровне, становится всеобъемлющей целью соперничества или орудием мести, получения желаемого. И в том и в другом случае родители обычно вступают в борьбу за его лояльность. Когда же главной семейной деятельностью становится конфронтация в присутствии или с участием ребенка, у него на фоне переживания и ожидания очередной ссоры возникают эмоциональное напряжение, тревога, чувство вины и/или обиды; он может ситуативно вставать на сторону одного из родителей либо придерживаться ее устойчиво, добиваясь внимания, осваивает приемы манипулирования.

Неустойчивость лояльностей. Манипулирование лояльностью ребенка со стороны родителей часто заключается в том, что лояльность не требуется напрямую, но бонусы дети получают только в ответ на ее соблюдение; наказание применяется в ответ на проявление любви к другому родителю, но по иному приисканному поводу; эмоциональные реакции ро-

дителя коррелируют с лояльностью ребенка. Вследствие этого у ребенка возникают выраженные психологические проблемы, усиливается переживание нестабильности и неопределенности, неуверенности в своей защищенности, в том числе от самых близких людей (встречи вопреки договоренностям, деструктивные приемы, похищения и др.). В семье разрушаются социально-психологические условия для реализации общих форм деятельности; мотивационно-ценностные образования ребенка, находящиеся на стадии становления, приобретают неустойчивый, зависимый от внешних факторов характер. У ребенка наблюдаются различные психологические реакции в виде игнорирования, дистанцирования, оппозиции и протеста; поиска виновного и/или переживания собственной вины; тенденции к отвержению одного из родителей; желания вопреки всему извлечь личную выгоду; регрессивных тенденций. При манипулятивном поведении родителей отмечается неустойчивость лояльностей детей в зависимости от ситуативных факторов, а не внутренних потребностей и побуждений. Например, ребенок следует материнским требованиям в системе питания (вегетарианство), казалось бы, разделяет их, при этом свободно играет на компьютере и поздно ложится спать; вместе с отцом он с удовольствием не соблюдает ограничений в еде, но отчитывается за онлайн-активность и в 21.00 уже в постели. Ребенок говорит о привязанности к новому мужу матери, называет его папой; при встрече с отцом жалуется на избыточные требования отца, приспосабливается к окружению отца. Такое положение способствует колебаниям эмоционального фона, нарастанию тревожности, избыточной сдержанности или неадекватности эмоционального реагирования, проблемам с идентичностью, неискренности с сосуществованием разных ценностных ориентиров и систем деятельности, что может закрепляться как вынужденный адаптационный механизм.

Параллельные лояльности. При длительном противостоянии с желанием отца и матери перетянуть ребенка на свою сторону, при использовании стратегии разрушения связей с конкурентной группой и усилении собственной общности, у ребенка возникает феномен двойной лояльности. У ребенка в отношении двух наиболее значимых для него лиц формируются параллельные лояльности, которые с учетом их содержания и пристрастного отношения родителей к проявлению позитивных эмоций в адрес другого не должны были бы пересекаться. Однако обычно столкновение лояльностей все же происходит, когда требования и ожидания отца и матери одновременно носят взаимоисключающий характер. По сравнению с неустойчивой лояльностью параллельные лояльности обуславливают собой уже достаточно сложную систему жизни по двойным стандартам в соответствии с разными ожиданиями. Общие базовые ценности у ребенка обычно сохраняются, но поведенческие алгоритмы и «точки отсчета» меняются. Например, мать наперекор отцу считает, что ребенок тяжело болен, ограничивает его активность, учит следить за симптомами, он занимает позицию слабого, несамостоятельного, нуждающегося в постоянной заботе и опеке. Отец, наоборот, вопреки всему отрицает проблемы со здоровьем: ребенок ходит с ним в походы, нарушает предписания врача, не жалуется и др. При таком положении ребенок опасается высказать свою позицию, поскольку оценка его здоровья, выбор воспитательных мероприятий являются, по сути, инструментом воздействия в конфликте супругов, хотя они оба заботятся о сыне. У ребенка при параллельных лоялностях актуализируются негативные переживания; происходит процесс решения «задачи на смысл» собственной идентификации в разделившихся группах с изменением не только требований и ожиданий, семейных ролей, но и систем деятельности. При стабильной (позитивной) модальности внутренних отношений стремление, невзирая на изменившиеся обстоятельства, поддержать лояльность в отношении как отца, так и

матери, хотя и является дополнительной нагрузкой для незрелой психики, позволяет в какой-то степени адаптироваться к новому статусу семьи, нестабильности и дисбалансу опорных фигур. При хроническом длительном противоборстве родителей как форма компромисса у ребенка формируются две или более трудно уживающихся между собой конкурирующих систем лояльности, например, в отношении матери, отца, прародителей с обеих сторон в различных сочетаниях. Такие системы в большей или меньшей степени выраженности внутренне конфликтны, поскольку являются ответом на конфликтную реальность. Представления о своей семье становятся менее четкими, в нее не всегда гармонично включаются новые члены, претендующие занять место отца или матери.

Доминирующая лояльность. В силу раздельного проживания и редких встреч с одним из родителей у ребенка часто выделяется ведущая лояльность, поскольку основная его совместная деятельность связана преимущественно либо с матерью, либо с отцом и именно это лицо выступает в качестве гаранта его благополучия. Например, девочка живет в новой семье отца, ищет расположения его новой жены, критикует то, как мама ухаживала за ней, декларирует, что она ничего не умеет, не заботилась о ней. Подчеркивает, что отец обеспечивает хороший уровень жизни, она может общаться в определенной среде, одеваться, как хочет. Любовь родителя субъективно становится не безусловной, ее нужно заслужить, оправдать желательным поведением и реакциями. Интегрируя собственный опыт, ребенок выстраивает соответствующие мотивационные приоритеты, ориентируется на определенные требования и ожидания, среди которых обычно обособление от отдельно проживающего родителя или противостояние и защита от него другой стороны. В таком случае прошлый опыт вытесняется или переосмысливается, суждения становятся пристрастными, дихотомичными; по отношению к отдельно проживающему родителю у ребенка возникает, как правило, амбивалентная позиция. При внешне отвергающем отношении к отдельно проживающему родителю, которое он выражает в беседе с экспертом, тем не менее ребенок в ходе экспертизы соглашается на взаимодействие с этим родителем, в ряде проективных методик включает его в образ семьи.

Безальтернативная лояльность. Возникает при требовании лояльности от ребенка — последовательной и неукоснительной реализации в отношении другого родителя бескомпромиссной непримиримой позиции. Такое требование может реализовываться открыто либо в форме атрибуции ребенку выбора лояльности, когда родитель заявляет, что примет любое пожелание ребенка в отношении другого. При внешней инверсии семейных ролей, но отсутствии внутренней свободы в данном вопросе ребенок в его субъективном представлении вынужден брать на себя ответственность за принятие решения. И в том и в другом случае детям приходится скрывать, подавлять позитивные эмоции и «культивировать» отрицательно окрашенные переживания, отвергать или переосмысливать свой опыт. В силу ограниченности жизненного опыта, недостаточной сформированности жизненной перспективы, обусловленности принятия решений ситуативными и эмоциональными факторами, в процессе смыслообразования у ребенка происходят сдвиги в мотивационной сфере, лояльность приобретает ценностный характер. Доступным для незрелой личности способом преодолеть субъективную безвыходность положения становится формирование в процессе переживания лояльности стойкого негативного отношения к отцу или матери, отказ от общения и любой совместной деятельности. Фактически безальтернативная лояльность становится в какой-то мере неконструктивным копингом в условиях внутрисемейного конфликта.

Индущированная лояльность. При целенаправленных и осознанных действиях одного родителя, направленных на формирование у ребенка негативного образа второго родителя,

может сформироваться психологическое индуцированное состояние — изменение у ребенка системы смысловых установок в отношении себя и членов своей семьи под действием значимого взрослого [7]. В этом случае безальтернативная лояльность выступает не как результат сложного смыслопорождающего переживания — для ребенка существует единственно возможный и аргументированный способ поведения при наличии жестко детерминированной системы отношений. Например, родитель убеждает ребенка, что другой — наркоман, алкоголик, приводит примеры из жизни, якобы доказывающие это. Объявляет его предателем семьи и самого ребенка, который стал не нужен, говорит, что его променяли на сексуального партнера и т. п. Ребенок должен защищать «обиженного» родителя, терпеть отсутствие средств в семье из-за жадности другого родителя или захвата им общей собственности, он обязан не подвести совместно проживающего родителя в судебной заседании. В условиях повышенной ответственности собственная лояльность постоянно контролируется ребенком и отождествляется уже не со свободным принятием норм и целей группы, а со служением, безусловной верностью, преданностью. Активное и стойкое негативное отношение к другому родителю становится смыслообразующим мотивом. Ведущая совместная деятельность индуцирующего и индуцируемого — конфронтация, противоборство, борьба «за справедливость» и наказание виновного; в ней наиболее полно реализуется безальтернативная лояльность. В такой ситуации у ребенка резко искажаются мотивационно-ценностные образования, смыслы детско-родительских и супружеских отношений, базовые принципы отношения к миру.

Заключение

Конфликт лояльностей является неконструктивной тратой личностных, эмоционально-волевых ресурсов ребенка. Ситуативная субъективная гармонизация противоречивых, амбивалентных личностных смыслов и достижение психологического комфорта возможно путем жертвы своими чувствами и потребностями, что обычно влечет негативные последствия для психического развития ребенка. Выбор лояльности может быть осознанным или интуитивным; ситуативным или устойчивым; рациональным или аффективным; вынужденным или свободным; самостоятельным или в силу подчинения. Исследование психологических механизмов формирования негативного отношения к одному из родителей в контексте деятельностного подхода к проблеме детской лояльности к родителю позволяет обоснованно и дифференцированно проводить судебно-психологический экспертный анализ, как возможного негативного влияния родителя на психическое состояние и психическое (психологическое) развитие ребенка, так и способности ребенка к принятию самостоятельного решения о месте проживания при разводе родителей или порядке общения с отдельно проживающим родителем.

Литература

1. Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004. 232 с.
2. Горностаев С.В. Лояльность как фактор психосоциального развития личности // Развитие личности. 2017. № 1. С. 127–143.
3. Горностаев С.В., Поздняков В.М. Деятельностный подход как ресурс развития психологической теории лояльности группе принадлежности [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 42–58. doi:10.17759/sps.2020110404

4. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71300324/> (дата обращения: 19.12.2023).
6. *Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К.* Психологическая адаптация детей после развода родителей в зарубежных исследованиях (аналитический обзор) // Российский психиатрический журнал. 2011. № 1. С. 36–45.
7. *Сафуанов Ф.С., Калашикова А.С., Переправина Ю.О., Черненко А.Д.* Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 39 с.
8. *Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
9. *Фигдор Г.* Беды развода и пути их преодоления. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 372 с.
10. *Фигдор Г.* Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. Психоаналитическое исследование. М.: Наука, 1995. 376 с.
11. *Хухлаева О.В.* Классификация нарушений психологического здоровья дошкольников и младших школьников [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. Том 5. № 5. С. 81–90. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n5/Khuhlaeva (дата обращения: 19.12.2023).
12. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
13. *Buchanan C., Maccoby E., Dornbusch S.* Caught between parents: Adolescents' experience in divorced homes // *Child Development*. 1991. Vol. 62(5). P. 1008–1029. doi:10.1111/j.1467-8624.1991.tb01586.x
14. *Gardner R.A.* The Parental Alienation Syndrome. 2nd ed. Cresskill: Creative Therapeutics, 1998.
15. *Hetherington E.M.* Should we stay together for the sake of the children? // *Coping with Divorce, Single Parenting, and Remarriage* / E.M. Hetherington (Ed.). Mahwah: Erlbaum, 1999. P. 93–116. doi:10.4324/9781410602893
16. *Johnston J.R., Kline M., Tschann I.M.* Ongoing Post-divorce Conflict: Effects on Children of Joint Custody and Frequent Access // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1989. Vol. 59(4). P. 576–592. doi:10.1111/j.1939-0025.1989.tb02748.x
17. *Royce J.* The Philosophy of Loyalty. New York, Norwood: Macmillan Co, Norwood Press, J.S. Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.
18. *Twaite J., Luchow A.K.* Custodial arrangements and parental conflict following divorce: The impact of children's adjustment // *The Journal of Psychiatry & Law*. 1996. Vol. 24(1). P. 53–75. doi:10.1177/009318539602400104

References

1. Bowlby J. Soznanie i razrushenie emotsional'nykh svyazei. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004. 232 p. (In Russ.).

2. Gornostaev S.V. Loyal'nost' kak faktor psikhosotsial'nogo razvitiya lichnosti [Loyalty as a factor of person's psychosocial development]. *Razvitie lichnosti = Development of Personality*, 2017, no. 1, pp. 127–143. (In Russ.).
3. Gornostaev S.V., Pozdnyakov V.M. Deyatel'nostnyi podkhod kak resurs razvitiya psikhologicheskoi teorii loyal'nosti gruppe prinadlezhnosti [The Activity Approach as a Resource for the Development of the Psychological Theory of Loyalty to the Group of Belonging] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 42–58. doi:10.17759/sps.2020110404 (In Russ.).
4. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p. (In Russ.).
5. Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 4 (2015) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo suda RF 23.12.2015) (red. ot 26.04.2017) [Elektronnyi resurs]. *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/71300324/> (Accessed 19.12.2023). (In Russ.).
6. Rusakovskaya O.A., Safuanov F.S., Kharitonova N.K. Psikhologicheskaya adaptatsiya detei posle razvoda roditeli v zarubezhnykh issledovaniyakh (analiticheskii obzor) [Post-divorce adjustment of children in foreign research studies (analytical review)]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2011, no. 1, pp. 36–45. (In Russ.).
7. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Perepravina Yu.O., Chernenkov A.D. Metodologicheskie osnovy diagnostiki psikhologicheskogo indutsirovaniya rebenka pri proizvodstve kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po delam o zashchite interesov detei: metod. rekomendatsii. Moscow: FGBU "NMITs PN imeni V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii Publ., 2020. 39 p. (In Russ.).
8. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditelyami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. Moscow: Genезis, 2011. 192 p. (In Russ.).
9. Figdor H. Bedy razvoda i puti ikh preodoleniya. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute Publ., 2006. 372 p. (In Russ.).
10. Figdor G. Deti razvedennykh roditeli: mezhdru travmoi i nadezhdoi. Psikhoanaliticheskoe issledovanie [Kinder aus geschiedenen Ehen: Zwischen Trauma und Hoffnung]. Moscow: Nauka, 1995. 376 p. (In Russ.).
11. Khukhlaeva O.V. Klassifikatsiya narushenii psikhologicheskogo zdorov'ya doshkol'nikov i mladshikh shkol'nikov [Classification of mental health disorders in preschool and primary school children] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2013. Vol. 5, no. 5, pp. 81–90. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n5/Khuhlaeva (Accessed 19.12.2023). (In Russ.).
12. Elkonin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p. (In Russ.).
13. Buchanan C., Maccoby E., Dornbusch S. Caught between parents: Adolescents' experience in divorced homes. *Child Development*, 1991. Vol. 62, no. 5, pp. 1008–1029. doi:10.1111/j.1467-8624.1991.tb01586.x
14. Gardner R.A. The Parental Alienation Syndrome. 2nd ed. Cresskill: Creative Therapeutics, 1998.

Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С.
Судебно-психологическая экспертная оценка
конфликта лояльностей ребенка при судебных
спорах между родителями о его воспитании
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 39–49

Savina O.F., Safuanov F.S.
Forensic Psychological Expert Assessment
Conflict of Loyalties of the Child in Court
Disputes between Parents about his Upbringing
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 39–49

15. Hetherington E.M. Should we stay together for the sake of the children? In E.M. Hetherington (Ed.). *Coping with Divorce, Single Parenting, and Remarriage*. Mahwah: Erlbaum, 1999, pp. 93–116. doi:10.4324/9781410602893
16. Johnston J.R., Kline M., Tschann I.M. Ongoing Post-divorce Conflict: Effects on Children of Joint Custody and Frequent Access. *American Journal of Orthopsychiatry*, 1989. Vol. 59, no. 4, pp. 576–592. doi:10.1111/j.1939-0025.1989.tb02748.x
17. Royce J. *The Philosophy of Loyalty*. New York, Norwood: Macmillan Co, Norwood Press, J.S. Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.
18. Twaite J., Luchow A.K. Custodial arrangements and parental conflict following divorce: The impact of children's adjustment. *The Journal of Psychiatry & Law*, 1996. Vol. 24, no. 1, pp. 53–75. doi:10.1177/009318539602400104

Информация об авторах

Савина Ольга Феликсовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Сафуанов Фарит Суфиянович, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); заведующий, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Information about the authors

Olga F. Savina, PhD in Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Farit S. Safuanov, Doctor of Psychology, Professor, Head, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Head, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Получена 11.01.2024
Принята в печать 28.02.2024

Received 11.01.2024
Accepted 28.02.2024

Связь эмоционального интеллекта, уровня одиночества и особенностей отношения к родителям в подростковом возрасте

Дегтярёв А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Чивилёва С.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9724-9276>, e-mail: sonyachiv@gmail.com

Купцова Д.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

В данной статье рассматриваются связи между эмоциональным интеллектом, уровнем одиночества и особенностями отношений подростков с родителями. Подростковый возраст характеризуется значительными эмоциональными изменениями, которые влияют на социальные отношения и самооценку подростков. Исследование опирается на теоретические концепции эмоционального интеллекта, феномена одиночества и детско-родительских отношений, разработанные как отечественными, так и зарубежными психологами. В эмпирической части работы использованы методы психодиагностического исследования и корреляционного анализа для выявления взаимосвязей между исследуемыми параметрами. В исследовании приняли участие 76 человек в возрасте от 12 до 16 лет. Полученные результаты показывают, что высокий уровень эмоционального интеллекта у подростков связан с низким уровнем одиночества и позитивными отношениями с родителями. Также существует положительная корреляция между субъективным ощущением одиночества и враждебностью обоих родителей и отрицательная корреляция между субъективным ощущением одиночества в подростковом возрасте и позитивным интересом родителей по отношению к их детям.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, уровень одиночества, особенности отношения подростков с родителями, подростковый возраст.

Для цитаты: Дегтярёв А.В., Чивилёва С.Д., Купцова Д.М. Связь эмоционального интеллекта, уровня одиночества и особенностей отношения к родителям в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 50–68. DOI:10.17759/psylaw.2024140305

The Connection Between Emotional Intelligence, the Level of Loneliness and Characteristics of Attitudes towards Parents in Adolescence

Artem V. Degtyarev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Sofia D. Chivileva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9724-9276>, e-mail: sonyachiv@gmail.com

Darina M. Kuptsova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

This article examines the connections between emotional intelligence, the level of loneliness and the characteristics of adolescents' relationships with their parents. Adolescence is characterized by significant emotional changes that affect adolescents' social relationships and self-esteem. The study is based on theoretical concepts of emotional intelligence, the phenomenon of loneliness and child-parent relationships, developed by both domestic and foreign psychologists. In the empirical part of the work, methods of psychodiagnostic research and correlation analysis were used to identify relationships between the parameters under study. The study involved 76 people aged 12 to 16 years. The results show that high levels of emotional intelligence in adolescents are associated with low levels of loneliness and positive relationships with parents. There is also a positive correlation between subjective feelings of loneliness and the hostility of both parents, and a negative correlation between subjective feelings of loneliness in adolescence and parents' positive interest in their children.

Keywords: emotional intelligence, level of loneliness, characteristics of the relationship between adolescents and parents, adolescence.

For citation: Degtyarev A.V., Chivileva S.D., Kuptsova D.M. The Connection Between Emotional Intelligence, the Level of Loneliness and Characteristics of Attitudes towards Parents in Adolescence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 50–68. DOI:10.17759/psylaw.2024140305 (In Russ.).

Введение

Подростковый возраст — один из самых сложных периодов в процессе эмоционального развития личности, сопряженный с большим количеством тревог, конфликтов и стрессов. Изучением эмоциональной сферы личности занимались многие российские и зарубежные психологи, например Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, И.Н. Андреева, В.К. Загвоздкин, Д. Гросс, Д. Мейер и Р. Брукс и прочие [1; 2; 3; 5; 7; 21; 23]. Одной из современных концепций, которая описывает эмоциональную сферу как совокупность различных личностных эмоциональных способностей является концепция **эмоционального интеллекта**. Способности, входящие в структуру эмоционального интеллекта, играют значительную роль в адапта-

ции подростков к социальным и межличностным ситуациям. Подростковый возраст характеризуется стремительными эмоциональными и когнитивными изменениями, которые могут влиять на качество их взаимоотношений с окружающими, в том числе с родителями. Различные современные исследования указывают на тенденцию связанную с тем, что уровень эмоционального интеллекта может быть связан с пониманием и управлением эмоциями, с чувством одиночества и особенностями семейных отношений [1; 2; 8; 12; 13; 35; 37]. Однако на данный момент существует крайне мало научных работ, в которых анализируется связь одновременно всех описанных ранее конструктов, что и составляет актуальность и некоторую новизну данного исследования.

В отечественной психологии основу для появления и развития концепции эмоционального интеллекта заложили Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, подчеркивающие важность социальной среды и межличностного взаимодействия [5; 23]. Л.С. Выготский выдвинул идею единства аффекта и интеллекта, которая детально расписана в его работе «Проблема умственной отсталости». Основной проблемой в психологии является определение сущности понятий интеллекта и аффекта как не взаимозависимых предметов. Под аффектом Л.С. Выготский понимал, непосредственную, бурнопротекающую, кратковременную эмоциональную реакцию на внешние обстоятельства [5].

Первопроходцами в области эмоционального интеллекта являются Д. Мейер и П. Саловей, которые в 1990 г. предложили свою модель, включающую четыре компонента: восприятие эмоций, использование эмоций для содействия мышлению, понимание эмоций и управление ими. На данный момент практически все современные концепции эмоционального интеллекта включают в себя способности к идентификации, дифференциации, пониманию и управлению эмоциями, как собственными, так и окружающих. Перечисленные компоненты критически важны для подросткового возраста, когда активно развивается эмоциональная саморегуляция и социальное взаимодействие; соответственно, низкий уровень развития данных элементов, например способности к пониманию и дифференциации своих и чужих эмоциональных проявлений, способен привести к повышению различных рисков, связанных с социальной изоляцией, в частности к усилению такого тягостного состояния для подростков, как **одиночество**.

Одиночество, как социально-психологический феномен, представляет собой субъективное ощущение недостаточности социальных связей и поддержки. В подростковом возрасте это ощущение может быть особенно острым из-за усиленной потребности в принадлежности и поддержке со стороны семьи и сверстников. Некоторые исследования показывают, что уровень одиночества связан с качеством детско-родительских отношений и эмоциональным интеллектом подростков [4; 17; 18; 19]. Исследователи из различных научных школ (например, когнитивной, экзистенциальной, социологической, психодинамической и проч.) писали о причинах и характеристиках одиночества. Согласно психодинамическому подходу, одиночество является результатом негативного детского опыта, в то время как гуманистический подход считает важными фактически последствия процессов социализации. К. Роджерс, выдающийся представитель гуманистической психологии, подчеркивал роль непосредственных переживаний и внутренних конфликтов в формировании одиночества. Когнитивный подход сравнивает переживание одиночества с реальными или идеальными отношениями [31]. Человеческое одиночество понимается как реализация антропологического принципа в закрытом мире, где внутреннее уединение является основой всего человеческого существования. Когда человек не может найти эмоциональный отклик, который делает возможной связь с

другими, он выбирает одиночество; по мнению Ж.-П. Сартра, внутренний путь человека — это всегда борьба, которая заканчивается осознанием одиночества как условия существования в мире людей [32].

Одиночество и сегодня актуально как объективная психологическая проблема; Н.Е. Покровский называл его «бичом XX века» и утверждал, что к нему нужно относиться серьезно и изучать как теоретически, так и эмпирически [32]. Конец прошлого века ознаменовался возрождением интереса к проблеме одиночества. Последние исследования, подчеркивают положительные стороны одиночества. Эти исследования указывают на то, что периоды одиночества способствуют личностному росту, самосознанию и развитию творческих способностей. Феномен одиночества и его влияние на жизнь человека можно рассматривать в двух основных аспектах. С одной стороны, одиночество рассматривается как естественное состояние человека, неотъемлемая часть самопознания и самоопределения. В определенных случаях оно способствует внутреннему развитию, позволяя человеку лучше понять себя, свои желания и потребности. С другой стороны, подчеркивается разрушительное воздействие одиночества на внутренний мир и психическое здоровье [6]. Большая часть исследований посвящена именно этому подходу. Психология предлагает множество способов понять одиночество: классифицируя различные его типы, выявляя психологические механизмы и связывая их с различными чертами личности. Однако возрастное одиночество еще недостаточно изучено, особенно одиночество в подростковом возрасте [27].

Одиночество зависит от многих факторов, включая возраст, развитие самооценки, возрастную социализацию и психологические проблемы в подростковом возрасте. Влияние одиночества на развитие личности носит комплексный характер. Например, одиночество в подростковом возрасте может быть связано с жестоким обращением, потерями и неудачами. Однако мнения психологов о том, широко ли распространено одиночество в подростковом возрасте, расходятся [26]. Тем не менее можно говорить, что состояние одиночества подростками переносится достаточно болезненно, они могут чувствовать себя ненужными, незначимыми, нелюбимыми. Залогом или фундаментом благополучного переживания состояния одиночества являются особенности **детско-родительских отношений**, а именно насколько подросток может опираться на эти отношения с родителями, насколько они прочны, насколько подросток смог интериоризировать, т. е. «поместить внутрь себя» родительскую любовь, чтобы она стала для него опорой, в том числе и в сложных состояниях, связанных с переживанием одиночества.

Особенности детско-родительских отношений в значительной мере определяют эмоциональное и социальное благополучие подростков. Не все родители понимают этот период, и многим трудно общаться со своими детьми, что достаточно странно, поскольку все родители были когда-то подростками. Часто переход ребенка в подростковый возраст сопровождается конфликтами и противостоянием с родителями, поскольку подросток оспаривает их «власть» над собой [11].

Определенные особенности подростков, находящихся в зависимых отношениях с родителями, заключаются в том, что они склонны прислушиваться к советам сверстников, некритично принимать их мнения и взгляды, чтобы стать популярными в их среде. В дальнейшем такие несамостоятельные подростки с большей вероятностью могут быть вовлечены в различные виды отклоняющегося поведения под влиянием своих ровесников [14]. Ф. Райс отмечает, что подростки могут воспринимать родителей: как источник эмоциональной поддержки и стимулирующей среды, в которой они чувствуют себя в безопасности; источник

реализации потребностей (материальные потребности, наказания или поощрения, другие жизненные награды играют важную роль в формировании их отношений с родителями); как пример для подражания (хотя роль родителей в подростковом возрасте ослабевает, и их действия подвергаются критическому анализу подростком, они все еще стремятся гордиться ими). При этом родители являются источником развития автономии подростков, поскольку они могут делиться жизненным опытом благодаря более тесному взаимодействию и общению, выстраивать понятные семейные правила и границы, не проявлять жесткости, но при этом быть последовательными.

Подросткам крайне необходима поддержка родителей и значимых взрослых для развития собственной автономии [24]. Е.А. Шерешкова и Ю.В. Прокофьева описывают отношение молодежи к своим родителям следующим образом: положительное отношение — данный тип проявляется в уважении и доверии к родителям, стремлении к установлению близких доверительных отношений и проведению времени вместе; неустойчивое отношение — данный тип проявляется в неустойчивом уважении и доверии к родителям, а также в воспитании с эпизодами гиперопеки и редком стремлении проводить время вместе; негативное отношение — этот тип отношения характеризуется отсутствием уважения и доверия к родителям, непоследовательным воспитанием и нежеланием развивать близкие отношения и проводить время вместе [37].

По мнению Л.И. Вассермана, воздействие родительского поведения и воспитания играет большую роль в личностном развитии подростка. Таким образом, родители, которые проявляют чуткость, эмоциональное понимание и эмпатию по отношению к своим детям и своевременно и адекватно реагируют на их потребности, бессознательно развивают у детей чувство контроля над поведением других людей и способность достигать собственных целей. Когда родители сосредоточены на собственных проблемах и переживаниях и эмоционально игнорируют потребности своих детей, дети чувствуют угрозу и неуверенность в своем окружении и ощущают меньшую ответственность за изменение своего окружения и обеспечение хорошей жизни. Неспособность родителей удовлетворить потребности детей вызывает чувство беспомощности, что, в свою очередь, приводит к вялости, депрессии, избеганию новых людей, отсутствию любопытства и спонтанности, а также невнимательности к непредвиденным событиям [4].

Таким образом, с точки зрения особенностей эмоциональной сферы подростковый возраст характеризуется сильными гормональными изменениями, высокой чувствительностью, лабильностью эмоциональных проявлений, импульсивностью и иными особенностями, которые способны приводить к различным проявлениям отклоняющегося поведения. Подросткам часто не хватает уверенности в себе и самоуважения, они зачастую не адекватно оценивают высокую степень своей уязвимости, что может приводить к социальной замкнутости, конфликтам со сверстниками и иными значимыми взрослыми, в результате чего эмоциональные связи между ними и их окружением могут разрушаться и, как следствие, подросток может чувствовать себя одиноким, покинутым и несчастным. Соответственно проблема взаимоотношений в подростковом возрасте также выходит на первый план, в частности проблема детско-родительских отношений. Подростки, как правило, имеют напряженные отношения с родителями и мало знают о мире взрослых. Такие факторы, как гипо- или гиперопека, непоследовательность в воспитании, семейные конфликты, повышенная раздражительность родителей по отношению к ребенку, психологическое и физическое насилие и проч., способ-

ствуют формированию у подростка негативного отношения к родителям и негативного образа взрослого, с которым впоследствии он может быть идентифицирован.

В связи вышеописанным, **целью** данного **исследования** является изучение связи между эмоциональным интеллектом, уровнем одиночества и отношением подростков к своим родителям.

Основной **гипотезой исследования** стало предположение о том, что существует связь между эмоциональным интеллектом, одиночеством и особенностями отношения к родителям в подростковом возрасте.

Для уточнения основной гипотезы были выделены **дополнительные гипотезы**.

У подростков с более высоким эмоциональным интеллектом способности к идентификации и регуляции своих эмоций выше, чем у сверстников, что может способствовать снижению уровня одиночества и улучшению отношений с родителями.

Подростки, которые воспринимают отношения со своими родителями в положительном ключе, эффективнее справляются со своим одиночеством.

Процедура и методы исследования

В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 12 до 16 лет (средний возраст — 14,9 лет) в количестве 76 человек с помощью опросника в Google-forms. Мальчики составили 36 человек (46,6%), девочки — 40 человека (53,4%). Все дети проживают в полных семьях.

В исследовании были использованы следующие методики.

- Шкала одиночества «UCLA» Д. Расселла;
- опросник «Подростки о родителях» (русскоязычная адаптация опросника Е. Шафера «Поведение родителей и отношение подростков к ним», разработанная НИПНИ им. В.М. Бехтерева);
- Тест эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д.В. Люсина.

Для анализа данных был использован математический анализ данных с помощью электронной системы STATISTICA 6.0 и применен критерий ранговых корреляций Спирмена.

Результаты проведенного исследования

Средние значения по шкале одиночества у подростков находятся в области среднего уровня одиночества, ближе к низкому уровню, что говорит о том, что респонденты испытывают умеренное ощущение одиночества, которое может проявляться в умеренном чувстве отчуждения, непринадлежности к социальной группе, недостатке близких отношений или нехватке эмоциональной поддержки. При этом средний уровень одиночества не является критическим и не требует немедленного вмешательства, однако он может быть связан с риском развития психологических и соматических проблем, таких как депрессия, тревожность, нарушения сна, ухудшение самочувствия и других.

Средние показатели по шкале «Общий уровень эмоционального интеллекта» находятся в области средних значений. По шкалам «Внутриличностный ЭИ», «Управление эмоциями», «Понимание эмоций», «Управление своими эмоциями», «Понимание своих эмоций», «Понимание чужих эмоций» и «Контроль экспрессии» средние показатели у юношей находятся в области средних значений, в то время как у девушек — в области низких (рис. 1).

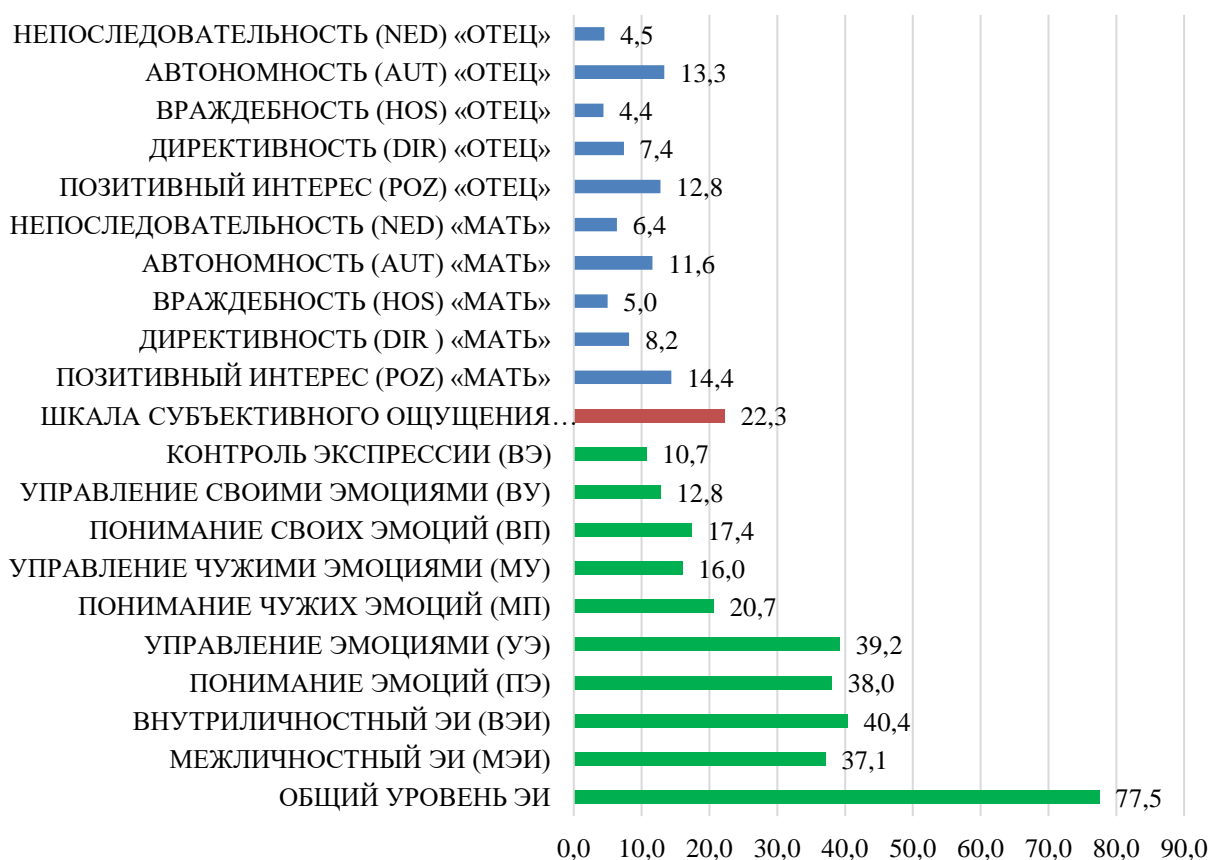

Рис. 1. Средние показатели по результатам всех методик

По шкалам «Межличностный ЭИ» и «Управление чужими эмоциями» средние показатели у обоих полов находятся в области низких значений (рис. 1). Средний уровень общего эмоционального интеллекта означает, что респондент в целом адекватно осознает свои эмоции, может понимать эмоции других людей, умеет управлять своими эмоциями и использовать их для достижения своих целей. Однако мы видим, что у респондентов есть сложности в понимании и управлении эмоциями других людей. Межличностный эмоциональный интеллект включает в себя способность распознавать эмоции других людей, понимать их причины и последствия, а также уметь эффективно взаимодействовать с ними на эмоциональном уровне. Наибольшую сложность для респондентов представляет управление чужими эмоциями, что мы видим по средним показателям в данной шкале (рис. 1). Исходя из этого, можно предположить, что респонденты недостаточно чувствительны к эмоциям других людей, испытывают трудности в том, чтобы правильно интерпретировать их эмоциональное состояние, не могут поддерживать эмоциональный контакт и эффективно реагировать на эмоциональные сигналы собеседника.

Средние показатели по опроснику «Подростки о родителях». По шкале «Позитивный интерес» средние показатели находятся в области высоких значений, что говорит о сильной степени выраженности данного качества у родителей подростков (рис. 1). Это может означать, что респонденты чувствуют высокий уровень интереса к жизни и деятельности со стороны своих родителей, видят, что они ценят их мнение и опыт, стремятся поддерживать с ними тесные и доверительные отношения. По шкалам «Директивность», «Враждебность» и

«Непоследовательность» средние показатели находятся в области низких значений, что говорит о слабой степени выраженности данных качеств. Исходя из этого, можно предположить, что родители респондентов не склонны навязывать свою волю подростку, не стремятся контролировать все его действия и не настаивают на своем мнении во всех ситуациях. Это может означать, что родители уважают личную автономию подростка и предоставляют ему достаточную свободу для самостоятельного принятия решений. По шкале «Автономность» средние показатели по отцу находятся в области высоких значений, что говорит о сильной степени выраженности данного качества у отцов респондентов, в то время как средние показатели по матери находятся в области средних значений, что говорит об умеренной выраженности данного качества у матерей респондентов. Из этого можно предположить, что отцы респондентов более склонны к формальному отношению в воспитании и к чрезмерной беспристрастности в общении.

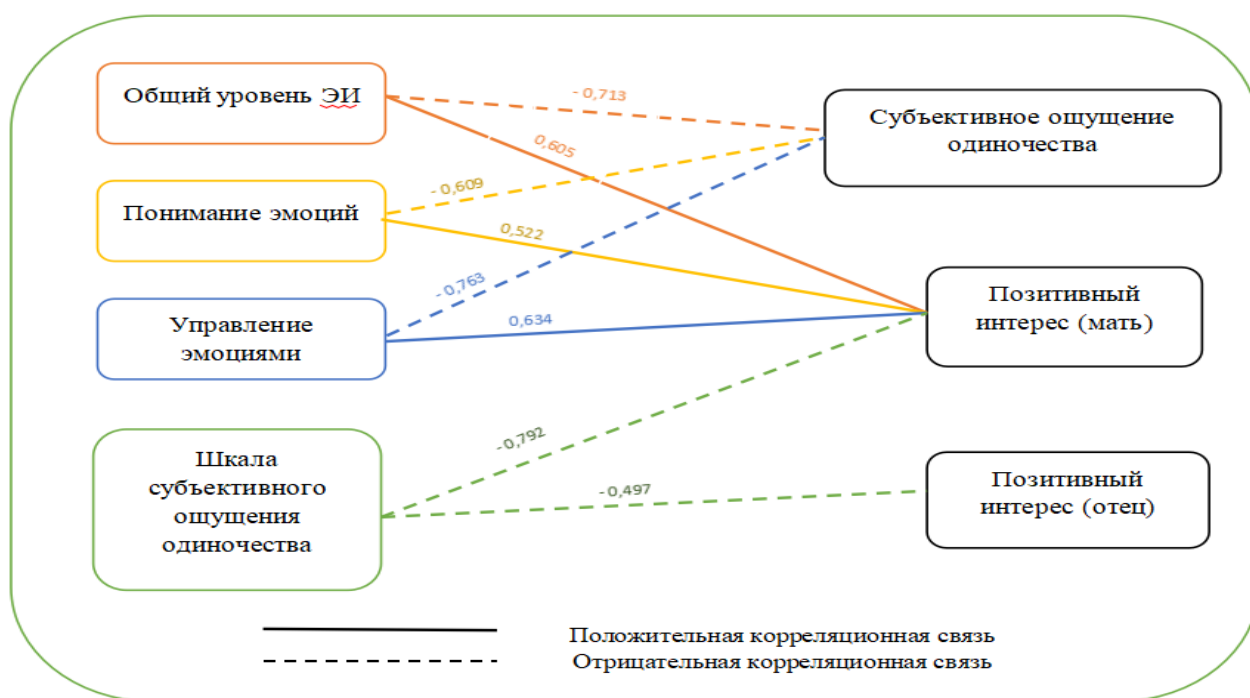

Рис. 2. Анализ корреляционных связей между шкалами методик — опросников «Тест эмоционального интеллекта», «Подростки о родителях» и «Шкала одиночества» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$) в общей группе

Для проверки гипотез был использован математический анализ данных с помощью электронной системы STATISTICA 6.0 и применен критерий ранговых корреляций Спирмена.

Согласно проведенному корреляционному анализу (рис. 2 и 3), наблюдаются значимые отрицательные связи общего уровня эмоционального интеллекта со шкалой субъективного ощущения одиночества, враждебностью родителей. Также наблюдается положительная корреляция с позитивным интересом от матери. Такие результаты могут говорить о том, что чем выше у подростка общий уровень эмоционального интеллекта, тем меньше он ощущает враждебность обоих своих родителей; в то же время с повышением эмоционального интеллекта подросток чувствует больший позитивный интерес со стороны матери. Также чем вы-

ше эмоциональный интеллект подростков, тем меньше их ощущение одиночества. Это может быть связано с тем, что родители, проявляющие враждебность, могут не предоставлять необходимой эмоциональной поддержки и обратной связи, которая необходима для развития эмоционального интеллекта. В связи с этим у подростка могут нарушаться адаптация и возникать сложности в построении контактов с ровесниками, что в последствии приведет к повышению субъективного ощущения одиночества.

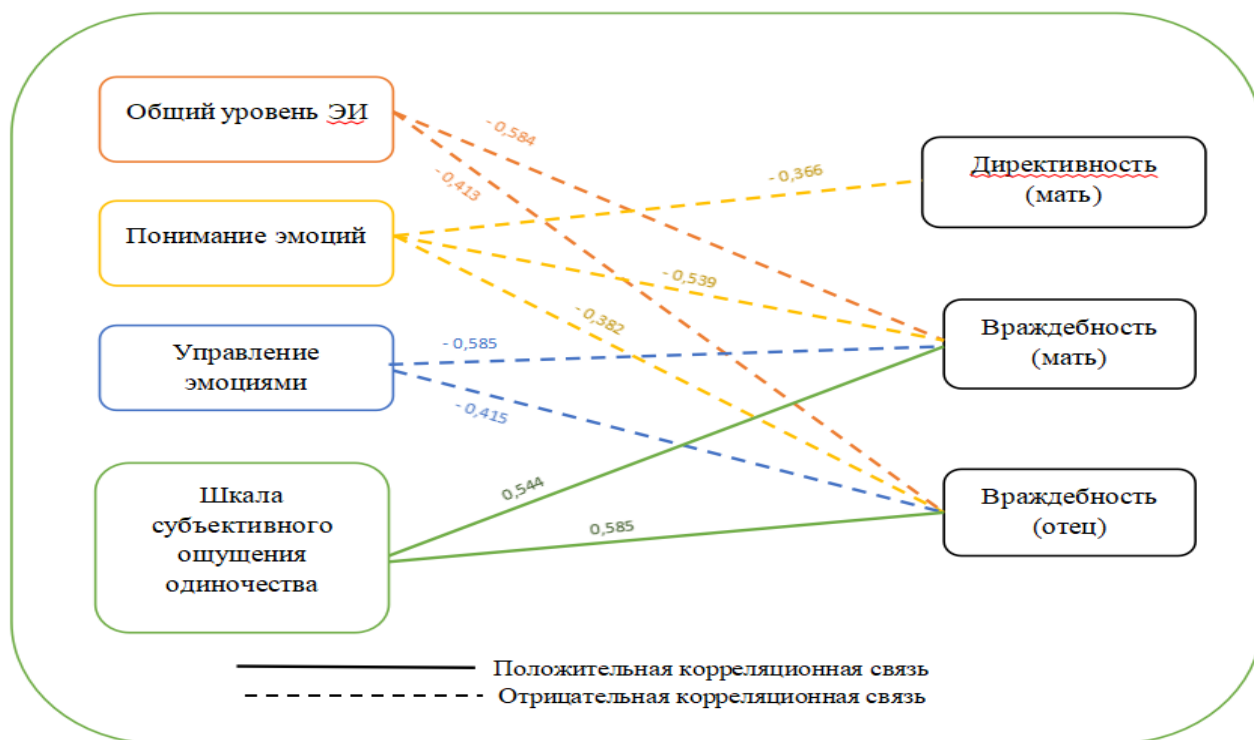

Рис. 3. Анализ корреляционных связей между шкалами методик — опросников «Тест эмоционального интеллекта», «Подростки о родителях» и «Шкала одиночества» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$) в общей группе

Ощущение одиночества отрицательно коррелирует со всеми аспектами эмоционального интеллекта. Такой результат можно интерпретировать так: возможно подростки, которые часто ощущают сильное одиночество, обычно хуже разбираются в своих эмоциях и в эмоциях окружающих. Причины этого могут быть связаны с недостатком социальной поддержки и возможностей для практики взаимодействия с другими людьми, что важно для развития навыков управления эмоциями.

Позитивный интерес со стороны матери по отношению к подростку также имеет положительные корреляционные связи со всеми аспектами эмоционального интеллекта и отрицательную — с одиночеством, тогда как враждебность матери связана отрицательной связью с эмоциональным интеллектом и положительной — с одиночеством. Чем выше эмоциональный интеллект подростка, тем меньше мать проявляет к нему враждебность и больше показывает позитивный интерес. Чем в большей степени подросток чувствует себя одиноким, тем с большей вероятностью он будет заявлять об отсутствии позитивного интереса со стороны

матери и о ее враждебности. Это можно обосновать тем, что матери, проявляющие позитивный интерес к ребенку и стремящиеся проводить с ним много времени, сами обладают высоким эмоциональным интеллектом. Ребенок, наблюдая за матерью, может воспринимать и копировать ее поведение, тем самым развивая свой собственный эмоциональный интеллект.

Директивность матери по отношению к подростку связана с его пониманием чужих и своих эмоций — чем больше требовательна мать, тем хуже подросток понимает эмоции окружающих его людей и себя. Директивные матери могут ограничивать эмоциональные проявления подростка, не поощряя его выражать свои эмоции или даже подавляя их. Это может затруднить для подростка развитие навыков понимания своих и чужих эмоций.

Позитивный интерес отца имеет положительную связь с управлением чужими эмоциями и отрицательную — с одиночеством. Уважительное отношение родителя влияет на то, что подросток будет чувствовать себя менее одиноким, и в то же время стимулирует развитие у ребенка способности понимать и реагировать на эмоциональные сигналы окружающих.

Далее были проведены более подробные исследования. Испытуемые были разделены на группы по половому признаку.

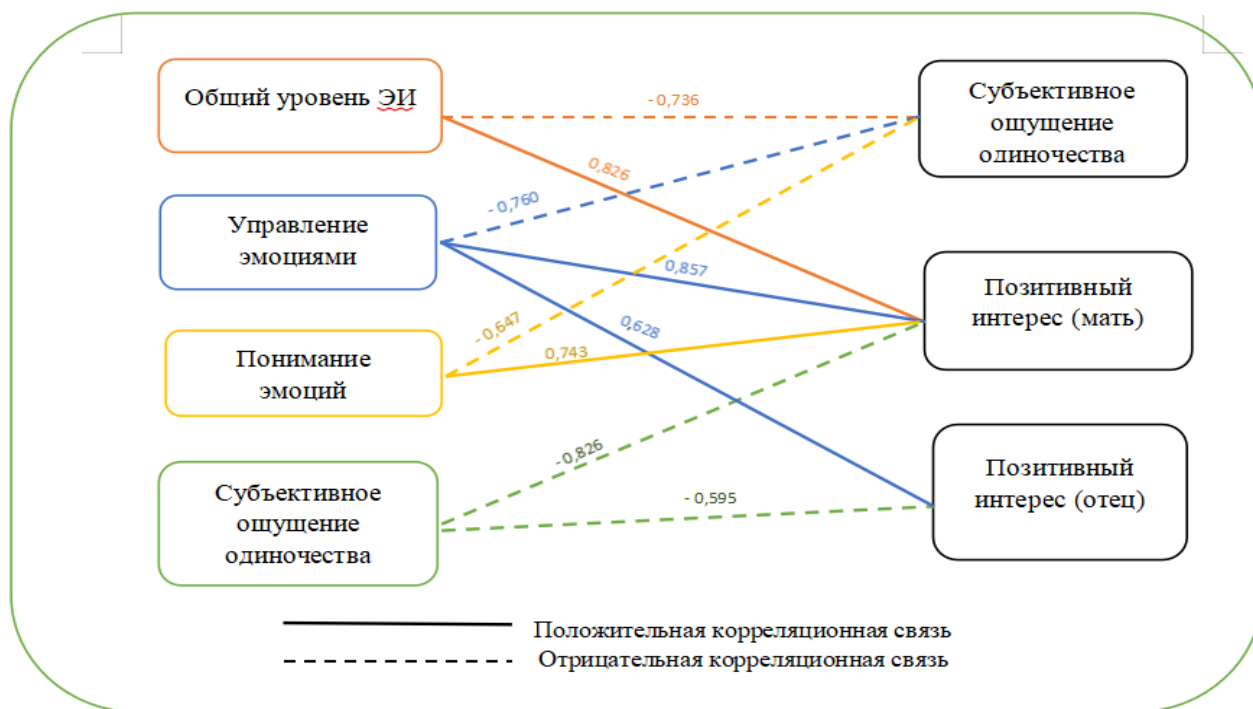

Рис. 4. Анализ корреляционных связей между шкалами методик — опросников «Тест эмоционального интеллекта», «Подростки о родителях» и «Шкала одиночества» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$) в группе мальчиков

В процессе анализа полученных данных в группе мальчиков были отмечены следующие тенденции (рис. 4).

- Мальчики с более высоким эмоциональным интеллектом в меньшей степени чувствуют одиночество и имеют более положительное отношение к матери.

- Мальчики, имеющие высокие показатели по шкале «Управление эмоциями», в меньшей степени чувствуют одиночество и заявляют о более положительном отношении с обоими родителями.
- Мальчики, имеющие высокие показатели по шкале «Понимание эмоций», в меньшей степени чувствуют одиночество и заявляют о более положительном отношении с матерью.
- Мальчики, ощущающие большее одиночество, имели худшие отношения с обоими родителями.

Также была проанализирована связь особенностей эмоционального интеллекта и негативного отношения к родителям (рис. 5).

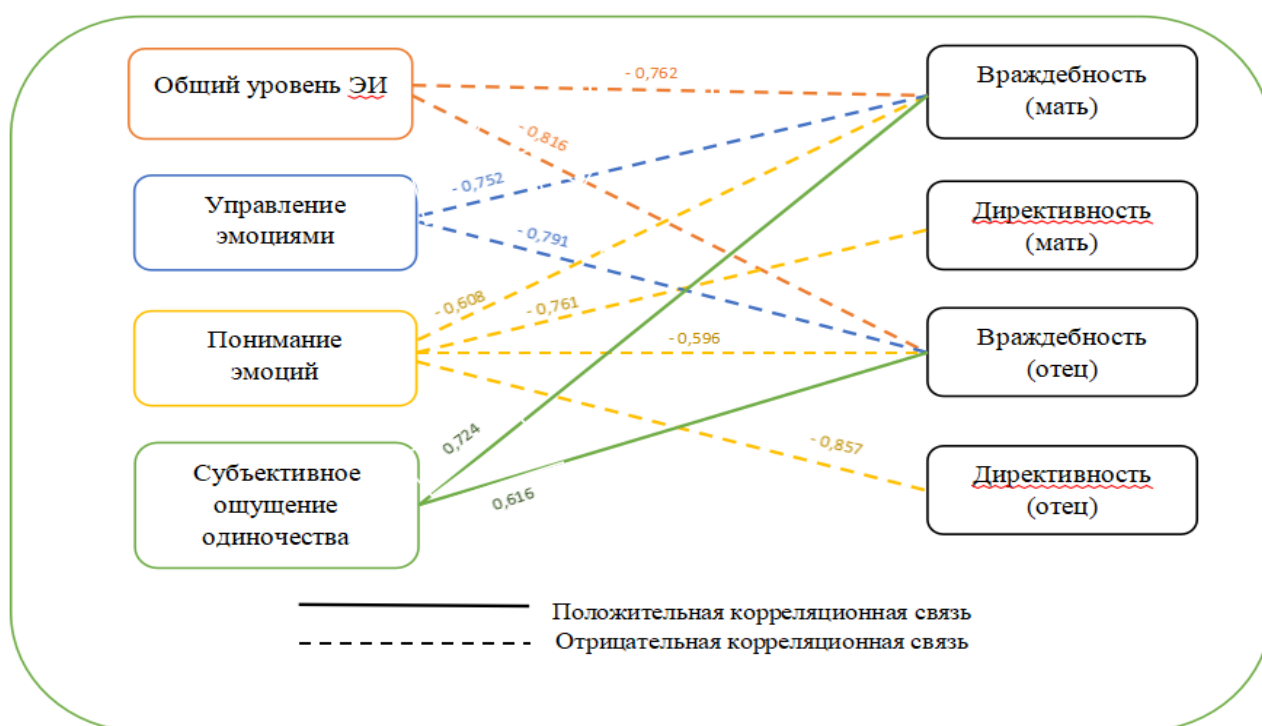

Рис. 5. Анализ корреляционных связей между шкалами методик — опросниками «Тест эмоционального интеллекта», «Подростки о родителях» и «Шкала одиночества» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$) в группе мальчиков

В процессе анализа полученных данных были отмечены следующие тенденции.

- Мальчики, имеющие более высокие эмоциональный интеллект и показатели управления эмоциями, в меньшей степени чувствуют враждебность от обоих родителей.
- Мальчики, имеющие высокие показатели по шкале «Понимание эмоций», в меньшей степени говорят о враждебности и директивности обоих родителей.
- Мальчики, проявляющие высокую степень субъективного одиночества, в большей степени чувствуют враждебность от обоих родителей.

В целом по группе мальчиков можно сказать о том, что в данной группе испытуемых подростки с более высоким эмоциональным интеллектом действительно отличаются лучшими отношениями с родителями, чем подростки с менее высоким эмоциональным интеллектом

— у проверяемых аспектов ЭИ наблюдается отрицательная корреляция с негативными аспектами отношения к родителям. Понимание эмоций улучшалось у тех подростков, которые показывали меньшую враждебность и директивность своих родителей, тогда как управление эмоций и общий показатель эмоционального интеллекта улучшался при меньших показателях враждебности. Такой аспект отношения к родителям, как позитивный интерес, в особенности позитивный интерес от матери, показывал положительную корреляцию со всеми аспектами эмоционального интеллекта. Также подростки с высоким показателем эмоционального интеллекта демонстрировали меньшее субъективное ощущение одиночества.

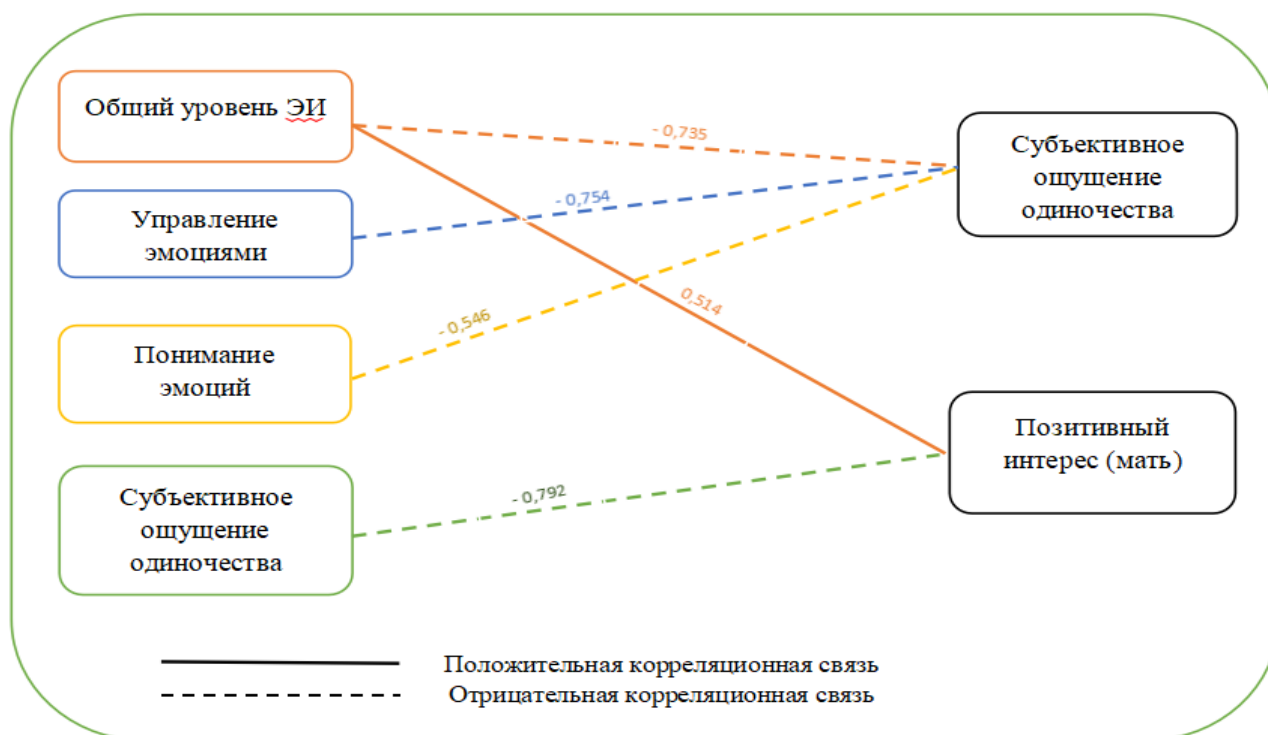

Рис. 6. Анализ корреляционных связей между шкалами методик — опросников «Тест эмоционального интеллекта», «Подростки о родителях» и «Шкала одиночества» (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$) в группе девочек

В процессе анализа полученных данных в группе девочек были отмечены следующие тенденции (рис. 6).

- Девочки подросткового возраста с более высоким эмоциональным интеллектом в меньшей степени чувствуют одиночество и имеют более положительное отношение к матери.
- Девочки, имеющие высокие показатели по шкале «Управление эмоциями», в меньшей степени чувствуют одиночество.
- Девочки, имеющие высокие показатели по шкале «Понимание эмоций», в меньшей степени чувствуют одиночество.
- Девочки, ощущающие большее одиночество, имели худшие отношения с матерью.

В целом по группе девочек можно сказать о том, что в данной группе испытуемых подростки с более высоким эмоциональным интеллектом действительно показывают лучшие

отношения с родителями, чем подростки с менее высоким эмоциональным интеллектом — у общего уровня эмоционального интеллекта наблюдается положительная корреляция с позитивным интересом матери.

Также подростки с высоким показателем эмоционального интеллекта, умеющие понимать и управлять эмоциями, демонстрировали меньшее субъективное ощущение одиночества. Можно предположить, что подростки, имеющие высокий эмоциональный интеллект, могут лучше понимать свои собственные эмоциональные потребности и адаптироваться к различным социальным ситуациям. Это позволяет им активно участвовать в общественной жизни, находить общий язык с другими и создавать поддерживающие социальные связи, что также способствует уменьшению ощущения одиночества.

Таким образом, высокий уровень эмоционального интеллекта у подростков может способствовать повышению социальной адаптации и установлению более близких межличностных отношений, в том числе отношений с родителями.

Первая гипотеза данной работы подтвердилась — между эмоциональным интеллектом, уровнем одиночества и особенностями отношения к родителям в подростковом возрасте наблюдаются значимые связи. Также по приведенному выше анализу подтвердились и дополнительные гипотезы: подростки с более высоким эмоциональным интеллектом, которые умеют в достаточной степени регулировать свои эмоции, действительно имеют тенденцию к уменьшению чувства одиночества и улучшению отношений с родителями; а также подростки, которые воспринимают свои отношения с родителями в положительном ключе, имеют более низкий уровень одиночества. Однако, что примечательно, результаты показали меньшую значимость корреляций в группе девушек. Такие результаты можно объяснить тем, что у группы девушек наблюдаются более низкие показатели эмоционального интеллекта по всем шкалам, чем у группы юношей, что требует дополнительных исследований.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Подтвердилось наличие связи между эмоциональным интеллектом, уровнем одиночества и особенностями отношения к родителям в подростковом возрасте.
2. Показатели общего уровня эмоционального интеллекта, понимания эмоций и управления эмоциями связаны с позитивным интересом матери и субъективным ощущением одиночества.
3. Повышенное ощущение одиночества может быть связано с враждебностью обоих родителей, а уменьшению чувства одиночества могут способствовать позитивные отношения с родителями.
4. Качественные, поддерживающие и позитивные детско-родительские отношения также могут способствовать развитию эмоционального интеллекта у подростков. Взаимопонимание и эмоциональная поддержка со стороны родителей играют ключевую роль в формировании эмоционального благополучия у подростков.
5. Сравнение результатов корреляционного анализа позволило подтвердить дополнительную гипотезу — у подростков с более высоким эмоциональным интеллектом способности к идентификации и регуляции своих эмоций выше, чем у сверстников, что может способствовать снижению уровня одиночества и улучшению отношений с родителями.

Заключение

Целью данного исследования было изучение связи между эмоциональным интеллектом, уровнем одиночества и отношением подростков к своим родителям. В данном исследовании была установлена связь между компонентами эмоционального интеллекта, уровнем одиночества и особенностями отношения к родителям в подростковом возрасте. В процессе анализа корреляционных связей были подтверждены дополнительные гипотезы о том, что подростки с более высоким эмоциональным интеллектом, которые на высоком уровне умеют регулировать свои эмоции, имеют тенденцию к уменьшению чувства одиночества и у них более стабильные и близкие отношения с родителями. Также было доказано, что подростки, которые воспринимают свои отношения с родителями в положительном ключе, имеют меньший уровень одиночества.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что цель и задачи исследования были достигнуты. На основе полученных результатов можно наметить направление будущих исследований в рамках данной темы. Например, представляется важным и интересным создание и проведение социально-психологических тренинговых программ для подростков из неблагополучных семей с целью развития эмоционального интеллекта и навыков адаптации, которые помогут снизить уровень одиночества и повысить уровень социально-психологической адаптации. Такие программы могут включать тренировки по саморегуляции, эмпатии и социальному взаимодействию, что позволит улучшить их эмоционально-психологическое благополучие. Представляется интересным разработка и проведение тренинговых программ с целью профилактики аутоагрессивного и иных форм отклоняющегося поведения у подростков, которое может быть следствием в том числе высокого уровня одиночества, с которым подросткам зачастую трудно справиться, путем развития компонентов эмоционального интеллекта.

Литература

1. Андреева И.Н. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 80–83.
2. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78–86.
3. Барисо Дж. EQ. Эмоциональный интеллект на практике. Как управлять своими эмоциями и не позволять им управлять. М.: Эксмо, 2019. 150 с.
4. Бармина П.С., Нозикова Н.В. Особенности межличностных отношений и переживания одиночества в юношеском возрасте в зависимости от фактора пола [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 1. С. 167–181. doi:10.17759/exppsy.2023160110
5. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб: ФАРМиндекс, 2001. 68 с.
6. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Перспектива, 2020. 121 с.
7. Гагарин А.С. Homo Solus. Одиночество как феномен человеческого бытия // Рациональность иррационального. Екатеринбург, 1991. С. 77–109.
8. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: АСТ, 2013. 487 с.

Дегтярёв А.В., Чивилёва С.Д., Купцова Д.М.
Связь эмоционального интеллекта, уровня
одиночества и особенностей отношения
к родителям в подростковом возрасте
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 50–68

Degtyarev A.V., Chivileva S.D., Kuptsova D.M.
The Connection Between Emotional Intelligence,
the Level of Loneliness and Characteristics of Attitudes
towards Parents in Adolescence
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 50–68

9. Дементий Л.И., Коротеева Е.М. Одиночество подростков: феноменология, факторы, типология: Монография. М.: Директ-Медиа, 2021. 132 с.
10. Долгинова О.Б. Одиночество и отчужденность в подростковом и юношеском возрасте: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 1996. 166 с.
11. Егорова У.Г. Взаимосвязь родительского отношения и конфликтности подростков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Том 15. № 2 (4). С. 964–968.
12. Елагина В.С., Резник Н.А. Особенности взаимоотношений подростков с родителями [Электронный ресурс] // Педагогика: история, перспективы. 2022. Том 5. № 4. С. 13–22. doi:10.17748/2686-9969-2022-5-4-13-22
13. Забабурина О.С. Особенности одиночества в подростковом возрасте // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 1 (78). С. 243–245.
14. Иванова Е.С. Особенности эмоционального интеллекта в подростковом возрасте // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. 2011. № 1 (80). С. 33–41.
15. Истратова О.Н., Кошель А.И., Рябухина В.В. Самостоятельность современных старшеклассников в учебной деятельности, отношениях с родителями и сверстниками // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. № 7. С. 68–76.
16. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
17. Карабанова О.А., Поскребышева Н.Н. Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 36–47.
18. Карнацкая Н.В. Влияние семьи на социализацию подростка [Электронный ресурс] // Концепт. 2017. № 8. С. 61–70. doi:10.24422/MSITO.2017.8.6964
19. Куртиков А.Р. Позитивные аспекты переживания одиночества в подростковом возрасте: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 181 с.
20. Колмогорова Л.С., Манакова Е.А. Преодоление переживания одиночества: Учебно-методическое пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 55 с.
21. Коновалова, А.М. Психологическое содержание уважения к родителям в подростковом возрасте: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2017. 269 с.
22. Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект старших подростков: Монография. М., 2021. 104 с.
23. Куртиян С.В. Одиночество как социальное явление: Дисс. ... канд социол. наук. М., 1995. 145 с.
24. Лабиринты одиночества: Сборник статей / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. 624 с.
25. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Смысл, 2005. 352 с.
26. Лысогорская М.В. Типы родительской семьи и особенности внутриличностного ценностного конфликта у подростков: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2011. 23 с.
27. Малышева С.В. Особенности чувства одиночества у подростков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2001. № 3. С. 61–65.
28. Матеев Д.А. Типология одиночества // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 1. С. 70–74.

Дегтярёв А.В., Чивилёва С.Д., Купцова Д.М.
Связь эмоционального интеллекта, уровня
одиночества и особенностей отношения
к родителям в подростковом возрасте
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 50–68

Degtyarev A.V., Chivileva S.D., Kuptsova D.M.
The Connection Between Emotional Intelligence,
the Level of Loneliness and Characteristics of Attitudes
towards Parents in Adolescence
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 50–68

29. Оконечникова Л.В. Особенности межличностного восприятия в отношениях между подростками и их родителями // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2015. № 4-2. С. 59–63.
30. Панкратова И.А. Особенности оценки поведения родителей и отношения к ним подростков с различным уровнем субъективного благополучия // Мир науки. 2017. Том 5. № 2.
31. Перлман Д., Пенло Л. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества: Сборник статей / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М., 1989. С. 152–169.
32. Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982. 168 с.
33. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб: Питер, 2012. 237 с.
34. Трубникова С.Г. Проблема психологии одиночества в философской и психологической литературе XX века. М., 1998. 20 с.
35. Тудупова Т.Ц., Худякова И.С. Особенности проявления одиночества в подростковом возрасте // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 135–140.
36. Чижова Е.А. Феномен одиночества в подростковом возрасте // Бюллетень медицинской науки. 2020. № 1S. С. 55–56.
37. Шерешкова Е.А., Прокофьева Ю.В. Формирование осознанного отношения подростков к своим родителям // Педагогическое образование в России. 2022. № 2. С. 151–161.

References

1. Andreeva I.N. Ob istorii razvitiya ponyatiya “emotsional’nyi intellekt”. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 2008, no. 5, pp. 80–83. (In Russ.).
2. Andreeva I.N. Emotsional’nyi intellekt: issledovanie fenomena. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 2006, no. 3, pp. 78–86. (In Russ.).
3. Bariso J. EQ. Emotsional’nyi intellekt na praktike. Kak upravlyat’ svoimi emotsiyami i ne pozvolyat’ im upravlyat’ [EQ APPLIED: The Real-World Guide to Emotional Intelligence]. Moscow: Eksmo, 2019. 150 p. (In Russ.).
4. Barmina P.S., Nozikova N.V. Osobennosti mezhlichnostnykh otnoshenii i perezhivaniya odinchestva v yunosheskom vozraste v zavisimosti ot faktora pola [Peculiar Features of Interpersonal Relationships and Experiences of Loneliness in Adolescence Depending on the Gender Factor] [Elektronnyi resurs]. *Ekspierimental’naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2023. Vol. 16, no. 1, pp. 167–181. doi:10.17759/exppsy.2023160110 (In Russ.).
5. Vasserman L.I., Gorkovaya I.A., Romitsyna E.E. Psikhologicheskaya metodika “Podrostki o roditelyakh” i ee prakticheskoe primenenie. Saint Petersburg: FARMindeks, 2001. 68 p. (In Russ.).
6. Vygotsky L.S. Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste. Moscow: Perspektiva, 2020. 121 p. (In Russ.).
7. Gagarin A.S. Homo Solus. Odinochestvo kak fenomen chelovecheskogo bytiya. *Ratsional’nost’ irratsional’nogo*. Ekaterinburg, 1991, pp. 77–109. (In Russ.).
8. Goleman D. Emotsional’nyi intellekt. Pochemu on mozhet znachit’ bol’she, chem IQ [Emotional intelligence. Why it can matter more than IQ]. Moscow: AST, 2013. 487 p. (In Russ.).
9. Dementiy L.I., Koroteeva E.M. Odinochestvo podrostkov: fenomenologiya, faktory, tipologiya: Monografiya. Moscow: Direkt-Media, 2021. 132 p. (In Russ.).
10. Dolginova O.B. Odinochestvo i otchuzhdennost’ v podrostkovom i yunosheskom vozraste: Diss. kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 1996. 166 p. (In Russ.).

11. Egorova U.G. Vzaimosvyaz' roditel'skogo otnosheniya i konfliktnosti podrostkov [Interdependence of parents' attitude to children and teenagers' clash]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2013. Vol. 15, no. 2 (4), pp. 964–968. (In Russ.).
12. Elagina V.S., Reznik N.A. Osobennosti vzaimootnoshenii podrostkov s roditelyami [Particular features of teenager-parent relationships] [Elektronnyi resurs]. *Pedagogika: istoriya, perspektivy = Pedagogy: History, Prospects*, 2022. Vol. 5, no. 4, pp. 13–22. doi:10.17748/2686–9969–2022–5-4-13-22 (In Russ.).
13. Zababurina O.S. Osobennosti odinochestva v podrostkovom vozraste [Features of loneliness in adolescence]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, 2018, no. 1 (78), pp. 243–245. (In Russ.).
14. Ivanova E.S. Osobennosti emotsional'nogo intellekta v podrostkovom vozraste [Peculiarities of Emotional Intelligence of Teenagers]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii obrazovaniya = Education and Science Journal*, 2011, no. 1 (80), pp. 33–41. (In Russ.).
15. Istratova O.N., Koshel A.I., Ryabukhina V.V. Samostoyatel'nost' sovremennykh starsheklassnikov v uchebnoi deyatel'nosti, otnosheniyakh s roditelyami i sverstnikami [Independence of modern high school pupils in educational activity, relations with parents and peers]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki = Proceedings of Southern Federal University. Pedagogical Sciences*, 2013, no. 7, pp. 68–76. (In Russ.).
16. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya: Uchebnoe posobie. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p. (In Russ.).
17. Karabanova O.A., Poskrebysheva N.N. Razvitie lichnostnoi avtonomii podrostkov v otnosheniyakh s roditelyami i sverstnikami [The development of the personality autonomy in adolescence in the child-parent and adolescent-peer relations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2011, no. 2, pp. 36–47. (In Russ.).
18. Karnatskaya N.V. Vliyanie sem'i na sotsializatsiyu podrostka [Family influence on a teenager socialization] [Elektronnyi resurs]. *Kontsept = Konzept*, 2017, no. 8, pp. 61–70. doi:10.24422/MCITO.2017.8.6964 (In Russ.).
19. Kirpikov A.R. Pozitivnye aspekty perezhivaniya odinochestva v podrostkovom vozraste: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2002. 181 p. (In Russ.).
20. Kolmogorova L.S., Manakova E.A. Preodolenie perezhivaniya odinochestva: Uchebno-metodicheskoe posobie. Barnaul: AltGPU Publ., 2015. 55 p. (In Russ.).
21. Konovalova, A.M. Psikhologicheskoe sodержanie uvazheniya k roditelyam v podrostkovom vozraste: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2017. 269 p. (In Russ.).
22. Kochetova Yu.A. Emotsional'nyi intellekt starshikh podrostkov: Monografiya. Moscow, 2021. 104 p. (In Russ.).
23. Kurtiyan S.V. Odinochestvo kak sotsial'noe yavlenie: Diss. kand. sotsiol. nauk. Moscow, 1995. 145 p. (In Russ.).
24. Pokrovsky N.E. (Ed.). Labirinty odinochestva: Sbornik statei. Moscow: Progress, 1989. 624 p. (In Russ.).
25. Leontiev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2005. 352 p. (In Russ.).
26. Lysogorskaya M.V. Tipy roditel'skoi sem'i i osobennosti vnutrilichnostnogo tsennostnogo konflikta u podrostkov: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Yaroslavl, 2011. 23 p. (In Russ.).

Дегтярёв А.В., Чивилёва С.Д., Купцова Д.М.
Связь эмоционального интеллекта, уровня
одиночества и особенностей отношения
к родителям в подростковом возрасте
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 50–68

Degtyarev A.V., Chivileva S.D., Kuptsova D.M.
The Connection Between Emotional Intelligence,
the Level of Loneliness and Characteristics of Attitudes
towards Parents in Adolescence
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 50–68

27. Malysheva S.V. Osobennosti chuvstva odinochestva u podrostkov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2001, no. 3, pp. 61–65. (In Russ.).
28. Mateev D.A. Tipologiya odinochestva [Typology of solitude]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian Sciences in Siberia*, 2008, no. 1, pp. 70–74. (In Russ.).
29. Okonechnikova L.V. Osobennosti mezhlichnostnogo vospriyatiya v otnosheniyakh mezhdu podrostkami i ikh roditelyami. *Novaya nauka: Opyt, traditsii, innovatsii = Novaya Nauka: Opyt, Traditsii, Innovatsii*, 2015, no. 4-2, pp. 59–63. (In Russ.).
30. Pankratova I.A. Osobennosti otsenki povedeniya roditelei i otnosheniya k nim podrostkov s razlichnym urovnem sub’ektivnogo blagopoluchiya [Features of the assessment of the behavior of parents and the attitude of adolescents with different levels of subjective well-being]. *Mir nauki = World of Science*, 2017. Vol. 5, no. 2. (In Russ.).
31. Perlman D., Peplau L.A. Teoreticheskie podkhody k odinochestvu. In Pokrovsky N.E. (Ed.). *Labirinty odinochestva: Sbornik statei*. Moscow: Progress, 1989, pp. 152–169. (In Russ.).
32. Petrovskaya L.A. Teoreticheskie i metodicheskie problemy sotsial’no-psikhologicheskogo treninga. Moscow, 1982. 168 p. (In Russ.).
33. Rice F.Ph., Dolgin K.G. Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta [The Adolescent]. Saint Petersburg: Piter, 2012. 237 p. (In Russ.).
34. Trubnikova S.G. Problema psikhologii odinochestva v filosofskoi i psikhologicheskoi literature XX veka. Moscow, 1998. 20 p. (In Russ.).
35. Tudupova T.Ts., Khudyakova I.S. Osobennosti proyavleniya odinochestva v podrostkovom vozraste [The peculiarities of teenagers’ loneliness]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = The Buryat State University Bulletin*, 2009, no. 5, pp. 135–140. (In Russ.).
36. Chizhova E.A. Fenomen odinochestva v podrostkovom vozraste [Loneliness in adolescents]. *Byulleten’ meditsinskoi nauki = Bulletin of Medical Science*, 2020, no. 1S, pp. 55–56. (In Russ.).
37. Shereshkova E.A., Prokofieva Yu.V. Formirovanie osoznannogo otnosheniya podrostkov k svojim roditelyam [Formation of a Conscious Attitude of Adolescents Towards Their Parents]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2022, no. 2, pp. 151–161. (In Russ.).

Информация об авторах

Дегтярёв Артём Викторович, старший преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Чивилёва Софья Дмитриевна, студентка, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9724-9276>, e-mail: sonyachiv@gmail.com

Купцова Дарина Михайловна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Дегтярёв А.В., Чивилёва С.Д., Купцова Д.М.
Связь эмоционального интеллекта, уровня
одиночества и особенностей отношения
к родителям в подростковом возрасте
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 50–68

Degtyarev A.V., Chivileva S.D., Kuptsova D.M.
The Connection Between Emotional Intelligence,
the Level of Loneliness and Characteristics of Attitudes
towards Parents in Adolescence
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 50–68

Information about the authors

Artem V. Degtyarev, Senior Lecturer, Department of Forensic and Clinical Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Sofia D. Chivileva, Student, Department of Forensic and Clinical Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9724-9276>, e-mail: sonyachiv@gmail.com

Darina M. Kuptsova, Lecturer, Department of Forensic and Clinical Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Получена 01.07.2024
Принята в печать 10.08.2024

Received 01.07.2024
Accepted 10.08.2024

Ценностные предикторы гражданской идентичности у подростков с девиантным поведением

Горьковая И.А.

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО «СПбГПМУ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1488-4746>, e-mail: iralgork@mail.ru

Микляева А.В.

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Самойлов О.М.

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1509-7225>, e-mail: osamoilov1@gmail.com

На фоне роста интереса к проблемам формирования гражданской идентичности у подростков остается недостаточно изученным вопрос об особенностях ее становления у подростков с девиантным поведением, для которых характерна отличающая их от сверстников с условно нормативным развитием система ценностей. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление ценностных предикторов гражданской идентичности у подростков с девиантным поведением. Выборку составили респонденты ($N = 130$) в возрасте 13—18 лет ($M = 15,25 \pm 1,14$), в том числе 52 подростка с устойчивым девиантным поведением, а также 78 их сверстников с условно нормативным поведением. Респонденты отвечали на вопросы методики «Валентность гражданской идентичности» (Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко) и сокращенного варианта «Портретного ценностного опросника» (Ш. Шварц). По результатам исследования, в качестве наиболее значимых ценностей подростки в обеих группах выделяют доброту, самостоятельность и безопасность, а наименьшее значение отводят ценности власти. Кроме того, у подростков с девиантным поведением отмечается важность ценности конформности. Установлено, что ценность власти является отрицательным предиктором гражданской идентичности у подростков независимо от возраста и нормативности поведения, при этом для подростков с девиантным поведением значимым предиктором гражданской идентичности является также гедонизм. Обсуждаются перспективы изучения содержания гражданской идентичности у подростков с устойчивым девиантным поведением.

Ключевые слова: гражданская идентичность, подростки, подростки с девиантным поведением, ценности, ценностные предикторы.

Горьковая И.А., Микляева А.В., Самойлов О.М.
Ценностные предикторы гражданской идентичности
у подростков с девиантным поведением
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 69–83

Gorkovaya I.A., Miklyaeva A.V., Samoilov O.M.
Value Predictors of Civic Identity
in Adolescents with Deviant Behavior
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 69–83

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках гранта № 23-28-00482, <https://rscf.ru/project/23-28-00482/>

Для цитаты: Горьковая И.А., Микляева А.В., Самойлов О.М. Ценностные предикторы гражданской идентичности у подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 69–83. DOI:10.17759/psylaw.2024140306

Value Predictors of Civic Identity in Adolescents with Deviant Behavior

Irina A. Gorkovaya

Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1488-4746>, e-mail: iralgork@mail.ru

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Oleg M. Samoilov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1509-7225>, e-mail: osamoilov1@gmail.com

Against the background of growing interest in the problems of forming the civic identity of adolescents, the question of the peculiarities of its formation in adolescents with deviant behavior, which are characterized by a value system that distinguishes them from their peers with conditionally normative development, remains insufficiently studied. The article presents the results of an empirical study aimed at identifying value predictors of civic identity in adolescents with deviant behavior. The sample consisted of respondents (N = 130) aged 13-18 years ($M = 15.25 \pm 1.14$), including 52 adolescents with stable deviant behavior, as well as 78 of their peers with conditionally normative behavior. The respondents answered the questions of the methodology “Valence of civic identity” and an abbreviated version of the “Portrait Value Questionnaire” (PVQ). According to the results of the study, the most significant values of adolescents in both groups are kindness, independence and safety, and the least importance is given to the values of authority. In addition, adolescents with deviant behavior note the importance of the value of conformity. It has been established that the value of authority is a negative predictor of civic identity in adolescents, regardless of age and normativity of behavior, while hedonism is also a significant predictor of civic identity for adolescents with deviant behavior. The prospects of studying the content of civic identity in adolescents with resilient deviant behavior are discussed.

Keywords: civic identity, adolescents, adolescents with deviant behavior, values, value predictors.

Funding: the reported study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project number 23-28-00482 <https://rscf.ru/project/23-28-00482/>

For citation: Gorkovaya I.A., Miklyaeva A.V., Samoilov O.M. Value Predictors of Civic Identity in Adolescents with Deviant Behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 69–83. DOI:10.17759/psylaw.2024140306 (In Russ.).

Введение

Высокие темпы глобализации и общемировые тенденции к интеграции культур, а также нестабильность мировой политической обстановки все больше привлекают внимание исследователей к вопросам формирования гражданской идентичности. Особенно значимыми являются исследования становления гражданской идентичности в подростковом возрасте, представляющем собой важнейший этап социализации личности, в течение которого происходит активное освоение общественных норм и ценностей. В этом контексте актуальными представляются исследования гражданской идентичности не только у тех подростков, становление личности которых протекает в логике нормативных сценариев, но и у тех, которые демонстрируют устойчивые формы девиантного поведения. Несмотря на то, что исследователи усматривают довольно тесные взаимосвязи между характеристиками гражданской идентичности и нормативностью поведения человека (например, отмечая, что некоторые формы девиантного поведения могут быть следствием размывания гражданской идентичности в результате процессов глобализации [3]), на данном этапе в психологической литературе вопросы, связанные с изучением гражданской идентичности у подростков с девиантным поведением, практически не представлены.

Гражданская идентичность представляет собой результат осознания собственной принадлежности к общности граждан той или иной страны. Характеристика гражданской идентичности через осознание принадлежности человека к группе сограждан позволяет определять данный феномен как часть социальной идентичности. В нашем исследовании мы придерживаемся концепции А.Н. Татарко, согласно которой гражданская идентичность включает в себя два важнейших компонента: силу и валентность [11]. Сила отражает оформленность и четкость чувства принадлежности, а валентность характеризует степень позитивности этого чувства.

Как показывают исследования, гражданская идентичность определяется целым рядом факторов, в числе которых одно из ведущих мест занимают ее ценностные детерминанты.

Согласно отечественным исследованиям, ценностным базисом гражданской идентичности у россиян выступает общественная безопасность, которая относится к блоку ценностей сохранения [6]. Помимо этого, конформизм, традиции, безопасность выступают позитивными предикторами валентности гражданской идентичности [5]. Наибольшую значимость в формировании гражданской идентичности имеют доверие, безопасность и отношение к своей стране [11; 14]. Анализ литературы [14; 16; 24] позволяет отметить, что в течение последних лет происходит смещение фокуса исследований с гражданской идентичности на ее проявления в формах гражданской активности. В качестве проявлений гражданской активности исследователи выделяют социальную включенность, активную гражданскую позицию, политическую вовлеченность и общественную деятельность [20], основанные на гражданских убеждениях и опыте [25]. На материале российской выборки показано, что гражданская активность коррелирует с такими ценностями, как традиции, безопасность, универсализм, толерантность, забота о других, скромность, конформизм и стимуляция. Обнаружены взаимосвязи гражданской идентичности с коллективистскими ценностями, направленными на благо общества и своей страны [14]. В зарубежной литературе описана положительная взаимосвязь гражданской идентичности с ценностями стимулирования, универсализма и отрицательная

взаимосвязь с традициями и личной безопасностью [28]. В исследованиях конструктивного патриотизма, который рассматривается в качестве близкого коррелята гражданской идентичности, показаны его взаимосвязи с ценностями роста, в противоположность ценностям сохранения [27; 29; 31]. При этом в статье израильских исследователей описывается позитивная связь ценностей безопасности и конформности с идентификацией со своей страной, что позволяет сделать вывод о гетерогенности данных в разных культурах [26].

Следует отметить, что представленные выше данные характеризуют взаимосвязи гражданской идентичности и ценностей, полученные на материале выборок взрослых респондентов. Однако известно, что ценностные ориентации подростков представляют собой иную структуру, нежели у взрослых людей, в частности у данной возрастной группы выше выраженность ценностей роста, самоутверждения, открытости изменениям, при этом ниже значимость ценностей сохранения [1]. Согласно исследованиям, уровень соответствия ценностей подростков и представляемых ими ценностных ориентацией референтной группы оказывает влияние на субъективное благополучие личности [9], при этом наибольший вклад в последнее вносят ценности роста [23]. Кроме того, для подростков высокое значение имеют такие ценности, как благожелательность, гедонизм, репутация, самостоятельность и достижения; в конце иерархии находятся ценности — конформность, власть и скромность [7], а также весомый вклад имеет характер семейного взаимодействия и общения со сверстниками [15; 19; 30]. Эмпирически подтверждено, что средовые факторы, такие как семейная ситуация и взаимодействие с одноклассниками, являются предикторами гражданской активности в подростковом возрасте [21]. Совокупность описанных фактов не позволяет переносить имеющиеся сведения о характере взаимосвязей между гражданской идентичностью и ценностями на подростковые выборки без их эмпирической проверки. Исследования ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением подчеркивают смещение их ценностей от гуманистических и этических, которые присущи подросткам с нормативным поведением, к материальным [8], приоритет индивидуалистических ценностей над коллективистскими [10; 12], в отличие от их сверстников с условно нормативным поведением. Ориентация на индивидуалистические ценности у подростков с девиантным поведением может обуславливаться рядом факторов, например выбором неадаптивных копинг-стратегий (протест, активное избегание, отступление, агрессивность, самообвинение и др.) в трудных ситуациях, фрустрирующим потребности в совместной деятельности [2]. Наиболее выражены у подростков с девиантным поведением такие ценности, как власть, гедонизм и самостоятельность [13], обнаружены корреляции девиантного поведения и неудовлетворенности семейной ситуацией [17]. Такие данные позволяют предположить, что в основании гражданской идентичности подростков-девиантов лежит иная структура ценностных ориентаций, нежели у подростков с нормативным поведением. Однако эмпирических данных о ценностной детерминации гражданской идентичности подростков с девиантным поведением к данному этапу в литературе не представлено.

Таким образом, ранее уже предпринимались попытки изучения ценностей, которые лежат в основе гражданской идентичности россиян. При этом на данном этапе отсутствуют исследования, в которых данный вопрос рассматривается в контексте нормативности поведения подростков. Именно поэтому *целью* данного исследования стало изучение ценностных предикторов гражданской идентичности у подростков с девиантным и условно нормативным поведением.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 130 подростков в возрасте от 13 до 18 лет, из которых 52 подростка — с устойчивым девиантным поведением, среди них — 22 мальчика и 28 девочек, 2 подростка — без указания пола, средний возраст — $15,27 \pm 1,33$ (учащиеся специализированного образовательного учреждения интернатного типа, склонных к уклонению от обучения и мелкому воровству, эпизодическому употреблению алкоголя и иных психоактивных веществ) и 78 подростков — с условно нормативным поведением, 47 мальчиков, 27 девочек и 4 подростка — без указания пола, средний возраст составляет $15,24 \pm 1,01$ (учащиеся общеобразовательных школ). В ходе статистического анализа использовалась следующая кодировка групп: 1 — группа сравнения, 2 — подростки с девиантным поведением. Для изучения особенностей гражданской идентичности использовалась методика «Валентность гражданской идентичности» Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко [4], а исследование ценностных ориентаций подростков проводилось с помощью сокращенного варианта «Портретного ценностного опросника» Ш. Шварца [22]. Программа и протокол исследования были одобрены Этическим комитетом РГПУ имени А.И. Герцена (Протокол ЭК № 24 от 27.11.2023).

Обработка данных осуществлялась с помощью пакета прикладных статистических программ Microsoft Office Excel 2018, Statistica10.0, SPSS Ver.23 AMOS (Analysis of Moment Structures). Расчет первичных описательных статистик включал в себя такие показатели, как среднее значение (M), стандартное отклонение (SD) и медиана (Me). В соответствии с результатами анализа характера распределения данных (для показателей гражданской идентичности: K-S $d = 0,11—0,15$, при $p < 0,10$; для ценностей $d = 0,14—0,25$, при $p < 0,05$) использовались непараметрические методы анализа, а именно критерий Краскела—Уоллиса (H), коэффициент корреляции Спирмена (r_s), а также моделирование структурными уравнениями (asymptotically distribution-free метод).

Результаты и их обсуждение

Анализ первичных описательных статистик (см. табл. 1) позволяет сделать вывод о средней выраженности показателей гражданской идентичности у подростков независимо от нормативности поведения. Сравнительный анализ характеристик гражданской идентичности свидетельствует об отсутствии достоверных различий в выраженности гражданской идентичности и ее компонентов между группами подростков с девиантным и с условно нормативным поведением. Сравнительный анализ ценностей показал, что в их структуре у подростков с девиантным поведением достоверно менее выражены самостоятельность и универсализм, чем у их сверстников с условно нормативным поведением. На уровне тенденций отмечаются также различия в выраженности ценности гедонизма. В целом, у подростков с девиантным поведением наиболее выражены такие ценности, как самостоятельность, доброта, конформность, безопасность, наименее выражена ценность власти. В группе сравнения наиболее выраженными оказались ценности самостоятельности, безопасности, доброты, гедонизма, достижений, универсализма и стимулирования, низкую выраженность имеют ценности власти и традиций.

Таким образом, в структуре ценностных ориентаций у подростков независимо от нормативности поведения наиболее выражены самостоятельность, безопасность и доброта, тогда как наименьшую выраженность в обеих группах имеет ценность власти. Полученные нами результаты в целом совпадают с описанными в литературе тенденциями [11; 14], включая данные о том, что для российских подростков доминирующие места в иерархии ценностей занимают достижения, самостоятельность, гедонизм, безопасность и благожелательность, в

то время как наименее значимыми ценностями являются конформность и власть [7]. В то же время, в отличие от данных, представленных в литературе, в нашем исследовании была зафиксирована слабая выраженность ценности традиции в группе подростков с условно нормативным поведением, а также высокое значение ценности конформности у подростков с девиантным поведением. Отметим, что выявленная в группе подростков с условно нормативным поведением иерархия ценностей в большей степени соответствует описанным в литературе тенденциям; при этом в группе подростков с девиантным поведением обнаруживаются существенные отличия, которые проявляются, прежде всего, в высокой значимости конформности и низкой значимости гедонизма в иерархии ценностей. Эти данные предполагают необходимость дифференцированного подхода к анализу ценностных ориентаций подростков с различными траекториями социализации и указывают на невозможность прямого переноса результатов, полученных на подростках с нормативным поведением на их сверстников с девиантным поведением. В структуре ценностей подростков с девиантным поведением, по всей вероятности, преобладают те ценности, которые ориентированы на поддержание стабильности и обеспечивают им избегание наказаний в просоциальных видах активности, а также интеграцию в референтные группы, отношения в которых, как правило, регламентируются жесткой иерархической структурой социальных ролей, в то время как подросткам с условно нормативным поведением в большей степени свойственны ценности роста и открытости изменениям.

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей гражданской идентичности и ценностей в выборках подростков с девиантным и условно нормативным поведением

Показатели	Подростки с девиантным поведением			Подростки с условно нормативным поведением			Различия между группами (Kruskal-Wallis H-test)		
	M	Me	SD	M	Me	SD	H	P-value	
Сила гражданской идентичности	6,17	6,00	2,27	6,08	6,00	1,99	0,21	0,65	
Валентность гражданской идентичности	6,94	7,00	2,05	6,69	7,00	1,87	0,60	0,44	
Гражданская идентичность (суммарный балл)	13,12	13,00	3,96	12,77	13,00	3,53	0,37	0,54	
Ценности	Власть	3,65	4,00	2,54	4,03	4,00	2,23	1,02	0,31
	Достижения	5,02	5,00	2,42	5,80	6,00	1,92	2,57	0,11
	Гедонизм	4,92	5,00	2,74	5,91	6,00	2,13	3,46	0,06
	Стимулирование	5,10	5,00	2,45	5,80	6,00	2,16	2,23	0,14
	Самостоятельность	5,51	6,00	2,55	6,69	7,00	1,68	6,15	0,01
	Универсализм	4,84	5,00	2,49	5,99	6,00	1,89	6,15	0,01
	Доброта	5,43	6,00	2,52	6,07	6,50	2,02	1,44	0,23
	Традиции	5,06	6,00	2,63	4,75	5,00	2,30	0,82	0,37
	Конформность	5,49	6,00	2,39	5,18	5,00	2,43	0,64	0,42
Безопасность	5,59	6,00	2,43	6,31	7,00	2,02	2,40	0,12	

Корреляционный анализ (табл. 2) позволил установить, что структура взаимосвязей показателей, полученных в группах подростков с девиантным и условно нормативным поведением, различается. В группе подростков с девиантным поведением показатель гражданской идентичности положительно коррелирует с ценностью гедонизма. В группе подростков с условно нормативным поведением выявлена положительная корреляционная взаимосвязь гражданской идентичности и ценности безопасности, что согласуется с данными, представленными в литературе [5; 6], и, помимо этого, отрицательная взаимосвязь между показателями гражданской идентичности и ценности власти.

Таблица 2

Взаимосвязи показателей гражданской идентичности и ценностей подростков с девиантным и условно нормативным поведением

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
В выборке подростков с девиантным поведением											
1. Гражданская идентичность	1,00	0,13	0,19	0,28*	0,12	0,20	0,12	0,20	0,27	0,14	0,04
2. Власть		1,00	0,60**	0,46**	0,48**	0,50**	0,48**	0,49* *	0,23	0,43**	0,26
3. Достижения			1,00	0,64**	0,64**	0,63**	0,48**	0,61**	0,30*	0,47**	0,36**
4. Гедонизм				1,00	0,66**	0,64**	0,61**	0,46**	0,22	0,24	0,24
5. Стимулирование					1,00	0,54**	0,50**	0,58**	0,28*	0,34*	0,30*
6. Самостоятельность						1,00	0,66**	0,67**	0,38**	0,60**	0,49**
7. Универсализм							1,00	0,58**	0,38**	0,36**	0,49**
8. Доброта								1,00	0,59**	0,72**	0,64**
9. Традиции									1,00	0,68**	0,51**
10. Конформность										1,00	0,65**
11. Безопасность											1,00
В выборке подростков с условно нормативным поведением											
1. Гражданская идентичность	1,00	-0,23*	0,09	-0,02	0,07	0,18	0,09	0,18	0,04	0,13	0,26*
2. Власть		1,00	0,40**	0,26*	0,25*	0,07	0,16	0,09	0,25*	0,12	0,02
3. Достижения			1,00	0,56**	0,60**	0,37**	0,37**	0,35**	0,20	0,27*	0,42**
4. Гедонизм				1,00	0,65**	0,43**	0,47**	0,37**	0,18	0,19	0,29*

5. Стимулирование					1,00	0,58**	0,51**	0,41**	0,17	0,24*	0,35**
6. Самостоятельность						1,00	0,43**	0,36**	0,15	0,24*	0,55**
7. Универсализм							1,00	0,41**	0,29**	0,51**	0,45**
8. Доброта								1,00	0,31**	0,49**	0,40**
9. Традиции									1,00	0,48**	0,27*
10. Конформность										1,00	0,44**
11. Безопасность											1,00

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

В дополнение к данным, представленным в табл. 2, отметим, что у подростков с условно нормативным поведением выявлена положительная взаимосвязь ценности самостоятельности с возрастом ($r_s = 0,24$; $p < 0,05$). Данный результат отражает ценностную динамику в контексте взросления, показывающую повышение значимости самостоятельности в процессе становления личности. При этом у подростков с девиантным поведением такой особенности не выявлено. Можно предположить, что это связано с более ранним становлением ощущения самостоятельности, а также высокой значимостью данной ценности у подростков с девиантным поведением, отмечаемой в исследованиях [13].

Для выявления влияния ценностей подростков на показатели гражданской идентичности использовался метод моделирования структурными уравнениями. Финальная модель (рис. 1) имеет следующие параметры: $\chi^2 = 46,6$; $df = 40$; $CFI = 0,98$; $RMSEA = 0,04$.

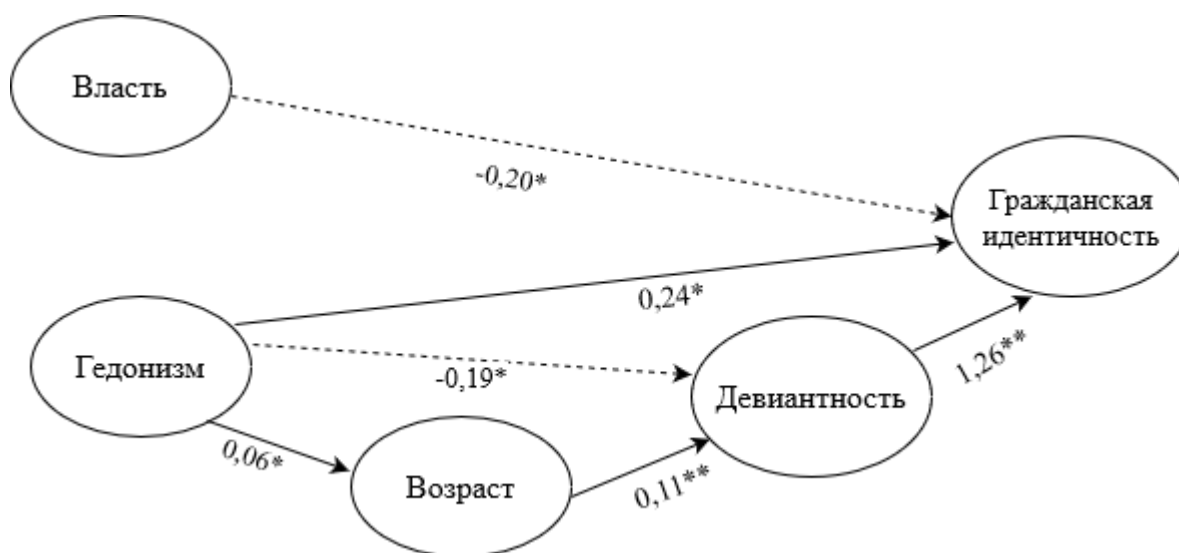

Рис. 1. Предикторы гражданской идентичности у подростков («*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$)

Ценность власти имеет прямое отрицательное влияние на гражданскую идентичность независимо от нормативности поведения подростков и их возраста. Ценность гедонизма положительно влияет на гражданскую идентичность, как напрямую, так и опосредованно через

показатели возраста и нормативности поведения. Таким образом, власть является отрицательным предиктором гражданской идентичности независимо от нормативности поведения и возраста подростков, а гедонизм дифференцированно прогнозирует формирование гражданской идентичности у подростков с учетом их возрастных и поведенческих особенностей, определяя, в первую очередь, гражданскую идентичность подростков с девиантным поведением.

Можно предположить, что отрицательный вклад ценности власти в показатели гражданской идентичности, который не зависит от нормативности поведения и возраста подростков, в целом соотносится с идеей о том, что гражданская идентичность поддерживается, в первую очередь, не ценностями сохранения, а ценностями роста [18; 31]. Вклад ценности гедонизма в гражданскую идентичность, напротив, противоречит имеющимся данным, однако, как показано эмпирическими данными, он значительно более характерен для подростков с девиантным поведением, чем для их сверстников из группы сравнения. Можно предполагать, что для подростков с девиантным поведением декларация позитивной гражданской идентичности сопряжена с определенными выгодами, например, позволяет им получать одобрение от социума. Вполне вероятно, что ответы респондентов, составивших выборку подростков с девиантным поведением, опосредованы эффектом социальной желательности в большей степени, чем ответы их сверстников из группы сравнения. Другое возможное объяснение связано с предположением о том, что содержание гражданской идентичности подростков с девиантным поведением отличается от того, которое характерно для их сверстников с условно нормативным поведением — возможно, идентификация со своей страной связана в их сознании не с просоциальным поведением, а воспринимается как инструмент получения некоторых личных выгод, удовлетворения индивидуальных потребностей. Косвенным подтверждением этого предположения является отмеченное выше преобладание ценностей сохранения над ценностями роста у подростков с девиантным поведением, при том, что гражданская идентичность, как было показано, поддерживается, в первую очередь, ценностями роста. Эти предположения предполагают необходимость детального изучения содержания гражданской идентичности подростков с девиантным поведением, что составляет перспективы данного исследования.

Представленное исследование не лишено ограничений. Первое из них связано с использованием краткой версии ценностного опросника, которая, возможно, дает менее надежные данные в сравнении с полной версией. Второе ограничение связано с относительно небольшим объемом выборки, а также мягкими критериями включения подростков в основную группу. Вместе с тем полученные данные, на наш взгляд, можно рассматривать как основу для дальнейших, более детальных исследований этой проблематики.

Выводы

По результатам исследования можно констатировать, что у подростков независимо от нормативности поведения наблюдается средняя выраженность гражданской идентичности. Универсальным отрицательным предиктором гражданской идентичности у подростков, независимо от нормативности их поведения и возраста, является ценность власти, в то время как ценность гедонизма вносит опосредованный положительный вклад в показатели гражданской идентичности подростков с девиантным поведением: более высокие показатели силы и валентности гражданской идентичности обнаруживаются у тех подростков с девиантным поведением, для которых более значимой является ценность гедонизма. Полученные результаты необходимо учитывать в работе по психолого-педагогическому сопровождению

становления гражданской идентичности у подростков с девиантным поведением, фокусируя внимание на просоциальность мотивации привязанности к своей стране и определяемых ею форм гражданской активности. Перспективы исследования связаны с содержательным анализом гражданской идентичности подростков с девиантным поведением, который позволил бы эмпирически уточнить гипотезу об особенностях содержания идентификации со своей страной у данной категории подростков.

Литература

1. *Галяпина В.Н.* Взаимосвязь ценностей, идентичностей и установки на поддержание мультикультурной идеологии у русских в Краснодарском крае: межпоколенный анализ [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2021. Том 14. № 78. С. 1–21. doi:10.54359/ps.v14i78.128
2. *Гарнаева Г.И., Шишова Е.О.* Особенности психологических защит и копинг-стратегий несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 107–118. doi:10.17759/psylaw.2023130108
3. *Гурина О.Д.* Ксенофобия и девиантное поведение у подростков и молодежи: обзор отечественных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 97–109. doi:10.17759/psylaw.2017070308
4. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Функциональная роль гражданской идентичности в структуре социального капитала // Идентичность и организация в меняющемся мире: Сборник научных статей. М.: Издательский дом «ГУ-ВШЭ», 2009. С. 13–40.
5. *Лепшокова З.Х.* Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 61–75. doi:10.11621/npj.2021.0206
6. *Лепшокова З.Х., Лебедева Н.М.* Инклюзивные и эксклюзивные идентичности представителей разных народов России: роль базовых ценностей [Электронный ресурс] // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. С. 90–105. doi:10.46320/9785-9961-2950-8-2022-6-1-17
7. *Мартишина Д.Д.* Ценностные ориентации и моральное развитие в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Том 10. № 51. doi:10.54359/ps.v10i51.401
8. *Никитская Е.А.* Использование конфессионально-педагогических форм работы с несовершеннолетними в воспитании патриотизма и профилактике экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 150–162. doi:10.17759/psylaw.2021110112
9. *Радчикова Н.П., Сорокова М.Г.* Ценностные ориентации в психологическом благополучии подростка: итоги структурного моделирования [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2023. Том 4. № 1. С. 7–17. doi:10.17759/ssc.2023040101
10. *Сидоренко Н.С., Нижник Н.С.* Детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних: значение правовой культуры при выборе личностью модели правового поведения // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 119–126.
11. *Татарко А.Н.* Роль гражданской идентичности в структуре социального капитала // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 2. С. 62–69.

12. Фокина И.В. Специфика ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 9. С. 61–63.
13. Харитонова Е.В., Хамдамова А.Ю. Ценностные ориентации подростков, склонных к девиантному поведению [Электронный ресурс] // Южно-Российский журнал социальных наук. 2022. Том 23. № 4. С. 56–69. doi:10.31429/26190567-23-4-56-69
14. Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 124–141. doi:10.17759/sps.2022130108
15. Benish-Weisman M., Oreg S., Berson Y. The Contribution of Peer Values to Children's Values and Behavior // Personality and Social Psychology Bulletin. 2022. Vol. 48(6). P. 844–864. doi:10.1177/01461672211020193
16. Danioni F., Villani D., Ranieri S. Personal values and substance use in adolescence and young adulthood: risk or protective factors? // Substance Use & Misuse. 2023. Vol. 58(2). P. 171–179. doi:10.1080/10826084.2022.2151312
17. Dullas A.R., Yncierto K.D., Labiano M.A., Marcelo J.C. Determinants of a Variety of Deviant Behaviors: An Analysis of Family Satisfaction, Personality Traits, and Their Relationship to Deviant Behaviors Among Filipino Adolescents // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.645126
18. Elban M., Aslan S. The role of constructive patriotism in the relationship of basic human values and active citizenship for emerging adults in Türkiye // BMC Psychology. 2023. Vol. 11(1). doi:10.1186/s40359-023-01233-z
19. Karataş S., Crocetti E., Rubini M. Developmental trajectories of ethnic and national identities in adolescents from migrant families: The role of social identification with family and classmates // European Journal of Personality. 2023. Vol. 37(6). P. 705–722. doi:10.1177/08902070221149602
20. Klamut R. Different values as the predictors of various forms of civic engagement: the polish case // Humanities and Social Sciences Quarterly. 2023. Vol. 30(4). P. 135–151. doi:10.7862/rz.2023.hss.68
21. Le T.U., Johnson S.K., Lerner J.V. The apple doesn't fall far from the tree: Longitudinal associations among American adolescents' civic engagement and family and school characteristics // Applied Developmental Science. 2023. Vol. 28(1). doi:10.1080/10888691.2023.2195183
22. Lindeman M., Verkasalo M. Measuring Values with the Short Schwartz's Value Survey // Journal of Personality Assessment. 2005. Vol. 85(2). P. 170–178. doi:10.1207/s15327752-jpa8502_09
23. Mannerström R., Hietajärvi L., Kuusisto A., Salmela-Aro K., Kallioniemi A. Value Profiles Among Finnish Adolescents and Their Associations With Subjective and Social Well-Being // Child Indicators Research. 2023. Vol. 16(2). P. 509–531. doi:10.1007/s12187-022-09992-8
24. Martini M., Rollero Ch., Rizzo M., Di Carlo S., De Piccoli N., Fedi A. Educating Youth to Civic Engagement for Social Justice: Evaluation of a Secondary School Project // Behavioral Sciences. 2023. Vol. 13(8). doi:10.3390/bs13080650
25. Metzger A., Ferris K.A., Oosterhoff B. Adolescents' Civic Engagement: Concordant and Longitudinal Associations Among Civic Beliefs and Civic Involvement // Journal of Research on Adolescence: the Official Journal of the Society for Research on Adolescence. 2019. Vol. 29(4). P. 879–896. doi:10.1111/jora.12423
26. Roccas S., Schwartz S.H., Amit A. Personal Value Priorities and National Identification // Political Psychology. 2010. Vol. 31(3). P. 393–419. doi:10.1111/j.1467-9221.2010.00763.x

27. Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M. Basic personal values, core political values and voting: A longitudinal analysis // *Political Psychology*. 2010. Vol. 31(3). P. 421–452. doi:10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x
28. Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M., Bain P., Bianchi G., Caprara M.G., Cieciuch J., Kirmanoglu H., Baslevant C., Lonngqvist J.-E., Mamali C., Manzi J., Pavlopoulos V., Posnova T., Schoen H., Silvester J., Tabernero C., Torres C., Verkasalo M., Vondrakova E., Welzel Ch., Zaleski Z. Basic personal values underlie and give coherence to political values: A cross national study in 15 countries // *Political Behavior*. 2014. Vol. 36(4). P. 899–930. doi:10.1007/s11109-013-9255-z
29. Sekerdej M., Roccas S. Love vs loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism // *The British Journal of Social Psychology*. 2016. Vol. 55(3). P. 499–521. doi:10.1111/bjso.12142
30. Wanders F.H.K., Dijkstra A.B., Maslowski R., van der Veen I., Amna E. The Role of Teachers, Parents, and Friends in Developing Adolescents' Societal Interest // *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2021. Vol. 65(5). P. 736–751. doi:10.1080/00313831.2020.1754901
31. Yazici F. The values predicting patriotism attitudes in Turkey // *Current Psychology*. 2022. Vol. 41. P. 135–145. doi:10.1007/s12144-019-00559-5

References

- Galyapina V.N. Vzaimosvyaz' tsennostei, identichnostei i ustanovki na podderzhanie mul'tikul'turnoi ideologii u russkikh v Krasnodarskom krae: mezhpokolennyi analiz [The relationship of values, identities and multicultural ideology among the Russians in the Krasnodar region: intergenerational analysis] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2021. Vol. 14, no. 78, pp 1–21. doi:10.54359/ps.v14i78.128 (In Russ.).
- Garnaeva G.I., Shishova E.O. Osobennosti psikhologicheskikh zashchit i koping-strategii nesovershennoletnikh pravonarushitelei [Features of Psychological Defense Mechanisms and Individual Coping Strategies of Juvenile Delinquency] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 107–118. doi:10.17759/psylaw.2023130108 (In Russ.).
- Gurina O.D. Ksenofobiya i deviantnoe povedenie u podrostkov i molodezhi: obzor otechestvennykh issledovaniy [Xenophobia and deviant behavior in adolescents and young people: a review of Russian studies] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 3, pp. 97–109. doi:10.17759/psylaw.2017070308 (In Russ.).
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Funktsional'naya rol' grazhdanskoj identichnosti v strukture sotsial'nogo kapitala. *Identichnost' i organizatsiya v menyayushchemsya mire: Sbornik nauchnykh statei*. Moscow: Izdatel'skii dom "GU-VShE", 2009, pp. 13–40. (In Russ.).
- Lepshokova Z.Kh. Inklyuzivnye i eksklyuzivnye identichnosti i kontakty: rol' tsennostei i statusa etnicheskoi gruppy [Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2021, no. 2 (42), pp. 61–75. doi:10.11621/npj.2021.0206 (In Russ.).
- Lepshokova Z.Kh., Lebedeva N.M. Inklyuzivnye i eksklyuzivnye identichnosti predstavitelei raznykh narodov Rossii: rol' bazovykh tsennostei [Inclusive and exclusive identities of representatives of different peoples of Russia: the role of basic values] [Elektronnyi resurs]. *Mezhkul'turnyi i mezhreligiozniy dialog v rossiiskikh regionakh*. Tyumen': Tyumenskii industrial'nyi universitet Publ., 2022, pp. 90–105. doi:10.46320/9785-9961-2950-8-2022-6-1-17 (In Russ.).

7. Martishina D.D. Tsennostnye orientatsii i moral'noe razvitiye v podrostkovom vozraste [Value orientations and moral development in adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 51. doi:10.54359/ps.v10i51.401 (In Russ.).
8. Nikitskaya E.A. Ispol'zovanie konfessional'no-pedagogicheskikh form raboty s nesovershennoletnimi v vospitanii patriotizma i profilaktike ekstremizma [Use of Confessional-Pedagogical Forms of Work with Minors in the Upbringing of Patriotism and Prevention of Extremism] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 150–162. doi:10.17759/psylaw.2021110112 (In Russ.).
9. Radchikova N.P., Sorokova M.G. Tsennostnye orientatsii v psikhologicheskom blagopoluchii podrostka: itogi strukturnogo modelirovaniya [The Role of Value Orientations in Psychological Well-being of Adolescents: Structural Modeling Results] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2023. Vol. 4, no. 1, pp. 7–17. doi:10.17759/ssc.2023040101 (In Russ.).
10. Sidorenko N.S., Nizhnik N.S. Determinanty deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh: znachenie pravovoi kul'tury pri vybore lichnost'yu modeli pravovogo povedeniya [Determinants of deviant behavior of minors: the importance of legal culture when choosing a person models of legal behavior]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2022, no. 4 (82), pp. 119–126. (In Russ.).
11. Tatarko A.N. Rol' grazhdanskoi identichnosti v strukture sotsial'nogo kapitala [The role of civic identity in the structure of social capital]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2012, no. 2, pp. 62–69. (In Russ.).
12. Fokina I.V. Spetsifika tsennostnykh orientatsii podrostkov s deviantnym povedeniem. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2009, no. 9, pp. 61–63. (In Russ.).
13. Kharitonova E.V., Khamdamova A.Yu. Tsennostnye orientatsii podrostkov, sklonnykh k deviantnomu povedeniyu [Value Orientations of Teenagers with a Propensity for Deviant Behavior] [Elektronnyi resurs] // *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk = South-Russian Journal of Social Sciences*, 2022. Vol. 23, no. 4, pp. 56–69. doi:10.31429/26190567-23-4-56-69 (In Russ.).
14. Shamionov R.M., Bocharova E.E., Nevsky E.V. Rol' tsennostei v priverzhennosti molodezhi razlichnym vidam sotsial'noi aktivnosti [The Role of Values in the Commitment of Young People to Various Types of Social Activity] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 124–141. doi:10.17759/sps.2022130108 (In Russ.).
15. Benish-Weisman M., Oreg S., Berson Y. The Contribution of Peer Values to Children's Values and Behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2022. Vol. 48, no. 6, pp. 844–864. doi:10.1177/01461672211020193
16. Danioni F., Villani D., Ranieri S. Personal values and substance use in adolescence and young adulthood: risk or protective factors? *Substance Use & Misuse*, 2023. Vol. 58, no. 2, pp. 171–179. doi:10.1080/10826084.2022.2151312
17. Dullas A.R., Yncierto K.D., Labiano M.A., Marcelo J.C. Determinants of a Variety of Deviant Behaviors: An Analysis of Family Satisfaction, Personality Traits, and Their Relationship to Deviant Behaviors Among Filipino Adolescents. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.645126
18. Elban M., Aslan S. The role of constructive patriotism in the relationship of basic human values and active citizenship for emerging adults in Türkiye. *BMC Psychology*, 2023. Vol. 11, no. 1. doi:10.1186/s40359-023-01233-z

19. Karataş S., Crocetti E., Rubini M. Developmental trajectories of ethnic and national identities in adolescents from migrant families: The role of social identification with family and classmates. *European Journal of Personality*, 2023. Vol. 37, no. 6, pp. 705–722. doi:10.1177/08902070221149602
20. Klamut R. Different values as the predictors of various forms of civic engagement: the polish case. *Humanities and Social Sciences Quarterly*, 2023. Vol. 30, no. 4, pp. 135–151. doi:10.7862/rz.2023.hss.68
21. Le T.U., Johnson S.K., Lerner J.V. The apple doesn't fall far from the tree: Longitudinal associations among American adolescents' civic engagement and family and school characteristics. *Applied Developmental Science*, 2023. Vol. 28, no. 1. doi:10.1080/10888691.2023.2195183
22. Lindeman M., Verkasalo M. Measuring Values with the Short Schwartz's Value Survey. *Journal of Personality Assessment*, 2005. Vol. 85, no. 2, pp. 170–178. doi:10.1207/s15327752-jpa8502_09
23. Mannerström R., Hietajärvi L., Kuusisto A., Salmela-Aro K., Kallioniemi A. Value Profiles Among Finnish Adolescents and Their Associations With Subjective and Social Well-Being. *Child Indicators Research*, 2023. Vol. 16, no. 2, pp. 509–531. doi:10.1007/s12187-022-09992-8
24. Martini M., Rollero Ch., Rizzo M., Di Carlo S., De Piccoli N., Fedi A. Educating Youth to Civic Engagement for Social Justice: Evaluation of a Secondary School Project. *Behavioral Sciences*, 2023. Vol. 13, no. 8. doi:10.3390/bs13080650
25. Metzger A., Ferris K.A., Oosterhoff B. Adolescents' Civic Engagement: Concordant and Longitudinal Associations Among Civic Beliefs and Civic Involvement. *Journal of Research on Adolescence: the Official Journal of the Society for Research on Adolescence*, 2019. Vol. 29, no. 4, pp. 879–896. doi:/10.1111/jora.12423
26. Roccas S., Schwartz S.H., Amit A. Personal Value Priorities and National Identification. *Political Psychology*, 2010. Vol. 31, no. 3, pp. 393–419. doi:10.1111/j.1467-9221.2010.00763.x
27. Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M. Basic personal values, core political values and voting: A longitudinal analysis. *Political Psychology*, 2010. Vol. 31, no. 3, pp. 421–452. doi:10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x
28. Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M., Bain P., Bianchi G., Caprara M.G., Cieciuch J., Kirmanoglu H., Baslevant C., Lonqvist J.-E., Mamali C., Manzi J., Pavlopoulos V., Posnova T., Schoen H., Silvester J., Taberner C., Torres C., Verkasalo M., Vondrakova E., Welzel Ch., Zaleski Z. Basic personal values underlie and give coherence to political values: A cross national study in 15 countries. *Political Behavior*, 2014. Vol. 36, no. 4, pp. 899–930. doi:10.1007/s11109-013-9255-z
29. Sekerdej M., Roccas S. Love vs loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism. *The British Journal of Social Psychology*, 2016. Vol. 55, no. 3, pp. 499–521. doi:10.1111/bjso.12142
30. Wanders F.H.K., Dijkstra A.B., Maslowski R., van der Veen I., Amna E. The Role of Teachers, Parents, and Friends in Developing Adolescents' Societal Interest. *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2021. Vol. 65, no. 5, pp. 736–751. doi:10.1080/00313831.2020.1754901
31. Yazici F. The values predicting patriotism attitudes in Turkey. *Current Psychology*, 2022. Vol. 41, pp. 135–145. doi:10.1007/s12144-019-00559-5

Информация об авторах

Горьковая Ирина Алексеевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая, кафедра психотерапии и психосоматики, Санкт-Петербургский государственный педиатрический

Горьковская И.А., Микляева А.В., Самойлов О.М.
Ценностные предикторы гражданской идентичности
у подростков с девиантным поведением
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 69–83

Gorkovaya I.A., Miklyaeva A.V., Samoilov O.M.
Value Predictors of Civic Identity
in Adolescents with Deviant Behavior
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 69–83

медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО «СПбГПМУ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1488-4746>, e-mail: iralgork@mail.ru

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Самойлов Олег Михайлович, лаборант-исследователь, научно-исследовательская лаборатория когнитивных исследований в образовании, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1509-7225>, e-mail: osamoilov1@gmail.com

Information about the authors

Irina A. Gorkovaya, Doctor in Psychology, Professor, Head, Department of Psychosomatics and Psychotherapy, Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1488-4746>, e-mail: iralgork@mail.ru

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor in Psychology, Docent, Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Oleg M. Samoilov, Research Assistant, Research Laboratory “Cognitive Research in Education”, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1509-7225>, e-mail: osamoilov1@gmail.com

Получена 19.04.2024
Принята в печать 15.08.2024

Received 19.04.2024
Accepted 15.08.2024

Особенности выражения эмоций у девочек-подростков в ситуациях кибергруминга

Медведева А.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация; Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (ФБУ СЗРЦСЭ Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Решение проблемы сексуального домогательства в отношении девочек-подростков в Интернете требует углубленного изучения особенностей выражения потерпевшими своих эмоций в процессе онлайн-контакта с кибергрумерами. Переживания и эмоциональные реакции, проявляемые несовершеннолетними в процессе недозволенной коммуникации, — это индикатор их устойчивости или уязвимости для манипулятивного воздействия. В статье представлены результаты контент-анализа письменных диалогов между 15 кибергрумерами и 111 девочками-подростками, реализованных в Интернете. Выделены 11 категорий, определяющих эмоции девочек при общении с посягателями. При помощи факторного анализа определена двухфакторная модель их коммуникации. Установлено, что фактор «Увлеченность» (чувство влюбленности, доверия и дружелюбия) обуславливает уязвимость для кибергруминга, а фактор «Отставание границ» (нежелание подчиняться и недовольство происходящим) — устойчивость перед воздействием. Сделан вывод о том, что система воспитания и развития несовершеннолетних девочек должна включать информирование о правилах ведения интернет-коммуникации с другими людьми.

Ключевые слова: виктимизация, девочки, Интернет, кибергруминг, коммуникация, переживания, подростковый возраст, эмоции.

Для цитаты: *Медведева А.С.* Особенности выражения эмоций у девочек-подростков в ситуациях кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 84–93. DOI:10.17759/psylaw.2024140307

Features of Expression of Emotions in Adolescence Girls in Cybergrooming Situations

Anna S. Medvedeva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Solving the problem of cybergrooming of adolescence girls on the Internet requires an in-depth study of the characteristics of victims' expression of their emotions in the process of online contact with cybergroomers. The experiences and emotional reactions exhibited by adolescence girls in the process of illicit communication are an indicator of their resistance or vulnerability to manipulative influence. The article presents the results of a content analysis of written dialogues between 15 cybergroomers and 111 adolescence girls, implemented on the Internet. 11 categories have been identified that determine girls' emotions when communicating with offenders. Using factor analysis, a two-factor model of their communication was determined. It has been established that the "Infatuation" factor (feeling of love, trust and friendliness) determines vulnerability to cybergrooming, and the "Boundary Defending" factor (reluctance to obey and dissatisfaction with what is happening) determines resistance to influence. It is concluded that the system of education and development of adolescence girls should include information about the rules of Internet communication with other people.

Keywords: victimization, girls, Internet, cybergrooming, communication, experiences, adolescence, emotions.

For citation: Medvedeva A.S. Features of Expression of Emotions in Adolescence Girls in Cybergrooming Situations. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 84–93. DOI:10.17759/psylaw.2024140307 (In Russ.).

Введение

В последние годы увеличилось число научных изысканий в области юридической психологии детства. Особую важность представляют работы, посвященные проблеме сексуальных домогательств в отношении подростков в киберпространстве, в частности онлайн-поведения самих несовершеннолетних в криминальных ситуациях. Так, Е.В. Борисенко и Е.Г. Дозорцева (2023) провели анализ мотивационно-смысловых характеристик участия в секстинге девочек в возрасте от 10 до 18 лет, согласно которому их потребность взаимодействовать с посягателями в Интернете вызвана поиском позитивных эмоциональных связей с другим человеком [2].

Действительно, в Сети исчезают многие коммуникативные барьеры, что позволяет пользователям чувствовать свободу, идеализировать своих партнеров, быстрее сближаться с ними и испытывать интенсивные эмоции на грани с эйфорией [1; 5]. Однако в ситуациях виртуального сексуального домогательства несовершеннолетние подвергаются манипулятивному воздействию, которое им часто трудно выявить и пресечь. В результате подростки, стремящиеся к приобретению опыта позитивных эмоциональных отношений с людьми, оказы-

ваются не готовы к кибератакам со стороны неизвестных им пользователей и в итоге испытывают негативные эмоциональные переживания. Так, несовершеннолетних в процессе сексуального домогательства могут расстроить сексуализированные изображения, присылаемые интернет-пользователями, а различные интимные просьбы с их стороны способны вызвать беспокойство, отвращение, стыд, грусть, иногда гнев и желание отомстить обидчику [13; 18; 20]. Встречаются и обратные ситуации, когда подростки демонстрируют интерес к посягателям, наслаждаются вниманием с их стороны и проявляют готовность к сексуализированной коммуникации [2; 9].

В онлайн-общении несовершеннолетние могут вербализировать свои эмоции и/или обозначать их специальными значками и символами (эмодзи); подобные проявления свидетельствуют не только об особенностях понимания ребенком происходящего и отношения к нему, но и о его адаптации к сложившейся ситуации [7]. Вместе с тем интернет-посягатели на половую неприкосновенность несовершеннолетних используют данные эмоциональные реакции и свидетельства о переживаниях своих собеседников в качестве индикаторов их уязвимости, после чего усиливают или ослабляют оказываемое манипулятивное воздействие.

Для несовершеннолетних крайне важно понимать свои эмоции, контролировать их интенсивность и внешнее выражение, поскольку это может стать надежной защитой от виктимизации [3; 4; 15; 16]. Однако не каждый подросток способен в тех или иных ситуациях (особенно криминальных) успешно осуществить это, регулируя собственное коммуникативное поведение [14]. По данным пилотажного исследования Ю.А. Кочетовой (2021), для этого необходимо развивать общие интеллектуальные способности, умение анализировать ситуацию и критически оценивать происходящее [8]. При нормальном психическом развитии способность управлять своими эмоциями и контролировать их формируется в старшем подростковом возрасте, однако, например, поведенческие девиации и социально-психологическая дезадаптация способны исказить развитие эмоционального интеллекта ребенка [11].

В данной статье приведены результаты изучения интернет-коммуникаций девочек подросткового возраста с лицами, реализующими сексуальное домогательство, с целью определить, какие эмоциональные переживания и реакции проявляют несовершеннолетние в процессе взаимодействия, и оценить связь между спецификой выражения эмоций и общей уязвимостью для кибергруминга.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования были использованы интернет-переписки 111 девочек в возрасте от 12 до 14 лет (средний возраст — $13,14 \pm 0,78$) с 15 взрослыми онлайн-пользователями, демонстрирующими к ним романтический и сексуальный интерес.

Продолжительность общения составила от одного дня до двух месяцев (в среднем — $3,59$ дней $\pm 8,95$), а интенсивность — от 1 до 3679 сообщений (среднее количество — $112,34 \pm 377,08$).

В результате данных коммуникаций были возбуждены уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ «Развратные действия». На стадии предварительного расследования данные переписки, признанные вещественными доказательствами, подвергались специальному анализу в ходе проведения комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз. Цель назначения подобных экспертиз — анализ высказываний взрослого лица на предмет наличия/отсутствия в них признаков побуждения несовершеннолетнего потерпевшего к каким-либо сексуальным действиям [12]; при этом в распоряжение экспертов, как правило, предоставляется только постановление о назначении экспертизы, со-

держашее краткое описание обстоятельств юридически значимой ситуации и возраста коммуникантов, а также их переписка, зафиксированная в протоколе осмотра интернет-ресурса. С учетом информации, имеющейся у автора статьи, *цель* настоящего исследования заключалась в изучении непосредственно интернет-коммуникаций без учета каких-либо сведений о жизни и состоянии здоровья несовершеннолетних.

На первоначальном этапе исследования интернет-переписки были изучены посредством применения контент-анализа. Выделены 11 категорий, определяющих основные эмоциональные переживания и реакции девочек-подростков в процессе кибергруминга, осуществлен сплошной подсчет появлений индикаторов категорий. Для верификации данных контент-анализа был привлечен эксперт, в силу своих должностных обязанностей обладающий доступом к исследуемым перепискам; измерение уровня согласия между автором статьи и экспертом определялось с помощью коэффициента каппа Коэна, среднее значение составило 0,72. На следующем этапе был осуществлен факторный анализ (метод максимального правдоподобия с варимакс-вращением с нормализацией Кайзера) и статистическое сравнение групп с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты исследования и их обсуждение

Качественный психологический анализ интернет-коммуникаций девочек-подростков с кибергрумерами показал, что в процессе данного общения несовершеннолетние демонстрируют разные эмоции; было выделено 11 наиболее распространенных категорий эмоциональных переживаний (табл. 1).

Таблица 1

Эмоции девочек в ситуации кибергруминга

Категория	Примеры высказываний как индикаторов наличия эмоции (приведены дословно)
Безразличие	«Я тебя не люблю», «Мне пофиг, честно», «мне наплевать, честно говоря!!!»
Беспечность	«Пошли гулять)», «При встречи все обсудим)», «Без проблем»
Влюбленность	«Ты мне нужен», «Мм я тебя люблю♥♥»
Доверие	«Я знаю, ты меня защитишь», «А когда ты мне пришлешь [игрушки]?»
Дружелюбие	«Давай дружить?»
Любопытство	«А чем ты увлекаешься?», «А что предложить хотел?»
Недовольство	«Мне 14, а когда я буду готова, это не твое дело», «Ты не обнаглел?»
Нежелание	«Сейчас не хочу», «Не кидаю направо и налево»
Смущение	«Я стесняюсь», «Да, я толстенькая»
Сожаление	«Я не со зла(((», «Прости меня»
Сомнение	«Мы даже не знакомы почти», «А это еще зачем?»

С целью выявления взаимосвязей между категориями и латентных переменных, оказывающих влияние на их совместную изменчивость, был проведен факторный анализ (метод максимального правдоподобия с варимакс-вращением с нормализацией Кайзера); мера адекватности выборки Кайзера—Майера—Олкина (0,6) и критерий сферичности Бартлетта (0,000) показали, что данные пригодны для проведения подобного исследования. В результате анализа была определена двухфакторная модель коммуникации несовершеннолетних девочек в ситуации сексуального домогательства в Сети (табл. 2).

Таблица 2

Результаты факторного анализа эмоций девочек

Категория	Фактор 1 (информативность 29%)	Фактор 2 (информативность 16%)
Безразличие	0,307	0,446
Беспечность	0,565	–0,025
Влюбленность	0,732	–0,376
Доверие	0,968	–0,051
Дружелюбие	0,701	–0,016
Любопытство	0,562	0,056
Недовольство	0,115	0,673
Нежелание	0,412	0,784
Сожаление	0,620	–0,179
Смущение	0,371	–0,117
Сомнение	0,288	0,223

Примечание: полужирным начертанием выделены наибольшие по абсолютной величине факторные нагрузки.

На коммуникацию девочек-подростков в ситуации кибергруминга оказывают влияние два принципиально отличных друг от друга фактора.

Первый фактор, названный как «Увлеченность», показывает положительное отношение девочек к собеседникам: доминирующее чувство доверия обуславливает готовность продолжать взаимодействие, в том числе на сексуальные темы, а мотивация сохранения контакта вызвана потребностью в дружеских и романтических связях. Суть кибергруминга заключается в формировании дружеского и доверительного отношения ребенка к посягателю [6; 19], а значит, действие фактора «Увлеченность» демонстрирует реализованность замысла посягателя и уязвимость девочек.

Второй фактор, обозначенный как «Отстаивание границ», напротив, показывает отрицательное отношение девочек к контакту с кибергрумерами: в коммуникации преобладает нежелание взаимодействовать, обсуждать личные темы, выполнять сексуализированные или какие-либо иные опасные действия, а просьбы и призывы посягателей, как правило, вызывают у девочек недовольство. Характерно, что в системе воспитания несовершеннолетних традиционно присутствует стремление бороться с проявлениями у них негативизма и упрямства, формировать у детей послушание и вежливое обращение с другими людьми. Кроме того, проявление вербальной агрессии у несовершеннолетних нередко рассматривается как нарушение ими устоявшейся коммуникативной нормы [17]. Качественный анализ 111 переписок показал, что девочки часто демонстрируют корректность в отношении посягателей и терпимость к входящим сообщениям, что в итоге негативно сказывается на их устойчивости перед грумингом. Таким образом, отстаивание подростком своих личных границ, в том числе при помощи открытой агрессии, критических замечаний, нецензурной лексики, — полезный инструмент защиты ребенком своего Я в ситуации интернет-домогательства.

На заключительном этапе исследования выборка девочек была разделена на две группы по факту реализованности криминальной цели посягателей: 62 девочки не выполнили сексуализированных действий, к которым их побуждали взрослые интернет-пользователи, а другие 49 — осуществили их. Сравнение данных групп с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок показало статистически значимые различия по фактору «Отстаивание

границ», что позволяет подтвердить мысль о том, что действие данного фактора определяет устойчивость девочек-подростков в ситуации кибергруминга.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Выражение эмоций у девочек-подростков в ситуации кибергруминга — это индикатор их состояния, что может использоваться посягателями для усиления или ослабления оказываемого манипулятивного воздействия.

Так, демонстрация увлеченности общением, дружелюбия, влюбленности в собеседника и доверия к нему — это сигнал уязвимости несовершеннолетних, приводящий к внедрению в диалог сексуальных тем, побуждению к совершению сексуализированных действий или переводу общения на уровень личной встречи, чему трудно противостоять.

В то же время выражение эмоций может стать эффективным инструментом сопротивления кибергрумингу. В реальной жизни детей, как правило, обучают тому, что при столкновении с обидчиками необходимо громко звать на помощь и/или убежать, при этом вербальная схватка со злоумышленником без применения указанных способов все-таки представляет опасность. В интернет-коммуникации действуют правила, несколько отличные от норм непосредственного общения людей: игнорирование входящих сообщений, демонстрация их взрослым и блокировка собеседников эффективны; вместе с тем оказываются полезными вербальная агрессия, критическое отношение к собеседнику, прямое сообщение о недопустимости его коммуникативного поведения. В ситуациях, когда девочки проявляют недовольство коммуникацией, нежелание участвовать в происходящем, обсуждать сексуальные темы и совершать недопустимые действия, подобное отстаивание личных границ способно ослабить или полностью пресечь манипулятивное воздействие посягателя.

В эпоху бурного развития цифровых технологий и пребывания несовершеннолетних в смешанной реальности в системе их воспитания должно присутствовать информирование о том, что существуют опасные онлайн-ситуации и не всегда уместно проявлять вежливость и корректность к другим пользователям Сети.

Ограничения и перспективы исследования

Проведенное исследование ограничено анализом только интернет-коммуникаций девочек-подростков с кибергрумерами. Подобные переписки несомненно содержат в себе следы влияния разнообразных социальных и психологических факторов, их анализ позволяет определить особенности и динамику юридически значимой ситуации, оценить реакции и поведение ее участников. Вместе с тем наиболее полная картина психического состояния несовершеннолетнего потерпевшего и особенностей его развития может быть получена только путем очного психологического обследования ребенка (подростка), включающего деликатное обсуждение его интернет-переписки с посягателем и учет сведений о жизни, семье, межличностных отношениях и пр. Такие исследования были проведены Е.В. Борисенко и Е.Г. Дозорцевой в 2022 и 2023 гг. [2; 10] и заслуживают продолжения ввиду их существенного значения для юридической психологии детства, коррекционно-реабилитационной работы и формирования судебно-экспертной практики.

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 101–115. doi:10.17759/pse.2020250309
2. Борисенко Е.В., Дозорцева Е.Г. Мотивационно-смысловые характеристики участия в секстинге несовершеннолетних девочек [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 3–15. doi:10.17759/psylaw.2023130301
3. Вихман А.А. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 94–106. doi:10.17759/psylaw.2023130107
4. Власова Н.В., Бушлаева Е.Л. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 56–71. doi:10.17759/psylaw.2023130305
5. Гулевич О.А. Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 384 с.
6. Дозорцева Е.Г., Медведева А.С. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2019090217
7. Ефремова Г.И., Тимошенко Г.В., Леоненко Е.А., Бочковская И.А., Булгакова Н.С. Виды эмоциональных переживаний, специфичные для возникновения психосоматического риска // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 6 (45). С. 256–260.
8. Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект старших подростков: Монография. М.: МГППУ, 2021. 104 с.
9. Медведева А.С. Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 44–54. doi:10.17759/psylaw.2020100111
10. Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г. Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306
11. Поздняков В.М., Калашикова Т.В., Овсянникова М.В., Калашикова М.М. Особенности проявления эмоциональной зрелости осужденными женского пола, отбывающими наказание в виде лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94–108. doi:10.17759/psylaw.2021110307
12. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов по делам о нарушении половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемом с помощью информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс] // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Том 17. № 1. С. 96–106. doi:10.30764/1819-2785-2022-1-96-106
13. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России [Электронный ресурс]. М., 2012. 213 с. // PsyPublic. URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (дата обращения: 20.07.2024).
14. Цукерман Г.А. Социально-психологическое экспериментирование как форма ведущей деятельности подросткового возраста // Вестник Международной ассоциации «Развивающее обучение». 2000. № 7. С. 34–43.
15. Шейнов В.П. Взаимосвязи виктимизации и эмоционального интеллекта: половозрастные особенности [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: Психология и педагогика. 2019. Том 16. № 3. С. 377–392. doi:10.22363/2313-1683-2019-16-3-377-392

16. Шумилкина М.В. Психологическая виктимность и эмоциональный интеллект // Достижения вузов науки. 2015. № 14. С. 92–95.

17. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: Учебное пособие. М.: Флинта, 2004. 221 с.

18. Livingstone S., Haddon L., Gorzig A., Olafsson K. Risks and safety on the internet: the perspective of European children: full findings and policy implications from the EU Kids Online survey of 9–16 year olds and their parents in 25 countries. UK, London, EU Kids Online Network, 2011. 171 p.

19. Sunde M.J. Child sexual grooming: An exploratory study into the grooming of sexually exploited boys. UK, University of Derby, Department of Criminology and Social Sciences College of Business, Law Social Sciences, 2018. 102 p.

20. Weingraber S., Plath C., Naegele L., Stein M. Online victimization — an explorative study of sexual violence and cyber grooming in the context of social media use by young adults in Germany // Social Work and Society. 2020. Vol. 18(3).

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlain i oflain: dve real'nosti ili odna? [Online and Offline Behavior: Two Realities or One?] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 101–115. doi:10.17759/pse.2020250309 (In Russ.).

2. Borisenko E.V., Dozortseva E.G. Motivatsionno-smyslovye kharakteristiki uchastiya v sekstinge nesovershennoletnikh devochek [Motivation and Subjective Meaning of Participation in Sexting in Minor Girls] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 3–15. doi:10.17759/psylaw.2023130301 (In Russ.).

3. Vikhman A.A. Lichnostnye prediktory kiberviktимности i kiberbullinga v yunosheskom vozraste [Personality Predictors of Cyber-Victimization and Cyber-Bullying in Adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 94–106. doi:10.17759/psylaw.2023130107 (In Russ.).

4. Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Kiberbullying v podrozkovom vozraste: agressor i zhertva [Cyberbullying in Adolescence: Bully and the Victim] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 56–71. doi:10.17759/psylaw.2023130305 (In Russ.).

5. Gulevich O.A. Psikhologiya kommunikatsii. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute Publ., 2007. 384 p. (In Russ.).

6. Dozortseva E.G., Medvedeva A.S. Seksual'nyi onlain gruming kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya [Sexual Online Grooming as an Object of Psychological Research] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2019090217 (In Russ.).

7. Efremova G.I., Timoshenko G.V., Leonenko E.A., Bochkovskaya I.A., Bulgakova N.S. Vidy emotsional'nykh perezhivanii, spetsifichnye dlya vzniknoveniya psikhosomaticheskogo riska [Emotional experiences specific of psychosomatic risk]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2014, no. 6 (45), pp. 256–260. (In Russ.).

8. Kochetova Yu.A. Emotsional'nyi intellekt starshikh podrozkov: Monografiya. Moscow: MGPPU Publ., 2021. 104 p. (In Russ.).

9. Medvedeva A.S. Reaktsii detei i podrostkov na seksual'nyi onlain gruming [Reactions of Children and Adolescents to Sexual Online Grooming] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 44–54. doi:10.17759/psylaw.2020100111 (In Russ.).
10. Nutsikova E.V., Dozortseva E.G. Kliniko-psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh, poterpevshikh ot kibergruminga [Clinical and Psychological Features of Minor Victims of Cybergrooming] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306 (In Russ.).
11. Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V., Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M. Osobennosti proyavleniya emotsional'noi zrelosti osuzhdennymi zhenskogo pola, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody [Aspects of Emotional Maturity Manifestation in Female Convicts Serving Deprivation of Liberty Sentences] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94–108. doi:10.17759/psylaw.2021110307 (In Russ.).
12. Sekerazh T.N. Psikhologicheskoe issledovanie informatsionnykh materialov po delam o narushenii polovoi neprikosnovennosti nesovershennoletnikh, sovershaemom s pomoshch'yu informatsionno-telekommunikatsionnykh setei [Psychological Analysis of Information Materials on the Cases of Violation of Minors' Sexual Integrity Committed through Information and Telecommunication Networks] [Elektronnyi resurs]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2022. Vol. 17, no. 1, pp. 96–106. doi:10.30764/1819-2785-2022-1-96-106 (In Russ.).
13. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Roggendorf P. Deti Rossii onlain. Rezul'taty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii [Elektronnyi resurs]. Moscow, 2012. 213 p. *PsyPublic*. URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (Accessed 20.07.2024). (In Russ.).
14. Tsukerman G.A. Sotsial'no-psikhologicheskoe eksperimentirovanie kak forma vedushchei deyatel'nosti podrostkovogo vozrasta. Vestnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii "Razvivayushchee Obuchenie" = Bulletin of International Association "Developmental Education", 2000, no. 7, pp. 34–43. (In Russ.).
15. Sheinov V.P. Vzaimosvyazi viktimizatsii i emotsional'nogo intellekta: polovozrastnye osobennosti [Relation between Victimization and Emotional Intelligence: Gender and Age Features] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019. Vol. 16, no. 3, pp. 377–392. doi:10.22363/2313-1683-2019-16-3-377-392 (In Russ.).
16. Shumilkina M.V. Psikhologicheskaya viktimmnost' i emotsional'nyi intellekt // Dostizheniya vuzov nauki. 2015. № 14. S. 92–95.
17. Shcherbinina Yu.V. Russkii yazyk. Rehevaya agressiya i puti ee preodoleniya: Uchebnoe posobie. Moscow: Flinta, 2004. 221 p. (In Russ.).
18. Livingstone S., Haddon L., Gorzig A., Olafsson K. Risks and safety on the internet: the perspective of European children: full findings and policy implications from the EU Kids Online survey of 9–16 year olds and their parents in 25 countries. UK, London, EU Kids Online Network, 2011. 171 p.
19. Sunde M.J. Child sexual grooming: An exploratory study into the grooming of sexually exploited boys. UK, University of Derby, Department of Criminology and Social Sciences College of Business, Law Social Sciences, 2018. 102 p.
20. Weingraber S., Plath C., Naegele L., Stein M. Online victimization — an explorative study of sexual violence and cyber grooming in the context of social media use by young adults in Germany. *Social Work and Society*, 2020. Vol. 18, no. 3.

Медведева А.С.
Особенности выражения эмоций у девочек-
подростков в ситуациях кибергруминга
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 84–93

Medvedeva A.S.
Features of Expression of Emotions
in Adolescence Girls in Cybergrooming Situations
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 84–93

Информация об авторах

Медведева Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация; ведущий государственный судебный эксперт, Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (ФБУ СЗРЦСЭ Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Information about the authors

Anna S. Medvedeva, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychology of Child and Adolescence, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Lead Forensic Expert, North-Western Regional Center of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Получена 26.06.2024
Принята в печать 27.07.2024

Received 26.06.2024
Accepted 27.07.2024

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

**Личностные характеристики вновь осужденных
к лишению свободы мужчин, связанные с временным
интервалом между двумя судимостями**

Цветкова Н.А.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>, e-mail: tvetkovana@yandex.ru

Статья содержит результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке осужденных мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы по второй судимости (70 чел. с коротким временным интервалом между преступлениями и 70 чел. — с длительным). Цель исследования — установление межгрупповых различий в показателях их делинквентности, адаптивности и осмысленности жизни, а также в выявлении корреляций показателей этих личностных характеристик с показателями интервала. Задачи исследования: 1) психодиагностика с применением методик базы «Психометрик» — комбинированной методики оценки делинквентности; опросника «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина; теста «СЖО» Д.А. Леонтьева; 2) математико-статистическая обработка, сравнительный и корреляционный анализ данных; 3) выявление межгрупповых различий и проверка их достоверности. На основе полученных данных представлены характеристики обеих групп осужденных. Отмечены значимые межгрупповые различия в частных показателях трех исследуемых интегративных личностных характеристик. Показано, что короткий временной интервал между судимостями согласуется с показателями склонности к нарушению норм и правил, импульсивности в характере и морально-нравственной нормативности и никак не связан с осознанностью жизни, а длительный интервал коррелирует с показателями склонности ко лжи, волевой саморегуляции, коммуникативного потенциала и внешнего локуса контроля собственной жизни.

Ключевые слова: рецидивная преступность, временной интервал между судимостями, личность рецидивиста: делинквентность, адаптивность, осмысленность жизни; характеристики, связанные с интервалом.

Для цитаты: Цветкова Н.А. Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 94–106. DOI:10.17759/psylaw.2024140308

Personal Characteristics of Men Newly Sentenced to Imprisonment Related to the Time Interval between Two Convictions

Nadezhda A. Tsvetkova

Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

The article presents the results of an empirical study conducted on a sample of convicted men serving sentences in places of deprivation of liberty with a second criminal record (70 individuals with a short time interval between crimes and 70 with a long one). The aim of the study is to identify intergroup differences in indicators of delinquency, adaptability, and meaningfulness of life, as well as to establish correlations between these personal characteristics and the time interval between convictions. The research objectives were: 1) to conduct psychodiagnostics using methods from the Psychometrics database, including a combined methodology for assessing delinquency, the Adaptability questionnaire by A.G. Maklakov and S.V. Chernyanin, and the SOHO Test by D.A. Leontiev; 2) to perform mathematical and statistical processing, including comparative and correlation analyses of the data; 3) to identify intergroup differences and verify their reliability. The characteristics of both groups of convicts are presented based on the data obtained. Significant intergroup differences were noted in specific indicators of the three studied integrative personality characteristics. The study shows that a short time interval between convictions is associated with a propensity to violate norms and rules, impulsivity in character, and lower moral normativity, while it is not related to the meaningfulness of life. In contrast, a long interval correlates with a propensity to lie, volitional self-regulation, communicative potential, and an external locus of control over one's own life.

Keywords: recidivism, time interval between convictions, personality of the recidivist, delinquency, adaptability, meaningfulness of life, characteristics associated with the interval.

For citation: Tsvetkova N.A. Personal Characteristics of Men Newly Sentenced to Imprisonment Related to the Time Interval between Two Convictions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 94–106. DOI:10.17759/psylaw.2024140308 (In Russ.).

Введение

Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями, в качестве предмета исследования почти не встречаются в научной литературе. В то же время эта тема важна как для научного объяснения рецидивной преступности, так и для уточнения мишеней ее своевременной превенции, поскольку каждый ранее судимый человек, вновь совершивший преступление,кратно усложняет профилактическую работу. По оценкам состояния рецидивной преступности в России, ранее судимыми лицами ежегодно совершается более пятисот тысяч преступлений; при этом большая часть преступников совершают два и более преступных деяний (Ю.А. Поздняков, В.В. Пасынков, 2022) [11].

Современная юридическая психология способна объяснить причины и условия рецидивной преступности (Е.А. Антонян, 2014) [1]; (Ю.М. Антонян, В.Э. Эминов, 2019) [2]; (Н.А. Коломытцев, Л.Н. Одинцова, 2022) [5]; (Е.М. Разумова, 2007) [12]; Н.А. Цветкова, Е.А. Дурова, 2017 [15] и др. В ней выделены факторы, способствующие совершению первого преступления, — общие для рецидивистов и тех преступников, которые впервые привлечены к уголовной ответственности (Личность преступника..., под ред. Ю.М. Антоняна, 2020) [8]; (А.Н. Варыгин, 2023) [4], а также специфичные, характерные для преступников-рецидивистов, которые представляют собой совокупность социально-средовых и индивидуально-личностных предиктов, препятствующих ресоциализации лиц, отбывших наказание по первой судимости (Е.А. Антонян, 2014) [1]; (И.Н. Коноплева, С.О. Князева, М.Г. Дебольский, С.А. Красненкова, 2022) [6]; (С.В. Кулакова, Н.А. Цветкова, 2023) [7] и др.; предложены различные типологии преступников (Ю.М. Антонян, В.Э. Эминов, 2019) [2] и др.

В исследованиях отечественных ученых обращается внимание на тот факт, что у осужденных-рецидивистов более сложная структура криминогенной направленности личности (В.С. Мухина, 2015) [9] и др., деформированная система ценностей и смысложизненных ориентаций (Е.М. Разумова, 2007) [12]; (А.В. Сечко, 2020) [13], позволяющая им оправдывать агрессию, жестокость, насилие по отношению к другим людям; специфическая саморегуляция поведения и деятельности (И.Н. Коноплева, С.О. Князева, М.Г. Дебольский, С.А. Красненкова, 2022) [6], детерминирующая выбор ими преимущественно деструктивного способа решения жизненных проблем.

Анализ отечественных источников научной информации по проблеме изучения рецидивной преступности и личности преступников-рецидивистов за рубежом (А.В. Сечко, 2020) [13]; (А.А. Тит, 2022) [14] показал сходную тенденцию. Анализ отдельных публикаций зарубежных авторов подтверждает стойкий научный интерес к рецидивизму. Например, в самом конце прошлого века проблему ресоциализации бывших правонарушителей анализировал С. Uggen и пришел к выводу о том, что от преступления и его рецидива удерживает не наличие работы как таковой, а «хорошая работа» или «значимая работа» (С. Uggen, 1999) [19]. В XXI веке появился целый ряд интересных публикаций: статья М.А. Koschmann, В.Л. Peterson, предложивших коммуникационный подход к возвращению преступников в общество (Koschmann Matthew A., Peterson Brittany L., 2013) [16]; коллективная работа о постпенитенциарном стрессе и трудностях социальной адаптации после заключения, выполненная В. Western et al. (В. Western et al., 2015) [20]; публикация К. Workman, описавшего особый способ социальной интеграции после тюремного заключения, побудивший преступника к рассказанию и искуплению вины (К. Workman, 2016) [21]; результаты исследования, выполненного коллективом соавторов N. Sherretts et al., полученные путем сравнительного анализа данных группы убийц с данными группы рецидивистов и группы впервые отбывающих наказание в тюрьмах США, у которых изучались показатели психопатии и личностной идентичности (N. Sherretts et al., 2017) [18]; работа N. Link N., L. Hamilton, посвященная изучению связи между употреблением психоактивных веществ, преступностью и рецидивизмом (N. Link, L. Hamilton, 2017) [17] и др.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей корень проблемы рецидивизма склонно видеть, скорее, в личности, выбирающей правовой или противоправный вариант поведения в конкретных обстоятельствах жизни (В.А. Номоконов, 2018) [10]; (Е.М. Разумова, 2007) [12]; (А.А. Тит, 2022) [14], чем во внешних по отношению к ней условиях. Е.А. Антонян пишет: «Преступник-рецидивист — это совершеннолетнее лицо, ...отличающееся по-

вышенной тревожностью, эмоциональной напряженностью, отчужденностью от общества и ощущающее это, психопатоподобными чертами характера, хорошей приспособляемостью к условиям жизни в местах лишения свободы и в целом к криминальной субкультуре» (Е.А. Антонян, 2014) [1].

Возникает вопрос: если личности отводится решающая роль в рецидиве преступления, то существуют ли такие индивидуально-психологические предикторы, которые отдалают по времени совершение нового преступления и в конечном итоге делают его невозможным? Исчерпывающий ответ на него психологией пока не дан. Однако отметим коллективное исследование, выполненное семь лет назад (В.Г. Булыгина, А.В. Дубровинский, М.Ю. Белякова, Н.Е. Лысенко, 2016) [3], поскольку оно касается психологических предикторов интервала рецидивности.

Результаты анализа научных публикаций по проблеме личности преступника-рецидивиста свидетельствуют и о том, что чаще других характеристик у осужденных этой категории предметами исследования становились такие личностные конструкты, как делинквентность и адаптивность, а также мотивы, ценности и смыслы, однако связи их показателей с временным интервалом между двумя судимостями у вновь осужденных мужского пола пока не выявлялись, что делает данное исследование актуальным.

Цель эмпирического исследования заключалась в поиске ответов на вопросы: 1) различаются ли по показателям делинквентности, адаптивности и осмысленности жизни мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы за вновь совершенное преступление, если оно было совершено вскоре после выхода на свободу и спустя длительный срок? 2) какие из показателей этих интегративных характеристик имеют тесные связи с временным интервалом между двумя судимостями?

Материалы и методы

Эмпирический материал собран с помощью психологов исправительных учреждений ФСИН и обработан на базе ФКУ НИИ ФСИН России. Выборку составили две группы осужденных: 70 мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы по второй судимости, у которых интервал между двумя преступлениями составил от 2 месяцев до 1,5 лет (медиана — 1,2 года), и 70 мужчин, у которых он был длительным, — от 5 до 34 лет (медиана — 10 лет).

В I группе испытуемых вторую судимость по той же статье УК РФ, что и первую (ст. 158, 162, 166, 228), имел 21 человек (30,0%). Самая большая доля в ней пришлась на мужчин, впервые и вновь осужденных по статье 158 «Хищение чужого имущества», — 23 человека (32,9%). Средний срок наказания за первое преступление составил 3,1 года, за второе — 4,2 года. Страдали алкоголизмом 5 человек (7,1%), были закодированы («непьющие алкоголики») 18 человек (25,7%), не злоупотребляли алкоголем (имели «культуру питания») 47 человек (67,2%). Имели судимых родственников 18 человек (25,7%).

Во II группе испытуемых вторую судимость по той же статье УК РФ, что и первую (ст. 158, 166, 228), имели 11 человек (15,7%). Самую большую долю составляли мужчины, впервые осужденные по статье 158 «Хищение чужого имущества», — 19 чел. (27,1%), но второй раз — по статьям 105 УК РФ «Убийство» и 228 УК РФ «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». Средний срок наказания за первое преступление составлял 3,6 года, за второе — 6,9 года. Страдали алкоголизмом 6 человек (8,6%), были закодированы 9 чело-

век (12,9%), не злоупотребляли алкоголем 55 человек (78,5%). Имели судимых родственников 22 человека (31,4%).

Применялись три психодиагностические методики базы «Психометрик»: 1) комбинированная методика оценки делинквентности (КМОД); 2) многоуровневый опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина (МЛО); 3) тест «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева. Эмпирические данные подвергались математико-статистической обработке с использованием пакета MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Межгрупповые различия в показателях и их достоверность определялись по U-критерию Манна—Уитни, что объясняется особенностью выборок по показателям возраста. Корреляционный анализ выполнен по коэффициенту Пирсона и уточнен по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

1. Результаты исследования делинквентности

Полученные данные представлены в табл. 1.

Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют об умеренном общем уровне делинквентности испытуемых обеих группы и, скорее, о межгрупповом сходстве в показателях его структурных компонент, чем об их различии.

Таблица 1

Показатели делинквентности мужчин с различными интервалами между судимостями

№ п/п	Исследуемые структурные компоненты делинквентности	Сравниваемые группы	
		Осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	Осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями
		Показатели в шкалах от 1 до 10	
1	Социальная благожелательность ответов	6,2	5,7
2	Страх быть отвергнутым	5,5	5,3
3	Склонность к нарушению социальных норм	5,2	5,0
4	Лживость как личностное свойство	5,6	5,7
5	Волевая саморегуляция	3,2	3,4
6	Импульсивность в характере	5,5	5,4
Делинквентность (общий уровень)		5,2	5,1

Таблица 2

Процентное распределение мужчин с различными интервалами между судимостями по уровням общего уровня делинквентности

Сравниваемые группы	Общий уровень делинквентности					
	Высокий		Средний		Низкий	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
I группа — осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	13	18,6	49	70,0	8	11,4
II группа — осужденные с длинным интервалом между двумя судимостями	9	12,9	49	70,0	12	17,1

На следующем этапе исследования анализировалось процентное распределение мужчин обеих групп по уровням общего уровня делинквентности. Результаты этого анализа представлены в табл. 2. Данные, приведенные в табл. 2, позволяют заметить, что группа осужденных с коротким интервалом между судимостями включает большую долю мужчин с высоким общим уровнем делинквентности и меньшую — с низким.

2. Результаты исследования адаптивности (адаптивных способностей)

Полученные данные об особенностях адаптивности испытуемых обеих групп представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели адаптивных способностей мужчин с различными интервалами между судимостями

№ п/п	Исследуемые адаптивные способности	Сравниваемые группы	
		Осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	Осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями
		Показатели в стенах от 1 до 10	
1	Поведенческая саморегуляция	1,1	1,2
2	Морально-нравственная нормативность	2,6	3,2
3	Коммуникативный потенциал	3,0	3,6
<i>Адаптивность (общий уровень)</i>		2,2	2,7

Данные, приведенные в табл. 3, показывают, что первоочередная психологическая проблема испытуемых обеих групп заключается в их низкой поведенческой саморегуляции.

В табл. 4 представлены результаты анализа процентного распределения этих мужчин по уровням адаптивных способностей.

Таблица 4

Процентное распределение мужчин с различными интервалами между судимостями по уровням адаптивных способностей

Сравниваемые группы	Общий уровень адаптивных способностей					
	Нормальный и высокий (5—10 стен)		Средний (удовлетворительный) (3—4 стена)		Низкий (1—2 стена)	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
I группа — осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	0	0,0	11	15,7	59	84,3
II группа — осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями	3	4,3	36	51,4	31	44,3

Судя по данным, приведенным в табл. 4, группа с коротким интервалом между двумя судимостями преимущественно состоит из лиц, относящихся к так называемой «группе низкой адаптации», для представителей которой характерны акцентуации характера, психопатические черты, пограничная патология, нервно-психические срывы. Они нуждаются в наблюдении участкового полицейского, психолога и врача (невропатолога, психиатра), поскольку

эмоционально не уравновешены и конфликтны. Мужчины этой группы с удовлетворительной адаптивностью (на их долю приходится около 16%) тоже являются акцентуированными личностями, однако в привычных условиях эта их уязвимость компенсируется и они могут быть адаптивными, хотя во многом их приспособленность будет зависеть от внешних факторов жизнедеятельности. Не обладая эмоциональной устойчивостью, они провоцируют конфликты и проявляют агрессию к окружающим, поэтому нуждаются в индивидуальном подходе в межличностном общении и взаимодействии, а также в социальном контроле.

3. Результаты исследования осмысленности жизни

Полученные данные об особенностях смысловых ориентаций и общем уровне осмысленности жизни испытуемых обеих групп сведены в табл. 5.

Таблица 5

Показатели структурных компонентов осмысленности жизни мужчин с различными интервалами между судимостями

№ п/п	Исследуемые структурные компоненты осмысленности жизни	Сравнимые группы	
		Осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	Осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями
Показатели в стенах от 1 до 10			
1	Жизненные цели	7,4	6,7
2	Удовлетворенность результатом жизни	6,9	6,0
3	Интерес к жизненному процессу	6,4	6,2
4	Локус контроля — жизнь	6,2	6,2
5	Локус контроля — Я	4,8	4,3
<i>Осмысленность жизни (общий уровень)</i>		6,7	6,3

Судя по данным, приведенным в табл. 5, более высокие показатели осмысленности жизненных целей, результативности жизни, локуса контроля — Я» и общего уровня осмысленности жизни наблюдаются у мужчин с коротким интервалом между судимостями. Не исключено, что, выходя на свободу, отбыв наказание по первой судимости, они уже допускали или даже планировали совершение нового преступления.

Результаты анализа процентного распределения мужчин обеих групп по уровням осмысленности жизни представлены в табл. 6.

Таблица 6

Процентное распределение осужденных мужчин с различными интервалами между судимостями по уровням осмысленности жизни

Исследуемые группы	Уровни					
	Высокий		Средний		Низкий	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
I группа — осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	36	51,4	34	48,6	0	0,0
II группа — осужденные с длинным интервалом между двумя судимостями	17	24,3	51	72,9	2	2,8

Судя по данным, приведенным в табл. 6, в группе мужчин с коротким интервалом между двумя судимостями гораздо больше лиц с высоким и умеренным общим уровнем осмысленности жизни.

На очередном этапе обработки эмпирического материала данные, полученные на основе трех методик психодиагностики, были подвергнуты проверке на достоверность и значимость различий. В табл. 7 представлены только значимые межгрупповые различия.

Таблица 7

Значимые межгрупповые различия

№ п/п	Исследуемые характеристики личности	Сравниваемые группы		Достоверность и значимость различий	
		Осужденные с коротким интервалом между двумя судимостями	Осужденные с длительным интервалом между двумя судимостями	U	P
1	Поведенческая саморегуляция	1,1	1,2	2170,0	0,034*
2	Морально-нравственная нормативность	2,6	3,2	1920,0	0,023*
3	Коммуникативный потенциал	3,0	3,6	1546,0	0,000**
4	Адаптивность (общий уровень)	2,2	2,7	1586,0	0,000**
5	Жизненные цели	7,4	6,7	1884,0	0,018*
6	Удовлетворенность результатом жизни	6,9	6,0	1552,0	0,000**

Примечание: «*» — уровень значимости $p \leq 0,05$; «**» — уровень значимости $p \leq 0,01$.

В ходе корреляционного анализа данных в каждой группе устанавливались согласования показателей исследуемых личностных характеристик мужчин с показателями интервала между судимостями. Проанализируем выявленные корреляционные связи на уровнях значимости от $p \leq 0,05$ и выше. Тесные связи, выявленные в группе испытуемых с коротким интервалом, представлены в табл. 8.

Таблица 8

Тесные согласования показателей интервала между судимостями с показателями исследуемых личностных характеристик в группе мужчин с коротким интервалом

Что согласуется	С чем коррелирует	Коэффициент корреляции (r)
Интервал между I и II судимостями	Склонность к нарушению социальных норм	0,271*
	Импульсивность в характере	0,272*
	Морально-нравственная нормативность	-0,350**

Примечание: «*» — уровень значимости $p \leq 0,05$; «**» — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Данные, приведенные в табл. 8, позволяют отметить корреляции показателей временного интервала между первой и второй судимостями на уровне значимости $p \leq 0,05$ с показателями склонности к нарушению социальных норм, а также импульсивности, а на уровне значимости $p \leq 0,01$ — с показателями морально-нравственной нормативности. Следовательно, в механике скорого рецидива правонарушений временной интервал между судимостями опре-

деляется, в первую очередь, морально-нравственной нормативностью, а также, хоть и в меньшей степени, импульсивностью характера и склонностью к нарушению социальных норм.

Тесные согласования, выявленные в группе испытуемых с длительным интервалом между двумя судимостями, представлены в табл. 9.

Таблица 9

Тесные согласования показателей интервала между судимостями с показателями исследуемых личностных характеристик в группе мужчин с длительным интервалом

Что согласуется	С чем коррелирует	Коэффициент корреляции (r)
Интервал между I и II судимостями	Лживость как личностное свойство	-0,361**
	Волевая саморегуляция	-0,262*
	Коммуникативный потенциал	-0,264*
	Локус контроля — жизнь	-0,246*

Примечание: «*» — уровень значимости $p \leq 0,05$; «**» — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Табл. 9 отображает корреляции показателей временного интервала между двумя судимостями на уровне значимости $p \leq 0,05$ с показателями волевой саморегуляции, коммуникативного потенциала и смысло-жизненной ориентации «Локус контроля — жизнь», а на уровне значимости $p \leq 0,01$ — с показателем лживости как личностного свойства. Следовательно, в механике отсроченного рецидива преступления временной интервал между судимостями сочетается с неотъемлемой потребностью в обмане, лжи и приукрашивании, а также определяется низкой волевой саморегуляцией, недостаточным коммуникативным потенциалом и внешним локусом контроля собственной жизни.

Выводы

Мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы по второй судимости, с коротким временным интервалом между двумя преступлениями/судимостями, характеризуются: низким уровнем адаптивных способностей (крайне низкими показателями поведенческой саморегуляции и низкими показателями морально-нравственной нормативности и коммуникативного потенциала); умеренными показателями делинквентности, за исключением волевой саморегуляции, уровень которой является низким; умеренным с тенденцией к высокому общим уровнем осмысленности жизни, в структуре которой доминирует высокоуровневый показатель осмысленности жизненных целей, а «отстает» «Локус контроля — Я», тяготеющий к области низких значений. Около 19% этой группы составляют мужчины с высоким общим уровнем делинквентности, 70% — с умеренным и около 11% — с низким.

Мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы по второй судимости, с длительным временным интервалом между двумя преступлениями/судимостями, значительно не отличаются от мужчин первой группы ни по одному из семи параметров делинквентности; имеют такой же уровень ЛАП (низкий), однако достоверно более высокие показатели, как общего уровня адаптивных способностей, так и всех трех их компонентов — поведенческой саморегуляции, морально-нравственной нормативности и, особенно, коммуникативного потенциала. По общему уровню осмысленности жизни мужчины этой группы тоже сходны с мужчинами первой группы (где он умеренный), но у них достоверно ниже осмысленность жизненных целей и, особенно, результатов жизни. Около 13% этой группы составляют муж-

чины с высоким общим уровнем делинквентности, 70% — с умеренным и около 17% — с низким.

Осужденные мужчины с коротким и длительным временным интервалом между I и II судимостями достоверно значимо различаются по таким личностным характеристикам, как: поведенческая саморегуляция, морально-нравственная нормативность, коммуникативный потенциал, общий уровень адаптивности — они достоверно более развиты у мужчин с длительным интервалом между двумя судимостями. Группы также достоверно различаются по осмысленности целей жизни и результативности жизни, но показатели этих характеристик достоверно выше у мужчин с коротким интервалом между преступлениями.

Таким образом, получен следующий ответ на первый исследовательский вопрос: мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы за вновь совершенное преступление, если оно было совершено вскоре после выхода на свободу и спустя длительное время после освобождения, не различаются по показателям делинквентности, но имеют достоверно значимые различия по личностному адаптивному потенциалу, а также по осмысленности жизненных целей и результатов жизни.

Ответ на второй вопрос оказался таким: исследуемые группы различны по характеру связей между показателями временного интервала между двумя судимостями и исследуемых личностных характеристик. Если в группе мужчин с коротким интервалом он согласуется с показателями и морально-нравственной нормативности и, в меньшей степени, склонности к нарушению социальных норм, импульсивности, при этом не имеет согласований с показателями осмысленности жизни, то в группе мужчин с длительным интервалом он коррелирует с показателями двух структурных компонентов делинквентности — лживости и, в меньшей степени, волевой саморегуляции, адаптивной способности «Коммуникативный потенциал» и смысловознательной ориентации «Локус контроля — жизнь». То есть сравниваемые группы явно специфичны, и эта специфика требует учета не только психологами и другими сотрудниками исправительных учреждений, но и работниками служб пробации, системы социальной защиты населения, участковыми полицейскими.

В целом, полученные результаты обогащают пенитенциарную психологию в части «психология личности преступника-рецидивиста», поскольку объясняют психологические механизмы скорой и отсроченной рецидивной преступности. Они могут найти практическое применение в деятельности психологов уголовно-исполнительной системы, быть учтенными в программах подготовки осужденных к постпенитенциарной ресоциализации.

Хотя ответы на поставленные вопросы удалось найти, тем не менее тема не может считаться исчерпанной: во-первых, выборка исследования может быть увеличена, что позволит уточнить приведенные в статье данные; во-вторых, есть смысл продолжить ее разработку с учетом фактора пола; в-третьих, представляется перспективным расширение перечня изучаемых характеристик, например изучить связь временного интервала между двумя судимостями с жизнеспособностью, социальной тревогой, просоциальной активностью и др.

Литература

1. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 41 с.
2. Антонян Ю.М., Эминов В.Э. Портреты преступников: криминологический психологический анализ: Монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 240 с.

Цветкова Н.А.
Личностные характеристики вновь осужденных
к лишению свободы мужчин, связанные с временным
интервалом между двумя судимостями
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 94–106

Tsvetkova N.A.
Personal Characteristics of Men Newly Sentenced
to Imprisonment Related to the Time Interval
between Two Convictions
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 94–106

3. Булыгина В.Г., Дубровинский А.В., Белякова М.Ю., Лысенко Н.Е. Психологические предикаты интервала рецидивности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1 (34). С. 44–52.
4. Варыгин А.Н. Личность современного преступника: изменения, изучение и понимание [Электронный ресурс] // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Том 14. № 2 (52). С. 51–56. doi:10.37973/KUI.2023.48.85.007
5. Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Проблемы противодействия рецидивной преступности в современной России // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4 (65). С. 48–53.
6. Коноплева И.Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 27–41. doi:10.17759/psylaw.2022120203
7. Кулакова С.В., Цветкова Н.А. Научное обеспечение служебной деятельности психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Монография. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2023. 404 с.
8. Личность преступника и профилактика преступлений: Монография / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Проспект, 2020. 224 с.
9. Мухина В.С. Психология пожизненно осужденных: метаморфозы внутренней позиции личности // Развитие личности. 2015. № 3. С. 213–224.
10. Номоконов В.А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. А.И. Долговой. М.: РКА, 2018. С. 21–29.
11. Поздняков Ю.А., Пасынков В.В. Современное состояние рецидивной преступности в России [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-3 (73). С. 158–161. doi:10.24412/2500-1000-2022-10-3-158-161
12. Разумова Е.М. Психологические особенности личности преступников-рецидивистов: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 195 с.
13. Сечко А.В. Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 85–93. doi:10.17759/jmfp.2020090109
14. Тут А.А. Развитие криминологической мысли о личности преступника за рубежом // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2022. № 3. С. 88–93.
15. Цветкова Н.А., Дурова Е.А. Средовые и личностные факторы срыва постпенитенциарной ресоциализации мужчин, отбывающих наказания в исправительном учреждении по второй судимости // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38). С. 62–69.
16. Koschmann M.A., Peterson B.L. Rethinking Recidivism: A Communication Approach to Prisoner Reentry // Journal of Applied Social Science. 2013. Vol. 7(2). P. 188–207. doi:10.1177/1936724412467021
17. Link N., Hamilton L. The Reciprocal Lagged Effects of Substance Use and Recidivism in a Prisoner Reentry Context // Health and Justice. 2017. Vol. 5(1). doi:10.1186/s40352-017-0053-2
18. Sherretts N., Boduszek D., Debowska A., Willmott D. Comparison of murderers with recidivists and first time incarcerated offenders from U.S. prisons on psychopathy and identity as a criminal: An exploratory analysis // Journal of Criminal Justice. 2017. Vol. 51(2). P. 89–92. doi:10.1016/j.jcrimjus.2017.03.002

19. Uggen C. Ex-offenders and the conformist alternative: a job quality model of work and crime // *Social Problems*. 1999. Vol. 46(1). P. 127–151. doi:10.2307/309716525
20. Western B., Braga A.A., Davis J., Sirois C. Stress and Hardship After Prison // *American Journal of Sociology*. 2015. Vol. 120(5). P. 1512–1547. doi:10.1086/681301
21. Workman K. The social integration of Māori prisoners // *Aotearoa New Zealand Social Work*. 2016. Vol. 26(1). P. 39–46. doi:10.11157/anzswj-vol26iss1id53

References

1. Antonyan E.A. Lichnost' retsdivista: kriminologicheskoe i ugovolno-ispolnitel'noe issledovanie: Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk. Moscow, 2014. 41 p. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. Portrety prestupnikov: kriminologo-psikhologicheskii analiz: Monografiya. Moscow: INFRA-M, 2019. 240 p. (In Russ.).
3. Bulygina V.G., Dubrovinsky A.V., Belyakova M.Yu., Lysenko N.E. Psikhologicheskie predikaty intervala retsdivnosti [Psychological predictors of “recidivism interval”]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2016, no. 1 (34), pp. 44–52. (In Russ.).
4. Varygin A.N. Lichnost' sovremennogo prestupnika: izmeneniya, izucheniye i ponimaniye [Criminal Personality Nowadays: Change, Study and Understanding] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2023. Vol. 14, no. 2 (52), pp. 51–56. doi:10.37973/KUI.2023.48.85.007 (In Russ.).
5. Kolomytsev N.A., Odintsova L.N. Problemy protivodeistviya retsdivnoi prestupnosti v sovremennoi Rossii [Problems of combating recidivism in modern Russia]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta = Vestnik Vladimirskego Yuridicheskogo Instituta*, 2022, no. 4 (65), pp. 48–53. (In Russ.).
6. Konopleva I.N., Knyazeva S.O., Debolsky M.G., Krasnenkova S.A. Osobennosti samoregulyatsii u osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya pri retsdivide [Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 27–41. doi:10.17759/psylaw.2022120203 (In Russ.).
7. Kulakova S.V., Tsvetkova N.A. Nauchnoe obespecheniye sluzhebnoi deyatelnosti psikhologov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii: Monografiya. Moscow: FKU NII FSIN Rossii Publ., 2023. 404 p. (In Russ.).
8. Antonyan Yu.M. (Ed.). Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenii: Monografiya. Moscow: Prospekt, 2020. 224 p. (In Russ.).
9. Mukhina V.S. Psikhologiya pozhiznenno osuzhdennykh: metamorfozy vnutrennei pozitsii lichnosti [Psychology of life convicted: metamorphoses of person's inner position]. *Razvitiye lichnosti = Development of Personality*, 2015, no. 3, pp. 213–224. (In Russ.).
10. Nomokonov V.A. Vozvrashcheniye lichnostnogo podkhoda neobkhodimo. In Dolgova A.I. (Ed.). *Lichnost' prestupnika i ee kriminologicheskoe izucheniye*. Moscow: RKA Publ., 2018, pp. 21–29. (In Russ.).
11. Pozdnyakov Yu.A., Pasyukov V.V. Sovremennoye sostoyaniye retsdivnoi prestupnosti v Rossii [The current state of recurrent crime in Russia] [Elektronnyi resurs]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 10-3 (73), pp. 158–161. doi:10.24412/2500-1000-2022-10-3-158-161 (In Russ.).
12. Razumova E.M. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti prestupnikov-retsdivistov: Diss. kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2007. 195 p. (In Russ.).

Цветкова Н.А.
Личностные характеристики вновь осужденных
к лишению свободы мужчин, связанные с временным
интервалом между двумя судимостями
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 94–106

Tsvetkova N.A.
Personal Characteristics of Men Newly Sentenced
to Imprisonment Related to the Time Interval
between Two Convictions
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 94–106

13. Sechko A.V. Psikhologicheskie faktory retsidivizma i ego profilaktiki (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [Psychological conditions for the prevention of recidivism] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 85–93. doi:10.17759/jmfp.2020090109 (In Russ.).
14. Tit A.A. Razvitie kriminologicheskoi mysli o lichnosti prestupnika za rubezhom [The development of criminological thought about the identity of a criminal abroad]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 3, pp. 88–93. (In Russ.).
15. Tsvetkova N.A., Durova E.A. Sredovye i lichnostnye faktory sryva postpenitentsiarnoi resotsializatsii muzhchin, otbyvayushchikh nakazaniya v ispravitel'nom uchrezhdenii po vtoroi sudimosti [Environmental and personal factors of breakdown of post-penitentiary re-socialization of serving second conviction]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2017, no. 1 (38), pp. 62–69. (In Russ.).
16. Koschmann M.A., Peterson B.L. Rethinking Recidivism: A Communication Approach to Prisoner Reentry. *Journal of Applied Social Science*, 2013. Vol. 7, no. 2, pp. 188–207. doi:10.1177/1936724412467021
17. Link N., Hamilton L. The Reciprocal Lagged Effects of Substance Use and Recidivism in a Prisoner Reentry Context. *Health and Justice*, 2017. Vol. 5, no. 1. doi:10.1186/s40352-017-0053-2
18. Sherretts N., Boduszek D., Debowska A., Willmott D. Comparison of murderers with recidivists and first time incarcerated offenders from U.S. prisons on psychopathy and identity as a criminal: An exploratory analysis. *Journal of Criminal Justice*, 2017. Vol. 51, no. 2, pp. 89–92. doi:10.1016/j.jcrimjus.2017.03.002
19. Uggen C. Ex-offenders and the conformist alternative: a job quality model of work and crime. *Social Problems*, 1999. Vol. 46, no. 1, pp. 127–151. doi:10.2307/309716525
20. Western B., Braga A.A., Davis J., Sirois C. Stress and Hardship After Prison. *American Journal of Sociology*, 2015. Vol. 120, no. 5, pp. 1512–1547. doi:10.1086/681301
21. Workman K. The social integration of Māori prisoners. *Aotearoa New Zealand Social Work*, 2016. Vol. 26, no. 1, pp. 39–46. doi:10.11157/anzswj-vol26iss1id53

Информация об авторах

Цветкова Надежда Александровна, доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda A. Tsvetkova, Doctor of Psychology, Docent, Chief Researcher, Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>; e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Получена 22.01.2024
Принята в печать 27.05.2024

Received 22.01.2024
Accepted 27.05.2024

Психологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях

Канунников Р.И.

Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Коноплева Е.А.

Территориальный центр мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в Свердловской области (ГКУ «ТЦМ»), г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4525-4034>, e-mail: elen.konopleva@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблемы психологической безопасности лиц, находившихся в экстремальных условиях деятельности, включая оценку вероятности сохранения их здоровья и работоспособности после воздействия травмирующих факторов. Указанная проблема применительно к сотрудникам органов внутренних дел в контексте служебной деятельности в особых условиях недостаточно изучена. Цель исследования — изучение компонентов психологической безопасности, находящихся во взаимосвязи с посттравматической симптоматикой у сотрудников органов внутренних дел. В целях настоящего исследования использовался сравнительный и корреляционный анализ, где критерием сравнения выступило наличие у сотрудников опыта боевых действий. Эмпирическая база исследования представлена двумя группами: 38 сотрудников, имеющих опыт боевых действий и 69 сотрудников, не имеющих подобного опыта. Теоретические положения подтверждены эмпирической частью исследования, где определено наличие взаимосвязи между характером посттравматических реакций и компонентами психологической безопасности. При несении службы в особых условиях выраженность посттравматической симптоматики у сотрудников органов внутренних дел зависит от сформированности индивидуальной системы саморегуляции, адаптивности, наличия чувства субъективного эмоционального комфорта.

Ключевые слова: психологическая безопасность, экстремальные ситуации, саморегуляция, жизнестойкость, адаптивность, эмоциональный комфорт, посттравматическое стрессовое расстройство, сотрудники органов внутренних дел.

Для цитаты: Канунников Р.И., Коноплева Е.А. Психологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 107–121. DOI:10.17759/psylaw.2024140309

Psychological Safety of Law Enforcement Officers in Extreme Situations

Roman I. Kanunnikov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Elena A. Konopleva

Territorial Center for Monitoring and Emergency Response in the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4525-4034>, e-mail: elen.konopleva@yandex.ru

The article is devoted to the study of the psychological safety of individuals exposed to extreme conditions, with a particular focus on the likelihood of maintaining health and performance after exposure to traumatic factors. The problem, particularly in relation to employees of internal affairs bodies operating under special conditions, has not been sufficiently studied. The purpose of the study is to explore the components of psychological safety that are interrelated with post-traumatic symptoms in employees of internal affairs agencies. Comparative and correlation analyses were used for this study, with the comparison criterion being the presence of combat experience among employees. The empirical base of the study consists of two groups: 38 employees with combat experience and 69 employees without such experience. The theoretical positions are supported by the empirical part of the study, which confirms the existence of a relationship between the nature of post-traumatic reactions and components of psychological safety. The severity of post-traumatic symptoms in employees of internal affairs bodies serving in special conditions depends on the formation of an individual system of self-regulation, adaptability, and a sense of subjective emotional comfort.

Keywords: psychological safety, extreme situations, self-regulation, resilience, adaptability, emotional comfort, post-traumatic stress disorder, internal affairs officers.

For citation: Kanunnikov R.I., Konopleva E.A. Psychological Safety of Law Enforcement Officers in Extreme Situations. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 107–121. DOI:10.17759/psylaw.2024140309 (In Russ.).

Введение

Социально-экономические изменения в обществе, ставшие следствием событий, происходящих в стране и в мире: (длительный период пандемии, нестабильная геополитическая обстановка в мире, проведение спецоперации на Украине), усугубляющиеся природными и техногенными катастрофами, приводят к неудовлетворению базовых потребностей человека в защищенности и безопасности, что, в свою очередь, оказывает влияние на изменение ценностно-смысловой системы личности, привычных стереотипов поведения. Несмотря на то, что в психологии, социологии, философии были созданы предпосылки для исследования феномена психологической безопасности личности, с методологических и научно-практических позиций эта проблема, в частности применительно к сотрудникам органов внутренних дел, недостаточно изучена. Немаловажным аспектом является вопрос, связанный с реадаптацией комбатантов к гражданской жизни и адаптации к мирным условиям жизнеде-

тельности. Особенно актуальной данная проблема является на современном этапе, так как сотрудники органов и подразделений внутренних дел принимают активное участие в охране правопорядка на территориях, недавно вошедших в состав Российской Федерации.

В работах Ломова Б.Ф. [9], Караяни А.Г. [6], Марьина М.И. [14] Ахмадеевой Е.В., Галяутдиновой С.И. [1], Баевой И.А. [2], Вербиной Г.Г. [3], Губенкова А.О., Николаева С.А. [4] и др. описаны условия, при которых окружающая среда является психологически наиболее безопасной. Современные исследования позволяют выделить различные критерии, уровни, компоненты психологической безопасности. Однако, несмотря на многочисленные описания и определения существенных характеристик и проявлений разных аспектов безопасности, отсутствует единое понимание этого феномена.

Существует достаточно много понятий психологической безопасности. Так, Вербина Г.Г. определяет психологическую безопасность как мобилизационный потенциал личности, проявляющийся в трудных и экстремальных условиях [3]. Баева И.А. под психологической безопасностью понимает способность человека к возможности защитить свое психическое состояние от внешних и внутренних угроз, возникающих в экстремальной ситуации [2].

Вместе с тем важным моментом является выделение компонентов, составляющих психологическую безопасность. Лобза О.В. выделяет следующие компоненты психологической безопасности личности, характерные для экстремальной ситуации:

1. устойчивость нервной системы;
2. жизнестойкость;
3. субъективный эмоциональный комфорт;
4. адаптивность.

Все эти компоненты характерны для экстремальных ситуаций, к которым относится выполнение профессиональной деятельности в условиях, приближенных к боевым действиям, где существует прямая угроза жизни. Сотрудники полиции, осуществляющие профессиональную деятельность в особых условиях, несут дополнительную психотравмирующую нагрузку. Наличие чувства психологической защищенности личности от стрессовых факторов, характеризуется такими компонентами, как устойчивость, жизнестойкость, эмоциональный комфорт и адаптивность к различным экстремальным ситуациям [8].

Как считают Губенков А.О., Николаев С.А., психологическая безопасность личности в большей степени опирается на способность личности к саморегуляции, позволяющей сформировать у сотрудника органов внутренних дел устойчивость к различным экстремальным ситуациям. Конечно, сотрудников правоохранительных органов готовят к экстремальным ситуациям, дают теоретические знания, моделируют ситуации в ходе отработки практических навыков, тем не менее далеко не всегда удается справиться со своими эмоциями и найти наиболее эффективный способ поведения. Благодаря сформированной способности к саморегуляции у сотрудника правоохранительных органов возникает более осознанное выполнение профессиональной деятельности. Это проявляется в снижении конфликтности, последовательности и логичности действий, принятии ответственности в экстремальной ситуации [4].

Обеспечение психологической безопасности, эффективность практических действий сотрудников полиции в ситуациях, сопряженных с большой ответственностью, риском, опасностью для жизни, требующих неотложных и безошибочных действий, во многом зависит от уровня их профессиональной психологической подготовленности.

Способность к саморегуляции психических состояний, согласно Проскуряковой Л.А., обеспечивает выбор наиболее эффективной реакции сотрудника правоохранительных орга-

нов на экстремальную ситуацию, сложившуюся в результате выполнения служебной деятельности. В связи с этим нужно совершенствовать систему подготовки сотрудников полиции, проводя отработку полученных знаний не только на специально созданных полигонах, но и в реальных условиях [15].

По мнению Ахмадеевой Е.В., Галяутдиновой С.И. [1], одним из ключевых состояний психологической безопасности сотрудника органов внутренних дел является жизнестойкость. Именно она оказывает ключевое влияние на физическое и психическое здоровье, обеспечивая при этом успешность деятельности. Жизнестойкость позволяет в экстремальной ситуации повысить стремление выжить, увидеть дальнейшие перспективы жизни. Особенно важным это является в ситуации, когда пострадавшими оказываются близкие люди. Жизнестойкость позволяет сотруднику органов внутренних дел в последующем найти возможность преодолеть возникновение каких-либо психологических расстройств, связанных с произошедшим событием [1].

Семенова Ф.О., Кубанов А.Р., Алиева А.М. состояние эмоционального комфорта сотрудника правоохранительных органов определяют через чувство уверенности и спокойствия. Сотрудник органов внутренних дел в состоянии повышенной опасности должен иметь возможность открыто выражать свои чувства и обладать оптимистичным настроем, что во многом зависит от руководителя подразделения. Особое место при подготовке сотрудников органов внутренних дел отводится формированию чувства уверенности в защите и поддержке, как со стороны государства, так и со стороны сослуживцев [18].

В исследованиях Иноземцева С.В. доказано, что в экстремальных условиях сотрудники правоохранительных органов воспринимают психологическую безопасность как состояние внутреннего комфорта. Частично это достигается за счет адаптации, а также путем установления в сознании границ восприятия опасности [5].

В работе Караяни А.Г., Утлик Э.П. отмечено, что условия, приближенные к боевым действиям, требуют от сотрудника постоянной напряженности, повышенного внимания, быстрой адаптации к ситуации. В то же время на сотрудника действует множество негативных факторов: дефицит времени и информации, противодействие заинтересованных лиц, повышенный эмоциональный фон, ответственность за принимаемые решения, угроза жизни и здоровью. Эффективность адаптации к экстремальным ситуациям в условиях, приближенных к боевым действиям, зависит от уровня саморегуляции, состояния здоровья, мотивации. Глубокое нарушение адаптации в условиях близких к боевым действиям, характеризующихся повышенной опасностью при выполнении служебной деятельности, может привести к появлению суицидальных мыслей, нервным срывам, апатии. Установлено, что процесс адаптации в условиях близких к боевым действиям у сотрудников органов внутренних дел длится до полугода. В это время происходит выработка эмоционально-поведенческих стереотипов, способствующих снижению риска при выполнении служебной деятельности. Навыки выполнения профессиональной деятельности автоматизируются [6].

Нахождения в условиях близких к боевым действиям, применение оружия можно классифицировать как травматическое событие, так как, по субъективной оценке сотрудника, существует реальная опасность для его жизни, физического или психического здоровья, что зачастую может привести к возникновению посттравматического стрессового расстройства, а в последующем — к нервно-психическим и психосоматическим нарушениям, снижению работоспособности, возникновению суицидальных мыслей, апатии [13; 21].

Согласно Мансуровой З.Р., Шайбаковой А.Н., риск развития посттравматического стрессового расстройства зависит от характера внешнего воздействия, оказываемого на сотрудни-

ков правоохранительных органов. Чем сильнее воздействие и чем менее подготовленным оказывается сотрудник полиции, тем более глубокий след в психике человека оставляет событие. Симптоматика посттравматического стрессового расстройства затрудняет адаптацию к мирной жизни. При этом отмечается, что склонные к риску сотрудники полиции, попавшие в экстремальную ситуацию и испытавшие сильные эмоциональные переживания, стремятся к их повторению, так как мирная жизнь не дает такой остроты ощущений [10].

Вместе с тем имеются и индивидуальные особенности, увеличивающие риск возникновения посттравматического стрессового расстройства. К таким особенностям относят наличие психических заболеваний, различного рода зависимости, психологические травмы, перенесенные в детстве и т. д. Также причиной, усугубляющей течение посттравматического стрессового расстройства у сотрудника органов внутренних дел, вернувшегося из зоны боевых действий, может являться и социальное одиночество. Опыт военных психологов свидетельствует, что посттравматический синдром крайне редко развивается у людей, достаточно быстро включившихся в жизнь социума (работа, семья, друзья, хобби и т. п.).

Смирновой Н.Н., Родыгиной Ю.К., Соловьевым А.Г. установлено, что посттравматическое стрессовое расстройство, возникшее в результате боевого стресса, у сотрудников полиции приводит к деформации смысловых фильтров. Такое нарушение способствует искажению существующей реальности и приводит к формированию внутренней психической реальности, отличной от существующей. Исходя из этого, сотрудник полиции начинает применять свою систему оценки действий и поступков окружающих. Это проявляется в избирательности, переоценке, непропорциональности, искажении значения высказываний и т. п. Изменения наблюдаются и в перспективном планировании целей жизни, сопровождающимся деструктивными изменениями личности, вплоть до психологической и психосоматической патологии [7; 19].

Изучение вопроса психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел не ограничивается изучением посттравматического стрессового расстройства. Отдельного внимания заслуживают боевые стрессовые расстройства начального периода боевых действий, для которых характерны эмоциональная лабильность и гиперестезия, резкие колебания настроения, разнообразные вегетативно-сосудистые симптомы. На этом фоне могут развиваться тревожно-обсессивные и астено-депрессивные, реже — истерические, невротические реакции. Нередки поведенческие нарушения: уходы из расположения части, суицидальные попытки, членовредительство, злоупотребление психоактивными веществами.

Таким образом, изучение вопросов психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел должно носить комплексный характер. Изучение компонентов психологической безопасности сотрудников полиции, имеющих опыт боевых действий, позволит разработать превентивные меры для нивелирования негативных последствий экстремальных ситуаций и оптимизировать процесс реадaptации к мирной жизни.

Методика

Для реализации целей нашего исследования использованы следующие тестовые методики: Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (Keane, Caddell, Taylor, 1988, в адаптации Тарабриной Н.В.) [20]; Шкала субъективного благополучия (Perrudet-Badoux A., Mendelsohn G., Chiche J., 1988, в адаптации Соколовой М.В.) [22]; Симптоматический опросник SCL-90-R [20], Опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССП-98» (Моросанова В.И.) [11]; Методика «Жизненное предназначение» (Мотков О.И.) [12]; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) (Маклакова А.Г. и Чермянина С.В.) [16].

В исследовании приняли участие 38 сотрудников органов внутренних дел, имеющих опыт боевых действий, и 69 сотрудников, не имеющих подобного опыта, в возрасте от 27 до 48 лет. Общий объем выборки составил 107 человек. Математико-статистические процедуры выполнялись с использованием IBM SPSS STATISTIC, версия 22.

Результаты и их обсуждение

Выборка испытуемых в исследовании представлена двумя группами; в первую группу вошли 38 сотрудников полиции, имеющих опыт боевых действий, во вторую группу — 69 сотрудников полиции, не имеющих подобного опыта. Для оценки достоверности различий между средними показателями изучаемых параметров использовался дисперсионный анализ (табл. 1, 2).

Таблица 1

Сравнительный анализ по шкалам методик «Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций», «Шкала субъективного благополучия», «Симптоматический опросник»

Группа	Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций	Шкала субъективного благополучия			Симптоматический опросник SCL-90-R
	Шкалы				
	Уровень ПТСР	Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	Напряженность	Соматизация	
I группа	64,7	6,4	13,2	32,1	
II группа	58,2	5,7	9,6	34,9	
Значение	0,034	0,021	0,037	0,027	

Примечание: I группа — сотрудники, имеющие опыт боевых действий; II группа — сотрудники, не имеющие опыта боевых действий.

Таблица 2

Сравнительный анализ по шкалам методик «Стиль саморегуляции поведения», «Жизненное предназначение», МЛЮ «Адаптивность»

Группа	Методика «Стиль саморегуляции поведения»		Методика «Жизненное предназначение»	Методика «Адаптивность»
	Общий уровень саморегуляции	Гибкость	Гармоничность внутриличностных факторов осуществления жизненных предназначений	Моральная нормативность
	Шкалы			
I группа	0,02	0,06	4,9	7,6
II группа	0,04	0,07	5,3	8,6
Значение	0,016	0,049	0,016	0,039

Примечание: I группа — сотрудники, имеющие опыт боевых действий; II группа — сотрудники, не имеющие опыта боевых действий/

Значимые различия получены по показателю выраженности посттравматических реакций/ уровню адаптации и признакам соматизации личности, исключая психиатрическую симпто-

матику. Также значимые различия определены по показателям сформированности и гибкости индивидуальной системы регуляции поведения, способности адекватно воспринимать определенные социальные роли, общей гармоничности и конструктивности жизни личности, что является факторами психологической безопасности.

Для более конструктивного анализа показателей психологической безопасности в соответствии с посттравматической симптоматикой используем результаты корреляционного анализа, отдельно по каждой группе испытуемых.

Результаты, полученные в группе сотрудников органов внутренних дел, имеющих опыт боевых действий. Итоговый показатель по Миссисипской шкале ПТСР положительно коррелирует со шкалами: «Напряженность» (0,701; $p \leq 0,01$), «Изменения настроения» (0,731; $p \leq 0,01$) — Опросник субъективного благополучия; «Тревожность» (0,741; $p \leq 0,01$), «Психотизм» (0,745; $p \leq 0,01$), «Депрессия» (0,728; $p \leq 0,05$) — Симптоматический опросник SCL-90-R; «Самостоятельность» (0,633; $p \leq 0,01$) — Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (рис. 1). Стоит отметить высокий уровень величины коэффициента корреляции (по шкале Чеддока, $> 0,7$), что позволяет говорить о высокой прямой взаимосвязи рассматриваемых параметров.

У сотрудников, имеющих опыт боевых действий, посттравматическая симптоматика сопровождается повышенным напряжением, изменениями настроения, снижением интереса к жизни, недостатком мотивации, потерей жизненной энергии, повышением тревожности, включающей чувства опасности, опасения и страха. Отмечается избегающий, изолированный, стиль жизни, отличающийся автономностью в организации активности. Сотрудники предпочитают самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать, как промежуточные, так и конечные результаты деятельности. Все перечисленные критерии сопровождают снижение уровня адаптации к нормальным условиям жизнедеятельности.

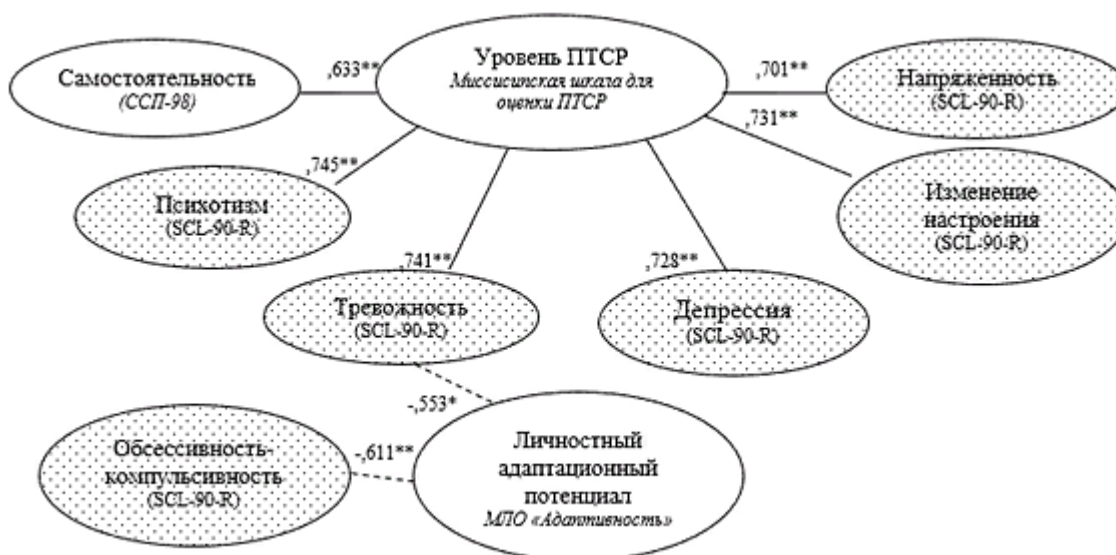

Рис. 1. Корреляционная плеяда итоговых показателей по методикам «Миссисипская шкала ПТСР» и «Адаптивность» в группе сотрудников органов внутренних дел, имеющих опыт боевых действий

Значимые отрицательные корреляции получены между шкалой «Общий уровень регуляции поведения» методики «Стиль саморегуляции поведения» и показателями «Значимость социального окружения» ($-0,616$; $p \leq 0,01$) — «Шкала субъективного контроля» и «Поведенческая регуляция» ($-0,570$; $p \leq 0,01$) — МЛО «Адаптивность» (рис. 2). Стоит учесть, что в данной методике интровертировано значение показателей, иными словами, чем ниже сырой балл, полученный по шкале, тем лучше результат. Полученные результаты позволяют предположить, что общий уровень сформированности индивидуальной системы осознанной саморегуляции поведения зависит от значимости социального одобрения, поддержки со стороны окружения, отношения с семьей и друзьями, а также недостаточной интерпсихической, непроизвольной саморегуляции.

С другой стороны, данные сотрудники воспринимаются как самостоятельные, способные адекватно реагировать на изменяющиеся условия, выдвижение и достижение цели у них в большой степени осознанно. Указанные особенности сопровождаются сформированным уровнем индивидуальной системы интрапсихической, осознанной регуляции поведения, которая позволяет компенсировать влияние неблагоприятных личностных особенностей. Можно учитывать данный фактор при осуществлении психологической подготовки сотрудников на всех этапах служебной деятельности, в качестве превентивной меры обеспечения психологической безопасности сотрудников.

Для показателя «Гармоничность внутриличностных факторов осуществления жизненных предназначений» — методика «Жизненное предназначение» определены значимые взаимосвязи со шкалами «Самооценка здоровья» ($-0,557$; $p \leq 0,01$) — Шкала субъективного благополучия; «Моделирование» ($-0,583$; $p \leq 0,01$), «Гибкость» ($0,695$; $p \leq 0,05$) — Стиль саморегуляции поведения.

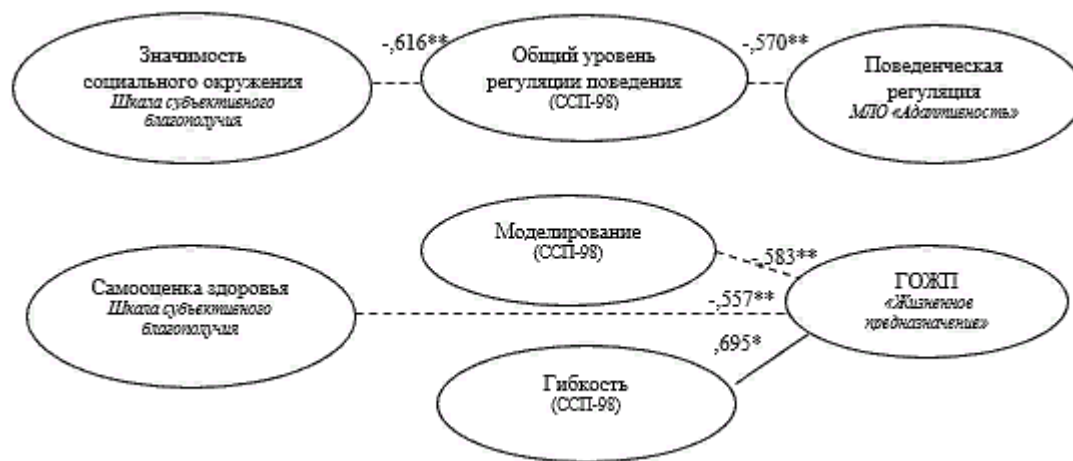

Рис. 2. Взаимосвязь факторов психологической безопасности в группе сотрудников органов внутренних дел, имеющих опыт боевых действий

Комплексный показатель «Гармоничность внутриличностных факторов осуществления жизненных предназначений» (ГОЖП), согласно авторской интерпретации, говорит о потенциально гармоничных внутренних условиях для реализации предназначений, а не о самом уровне их осуществления. Жизненные предназначения — это общая жизненная направленность, выражающая предрасположенность к определенному типу функционирования, стилю деятельности, типу отношений к себе, людям и миру в целом. Выявленная отрицательная корреляция с субъективной оценкой состояния здоровья может быть рассмотрена с двух сто-

рон. Во-первых, значения показателя ГОЖП на близком к максимальному или на максимальном уровне считаются уже не оптимальными, а псевдооптимальными, псевдовысокими. Соответственно, снижение характеристик здоровья соотносится с завышенной, нереалистичной самооценкой и высокими амбициями, что создает состояние потенциальной неустойчивости в стрессогенных обстоятельствах. Второй аспект, при размещении показателя ГОЖП в рамках нормативного коридора, позволяет предположить, что адекватная оценка состояния собственного здоровья, признание имеющихся проблем благотворно влияют на развитие личностных факторов, потенциально способствующих осуществлению жизненных предназначений, таких как внутренний локус контроля, гибкость — разнонаправленность личности, высокая осознанность и вера в осуществимость жизненных предназначений.

Соответственно, слабая сформированность процессов моделирования приводит к неадекватной оценке значимых внутренних условий и внешних обстоятельств, что проявляется в фантазировании, которое может сопровождаться резкими перепадами отношения к развитию ситуации, последствиям своих действий. Наличие трудности в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации, неспособность замечать изменение ситуации также часто приводят к неудачам. Развитая способность к моделированию как фактору саморегуляции позволяет гармонизировать внутренние условия для реализации жизненных предназначений, что является предпосылками психологической безопасности. Кроме того, «Гармоничность внутриличностных факторов осуществления жизненных предназначений» напрямую зависит от уровня сформированности регуляторной гибкости, т. е. способности перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий, что позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска.

Отрицательные корреляции между показателем «Личностный адаптационный потенциал» Многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» и шкалами «Тревожность» ($-0,553$; $p \leq 0,05$) и «Обсессивность-компульсивность» ($-0,611$; $p \leq 0,01$) Симптоматического опросника позволяют отметить, что отсутствие данной симптоматики повышает адаптационные возможности личности.

Результаты, полученные в группе сотрудников органов внутренних дел, не имеющих опыт боевых действий. Интегральный показатель Миссисипской шкалы ПТСР положительно коррелирует с такими шкалами, как: «Самостоятельность» ($0,576$; $p \leq 0,01$) — «Стиль саморегуляции поведения»; «Моральная нормативность» ($0,557$; $p \leq 0,01$) — МЛЮ «Адаптивность»; «Значимость социального окружения» ($0,596$; $p \leq 0,01$) — «Самооценка здоровья» ($0,577$; $p \leq 0,01$) — «Шкала субъективного благополучия» (интровертированные показатели). Показатель «Личностный адаптационный потенциал» у сотрудников полиции, не имеющих опыта боевых действий, взаимосвязан со шкалами «Гибкость» ($0,583$; $p \leq 0,01$) — «Стиль саморегуляции поведения»; «Враждебность» ($-0,649$; $p \leq 0,01$) — «Симптоматический опросник SCL-90-R» (рис. 3).

Как и в первой группе, у сотрудников, не имеющих опыта боевых действий, отмечаются множественные взаимосвязи интегрального показателя «Миссисипская шкала ПТСР», который также отражает хороший уровень адаптации с развитостью регуляторной автономности в организации собственной активности. В отличие от результатов, полученных в первой группе, полученные взаимосвязи больше соответствуют социальной адаптации личности, чем симптоматике посттравматических нарушений.

Хороший уровень общей адаптации сотрудников органов внутренних дел взаимосвязан с независимостью от мнений и оценок окружающих, влиянием здоровья и оценкой возможно-

стей для полноценной жизни и деятельности, которые связаны с их состоянием здоровья, способностью адекватно воспринимать определенные социальные роли. Учитывая среднюю силу связи указанных параметров, можно предположить, что все они влияют на уровень адаптации косвенным образом, не как отдельные факторы, а через их составляющие.

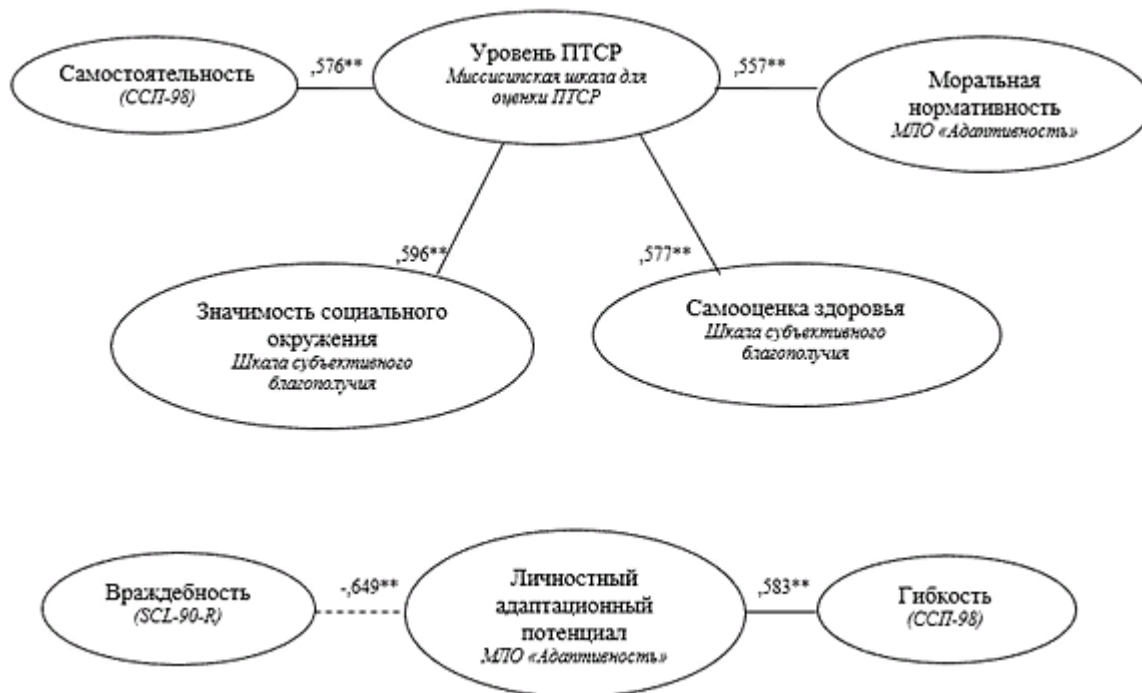

Рис. 3. Корреляционная плеяда итоговых показателей по методикам «Миссисипская шкала ПТСР» и «Адаптивность» в группе сотрудников органов внутренних дел, не имеющих опыта боевых действий

Также стоит отметить, что личностный адаптационный потенциал сотрудников, не имеющих опыта боевых действий, взаимосвязан с уровнем сформированности регуляторной гибкости, т. е. способности перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий, а также отсутствием негативного аффективного состояния злости: агрессии, раздражительности, гнева и негодования.

Общий уровень регуляции поведения у сотрудников органов внутренних дел, не имеющих опыта боевых действий коррелирует со шкалами «Симптоматического опросника SCL-90-R»: «Обсессивность—компульсивность» ($-0,534$; $p \leq 0,01$), «Тревожность» ($0,55$; $p \leq 0,011$), «Фобическая тревожность» ($-0,543$; $p \leq 0,01$); «Враждебность» ($-0,649$; $p \leq 0,05$); а также со шкалой «Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику» ($-0,544$; $p \leq 0,01$) — «Шкала субъективного контроля».

Показатель «Гармоничность внутриличностных факторов осуществления жизненных предназначений» (ГОЖП) методики «Жизненные предназначения» взаимосвязан со шкалами «Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику» ($0,664$; $p \leq 0,01$) и «Гибкость» ($0,553$; $p \leq 0,01$) (рис.4). Выявленные взаимосвязи позволяют предположить, что чем выше общий уровень способности к саморегуляции, тем меньше вероятность развития травматической симптоматики, соответственно, более выражены благоприятные факторы, способствующие самореализации.

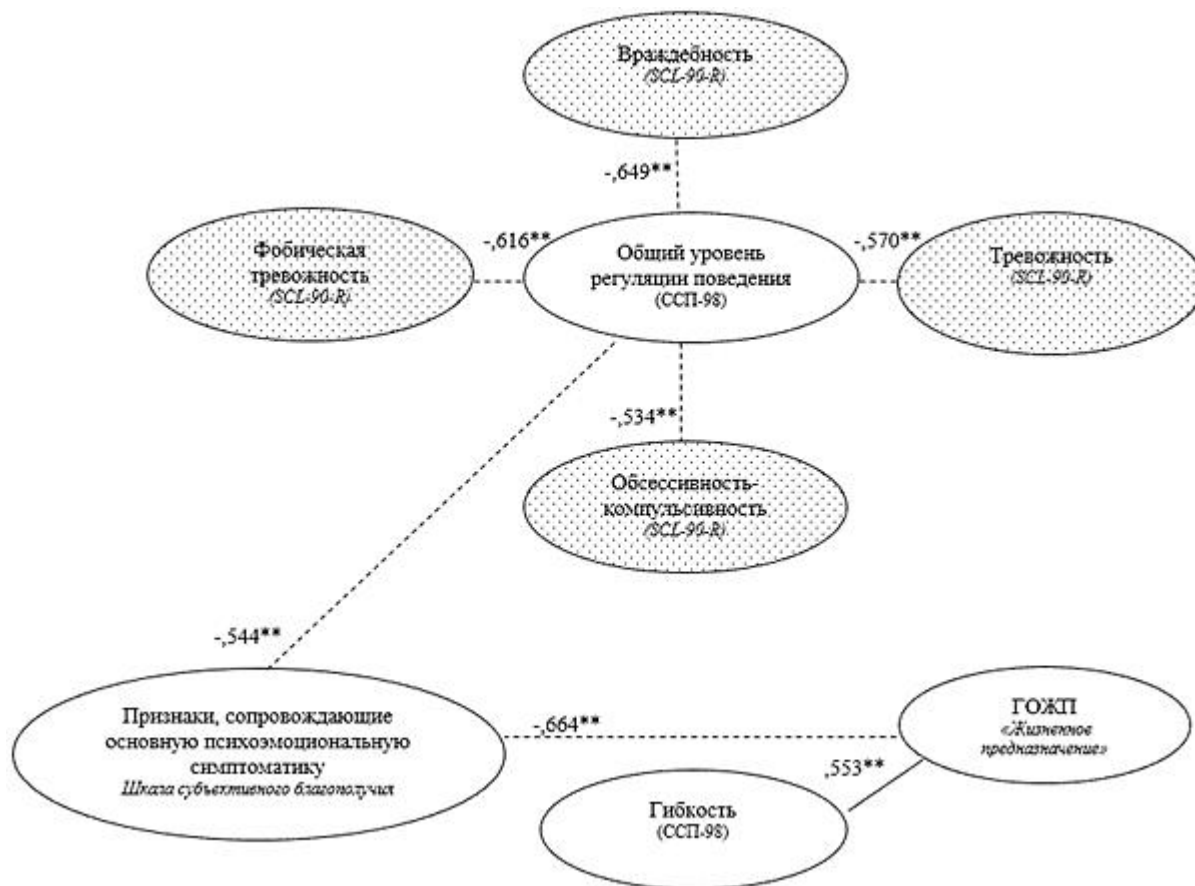

Рис. 4. Взаимосвязь факторов психологической безопасности в группе сотрудников органов внутренних дел, не имеющих опыта боевых действий

Выводы

Результаты эмпирической части исследования позволили актуализировать и подтвердить значимость компонентов, составляющих психологическую безопасность, таких как саморегуляция, жизнестойкость, субъективный эмоциональный комфорт и способность к адаптации (Лобза О.В. [8]).

Для сохранения психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел в обычных и особых условиях служебной деятельности необходим комплекс мер, направленный на формирование и развитие общего уровня сформированности индивидуальной системы осознанной саморегуляции поведения, включающей как интерпсихические, так и интрапсихические процессы саморегуляции. Для достижения этой цели необходима единая система боевой, служебной, психологической подготовки, реализуемая в одном ключе при согласовании всех составляющих и на всех этапах отбора и сопровождения служебной деятельности сотрудника [17].

Особое внимание стоит уделить:

- развитости регуляторной автономности в организации собственной активности, что предполагает наличие ответственности, внутреннего локус-контроля, умения планировать свою деятельность, предугадывать возможные последствия своих действий, а также способность менять план своих действий при изменившихся условиях и др.;

- уровню социализации личности, где учитывается не только направленность (экстраверсия/интроверсия) личности, но и способность к социальной адаптации, включающая в себя коммуникативные возможности, умение правильно себя вести, соблюдение моральных норм и правил поведения, а также способность адекватно воспринимать определенные социальные роли;
- сформированности интерпсихической, произвольной саморегуляции, за которую ответственны механизмы произвольной, неосознаваемой и поэтому неконтролируемой человеком реакции (возбуждения/торможения), и которые нельзя соотнести с каким-либо еще компонентом структуры деятельности. Опосредованно здесь задействованы особенности нервной системы, уровень нервно-психической устойчивости личности, эмоциональное состояние (например, отсутствие состояния тревожности, враждебности, напряженности и иных негативных аффективных состояний).
- сформированности индивидуальной системы интрапсихической, осознанной регуляции поведения, а также гибкости регуляторной системы, которая позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска.

В связи с этим возникает потребность в нахождении такого механизма совладающего поведения, основанного на выделенных компонентах, которое позволит эффективно выходить из негативной ситуации с минимальным ущербом, что является одним из перспективных направлений в данной области. Кроме того, стоит отметить необходимость проведения целенаправленной работы с социальным окружением сотрудника (семья, коллеги) с целью их подготовки к реадаптации сотрудника после несения службы в особых условиях и объяснения значимости для сотрудника социального одобрения, поддержки со стороны окружения.

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась, существует взаимосвязь между факторами психологической безопасности и симптоматикой ПТСР. От сформированности компонентов саморегуляции, адаптивности, наличия чувства субъективного эмоционального комфорта будет зависеть выраженность симптоматики ПТСР у сотрудников полиции, выполнявших задачи в особых условиях.

Литература

1. Ахмадеева Е.В., Галяутдинова С.И. Изучение социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности сотрудников МВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 106–120. doi:10.17759/psylaw.2021110109
2. Баева И.А. Психология безопасности: теоретическая основа помощи в экстремальной ситуации // Развитие личности. 2016. № 3. С. 57–74.
3. Вербина Г.Г. Психологическая безопасность личности // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 196–203.
4. Губенков А.О., Николаев С.А. К вопросу о формировании и развитии психологической безопасности личности сотрудника органов внутренних дел // Автономия личности. 2022. № 1 (27). С. 98–106.
5. Иноземцев С.В. Обеспечение психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел // Автономия личности. 2022. № 1 (27). С. 113–118.
6. Караяни А.Г., Утлик Э.П. Саморегуляция функциональных состояний в боевой обстановке [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). С. 5–9. doi:10.24411/1999-6241-2018-13001

7. Литвинова А.В., Котенева А.В., Кокурин А.В., Иванов В.С. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 8–16. doi:10.17759/jmfp.2021100101
8. Лобза О.В. Жизнестойкость как компонент психологической безопасности личности // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 2 (83). С. 75–79.
9. Ломов Б.Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Институт психологии РАН, 2006. 622 с.
10. Мансурова З.Р., Шайбакова А.Н. Влияние профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел на стрессоустойчивость и психофизиологические процессы организма [Электронный ресурс] // Юридическая психология. 2023. № 1. С. 15–20. doi:10.18572/2071-1204-2023-1-15-20
11. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека: Монография. 2-е изд. М.: Наука, 2012. 518 с.
12. Мотков О.И. Методика «Жизненное предназначение» [Электронный ресурс] // TextArchive.ru. URL: <https://textarchive.ru/c-1586950.html> (дата обращения: 05.02.2022).
13. Посттравматическое стрессовое расстройство / Под ред. В.А. Солдаткина. Ростов-на-Дону: Издательство РостГМУ, 2015 624 с.
14. Проблемы психологической безопасности личности и образовательной среды / Под общ. ред. А.В. Литвиновой, А.В. Кокурина, М.И. Марьина. М.: Русайнс, 2022. 190 с.
15. Проскуракова Л.А. Анализ уровня саморегуляции и компонентов эмоционального состояния у сотрудников полиции: результаты практической работы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 83–95. doi:10.17759/psylaw.2022120407
16. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие. Самара: БАХРАХ-М, 2001. 672 с.
17. Родин В.Ф., Хрусталева Т.А. Психология безопасности профессиональной деятельности сотрудников ОВД РФ [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 227–230.
18. Семенова Ф.О., Кубанов А.Р., Алиева А.М. Психологическая устойчивость как профессионально значимое качество сотрудника органов внутренних дел // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-3. С. 369–372.
19. Смирнова Н.Н., Родыгина Ю.К., Соловьев А.Г. Психологические и психофизиологические аспекты стрессоустойчивости у сотрудников органов внутренних дел // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2012. № 2. С. 78–81.
20. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001. 272 с.
21. Храмов Е.В., Деулин Д.В., Котенев И.О., Пахалкова А.А. Соматические проявления при посттравматическом стрессовом расстройстве [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 3. С. 64–73. doi:10.17759/jmfp.2023120306

References

1. Akhmadeeva E.V., Galyautdinova S.I. Izuchenie sotsial'noi frustrirovannosti, zhiznesteikosti i psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti sotrudnikov MVD [Social Frustration, Resilience and Psychological Security of Internal Affairs Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 106–120. doi:10.17759/psylaw.2021110109 (In Russ.).

2. Baeva I.A. Psikhologiya bezopasnosti: teoreticheskaya osnova pomoshchi v ekstremal'noi situatsii [Psychological safeguarding in extreme situations]. *Razvitie lichnosti = Development of Personality*, 2016, no. 3, pp. 57–74. (In Russ.).
3. Verbina G.G. Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti [Psychological safety the person]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*, 2013, no. 4, pp. 196–203. (In Russ.).
4. Gubenov A.O., Nikolaev S.A. K voprosu o formirovanii i razvitiu psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti sotrudnika organov vnutrennikh del [To the Question of the Formation and Development of Psychological Security of the Personality of an Employee of the Department of Internal Affairs]. *Avtonomiya lichnosti = The Autonomy of Personality*, 2022, no. 1 (27), pp. 98–106. (In Russ.).
5. Inozemtsev S.V. Obespechenie psikhologicheskoi bezopasnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Ensuring the Psychological Safety of Police Officers]. *Avtonomiya lichnosti = The Autonomy of Personality*, 2022, no. 1 (27), pp. 113–118. (In Russ.).
6. Karayani A.G., Utlik E.P. Samoregulyatsiya funktsional'nykh sostoyanii v boevoi obstanovke [Self-regulation of functional states by the soldiers in combat] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2018, no. 3 (74), pp. 5–9. doi:10.24411/1999-6241-2018-13001 (In Russ.).
7. Litvinova A.V., Koteneva A.V., Kokurin A.V., Ivanov V.S. Problemy psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v ekstremal'nykh usloviyakh zhiznedeyatel'nosti [Problems of psychological safety of a person in extreme conditions of life] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 8–16. doi:10.17759/jmfp.2021100101 (In Russ.).
8. Lobza O.V. Zhiznestoikost' kak komponent psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti [Viability as a component of psychological security of personality]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Prikamsky Social Institute*, 2019, no. 2 (83), pp. 75–79. (In Russ.).
9. Lomov B.F. Psikhicheskaya regulyatsiya deyatel'nosti: Izbrannye trudy. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2006. 622 p. (In Russ.).
10. Mansurova Z.R., Shaibakova A.N. Vliyanie professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del na stressoustoichivost' i psikhofiziologicheskie protsessy organizma [The Impact of Professional Activities of Employees of Internal Affairs Agencies on Stress Resistance and Psychophysiological Processes of the Human Body] [Elektronnyi resurs]. *Yuridicheskaya psikhologiya = Juridical Psychology*, 2023, no. 1, pp. 15–20. doi:10.18572/2071-1204-2023-1-15-20 (In Russ.).
11. Morosanova V.I. Samoregulyatsiya i individual'nost' cheloveka: Monografiya. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2012. 518 p. (In Russ.).
12. Motkov O.I. Metodika “Zhiznennoe prednaznachenie” [Elektronnyi resurs]. *TextArchive.ru*. URL: <https://textarchive.ru/c-1586950.html> (Accessed 05.02.2022). (In Russ.).
13. Soldatkin V.A. (Ed.). Posttravmaticheskoe stressovoe rasstroistvo. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo RostGMU, 2015 624 p. (In Russ.).
14. Litvinova A.V., Kokurin A.V., Maryin M.I. (Eds.). Problemy psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti i obrazovatel'noi sredy. Moscow: Rusains, 2022. 190 p. (In Russ.).
15. Proskuryakova L.A. Analiz urovnya samoregulyatsii i komponentov emotsional'nogo sostoyaniya u sotrudnikov politsii: rezul'taty prakticheskoi raboty [Analysis of the Level of Self-Regulation and Components of the Emotional State of Police Officers: Results of Practical Work] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 83–95. doi:10.17759/psylaw.2022120407 (In Russ.).

16. Raigorodsky D.Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy: Uchebnoe posobie*. Samara: BAKhRAKh-M, 2001. 672 p. (In Russ.).
17. Rodin V.F., Khrustaleva T.A. *Psikhologiya bezopasnosti pffessional'noi deyatel'nosti sotrudnikov OVD RF [Psychology of Security of Professional Activity of Employees of ATS of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 227–230. (In Russ.).
18. Semenova F.O., Kubanov A.R., Alieva A.M. *Psikhologicheskaya ustoichivost' kak professional'no znachimoe kachestvo sotrudnika organov vnutrennikh del [Psychological Stability as a Professional Quality of an Employee of Internal Affairs]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2021, no. 71-3, pp. 369–372. (In Russ.).
19. Smirnova N.N., Rodygina Yu.K., Solov'ev A.G. *Psikhologicheskie i psikhofiziologicheskie aspekty stressoustoichivosti u sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological and psychophysiological aspects of stress resistance in police officers]. Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh = Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*, 2012, no. 2, pp. 78–81. (In Russ.).
20. Tarabrina N.V. *Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa*. Saint Petersburg: Piter, 2001. 272 p. (In Russ.).
21. Khramov E.V., Deulin D.V., Kotenev I.O., Pakhalkova A.A. *Somaticheskie proyavleniya pri posttravmaticheskom stressovom rasstroistve [Somatic Manifestations in Post-Traumatic Stress Disorder] [Elektronnyi resurs]. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 64–73. doi:10.17759/jmfp.2023120306 (In Russ.).

Информация об авторах

Канунников Роман Игоревич, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра философии, психологии и гуманитарных дисциплин, Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Коноплева Елена Александровна, кризисный психолог, отдел лингвистической и психологической поддержки, Территориальный центр мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в Свердловской области (ГКУ «ТЦМ»), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4525-4034>, e-mail: elen.konopleva@yandex.ru

Information about the authors

Roman I. Kanunnikov, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Philosophy, Psychology and Humanitarian Disciplines, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Elena A. Konopleva, Crisis Psychologist, Department of Linguistic and Psychological Support, Territorial Center for Monitoring and Emergency Response in the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4525-4034>, e-mail: elen.konopleva@yandex.ru

Получена 03.02.2024
Принята в печать 29.07.2024

Received 03.02.2024
Accepted 29.07.2024

Психологическая готовность сотрудников отдела охраны следственного изолятора к применению огнестрельного оружия на поражение

Овчарова Е.В.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2728-4125>, e-mail: katyaovcharova-1983@mail.ru

Душкин А.С.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО «СПБУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Коноплева И.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Ковальчук И.А.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

В статье рассматривается проблема психологической готовности сотрудников отдела охраны уголовно-исполнительной системы к применению огнестрельного оружия на поражение. Проанализированы особенности их оперативно-служебной деятельности, связанной с вероятным использованием огнестрельного оружия, установлены факторы, способствующие возникновению стресса и оказывающие негативное влияние на личность сотрудников следственного изолятора, несущих службу с оружием. Выборка представлена 25 сотрудниками отдела охраны, несущими службу с оружием, проходящими службу в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Республике Марий Эл. Методики исследования были представлены диагностическим блоком: методикой 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла (форма С), Мельбурнским опросником принятия решений, методикой оценки склонности к риску (RSK) Г. Шуберта. Для обработки полученных данных была использована программа Psychometric Expert. В ходе эмпирического исследования, целью которого было изучение психологической готовности данных лиц к применению оружия на поражение, была выявлена группа сотрудников с низкой психологической готовностью к применению оружия на поражение. Установлено, что с ними необходимо осуществлять специализированную психологическую работу, направленную на формирование и развитие психологической готовности.

*Овчарова Е.В., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Ковальчук И.А.*
Психологическая готовность сотрудников отдела
охраны следственного изолятора к применению
огнестрельного оружия на поражение
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 122–133

*Ovcharova E.V., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Kovalchuk I.A.*
Psychological Readiness of Pre-Trial
Detention Center Officers to Use
Lethal Force with Firearms
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 122–133

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, психологическая готовность, применение оружия на поражение, личностные особенности, отдел охраны, психологическая диагностика.

Для цитаты: *Овчарова Е.В., Душкин А.С., Коноплева И.Н., Ковальчук И.А.* Психологическая готовность сотрудников отдела охраны следственного изолятора к применению огнестрельного оружия на поражение [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 122–133. DOI:10.17759/psylaw.2024140310

Psychological Readiness of Pre-Trial Detention Center Officers to Use Lethal Force with Firearms

Ekaterina V. Ovcharova

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2728-4125>, e-mail: katyaovcharova-1983@mail.ru

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Inga N. Konopleva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Ilya A. Kovalchuk

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

The article addresses the problem of psychological readiness of correctional security officers to use lethal force with firearms. The peculiarities of their operational and service activities related to the potential use of firearms are analysed, and the factors contributing to stress and having a negative impact on the personality of pre-trial detention center officers carrying out service with weapons are identified. The sample consisted of 25 employees from the security department, who perform their duties with firearms at the Federal Penitentiary Institution SIZO-1 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Mari El. The research methods included a diagnostic block: the 16 Personality Factor Questionnaire by R.B. Cattell (Form C), the Melbourne Decision Making Questionnaire, and G. Schubert's "Readiness for Risk" technique (RSK). The Psychometric Expert program was used to process the data. During the empirical research, which aimed to study the psychological readiness of these employees to use lethal force with firearms, a group of officers with low psychological readiness for using lethal force with firearms was identified. It was concluded that specialized psychological work is necessary for these individuals, aimed at developing and enhancing their psychological readiness.

Keywords: employees of the penal system, psychological readiness, use of lethal force with firearms, personal characteristics, security department, psychological diagnostics.

For citation: Ovcharova E.V., Dushkin A.S., Konopleva I.N., Kovalchuk I.A. Psychological Readiness of Pre-Trial Detention Center Officers to Use Lethal Force with Firearms. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 122–133. DOI:10.17759/psylaw.2024140310 (In Russ.).

Введение

Актуальность изучения психологической готовности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН России) к применению огнестрельного оружия на поражение можно объяснить тем, что продолжает оставаться весьма высоким число побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Чтобы действия сотрудников отдела охраны следственного изолятора (далее — СИЗО) не выходили за рамки законодательства, были обоснованными и четкими, следует проводить углубленное психодиагностическое обследование до закрепления за ними огнестрельного оружия. Только тогда можно быть уверенными в том, что их действия по применению огнестрельного оружия на поражение будут профессиональными и правильными.

Служебная деятельность сотрудников СИЗО заключается в содержании подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу. Однако не все подозреваемые и обвиняемые, а также осужденные хотят соблюдать режим в местах содержания под стражей, вследствие чего, например, пытаются совершить побег [3]. Для пресечения побега лица, заключенного под стражу, сотрудник подразделения охраны СИЗО может применить огнестрельное оружие на поражение. И.С. Ганишина, И.В. Сучкова справедливо отмечают, что «...служба в указанных подразделениях ФСИН России подразумевает особые требования к личности сотрудника УИС, несущего службу с оружием» [2, с. 246].

Слово «готовность» имеет довольно широкий спектр толкований. По мнению О.А. Белобрыкиной, «...под психологической готовностью к деятельности следует понимать особое психическое состояние субъекта, для которого характерны установка на деятельность и операциональные умения, необходимые для достижения результатов в определенной деятельности» [1, с. 395]. О.С. Приказчикова справедливо указывает на то, что готовность «...ограничивает круг индивидуально-психологических свойств, оставляя за его рамками знания, умения и навыки» [12, с. 148]. Большинство отечественных и зарубежных исследователей определяют психологическую готовность к деятельности как многоаспектный психологический феномен, механизм соотношения направленности в сфере труда с индивидуальными свойствами человека: мировоззрением, установками и ценностями, а также с его морально-волевой и эмоциональной сферами, она предполагает активное самообразование и самосовершенствование, является составляющей ядра личности, образующейся благодаря внешним и внутренним факторам [5; 6; 9; 14; 15].

Следовательно, психологической готовностью можно назвать именно внутреннее состояние человека, чертой которого является определенная психическая напряженность, выраженная в его мобилизованности к действиям при ожидании какого-либо события. Исключительность такого состояния заключается в том, что при этом задействованы психофизиологические (включая эмоциональные) качества, активизирующие деятельность субъекта. Психологическая готовность может быть особым длительным или кратковременным состоянием человека, когда он сознательно или неосознанно проигрывает возможную предстоящую ситуацию. Его психика мобилизована, есть настрой на совершение действий, причем решительных [7].

Не только в экстремальных ситуациях, но и в ходе обычной, «рутинной» ежедневной деятельности сотрудник, имея психологическую готовность на выполнение своих обязанностей, будет более рационально применять полученные ранее знания, опыт, эффективно проявлять личные качества, контролировать себя и быстро перестраиваться при возникновении непредвиденных моментов.

Готовность к действиям в экстремальных и особых условиях, пожалуй, особая форма психологической готовности. В.А. Кулганов указывает на то, что «...оценка готовности к действиям в экстремальных условиях включает в себя исследование адаптационного потенциала личности, т. е. ее устойчивости к стрессовым влияниям, способности к мобилизации и активизации деятельности, самоконтроля» [8, с. 579].

Сотрудники отдела охраны СИЗО, несущие службу с оружием, непрерывно находятся в особых условиях и постоянной готовности применять оружие на поражение, а это способствует возникновению дополнительного стресса [4]. При этом особые условия, по мнению И.В. Сучковой, «...предъявляют и дополнительные требования к личности сотрудника УИС, которые предопределены, как положениями ведомственных нормативных правовых актов, так и специфическими условиями труда в исправительных учреждениях, в том числе экстремальными факторами» [13, с. 52].

М.Г. Бариновой, Е.Г. Зуевой установлено, что «...сотрудники правоохранительных органов, демонстрирующие психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях, считают, что они отвечают за то, что происходит вокруг, при выполнении служебных задач предпочитают действовать в одиночку и отвечать за это, окружающие на них практически не воздействуют, но если что-то мешает выполнению поставленных задач, они склонны проявлять агрессивность» [5, с. 238]. Особенно трудно приходится молодым, неопытным сотрудникам, которые еще не сталкивались с подобными ситуациями и могут испытывать затруднения с принятием верного решения, ибо их психологические установки, сформированные во время учебы, отличаются от установок, необходимых для реальной деятельности.

Конечно, еще одним психологическим фактором, оказывающим влияние на формирование готовности любого специалиста к деятельности в полном объеме, являются те условия, в которых он трудится. Как уже отмечалось, особые условия службы сотрудников УИС диктуются ведомственными нормативными правовыми актами, в которых установлены определенные ограничения в служебной деятельности сотрудников отдела охраны СИЗО и исправительных учреждений: регулируется сон, прием пищи и др. и наличие экстремальных факторов (монотонность, рассогласование ритма сна и бодрствования, нарушение суточной периодичности, условия лимита и дефицита времени для принятия решения, угроза для жизни со стороны осужденных) [10]. Все это в совокупности делает сложной и напряженной жизнедеятельность сотрудников, как в физиологическом, так и в психологическом плане.

Когда возникает ситуация, для разрешения которой необходимо применить оружие, «...сотрудник стоит перед непростым выбором причинения вреда другому человеку. Это решение, несмотря на имеющуюся нормативную базу, носит субъективный характер, поскольку юридически обозначенные ситуации его применения в ряде случаев имеют размытую формулировку» [10, с. 84].

Д.В. Пестриков, Н.А. Полянин, Е.В. Пентяшин акцентируют внимание на главной составляющей психологической готовности к применению огнестрельного оружия — «...способности сотрудников УИС быстро и верно оценивать обстоятельства применения

оружия в экстремальных ситуациях и его последствия (например, он должен знать, как действовать в местах с большим скоплением людей, в помещении и др.). При этом они отмечают, что экстремальная ситуация побуждает сотрудника мобилизовать все резервные, защитные и компенсаторные механизмы организма, прогнозируя возможные варианты развития экстремальной ситуации и момент применения оружия» [11, с. 58].

Таким образом, в современных условиях развития УИС представляется актуальным и практически значимым эмпирическое исследование психологической готовности сотрудников отдела охраны СИЗО к применению огнестрельного оружия на поражение.

Методы и методика исследования

Исследование было организовано на базе ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Республике Марий Эл. Для изучения психологической готовности сотрудников отдела охраны СИЗО к применению огнестрельного оружия на поражение нами была сформирована выборка, в которую вошли 25 сотрудников отдела охраны в возрасте от 18 до 50 лет, несущих службу с оружием.

Диагностический материал был получен при помощи стандартизированных методик: методики 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла (форма С), Мельбурнского опросника принятия решений, методики оценки склонности к риску (RSK) Г. Шуберта.

Результаты и обсуждение

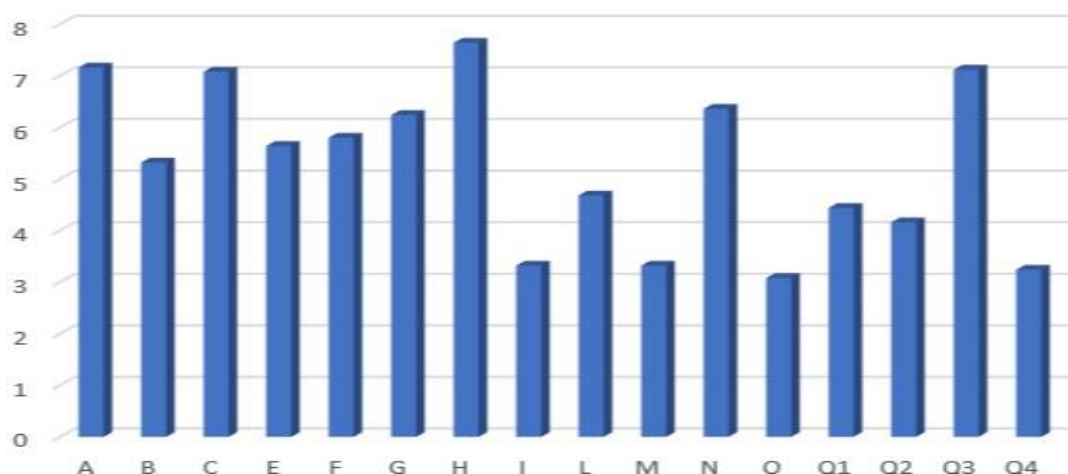

Рис. 1. Распределение средних результатов исследования

по методике 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла:

A — замкнутость—общительность; **B** — конкретное мышление—абстрактное мышление; **C** — эмоциональная нестабильность—эмоциональная стабильность; **E** — подчиненность—доминантность; **F** — сдержанность—экспрессивность; **G** — низкая нормативность поведения—высокая нормативность поведения; **H** — робость—смелость; **I** — реализм—чувствительность; **L** — подозрительность—доверчивость; **M** — практичность—ечтательность; **N** — прямолинейность (наивность)—проницательность (искусственность); **O** — спокойствие—тревожность; **Q1** — консерватизм—радикализм; **Q2** — конформизм (зависимость от группы)—нонконформизм (самостоятельность); **Q3** — низкий самоконтроль—высокий самоконтроль; **Q4** — расслабленность—эмоциональная напряженность

Согласно полученным данным, у сотрудников отдела охраны, несущих службу с оружием, наблюдались высокие значения по шкалам (рис. 1):

- А (замкнутость—общительность), что свидетельствует о коммуникативности сотрудников отдела охраны и готовности к установлению межличностных контактов;
- G (недобросовестность—совестливость), что характеризует сотрудников как ответственных и совестливых;
- Н (робость—смелость), что характеризует высокий уровень активности сотрудников в социальных контактах и готовность к принятию самостоятельных решений;
- Q3 (низкий самоконтроль—высокий самоконтроль), что характеризует точность выполнения социальных требований и целенаправленность личности.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что для сотрудников отдела охраны СИЗО характерны: эмоциональная устойчивость, самостоятельность, ответственность, настойчивость, служебная направленность.

Согласно полученным результатам по методике Мельбурнского опросника принятия решений, для сотрудников отдела охраны СИЗО характерны такие качества, как бдительность (63%), прокрастинация (18%), сверхбдительность (11%) и избегание (8%) (рис. 2). Таким образом, необходима дополнительная психологическая подготовка сотрудников отделов охраны СИЗО с целью развития личностных качеств, способствующих принятию правильного и оперативного решения в вопросе применения оружия на поражение.

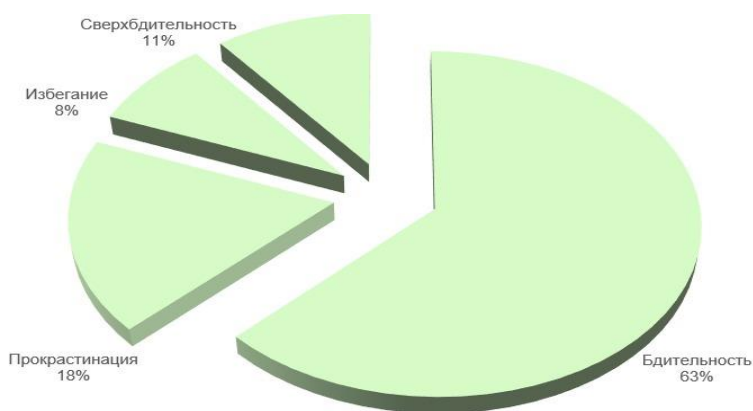

Рис. 2. Распределение средних результатов исследования по методике Мельбурнского опросника принятия решений

Полученные результаты по методике RSK позволили оценить склонность к риску сотрудников отдела охраны, несущих службу с оружием (рис. 3). Данные, представленные на рис. 3, свидетельствуют о том, что 17 сотрудников (68%) обладают низкой склонностью к риску, 8 сотрудников (32%) — средней склонностью к риску. Таким образом, большинство сотрудников обладают низкой склонностью к риску, что может приводить к трудностям в ситуации неопределенности в служебной деятельности.

Полученные нами данные также согласуются с результатами по изучению детерминант психологической готовности к применению оружия сотрудниками правоохранительных органов. Например, для сотрудников с высокой психологической готовностью к применению оружия характерны «...высокая нервно-психическая устойчивость и поведенческая регуля-

ция, адекватная самооценка и реальное восприятие действительности; высокий уровень развития коммуникативных способностей; способность к активной социальной жизни; желание взаимодействовать с другими людьми. Также им присущи развитые способности к планированию, моделированию, программированию, оценке результатов, гибкость и высокий общий уровень саморегуляции. Они инициативны, в разрешении сложной ситуации предпочитают полагаться на себя» [7, с. 46].

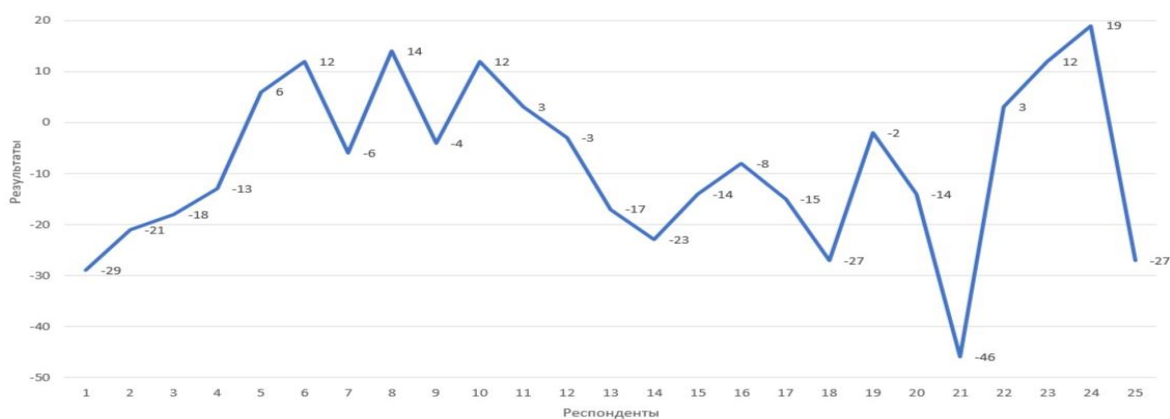

Рис. 3. Распределение средних результатов исследования по методике RSK

Мы согласны с зарубежными авторами О. Цильмак, О. Донован, что факт применения огнестрельного оружия для устранения человека является серьезным психологическим испытанием для сотрудников правоохранительных органов [16]. Данные авторы справедливо считают, что вовремя оказанная психологическая помощь сотруднику после применения огнестрельного оружия для обезвреживания лица, пойманного при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления и пытавшегося скрыться, будет способствовать снижению уровня нервно-психического напряжения, состояния психической депрессии и более быстрому восстановлению после утраты трудоспособности [16].

Важно отметить, что, в отличие от других исследователей, нами впервые исследована психологическая готовность сотрудников СИЗО к применению огнестрельного оружия.

Заключение

Выполнение сотрудником СИЗО своих служебных обязанностей связано с определенным риском для его жизни и здоровья, так как экстремальная ситуация может возникнуть в любой момент. В связи с этим сотрудник отдела охраны СИЗО, несущий службу с оружием, должен находиться в постоянной психологической готовности, в том числе к применению огнестрельного оружия на поражение.

Психологическая готовность является внутренним состоянием человека, чертой которой является определенная психическая напряженность, выраженная в мобилизованности к действиям при ожидании какого-либо события. При этом задействованы психофизиологические (включая эмоциональные) качества, активизирующие деятельность субъекта. Психологическая готовность может быть особым длительным или кратковременным состоянием человека, когда он сознательно или неосознанно проигрывает возможную предстоящую ситуацию. Его психика мобилизована, есть настрой на совершение действий, причем решительных.

В результате эмпирического исследования было выявлено, что существует группа сотрудников отдела охраны со слабо сформированной психологической готовностью и низкой вероятностью применения оружия на поражение в экстремальных (особых) условиях служебной деятельности.

Перспективы дальнейших исследований проблемы состоят в определении эффективности программ психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов, направленных на развитие личностной составляющей психологической готовности.

Литература

1. Белобрыкина О.А. Проблема профессиональной готовности специалистов психологического профиля // Ежегодник Российского психологического общества: материалы III Всероссийского съезда психологов 25–28 июня 2003 г.: В 8 т. Т. 1. СПб, 2003. С. 395–399.
2. Ганишина И.С., Сучкова И.В. Психологическая готовность сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний к применению огнестрельного оружия на поражение: поведенческий аспект [Электронный ресурс] // Человек: преступление и наказание. 2021. Том 29(1–4). № 2. С. 245–254. doi:10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.245-254
3. Гусева Е.В. Психологические особенности деятельности сотрудников исправительного учреждения по предупреждению побегов [Электронный ресурс] // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 4 (50). С. 83–89. doi:10.37523/sui.2022.50.4.014
4. Зауторова Э.В. Особенности личности сотрудника охраны уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. № 2 (6). С. 99–105.
5. Зуева Е.Г., Барина М.Г. Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов, влияющие на психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 233–240. doi:10.35750/2071-8284-2022-2-233-240
6. Киселев А.М. О психологической готовности сотрудников и подразделений уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 42–46.
7. Коноплева И.Н., Богданович Н.В. Детерминанты психологической готовности к применению оружия сотрудниками правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2010. Том 2. № 2. С. 37–47. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/27875 (дата обращения: 01.06.2024).
8. Кулганов В.А. Исследование адаптационного потенциала личности у подростков и молодежи // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения-2005» / Под ред. Л.А. Цветковой, Л.М. Шипицыной. СПб, 2005. С. 578–580.
9. Никифоров В.М. Психологическая готовность сотрудников правоохранительных органов к применению оружия // Проблемы современного общества и пути их решения: материалы международной научно-практической конференции, Краснодар, 29 апреля 2017 года. Краснодар: ООО «Электронные издательские технологии», 2017. С. 349–354.
10. Осипов А.П., Гудилова А.А. Использование специальных средств и огнестрельного оружия: психологический аспект // Формы и методы психологической работы со спецконтингентом и персоналом: материалы VII Межведомственного круглого стола, Псков, 26 ноября 2021 года. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. С. 82–86.

Овчарова Е.В., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Ковальчук И.А.
Психологическая готовность сотрудников отдела
охраны следственного изолятора к применению
огнестрельного оружия на поражение
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 122–133

Ovcharova E.V., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Kovalchuk I.A.
Psychological Readiness of Pre-Trial
Detention Center Officers to Use
Lethal Force with Firearms
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 122–133

11. Пестриков Д.В., Полянин Н.А., Пентяшин Е.В. Формирование психологической готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к применению боевого оружия в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 56–65.
12. Приказчикова О.С. Теоретические подходы к феномену «готовность» в современной науке [Электронный ресурс] // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 147–159. doi:10.24412/2308-7226-2022-2-147-159
13. Сучкова И.В. Психологические аспекты использования оружия в служебной деятельности сотрудников отдела охраны // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 8. С. 52–61.
14. Carleton R.N., Korol S., Mason J.E., Hozempa K., Anderson G.S., Jones N.A., Dobson K.S., Szeto A., Bailey S. A longitudinal assessment of the road to mental readiness training among municipal police // Cognitive Behaviour Therapy. 2018. Vol. 47(6). P. 508–528. doi:10.1080/16506073.2018.1475504
15. Johnston M., Ricciardelli R., Ghodrati M., Czarnuch S. Assessing Road to Mental Readiness (R2MR) training among correctional workers in Canada // Health & Justice. 2023. Vol. 11(1). doi:10.1186/s40352-023-00206-z
16. Tsilimak O., Dorova O. General Principles of Providing Psychological Assistance for Police Officers who Used Firearms to Eliminate a Person Caught While Committing Serious or Very Serious Crime and Attempted to Escape // World Science. 2018. Vol. 3(7(35)). P. 42–45. doi:10.31435/rsglobal_ws/12072018/6020

References

1. Belobrykina O.A. Problema professional'noi gotovnosti spetsialistov psikhologicheskogo profilya. *Ezhegodnik Rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva: materialy III Vserossiiskogo s'ezda psikhologov 25–28 iyunya 2003 g.*: V 8 t. T. 1. Saint Petersburg, 2003, pp. 395–399. (In Russ.).
2. Ganishina I.S., Suchkova I.V. Psikhologicheskaya gotovnost' sotrudnikov podrazdelenii okhrany Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii k primeneniyu ognestrel'nogo oruzhiya na porazhenie: povedencheskii aspekt [Psychological readiness among employees of the Security Units of the Federal Penitentiary Service of Russia to use firearms to kill: behavioral aspect] [Elektronnyi resurs]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2021. Vol. 29(1–4), no. 2, pp. 245–254. doi:10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.245-254 (In Russ.).
3. Guseva E.V. Psikhologicheskie osobennosti deyatel'nosti sotrudnikov ispravitel'nogo uchrezhdeniya po preduprezhdeniyu pobegov [Psychological features of the activities of penal officers in the correctional institution to prevent escapes] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2022, no. 4 (50), pp. 83–89. doi:10.37523/sui.2022.50.4.014 (In Russ.).
4. Zautorova E.V. Osobennosti lichnosti sotrudnika okhrany ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Features of the identity of the security guard of penal correction system of the Russian Federation]. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovaniy: psikhologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie = Theory and Practice of Scientific Research: Psychology, Pedagogy, Economics and Management*, 2019, no. 2 (6), pp. 99–105. (In Russ.).
5. Zueva E.G., Barinova M.G. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov, vliyayushchie na psikhologicheskuyu gotovnost' k deistviyam v

Овчарова Е.В., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Ковальчук И.А.
Психологическая готовность сотрудников отдела
охраны следственного изолятора к применению
огнестрельного оружия на поражение
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 122–133

Ovcharova E.V., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Kovalchuk I.A.
Psychological Readiness of Pre-Trial
Detention Center Officers to Use
Lethal Force with Firearms
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 122–133

ekstremal'nykh usloviyakh [Individual psychological characteristics of law enforcement officers affecting the psychological readiness for action in extreme conditions] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (94), pp. 233–240. doi:10.35750/2071-8284-2022-2-233-240 (In Russ.).

6. Kiselev A.M. O psikhologicheskoi gotovnosti sotrudnikov i podrazdelenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy k deistviyam v ekstremal'nykh situatsiyakh [On the psychological readiness of employees and units of the penitentiary system to act in extreme situations]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2014, no. 1, pp. 42–46. (In Russ.).

7. Konopleva I.N., Bogdanovich N.V. Determinanty psikhologicheskoi gotovnosti k primeneniyu oruzhiya sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov [Determinants of Psychological Readiness to Weapon Employment by Law Enforcement Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2010. Vol. 2, no. 2, pp. 37–47. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/27875 (Accessed 01.06.2024). (In Russ.).

8. Kulganov V.A. Issledovanie adaptatsionnogo potentsiala lichnosti u podrostkov i molodezhi. In Tsvetkova L.A., Shipitsyna L.M. (Eds.). *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "An-an'evskie chteniya-2005"*. Saint Petersburg, 2005, pp. 578–580. (In Russ.).

9. Nikiforov V.M. Psikhologicheskaya gotovnost' sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov k primeneniyu oruzhiya. *Problemy sovremennogo obshchestva i puti ikh resheniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 29 aprelya 2017 goda*. Krasnodar: OOO "Elektronnye izdatel'skie tekhnologii", 2017, pp. 349–354. (In Russ.).

10. Osipov A.P., Gudilova A.A. Ispol'zovanie spetsial'nykh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya: psikhologicheskii aspekt. *Formy i metody psikhologicheskoi raboty so spetskontingentom i personalom: materialy VII Mezhdvedomstvennogo kruglogo stola*, Pskov, 26 noyabrya 2021 goda. Pskov: Pskovskii filial Akademii FSIN Rossii Publ., 2022, pp. 82–86. (In Russ.).

11. Pestrikov D.V., Polyanin N.A., Pentyashin E.V. Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy k primeneniyu boevogo oruzhiya v ekstremal'nykh situatsiyakh [Formation of psychological readiness of penal system employees to use combat weapon in extreme cases]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2016, no. 3, pp. 56–65. (In Russ.).

12. Prikazchikova O.S. Teoreticheskie podkhody k fenomenu "gotovnost'" v sovremennoi nauke [Theoretical approaches to the 'readiness' phenomenon in modern science] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Vestnik Permskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya No. 3. Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*, 2022, no. 2, pp. 147–159. doi:10.24412/2308-7226-2022-2-147-159 (In Russ.).

13. Suchkova I.V. Psikhologicheskie aspekty ispol'zovaniya oruzhiya v sluzhebnoi deyatelnosti sotrudnikov otdela okhrany [Psychological aspects of use of weapon in office activity of security department specialist]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penitentiary System*, 2018, no. 8, pp. 52–61. (In Russ.).

14. Carleton R.N., Korol S., Mason J.E., Hozempa K., Anderson G.S., Jones N.A., Dobson K.S., Szeto A., Bailey S. A longitudinal assessment of the road to mental readiness training among mu-

Овчарова Е.В., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Ковальчук И.А.
Психологическая готовность сотрудников отдела
охраны следственного изолятора к применению
огнестрельного оружия на поражение
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 122–133

Ovcharova E.V., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Kovalchuk I.A.
Psychological Readiness of Pre-Trial
Detention Center Officers to Use
Lethal Force with Firearms
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 122–133

municipal police. *Cognitive Behaviour Therapy*, 2018. Vol. 47, no. 6, pp. 508–528.
doi:10.1080/16506073.2018.1475504

15. Johnston M., Ricciardelli R., Ghodrati M., Czarnuch S. Assessing Road to Mental Readiness (R2MR) training among correctional workers in Canada. *Health & Justice*, 2023. Vol. 11, no. 1.
doi:10.1186/s40352-023-00206-z

16. Tsilmak O., Dorova O. General Principles of Providing Psychological Assistance for Police Officers who Used Firearms to Eliminate a Person Caught While Committing Serious or Very Serious Crime and Attempted to Escape. *World Science*, 2018. Vol. 3, no. 7(35), pp. 42–45.
doi:10.31435/rsglobal_ws/12072018/6020

Информация об авторах

Овчарова Екатерина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника, кафедры психологии профессиональной деятельности, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2728-4125>, e-mail: katyaovcharova-1983@mail.ru

Душкин Антон Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, начальник, кафедры педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО «СПБУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Коноплева Инга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Ковальчук Илья Александрович, кандидат психологических наук, начальник, кафедра психологии профессиональной деятельности, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Information about the authors

Ekaterina V. Ovcharova, PhD in Psychology, Docent, Deputy Head, Department of Psychology of Professional Activity, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2728-4125>, e-mail: katyaovcharova-1983@mail.ru

Anton S. Dushkin, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Inga N. Konopleva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

*Овчарова Е.В., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Ковальчук И.А.*
Психологическая готовность сотрудников отдела
охраны следственного изолятора к применению
огнестрельного оружия на поражение
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 122–133

*Ovcharova E.V., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Kovalchuk I.A.*
Psychological Readiness of Pre-Trial
Detention Center Officers to Use
Lethal Force with Firearms
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 122–133

Ilya A. Kovalchuk, PhD in Psychology, Head, Department of Psychology of Professional Activity,
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, OR-
CID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Получена 10.06.2024
Принята в печать 10.07.2024

Received 10.06.2024
Accepted 10.07.2024

Самопредъявление как фактор профессионального самоотношения сотрудников МВД

Ахмадеева Е.В.

Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНиТ), г. Уфа, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Дмитриева Л.Г.

Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНиТ), г. Уфа, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3361-5637>, e-mail: dmitrievalg@mail.ru

В статье рассматривается актуальная проблема взаимосвязи профессионального самоотношения сотрудников силовых структур и поведенческих стратегий самопредъявления, как инструмента самореализации личности в служебной деятельности. Представлен теоретический анализ этих феноменов, проведено эмпирическое исследование, в котором выявлены значимые взаимосвязи и факторные структуры профессионального самоотношения, на основе чего в перспективе предполагается разработка и апробация программы адаптации молодых сотрудников к профессиональной деятельности в силовых структурах с учетом совершенствования поведенческих стратегий. Цель — выявить специфику профессионального самоотношения и стратегий самопредъявления у сотрудников МВД. В эмпирическом исследовании приняли участие 110 сотрудников полиции мужского пола в возрасте от 22 до 45 лет, с опытом работы от 2 до 10 лет. Описаны результаты проведенного исследования, а именно: выявлены доминирующие компоненты профессионального самоотношения; предпочитаемые стратегии самопредъявления, в том числе с руководством, коллегами, друзьями и родственниками; обнаружены значимые взаимосвязи между компонентами профессионального самоотношения и стратегиями самопредъявления. Резюмируется, что выделение факторов профессионального самоотношения и поведенческих стратегий в карьере может быть полезным при разработке и апробации пролонгированной программы психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов, ориентированной на личностный рост, самоуважение, самоофективность, увлеченность профессией.

Ключевые слова: самоотношение, профессиональное самоотношение, структурные компоненты самоотношения, самопредъявление личности, стратегии самопредъявления, профессиональная деятельность сотрудников МВД.

Для цитаты: Ахмадеева Е.В., Дмитриева Л.Г. Самопредъявление как фактор профессионального самоотношения сотрудников МВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 134–149. DOI:10.17759/psylaw.2024140311

Self-Presentation as a Factor in the Professional Self-Attitude of Employees of the Ministry of Internal Affairs

Elena V. Akhmadeeva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Lyudmila G. Dmitrieva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3361-5637>, e-mail: dmitrievalg@mail.ru

The article examines the current issue of the relationship between the professional self-attitude of law enforcement officers and behavioral strategies of self-presentation, which serve as tools for personal self-realization in official activities. A theoretical analysis of these phenomena is presented, along with an empirical study that identifies significant relationships and factor structures of professional self-attitude. Based on these findings, a program is planned for future development and testing, aimed at adapting young employees to professional activities in law enforcement agencies, with an emphasis on improving behavioral strategies. The goal is to identify the specifics of professional self-attitude and self-presentation strategies among employees of the Ministry of Internal Affairs. The empirical study involved 110 male police officers aged from 22 to 45 years, with work experience ranging from 2 to 10 years. The study results describe the dominant components of professional self-attitude and preferred self-presentation strategies, including interactions with management, colleagues, friends, and relatives. Significant relationships were found between the components of professional self-attitude and self-presentation strategies. It is concluded that identifying factors of professional self-attitude and behavioral strategies can be useful in developing and testing a long-term psychological support program for law enforcement officers, focusing on personal growth, self-esteem, self-efficacy, and passion for the profession.

Keywords: self-attitude, professional self-attitude, structural components of self-attitude, self-presentation of personality, self-presentation strategies, professional activities of employees of the Ministry of Internal Affairs.

For citation: Akhmadeeva E.V., Dmitrieva L.G. Self-Presentation as a Factor in the Professional Self-Attitude of Employees of the Ministry of Internal Affairs. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 134–149. DOI:10.17759/psylaw.2024140311 (In Russ.).

Введение

В этой работе затрагивается проблема самопредъявления личности, которая продолжает активно исследоваться в разных сферах научного знания (социальной философии, социологии, культурологии, педагогике, психологии, психолингвистике). Возрастающий интерес к этому феномену объясняется тем, что для достижения поставленной цели в ситуациях взаимодействия современному человеку необходимо уметь создавать и демонстрировать соответствующие внешние образы, максимально раскрывать свои преимущества и возможности, а также адекватно оценивать партнеров по общению. И это не случайно, поскольку в современных условиях глобальных преобразований в различных сферах жизнедеятельности (в се-

мейных отношениях, дружеских контактах, романтических встречах, профессиональной деятельности, политической арене и др.) человек выполняет много разных ролей, предъявляет себя в различных амплуа, чтобы получить одобрение от целевой аудитории и достичь желаемых результатов коммуникации. Особое значение самопредъявление приобретает в профессиональных отношениях при взаимодействии в служебном коллективе, где этот феномен выступает одним из способов самореализации личности. А это означает, что для удовлетворения собственных амбиций, достижения продуктивных результатов в профессиональной деятельности и обеспечения конкурентоспособности помимо высоких интеллектуальных способностей и гибких профессиональных навыков человеку необходимо обладать самопрезентационной компетентностью, которая является одним из ключевых факторов конкурентоспособности специалиста [1; 11; 12]. Под самопрезентационной компетентностью понимается системное качество, интегрирующее необходимые в конкретном контексте индивидуально-психологические особенности, вариативные способы самоподдачи и мотивированную способность к самопрезентационной деятельности [7]. Самопредъявление в межличностных взаимодействиях, в том числе и в деловых отношениях, реализуется в стратегиях и тактиках поведения, владение которыми помогает сформировать у целевой аудитории необходимое представление о себе, вызвать аттракцию и выстроить эффективные взаимоотношения. Выбор поведенческих стратегий, как правило, зависит от индивидуально-психологических особенностей, социального, либо профессионального статуса, а также стремления быть принятым целевой аудиторией [5]. Следует отметить, что личность не только формирует отношение к себе у окружающих, но и вырабатывает собственные представления об отношении других к самому себе (самоотношение). Важную роль самоотношение играет в профессиональной деятельности, так как существование в трудовой жизни невозможно без анализа реализации субъекта в этой сфере. Речь идет о самоотношении личности в профессии. В этой связи заметим, что многие характеристики, уже принятые в психологии, логично было бы транслировать и в деловую (профессиональную) сферу.

По мнению А.Ю. Софроновой, самоотношение связывается с осознанным переживанием личностью и пониманием необходимости проявления активности в освоении нового опыта и исполнении новой профессиональной роли. Исследователь считает, что самоотношение поддерживается «...динамической системой образов: Я — полицейский, Я — идеальный сотрудник, Я — защитник закона и “гроза преступности”» [14, с. 256]. Другой автор, В.Н. Дружинина, полагает, что динамика образа Я зависит и от стажа служебной деятельности [4]. В эмпирической части нашей статьи мы акцентируем внимание на том, что стаж профессиональной деятельности сотрудников МВД оказывает значимое влияние на профессиональное самоотношение, а, следовательно, и на динамику представлений человека о самом себе.

Далее в нашем анализе мы опираемся на исследования К.В. Карпинского, в которых раскрывается феномен профессионального самоотношения. К примеру, внутренняя конфликтность может оказаться «помехой» в достижении профессиональной самореализации и эффективном самопредъявлении. Самоуважение и самоуверенность, которые преобладают в поведенческих стратегиях субъекта труда, не всегда приводят к продуктивным межличностным и деловым отношениям. В меру выраженная самопривязанность, коррелирующая с субъективной оценкой удовлетворенности собственной профессиональной деятельностью и с поведенческой стратегией, соответствующей ситуации, наоборот, может способствовать самоэффективности и личностному росту субъектов в профессиональной деятельности. Правильно выстроенная поведенческая стратегия способствует тому, что личность будет отно-

ситься к себе как к надежному и добросовестному профессионалу, осознавать наличие собственных внутренних ресурсов для достижения намеченных высот. При этом в трудовой деятельности появится личностный смысл, благодаря которому возникнет необходимость «...регулировать деловое общение, производственное поведение, профессиональный труд и карьере» [9, с. 172].

Наряду с положительными характеристиками в профессиональном самоотношении могут проявляться и негативные, такие как самоуничижение, самообвинение и другие. Безусловно, эти установки являются серьезной преградой, психологическими барьерами для реализации продуктивной трудовой деятельности и порождают ряд отрицательных эмоциональных состояний, которые в некоторых случаях могут привести к нежелательным последствиям, таким как разочарование в профессии, утрата уверенности в собственных профессиональных возможностях, обостренное чувство вины, нереализованность и т. д. По мнению К.В. Карпинского, самообвинение представляет собой основательную смысловую установку, способствующую самоуничижению, потере смысла и обесцениванию себя в профессии [8].

Формируясь в процессе осмысления себя как субъекта профессиональной деятельности, самоотношение является важным компонентом в структуре личности, которую можно определить как смысловую диспозицию. Занимая все большее пространство в структуре личности, смысловая диспозиция становится устойчивой и может проецироваться как установка, т. е. состояние готовности личности к определенной непродуктивной стратегии поведения.

Профессиональное самоотношение имеет свою специфику в трудовой деятельности сотрудников МВД. Известно, что эта профессия относится к числу экстремальных. Часто служащие МВД оказываются в ситуациях тревоги, стресса, сталкиваются с непредвиденными обстоятельствами, связанными с различного рода рисками. В силу особенностей своей деятельности сотрудники подвергаются выгоранию, деструктивным тенденциям, что мешает им поддерживать собственные адаптационные возможности и мобилизовать силы в критических ситуациях. Напряженная работа может стать фактором, снижающим профессиональную мотивацию, и способствовать развитию негативного представления о профессии, приводить к ошибочному профессиональному выбору, неуверенности в себе. А это, как правило, приводит к внутренним конфликтам, самообвинению, культивированию в себе чувства вины и даже безысходности. В этой связи сотрудник ощущает себя менее востребованным, что, согласно Ю.Ю. Стрельниковой и Н.А. Гончаровой, может повлиять на перспективу профессионального развития и личностного роста, а также на «...переживание значимости выполняемой деятельности “для других”» [15, с. 29]. Полагаем, что подобные ситуации могут повлиять и на профессиональное самоотношение. Между тем профессиональная востребованность способствует раскрытию ресурсного потенциала, который проявляется в удовлетворенности профессиональным статусом личности, в принятии и уважении со стороны других сотрудников [19]. Мы считаем, что благодаря профессиональной востребованности сотрудник стремится к позитивному профессиональному самоотношению и совершенствованию в своей профессиональной деятельности.

Психологические особенности деятельности сотрудников органов внутренних дел в настоящее время довольно подробно анализируются в юридической психологии (В.Л. Васильев, А.В. Дулов, В.Е. Коновалова, Е.В. Овчарова, В.В. Простяков, А.Р. Ратинов, А.М. Столяренко) [13]. Согласно проведенным исследованиям, профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел имеет свои специфические особенности: строгое следование правовой регламентации, наличие властных полномочий, экстремальный характер работы, необходимость взаимодействовать с разными людьми, оперативность и скорость при-

нятия решений, ненормированный рабочий день, общая негативная окраска деятельности, необходимость действовать в условиях конфликтогенных ситуаций [17]. Помимо этого, согласно А.В. Котеневой, А.В. Кокурину, А.В. Литвиновой, А.В. Гончаренко, наблюдаются «...изменения в ценностно-смысловой и мотивационной сферах, а именно: экзистенциальный вакуум, чувство опустошенности, отчуждение от себя, от содержания профессиональной деятельности, утрата смысла работы и снижение внутренней мотивации» [10, с. 22].

Слабая осведомленность сотрудников МВД в том, как можно повысить собственную компетентность в профессиональной деятельности и общении, мешает эффективному принятию решения и действиям в экстремальных ситуациях. Выше мы уже писали о том, какие негативные последствия в плане профессионального самоотношения могут ожидать сотрудников МВД. В этой связи мы посчитали необходимым исследовать взаимосвязь профессионального самоотношения со стратегиями самопредъявления в межличностных отношениях и профессиональном общении.

Проведенный теоретический анализ позволил выявить актуальность проблемы зависимости профессионального самоотношения сотрудников МВД от стратегий самопредъявления в профессиональной деятельности и общении, требующей разработки мероприятий, направленных на раскрытие ресурсного потенциала, позволяющего овладеть новыми продуктивными паттернами поведения и способствующего профессиональной самореализации.

Организация и методы исследования

В ходе исследования проверялась *гипотеза* о взаимосвязи между показателями профессионального самоотношения и стратегиями самопредъявления у сотрудников МВД.

Цель исследования была направлена на выявление специфики профессионального самоотношения и стратегий самопредъявления у сотрудников МВД.

Исследование было организовано в Управлении МВД России по городу Уфе. Общая выборка включала 110 сотрудников мужского пола в возрасте от 22 до 45 лет, из которых 43,7% респондентов — в возрасте 22—24 лет. Опыт службы в органах внутренних дел всей выборки составил от 2 до 10 лет.

Диагностический материал был получен при помощи стандартизированных методик: опросника профессионального самоотношения личности (Карпинский К.В., Колышко А.М.), методики «Стратегии самопредъявления» (Шкуратова И.П.). Была разработана анкета, включающая в себя биографические характеристики испытуемых и предпочитаемые стратегии самопредъявления, которые чаще всего используются в зависимости от ситуации взаимодействия: в профессиональной деятельности, семейной среде и дружеской обстановке. Предварительно испытуемых ознакомили с содержанием шкал поведенческих стратегий, которые предъявлялись им в ходе исследования по методике И.П. Шкуратовой. Математическая обработка результатов включала критерии нормальности распределения, методы описательно-корреляционного и факторного анализа с помощью компьютерных программ Statistica 10, Jamovi и пакетов *psych* и *lavaan* компьютерной среды R в приложении RSudio 3.6.

Результаты исследования и их обсуждение

По данным, полученным в ходе исследования по опроснику профессионального самоотношения личности, предложенному К.В. Карпинским, Колышко А.М., видно (рис. 1), что общий показатель профессионального самоотношения у 56% сотрудников МВД находится на среднем уровне, у 30% — на низком и 14% — на высоком. Вероятно, это связано с тем, что большую часть испытуемых составили молодые люди с относительно небольшим стажем работы, которые еще до конца не адаптировались к новым условиям труда, требованиям

профессионального поведения, коллективу, руководству, а также в полной мере не осознали для себя ведущие мотивы, цели, задачи и ценности в ней. Между тем преобладающий средний уровень по данной шкале свидетельствует об осознании субъектами позитивности собственных качеств, оказывающих благоприятное влияние на профессиональную деятельность и способствующих положительному профессиональному самоотношению.

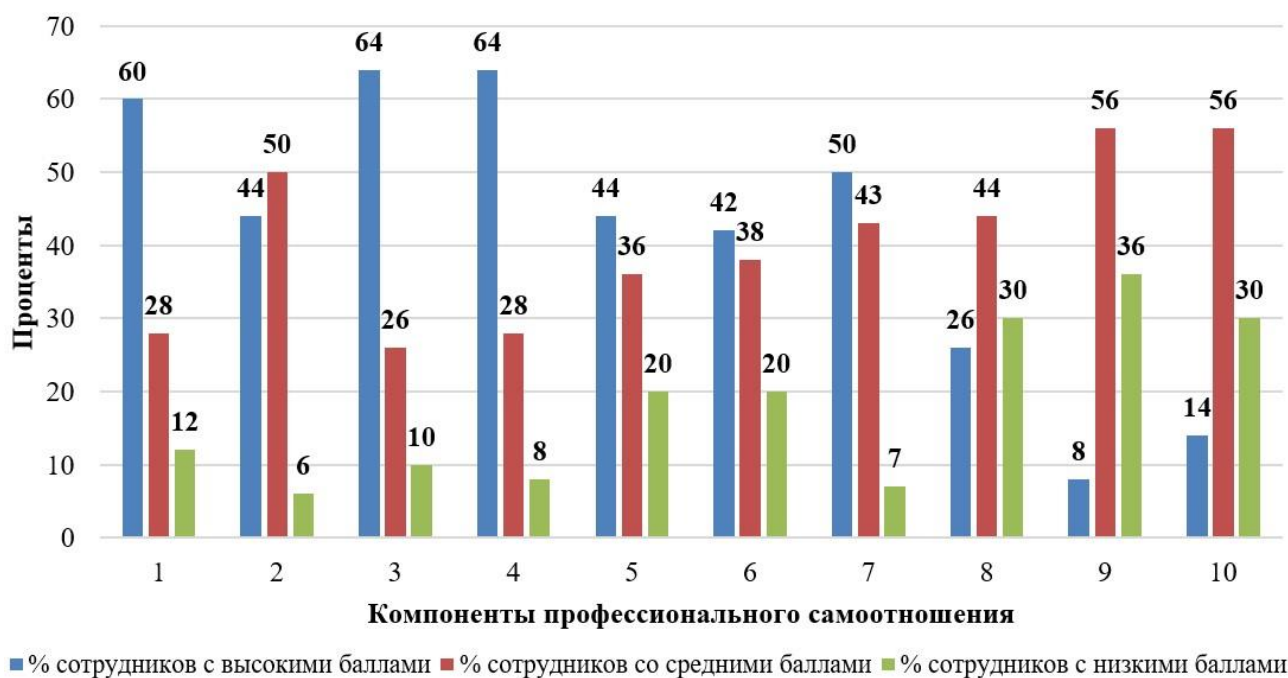

Рис. 1. Анализ показателей профессионального самоотношения

(данные в процентном отношении от общего количества сотрудников):

- 1 — самоуверенность в профессии; 2 — самопривязанность в профессии; 3 — саморуководство в профессии; 4 — самооценка личностного роста; 5 — внутренняя конфликтность; 6 — самообвинение в профессии; 7 — самоуважение в профессии; 8 — самоэффективность в профессии; 9 — самоуничижение в профессии; 10 — общий показатель позитивности профессионального самоотношения. Распределение показателей по уровням: высокие (от 8 до 10), средние (от 5 до 7) и низкие (от 1 до 4) показатели по шкалам

Анализируя рис. 1, можно констатировать, что у большинства респондентов (60%) обнаружен высокий уровень профессионального самоотношения по шкале «Самоуверенность в профессии», что может свидетельствовать об уверенности субъекта в своих профессиональных знаниях, деловых качествах, собственной профессиональной компетентности, а также о притязании на профессиональный успех и социальное признание. Они стремятся завоевать и сохранить профессиональный авторитет, доминировать в профессиональных отношениях. Им важны карьерный рост, лидирующие позиции, приоритет индивидуальных интересов перед групповыми. Такие сотрудники адаптированы к условиям профессии, амбициозны, в трудовой деятельности их интересует не процесс, а результат. По шкале «Саморуководство в профессии» большинство респондентов (64%) также продемонстрировали высокий уровень. Это означает, что испытуемые способны к преодолению препятствий и достижению поставленных целей. Их индивидуальные психологические свойства позволяют им качественно выполнять свои обязанности. Они позитивно оценивают свой внутренний потенциал, позво-

ляющий успешно решать поставленные профессиональные задачи. Схожие результаты по шкалам «Самоуверенность в профессии», «Саморуководство в профессии» и «Самопривязанность в профессии» получены А.Н. Баламутом, который связывает их с эмоциональными переживаниями по поводу себя и сверхконтролем; он акцентирует внимание на негативных защитных механизмах (подавление, вытеснение), способствующих ригидности и нежеланию менять представление о себе [2].

Высокий уровень (64% испытуемых) продемонстрирован по шкале «Самооценка личностного роста», которая выявляет субъективную оценку своих возможностей респондентами. Они считают, что способны к личностному росту, который может быть направлен на культивирование положительных качеств и корректировку отрицательных черт. Трудовые достижения не являются самоцелью, они необходимы для чувства собственного достоинства, прежде всего в человеческом плане. Респонденты относятся к профессии как способу самореализации и средству самосовершенствования.

Средний уровень по шкале «самоуничижение в профессии» показали 56 % респондентов, что отражает индивидуальную выраженность негативной составляющей профессионального самоотношения личности. Причем негативное оценивание субъектом самого себя трансформируется в фиксированную установку, связанную с потерей смысла в профессии и возможно с осознанием собственной профессиональной непригодности к профессии. Низкие показатели выявлены в следующих шкалах: «Самоэффективность в профессии» (30%), «Самоуничижение в профессии» (36%). Это говорит о том, что сотрудники МВД не в полной мере способны конструктивно решать профессиональные задачи и успешно достигать поставленные цели, так как у них не сформированы в достаточной мере профессиональные навыки и умения в сфере их профессиональной деятельности, что способствует низкой самооценке и, как результат, отсутствию профессионального интереса к выполнению трудовых функций. Низкая самоэффективность в профессии может привести респондентов к самоуничижению в выбранной сфере труда, что проявляется в профессиональном выгорании и деструктивных тенденциях. Такие результаты могут быть связаны и с несогласованностью между изначально романтическими представлениями о профессии и реальной действительностью.

Для выявления доминирующих стратегий самопредъявления была проведена методика И.П. Шкуратовой. В ходе исследования были получены результаты, свидетельствующие о наиболее предпочитаемых поведенческих стратегиях (рис. 2).

Анализируя полученные данные, представленные на рис. 2, можно заключить, что среди сотрудников МВД предпочитаемой стратегией самопредъявления является стратегия «Самоподвижение» (56%), которая проявляется в демонстрации собственной компетентности в разных областях, опыта, принадлежности к значимому для них референтному кругу. Они, как правило, демонстрируют свои сильные стороны, создают о себе наилучшее впечатление, позиционируют себя успешными в профессиональной сфере. Среди отрицательных сторон этой стратегии — негативное оценивание конкурирующих коллег и партнеров по взаимодействию, а также преувеличение собственных достоинств.

Следующие позиции занимают стратегии: «Инграция» (26%) и «Отслеживание производимого впечатления» (22%). Высокий уровень выраженности этих стратегий обнаружен примерно у четверти испытуемых. Инграциантам свойственно производить необходимое им впечатление на окружающих с помощью лести, комплиментов, демонстрировать нужность в них, гибкость и подстраивание под других для достижения собственных целей.

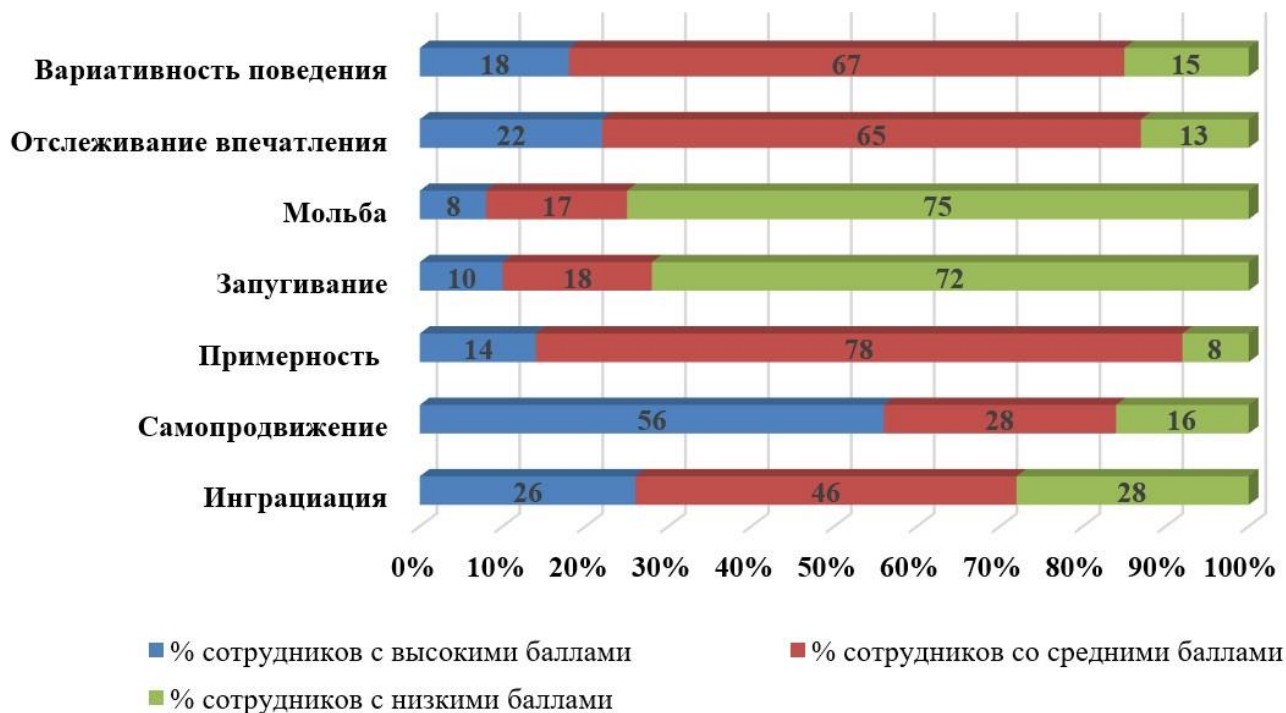

Рис. 2. Анализ стратегий самопредъявления
 (данные в процентном отношении от общего количества сотрудников):
 распределение показателей по уровням: высокие (от 11 до 15), средние (от 6 до 10)
 и низкие (от 1 до 5) показатели по предпочитаемым стратегиям самопредъявления.

Респонденты, отслеживающие и контролирующее производимое впечатление, стремятся к скрытому манипулированию и управлению процессом самопредъявления, как собственного поведения, так и реакций партнеров по взаимодействию, что говорит о социальной компетентности человека и гибкой ситуативной адаптации к различным ситуациям самопредъявления.

Выяснилось, что данная категория испытуемых реже использует стратегии «Запугивание» (демонстрация силы и власти) и «Мольба» (стремление казаться слабым и беспомощным). Возможно, это связано с тем, что сотрудники МВД осознают, что угрозы, уговоры и просьбы в профессиональной среде приведут к антипатии и неприязни со стороны партнеров, поскольку невозможно выстроить доверительные отношения, заслужить авторитет, установить продуктивную коммуникацию и достичь взаимного уважения с коллегами и руководством, доминируя и манипулируя. Кроме того, существует стереотипный образ сотрудника МВД как представителя закона и власти, способного качественно и своевременно решать оперативно-служебные задачи, который слабо резонирует с беспомощным человеком.

Далее на основе анкеты были выявлены стратегии самопредъявления, которые респонденты предпочитают применять в ситуациях взаимодействия, в частности, в профессиональной деятельности с руководством и коллегами, в семейной среде с близкими родственниками, а также в дружеских контактах (рис. 3).

Таким образом, мы видим, что в общении с руководством среди сотрудников МВД доминируют такие стратегии самопредъявления, как «Самопродвижение» (38%) и «Инграция» (21%), что может предполагать установку на карьеру и намерение ее реализовать с помощью одобрения со стороны руководства, подчеркивая собственные компетенции и профессиональные достоинства.

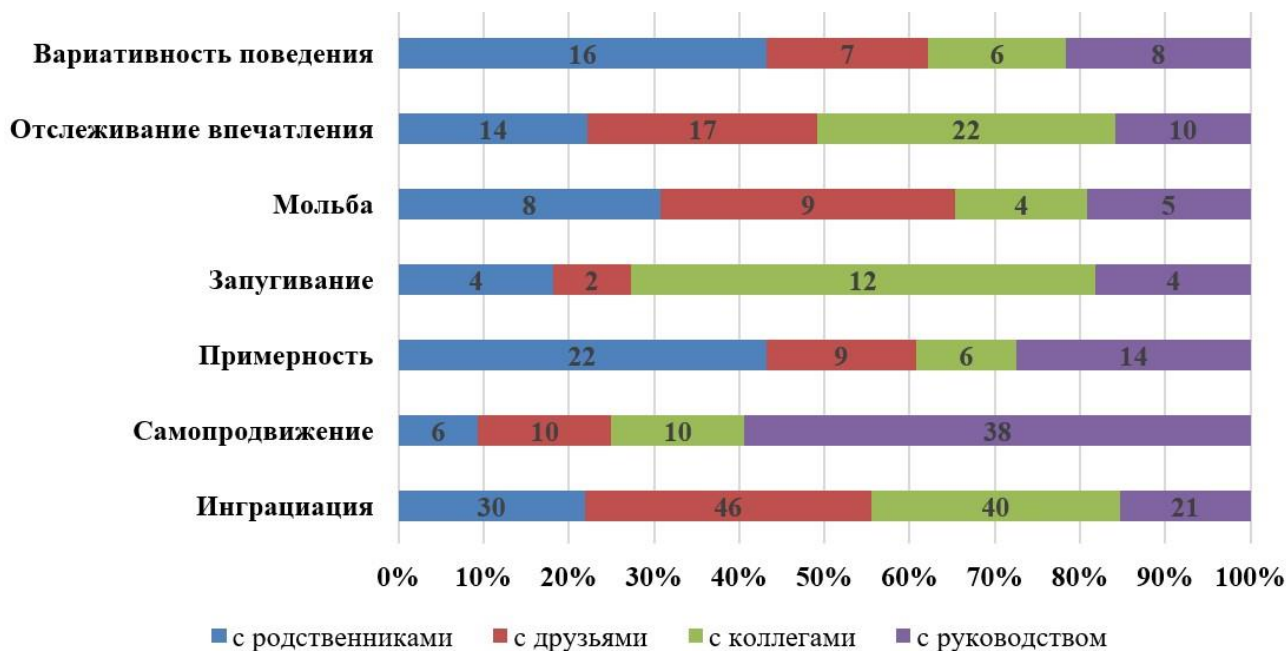

Рис. 3. Предпочитаемые стратегии самопредъявления в профессиональной, дружеской и семейной сферах

В общении с коллегами сотрудники предпочитают такие стратегии самопредъявления, как «Инграция» (40%) и «Отслеживание производимого впечатления» (22%). Скорее всего, они полагают, что общение с коллегами, прежде всего, должно быть бесконфликтным и психологически комфортным, а этого, по их мнению, можно достичь благодаря умению делать комплименты, вовремя благодарить, оказывать внимание. Между тем респонденты понимают, что процесс взаимодействия с коллегами должен быть на постоянном контроле, поэтому они анализируют впечатление, производимое на сослуживцев, и не обсуждают проблемы, которые могли бы быть неприятными для собеседника. Мы солидарны с мнением Р.И. Канунникова в том, что отношение коллектива к сотруднику во многом зависит и от того, как он поставит себя в коллективе, сможет ли проявить уверенность в своих профессиональных способностях, поскольку сотрудник, принятый коллективом, как правило, удовлетворен психологическим климатом в организации, характером руководства, профессионализмом и компетентностью руководителя [6]. Это соответствует стратегии самопредъявления «Инграция», в основе которой лежит готовность помочь, оказать поддержку, услугу и быть благодарным за принятие коллективом.

В общении с друзьями респондентам ближе всего стратегии самопредъявления «Инграция» (46%) и «Отслеживание производимого впечатления» (17%). В этой ситуации респонденты демонстрируют себя примерно также, как с коллегами, желая быть приятными для друзей и одновременно не забывая о контроле во взаимодействиях.

В общении с близкими родственниками применяют стратегию инграции (30%) и примерности (22%). В данной ситуации, кроме стремления нравиться близким, испытуемые полагают, что для поддержания теплых родственных отношений необходимо демонстрировать добропорядочность, безупречность во всем, стремление к самосовершенствованию и высоким достижениям.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что содержательные характеристики стратегий самопредъявления личности по отношению к руководству, коллегам, друзьям и родственникам почти не различаются. Различия лишь в том, что в отношениях с родственниками добавляется стратегия «Примерность» и отсутствует стратегия «Отслеживание производимого впечатления», особенности которых были описаны выше.

Затем на основе критерия Шапиро—Уилка была осуществлена проверка распределения переменных на нормальность, которая предполагает симметричное распределение колоколообразной формы, где около 68% данных отличается от среднего арифметического не более чем на одно, а примерно 95% — не более чем на два стандартных отклонения в каждую сторону [16].

В результате проверки выявлено, что распределение переменных в генеральной совокупности не соответствуют нормальному закону. В этой связи в дальнейшем применялись непараметрические критерии исследования.

С целью проверки гипотезы о наличии связи между показателями профессионального самоотношения и стратегиями самопредъявления использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена. В результате обнаружены умеренные прямые и обратные корреляционные связи между указанными показателями.

Прямые умеренные связи обнаружены между самоуверенностью в профессии и самопродвижением ($r_s = 0,36$; $p < 0,05$), саморуководством в профессии и самопродвижением ($r_s = 0,38$; $p < 0,05$), саморуководством в профессии и запугиванием ($r_s = 0,45$; $p < 0,05$), саморуководством в профессии и вариативностью поведения ($r_s = 0,38$; $p < 0,05$), самооценкой личностного роста и запугиванием ($r_s = 0,44$; $p < 0,05$). Предполагаем, что подобное объединение шкал свидетельствует о лидерском потенциале испытуемых, который, как правило, проявляется в самоуверенности, ассертивности, автономности (саморуководстве), авторитарной позиции (запугивании). При этом во взаимодействиях допускаются и другие стили поведения, например демократический или либеральный, что демонстрируется благодаря использованию стратегии «Вариативность поведения» и говорит об общении, самопредъявлении и профессиональном самоотношении как о живом и гибком процессе.

Обратные умеренные связи выявлены между внутренней конфликтностью и примерностью ($r_s = -0,48$; $p < 0,01$), самоуничижением в профессии и мольбой ($r_s = -0,44$; $p < 0,05$), общим показателем позитивности профессионального самоотношения и отслеживанием производимого впечатления ($r_s = -0,42$; $p < 0,05$). Такие взаимосвязи можно интерпретировать следующим образом. Чем чаще сотрудники испытывают внутреннюю конфликтность, тем меньше в их поведении ситуаций, где они могут использовать стратегию примерности, показывая безупречность и неуязвимость. Испытуемые, которые имеют склонность к самоуничижению в профессии, менее способны к доминированию над другими, транслированию собственной слабости и беспомощности, а также обращению к окружающим за помощью. Высокий общий показатель позитивности профессионального самоотношения не требует постоянного контроля над производимым впечатлением.

Далее с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, основанного на совпадении последовательности рангов, применили эксплораторный факторный анализ. Для определения числа факторов применяли метод главных компонент, облическое вращение факторов. Затем для проверки соответствия полученного факторного решения выдвинутым гипотезам проводили конфирматорный анализ. Результаты конфирматорного факторного анализа представлены в таблице.

Таблица

Результаты конфирматорного факторного анализа (N = 110)

Фактор	Индикатор	Оценка стандарт	SE	Z	P
Фактор 1	Самоуважение в профессии	1,000*			
	Самооценка личностного роста	0,585	0,184	3,17	0,002
	Самопродвижение**	0,322	0,193	1,67	< ,001
	Самоуверенность в профессии	1,049	0,147	7,14	< ,001
	Самопривязанность в профессии	1,103	0,155	7,14	< ,001
Фактор 2	Внутренняя конфликтность	1,000*			
	Самообвинение в профессии	0,740	0,211	3,5	< ,001
	Отслеживание впечатления**	0,483	0,214	2,26	< ,002
	Запугивание**	0,247	0,141	1,75	< ,001

Примечание: «*» — отмечен фиксированный параметр; «**» — отмечены поведенческие стратегии; CFI — 0,971; TLI — 0,960; SRMR — 0,0667; RMSEA — 90%.

В таблице отображены результаты, свидетельствующие о том, что двухфакторная модель заданной структуры из 9 переменных демонстрирует высокие значения глобальных критериев соответствия. Значения индексов соответствия CFI = 0,971 и TLI = 0,960 выше их порогового значения, равного 0,90 [20; 21].

В первый фактор «Высокий профессионализм и увлеченность профессией» вошли переменные: самоуважение в профессии, самооценка личностного роста, самоуверенность в профессии и поведенческая стратегия «Самопродвижение». Комбинация перечисленных показателей предполагает позитивное отношение сотрудников к карьере и позволяет говорить о том, что респонденты при выполнении профессиональных функций проявляют к себе уважение, стремятся к личностному росту, самоутверждению, доверяют себе как профессионалу, а также видят в профессии личностный смысл. Такую личность иногда называют пассионарной [3].

Второй фактор «Неустойчивость профессионального положения» содержит такие переменные, как внутренняя конфликтность, самообвинение в профессии, а также стратегии «Отслеживание произведенного впечатления» и «Запугивание». Данная профессиональная позиция может свидетельствовать о том, что личность, рефлексировав и находясь в поиске личностного смысла в собственной профессиональной деятельности, не может найти позитивных ответов на вопросы, которые она себе задает, и профессиональной удовлетворенности собственным делом. Именно поэтому такие сотрудники в ситуациях взаимодействия используют стратегию «Запугивание», подчеркивающую их направленность на доминирование, влияние и контроль над другими людьми. Попытки обвинить себя в неудачах подкрепляются постоянным отслеживанием впечатления, которое они производят на других, что часто приводит их к фрустрационным реакциям и использованию примитивных защитных механизмов, например проекции, которая провоцирует агрессивное поведение, и так называемой «иррациональной авторитарности» [18].

Выводы и заключение

На основе проверки выдвинутых гипотез сделаны следующие основные выводы.

Самопредъявление в деловых отношениях, как и в межличностных, реализуется в стратегиях и тактиках поведения, необходимых в деловых контактах, с целью успешного решения профессиональных вопросов, выстраивания карьерной стратегии, разрешения конфликтов и

в других важных аспектах деятельности сотрудников. Выбор поведенческих стратегий обусловлен индивидуально-психологическими особенностями, социальным либо профессиональным статусом, а также стремлением быть принятым профессиональной средой.

В процессе самопредъявления коммуникатор формирует отношение к себе со стороны руководства и коллег, что способствует его собственной оценке возможностей и перспектив (самоотношение). Это свидетельствует о необходимости сотрудников так или иначе анализировать свое место и значимость в деловой сфере.

В самоотношении могут проявляться как позитивные, так и негативные стороны личности, что может стать серьезным препятствием для реализации продуктивной трудовой деятельности сотрудников МВД и способствовать формированию смысловых установок к самоуничтожению, потере смысла и обесцениванию себя в профессии. Самоотношение является смысловой диспозицией, характеризующейся устойчивостью, при которой состояние готовности личности к непродуктивной деятельности трудно изменить.

Большинство респондентов продемонстрировали высокие показатели уровня профессионального самоотношения по шкалам «Самоуверенность в профессии», «Саморуководство в профессии», «Самооценка личностного роста», чуть больше половины — средние показатели по шкале «Общий показатель позитивности профессионального самоотношения». Наиболее предпочитаемая сотрудниками МВД стратегия — «Самопродвижение».

Чуть более одной трети сотрудников в общении с друзьями и коллегами предпочитают стратегию «Инграциация»; менее одной трети сотрудников в общении с близкими родственниками склоняются к стратегии «Инграциация» и одна пятая — к стратегии «Примерность». В общении с руководством более одной трети сотрудников стремятся к стратегии «Самопродвижение», более одной пятой — к стратегии «Инграциация».

Полученные взаимосвязи между стратегиями самопредъявления и профессионального самоотношения свидетельствуют об автономности, авторитарности, ассертивности, гибкости и лидерских возможностях сотрудников (прямые умеренные связи). Наряду с этим сотрудники могут испытывать внутреннюю конфликтность, быть склонными к самоуничтожению в профессии и обращаться за помощью к другим (обратные умеренные связи).

Факторный анализ показал, что в первый фактор «Высокий профессионализм и увлеченность профессией» вошли переменные, выявляющие положительную направленность на карьеру, способность к личностному росту и доверию к себе, а также понимание того, какой личностный смысл вкладывают они в профессию. Второй фактор «Неустойчивость профессионального положения» содержит переменные, свидетельствующие о внутренней конфликтности, неудовлетворенности трудом, чрезмерной рефлексией того, какое впечатление производят респонденты на других людей, что способствует частым проявлениям тревоги, фрустрации, неуверенности в себе.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что на основе подготовленного теоретического и эмпирического материала планируется разработка программы адаптации молодых сотрудников к профессиональной деятельности в органах внутренних дел с учетом совершенствования стратегий самопредъявления. В результате профессиональное самоотношение сотрудников будет ориентировано на личностный рост, самоуважение, самоэффективность и увлеченность профессией.

Перспективы исследования. Исследования в данном направлении предоставляют возможность разрабатывать программы для адаптации сотрудников внутренних дел к профессии на начальном этапе их деятельности и для коррекции с целью поддержания работоспособности, устранения симптомов профессиональной деформации с учетом индивидуально-

психологических, возрастных и гендерных особенностей личности. Сформированное позитивное профессиональное самоотношение будет способствовать снижению уровня профессионального выгорания у сотрудников, созданию благоприятной психологически безопасной профессиональной среды, в которой работники силовых структур будут иметь возможность совершенствоваться не только в плане поведенческих стратегий самопредъявления в разных сферах жизнедеятельности, но и в профессии в целом.

Ограничения полученных результатов. Исследование проведено на мужской выборке с респондентами — представителями силовых структур, что может ограничивать экстраполяцию выводов на другие выборки, в том числе женские. Результаты, полученные на мужской выборке, могут отличаться от результатов, полученных на женской выборке.

Литература

1. Ахмадеева Е.В., Башкатов С.А. Особенности самопредъявления юношей и девушек в период обучения в высшей школе [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2022. № 1. С. 120–128. doi:10.26170/2079-8717_2022_01_14
2. Баламут А.Н. Гендерные особенности профессионального самоотношения сотрудников, выполняющих различные профессиональные функции // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: Материалы международной научно-практической конференции (г. Минск, 24 января 2018 г.). Минск: Академия МВД, 2018. С. 285–286.
3. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2020. 512 с.
4. Дружинина В.Н. Взаимосвязь направленности личности и привлекательности профессии сотрудников полиции [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 314–317. doi:10.24411/2073-0454-2020-10375
5. Егорова Н.Н., Егошин И.В. Использование тактик самопрезентации и самомониторинга сотрудниками полиции, осуществляющих осмотровые и досмотровые процедуры при проведении массовых спортивных мероприятий [Электронный ресурс] // Полицейская деятельность. 2018. № 6. С. 1–10. doi:10.7256/2454-0692.2018.6.28147
6. Канунников Р.И. Взаимосвязь самооценки и характера взаимоотношений в служебном коллективе у сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психолог. 2022. № 6. С. 111–121. doi:10.25136/2409-8701.2022.6.38604
7. Карасева С.К., Хазова С.А. Самопрезентационная компетентность современного конкурентоспособного специалиста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2012. № 4 (109). С. 55–64.
8. Карпинский К.В., Гижук Т.В. Психология профессиональной успешности: Монография. Гродно: ГрГУ имени Я. Купалы, 2017. 169 с.
9. Карпинский К.В., Гижук Т.В., Кисельникова Н.В. Функциональная оптимальность личностного смысла профессии [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 1. С. 171–183. doi:10.17759/exppsy.2020130113
10. Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В., Гончаренко А.В. Профессиональное самоотношение и адаптация сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20–35. doi:10.17759/psylaw.2020100302
11. Кулагина Н.В. Особенности самопрезентации мужчин и женщин в сфере деловых отношений [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3 (27). С. 122–128. doi:10.17072/2078-7898/2016-3-122-128

12. Пикулёва О.А. Психология самопрезентации личности: гендерные и возрастные аспекты [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. Том 18. № 4. С. 37–44. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2013_n4/66279 (дата обращения: 11.03.2024).
13. Простяков В.В. Психологические требования к личности и профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел // Юридическая психология. 2012. № 1. С. 2–7.
14. Софронова А.Ю. Темпоральная структура профессионального самосознания сотрудников полиции: попытка парадоксального моделирования [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Том 25. № 3 (82). С. 254–261. doi:10.24411/1999-6241-2020-13002
15. Стрельникова Ю.Ю., Гончарова Н.А. Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 27–39. doi:10.17759/psylaw.2023130102
16. Субботина А. В., Гржибовский А. М. Описательная статистика и проверка нормальности распределения количественных данных // Экология человека. 2014. Том 21. № 2. С. 51–57.
17. Усачева И.В., Дашко М.Н., Чуманов Ю.В. Психологические особенности изучения мотивации у сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 3. С. 46–55.
18. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: АСТ, 1998. 414 с.
19. Харитонова Е.В. Психология социально-профессиональной востребованности личности. М.: Институт психологии РАН, 2014. 416 с.
20. Kenny D.A. Measuring model fit [Электронный ресурс] // Homepage of David A. Kenny. URL: <http://www.davidakenny.net/cm/fit.htm> (дата обращения: 24.02.2024).
21. Schoot R. van de, Lugtig P., Hox J. A checklist for testing measurement invariance // European Journal of Developmental Psychology. 2012. Vol. 9(4). P. 486–492. doi:10.1080/17405629.2012.686740

References

1. Akhmadeeva E.V., Bashkatov S.A. Osobennosti samopred'yavleniya yunoshei i devushek v period obucheniya v vysshei shkole [Features of Self-Presentation of Boys and Girls during the University Study] [Elektronnyi resurs]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2022, no. 1, pp. 120–128. doi:10.26170/2079-8717_2022_01_14 (In Russ.).
2. Balamut A.N. Gendernye osobennosti professional'nogo samootnosheniya sotrudnikov, vypolnyayushchikh razlichnye professional'nye funktsii. *Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravookhranitel'nykh organov: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Minsk, 24 yanvarya 2018 g.)*. Minsk: Akademiya MVD Publ., 2018, pp. 285–286. (In Russ.).
3. Gumilev L.N. *Konets i vnov' nachalo*. Moscow: AST, 2020. 512 p. (In Russ.).
4. Druzhinina V.N. Vzaimosvyaz' napravlennosti lichnosti i privlekatel'nosti professii sotrudnikov politsii [The relationship between the orientation of the individual and the attractiveness of the profession of police officers] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 6, pp. 314–317. doi:10.24411/2073-0454-2020-10375 (In Russ.).
5. Egorova N.N., Egoshin I.V. Ispol'zovanie taktik samoprezentatsii i samomonitoringa sotrudnikami politsii, osushchestvlyayushchikh osmotrovye i dosmotrovye protsedury pri provedenii massovykh sportivnykh meropriyatii [Using self-presentation and self-monitoring tactics by police officers involved in inspection and perquisition procedures during mass sports events] [Elektronnyi

- resurs]. *Politseiskaya deyatel'nost' = Police Activity*, 2018, no. 6, pp. 1–10. doi:10.7256/2454-0692.2018.6.28147 (In Russ.).
6. Kanunnikov R.I. Vzaimosvyaz' samootsenki i kharaktera vzaimootnoshenii v sluzhebnoy kollektive u sotrudnikov organov vnutrennikh del [The relationship between self-esteem and the nature of relationships in the service team of employees of internal affairs bodies] [Elektronnyi resurs]. *Psikholog = Psychologist*, 2022, no. 6, pp. 111–121. doi:10.25136/2409-8701.2022.6.38604 (In Russ.).
7. Karaseva S.K., Khazova S.A. Samoprezentatsionnaya kompetentnost' sovremennogo konkurentosposobnogo spetsialista [Self-presentation competence of the modern competitive expert]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = The Bulletin of the Adyge State University, Series "Pedagogy and Psychology"*, 2012, no. 4 (109), pp. 55–64. (In Russ.).
8. Karpinskii K.V., Gizhuk T.V. Psikhologiya professional'noi uspekhnosti: Monografiya. Grodno: GrGU imeni Ya. Kupaly Publ., 2017. 169 p. (In Russ.).
9. Karpinskii K.V., Gizhuk T.V., Kiselnikova N.V. Funktsional'naya optimal'nost' lichnostnogo smysla professii [Functional optimality of personal the meaning of the profession] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 1, pp. 171–183. doi:10.17759/exppsy.2020130113 (In Russ.).
10. Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V., Goncharenko A.V. Professional'noe samoootnoshenie i adaptatsiya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Professional Self-esteem and Adaptation of the Penitentiary System Staff] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20–35. doi:10.17759/psylaw.2020100302 (In Russ.).
11. Kulagina N.V. Osobennosti samoprezentatsii muzhchin i zhenshchin v sfere delovykh otnoshenii [Peculiarities of men's and women's self-presentation in business relationship] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 2016, no. 3 (27), pp. 122–128. doi:10.17072/2078-7898/2016-3-122-128 (In Russ.).
12. Pikuleva O.A. Psikhologiya samoprezentatsii lichnosti: gendernye i vozrastnye aspekty [Psychology of personality self-presentation: gender and age aspects] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2013. Vol. 18, no. 4, pp. 37–44. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2013_n4/66279 (Accessed 11.03.2024). (In Russ.).
13. Prostyakov V.V. Psikhologicheskie trebovaniya k lichnosti i professional'noi deyatel'nosti sotrudnika organov vnutrennikh del [Psychological requirements to personality and professional activity of employee of agencies of internal affairs]. *Yuridicheskaya psikhologiya = Juridical Psychology*, 2012, no. 1, pp. 2–7. (In Russ.).
14. Sofronova A.Yu. Temporal'naya struktura professional'nogo samosoznaniya sotrudnikov politsii: popytka paradoksal'nogo modelirovaniya [Temporal Structure of the Police Officer's Professional Self-Consciousness: Attempt of Paradox Modelling] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2020. Vol. 25, no. 3 (82), pp. 254–261. doi:10.24411/1999-6241-2020-13002 (In Russ.).
15. Strelnikova Yu.Yu., Goncharova N.A. Psikhologicheskie osobennosti professional'noi vostrebovannosti i motivatsii sotrudnikov politsii [Psychological Features of Professional Demand and Motivation of Law-Enforcement Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 27–39. doi:10.17759/psylaw.2023130102 (In Russ.).

16. Subbotina A. V., Grijbovski A. M. Opisatel'naya statistika i proverka normal'nosti raspredeleniya kolichestvennykh dannykh [Descriptive statistics and normality testing for quantitative data]. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2014, no. 2, pp. 51–57. (In Russ.).
17. Usacheva I.V., Dashko M.N., Chumanov Yu.V. Psikhologicheskie osobennosti izucheniya motivatsii u sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological features of the study of motivation of employees of Internal Affairs Bodies]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogy of Service Activities*, 2019, no. 3, pp. 46–55. (In Russ.).
18. Fromm E. Psikhooanaliz i etika. Moscow: AST, 1998. 414 p. (In Russ.).
19. Kharitonova E.V. Psikhologiya sotsial'no-professional'noi vobrebovannosti lichnosti. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2014. 416 p. (In Russ.).
20. Kenny D.A. Measuring model fit [Elektronnyi resurs]. *Homepage of David A. Kenny*. URL: <http://www.davidakenny.net/cm/fit.htm> (Accessed 24.02.2024).
21. Schoot R. van de, Lugtig P., Hox J. A checklist for testing measurement invariance. *European Journal of Developmental Psychology*, 2012. Vol. 9, no. 4, pp. 486–492. doi:10.1080/17405629.2012.686740

Информация об авторах

Ахмадеева Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологического сопровождения и клинической психологии, Высшая школа психологии и педагогики, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНиТ), г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Дмитриева Людмила Геннадьевна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра общей психологии, Высшая школа психологии и педагогики, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНиТ), г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3361-5637>, e-mail: dmitriev-
alg@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Akhmadeeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Higher School of Psychology and Pedagogy, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Lyudmila G. Dmitrieva, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of General Psychology, Higher School of Psychology and Pedagogy, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3361-5637>, e-mail: dmitrievalg@mail.ru

Получена 18.03.2024
Принята в печать 15.05.2024

Received 18.03.2024
Accepted 15.05.2024

Социальные представления о теле: теория, факты и комментарии (Часть 2)

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Мельникова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

В работе излагается заключительный этап научно-исследовательского проекта, посвященного анализу социальных представлений о теле в двух возрастных группах, цель работы заключается в осмыслении результатов, полученных на всех этапах проекта. Результаты, полученные на выборке представителей двух возрастных поколений (N = 294 человека: 191 женщина в возрасте от 18 до 62 лет и 103 мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, с учетом различного уровня образования, рода занятий, семейного статуса, различных социальных практик в отношении своего тела (в частности — занятие спортом/отсутствие занятий спортом, наличие/отсутствие модификаций тела)), демонстрируют устойчивость нормативного образа тела (женского и мужского, соответственно). Результаты научно-исследовательского проекта осмысляются в логике теории социальных представлений, особое внимание обращается на воспроизводимый результат на различных этапах проекта, а именно: антиномия «мужчина—женщина», с соответствующей оппозицией «сила—красота», является устойчивой призмой восприятия тела. Наконец, формулируются два ключевых вопроса, на которые необходимо найти ответ, продолжая линию анализа тела через призму теории социальных представлений: во-первых, является ли тело таким же объектом социальных представлений, как все остальные, которые были изучены в рамках теории. Во-вторых, каким методом изучать социальные представления о теле.

*Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.*
Социальные представления о теле:
теория, факты и комментарии (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 150–160

*Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.B.*
Social Representations of the Body:
Theory, Facts and Commentary (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 150–160

Ключевые слова: социальные представления, тело, темата, нормативность представлений.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00661.

Для цитаты: *Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б.* Социальные представления о теле: теория, факты и комментарии (Часть 2) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2024140312

Social Representations of the Body: Theory, Facts and Commentary (Part 2)

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Daria V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Evgeniya D. Belova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

The purpose of the study was to identify social representations of the body in two age groups. The sample consisted of the respondents from the two generations (N= 294 people: 191 women aged 18 to 62 years and 103 men aged 18 to 60 years). The respondents had different levels of education, occupation, family status, different social practices (sport activity/absence of sport activity, presence/absence of body modifications). The main method of the study was a survey. Based on the previous stages of the study, 28 bipolar scales were formulated to assess the objects “own body”, “female body”, “male body” in two age groups of women. And 29 bipolar scales for evaluating the objects “own body”, “male body”, “female body” — in two age groups of men. The obtained results demonstrate the normative image of the body in the groups of women and men (female and male, respectively), there are no significant differences in the body representations as a matter of different social practices in relation to the body. In the group of males no differences in the representations of the body were found in the two age groups; in the group of females, differences were found only with regard to the representation of the female body.

Keywords: social representations, body, themata, normativity of representations.

Funding: the reported study was funded by Russian Scientific Foundation (RSF), project number 22-28-00661.

For citation: Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B. Social Representations of the Body: Theory, Facts and Commentary (Part 2). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2024140312 (In Russ.).

Введение

В настоящей работе излагается заключительный этап научно-исследовательского проекта, посвященного анализу социальных представлений о теле в двух возрастных группах. Его цель состоит в осмыслении результатов, полученных на всех этапах проекта [1; 2; 6].

Обратим специальное внимание читателей на тот факт, что данный текст является продолжением опубликованной ранее работы [2], что и объясняет специфику повествования (в частности отсутствие теоретического введения, анализа ключевых работ, как по психологии телесности [3; 4], так и по самой теории социальных представлений [18; 19], в рамках которой выполнен научно-исследовательский проект), а результаты эмпирического исследования используются для того, чтобы продемонстрировать устойчивость факта нормативности представлений о теле в двух поколениях мужчин и женщин.

Факты и комментарии

Итак, на основе предыдущих этапов исследования были сформулированы 28 биполярных шкал для оценки объектов «свое тело», «женское тело», «мужское тело» в двух возрастных группах женщин [1; 2; 6] и 29 биполярных шкал для оценки объектов «свое тело», «мужское тело», «женское тело» в двух возрастных группах мужчин.

Получены результаты на выборке представителей двух поколений ($N = 294$ человека, 191 женщина в возрасте от 18 до 62 лет и 103 мужчины в возрасте от 18 до 60 лет). Выборка не была уравнена по полу и возрасту. *Поколение молодых взрослых* (от 17 до 35) включало 155 женщин и 83 мужчины; *поколение старших взрослых* (от 36 до 62 лет) включало 36 женщин и 20 мужчин. Респонденты имели различные уровни образования, род занятий, семейный статус, различные социальные практики (занятие спортом/отсутствие занятий спортом, наличие/отсутствие модификаций тела). Кроме того, им были заданы вопросы относительно состояния здоровья (наличия хронических заболеваний), самокатегоризации себя в терминах фемининных и маскулинных черт. В исследовании также приняли участие респонденты, принадлежащие к одной из основных религий.

Статистическая стратегия анализа данных

В результате серий эксплораторного факторного анализа (ФА), который в каждом случае был выполнен по методу главных компонент с использованием метода ортогонального вращения-варимакс, были выявлены факторные структуры для всех объектов в группах женщин и мужчин. Кроме того, на основе вычисления показателя внутренней согласованности (альфа Кронбаха) по каждому фактору были вычислены новые переменные, которые затем подвергались сравнению с помощью серий Т-критериев, что позволило говорить о специфике понимания тела в возрастных группах с учетом таких факторов, как социальные практики в отношении тела, модификации тела, самокатегоризация по фемининным и маскулинным качествам, а также наличию/отсутствию хронического заболевания.

Результаты исследования

Таблица

Результаты ФА в двух возрастных группах

	Количество факторов, выделенных в результате ФА (процент объясненной дисперсии)		
	Свое тело	Женское тело	Мужское тело
Женщины	7 факторов (64,93%)	6 факторов (65,20%)	5 факторов (61,70%)
Мужчины	8 факторов (65,30%)	-*	7 факторов (70%)

Примечание: «*» — выполнение ФА не позволило за 25 итераций выделить независимые факторы, для анализа использовалось изначальное решение (матрица до вращения).

Количество выделенных факторов варьировало от 5 до 8, процент общей дисперсии, которую объясняли эти факторы, — от 61,70 до 70% (табл.) Показатель внутренней согласованности пунктов по шкале (альфа Кронбаха) варьировал от 0,63 до 0,93, в результате было выделено от 2 до 7 факторов.

В целом, полученные результаты ФА говорят в пользу достаточно нормативного видения тела респондентами в группах мужчин и женщин: если тело мужчин отличают сила, наличие развитой мускулатуры, соответствие критериям маскулинности, то тело женщин отличают красота, гибкость, подвижность, активность.

Сравнение по двум возрастным группам женщин и мужчин, реализованное по новым переменным, позволило получить следующие результаты: отсутствие разницы в группе женщин по объекту «свое тело», различия по четырем новым переменным (идеальное тело, сильное тело, миниатюрное тело, модифицированное тело).

T-критерий варьировал от $-2,71$ до $4,10$ и был значим на уровне $p < 0,01$. При этом женщины более старшего возраста (старше 36 лет) оценивали объект «женское тело» по трем факторам позитивнее, чем женщины из более молодой группы. Модификации тела позитивнее видят молодые женщины, по сравнению с женщинами более старшего возраста. Мужское тело видится сходным образом в двух возрастных группах, а исключением переменной, которая объединяет характеристики сильного маскулинного тела — T-критерий = $2,75$ ($p < 0,01$).

В группе мужчин различий по новым переменным для трех объектов («свое тело», «мужское тело», женское тело») не было обнаружено.

Сравнение внутри каждой возрастной группы у мужчин и женщин по переменным (социальные практики в отношении тела, модификации тела, состояние здоровье, приверженность к одной из основных религий, самокатегоризация в терминах фемининных и маскулинных черт) позволяет говорить о том, что фактор самокатегоризации в терминах фемининных и маскулинных черт в наибольшей степени дифференцирует восприятие тела.

Выводы

Итак, нами были реализованы 4 этапа научно-исследовательского проекта; результаты этих этапов позволили говорить о том, что в группах женщин и мужчин имеет место достаточно нормативный образ тела (женского и мужского) и едва ли существуют сколь значимая вариативность в представлениях тела в зависимости от различных социальных практик в от-

ношении тела. Можно говорить, что представления о теле в группах женщин и мужчин определяются антиномией «мужчина—женщина»; с вытекающими ключевыми характеристиками женщине приписывается *красота*, это определяющая характеристика образа, мужчине — *сила* [19]. На различных этапах исследования мы сталкивались с этим фактом [1; 2; 6].

Заключение

Анализ исследований социальных представлений о теле дает основание для того, чтобы сделать ряд любопытных наблюдений: во-первых, исследования реализованы в рамках различающихся подходов теории социальных представлений (другими словами, исследователи опирались на комплементарную трактовку социальных представлений и пытались через такую призму взглянуть на тело как объект социального мышления); во-вторых, среди ключевых вопросов исследования: специфика социальных представлений о теле в этнических, возрастных, гендерных и профессиональных группах; особенности содержания и структуры социальных представлений как результат физической активности; понимание тела в группах мужчин и женщин с физическими дисфункциями (будь то параплегия, тетраплегия парез и др.) [5]; социальные представления в системе представлений (представлений о теле, о здоровье, старении и СПИДе); специфика понимания тела; представления о теле, транслируемые в массмедиа [8—12; 14; 15; 19—22].

Наконец, обращают на себя внимание особенности выборки в этих исследованиях: зачастую это представители подростково-молодежной среды (чаще это девушки, чей средний возраст оказывается в диапазоне от 21 до 23); с другой стороны, это люди пенсионного возраста (мужчины и женщины в возрасте от 60 до 84 лет или женщины в возрасте после 75 лет [8—12; 14; 15; 19—22]). В качестве аргументации, несомненно, можно принять указание на рекомендации профилактического характера. В то же самое время сфокусированность внимания только на этих группах ограничивает понимание специфики представлений о теле.

Таким образом, представляется возможным констатировать наличие своего рода парадокса: с одной стороны, в литературе декларируется важность тела как объекта теории социальных представлений (и релевантность теории социальных представлений для изучения объекта), с другой стороны, столь важный объект для теории в реальности не получил соответствующего внимания.

Как уже отмечалось выше, К. Эрзлиш указывает на важный факт: «Изначально Московиси для своего следующего проекта хотел работать над исследованием “тела”, но вначале эта идея была очень расплывчатой. Я думаю, что у него была интуиция, что тело должно стать важным объектом внимания в современных обществах» [15, р. 3]. Тело действительно стало очень важным объектом внимания в современных обществах, стоит вспомнить стремительные трансформации, произошедшие в истории тела в XX веке. Тело, несомненно, является центральным вопросом для изучения в рамках психологии [16], однако тезис о том, что тело является приоритетным объектом для изучения в рамках теории социальных представлений, нуждается в дополнительном обсуждении. Обратимся к позиции, сформулированной Х. Жофф и К. Старкле в рамках модели этоса самоконтроля [17], где под самоконтролем понимается своего рода сдерживание желаний, эмоций и поступков. Этос рассматривается как ценность, присущая той или иной культуре, имеющая моральную коннотацию. По сути, речь идет о моральной сдержанности как основополагающей ценности в той или иной культуре. Жофф и Старкле предлагают говорить о том, что такого рода ценность присуща западной культуре, эта ценность лежит в основе конструирования образа одних групп как высших и

других — как низших. Принимая во внимание идею С. Московиси о темате, как конструкте, который лежит в основе порождения социальных представлений [18], авторы апеллируют к определению тематы, данному И. Марковой: «...разделяемые культурой примитивные первоидеи, образы и предварительные категоризации, [которые] не только показывают социокультурную укорененность социального мышления, но и обеспечивают базовую отправную точку для создания социальных представлений» [цит. по: 18, р. 442]. Стоит уточнить, что в модели социального мышления М.-Л. Рукета [13] темата занимает четвертый, самый верхний, уровень (обозначаемый в модели как идеологический), который надстраивается над социальными представлениями (под уровнем, где располагаются социальные представления, находятся два уровня, где размещаются более подвижные и менее разделенные конструкты — социальные установки и мнения). Будучи разделенным в наивысшей степени (наряду с нормами, ценностями и верованиями), темата характеризуется достаточной инертностью [13].

Темата представляют собой антиномии, будь то «добро—зло», «природа—культура», «Я—Другой». И. Маркова подчеркивает, что использование антиномий является основополагающей особенностью социального мышления [17]. Эту логику принимают и авторы модели Х. Жофф и К. Старкле, выдвигая предположение о том, что в западном обществе существует тема (темата соответствует множественному числу) «самоконтроль—отсутствие самоконтроля» [17]. Очевидно, что антиномии находятся в своего рода иерархических отношениях (как и указанные выше пары антиномий). В эту же линию оппозиций встраивается и оппозиция «мужчина—женщина», со всеми вытекающими последствиями, касающимися, в частности, иерархических отношений между полюсами.

Самое важное, что эта тема «самоконтроль—отсутствие самоконтроля» лежит в основе социальных представлений людей о самих себе и других, как следствие, позволяет им определять кто является уважаемым, а кто — нет [17]. Через призму этоса самоконтроля авторы трактуют понимание тела в обществе. В западной культуре, как полагают Жофф и Старкле [17], несмотря на трансформации XX века, все же сохранились без модификаций определенные достаточно жесткие ограничения поведения, связанного с телом.

Здоровье является одной из сфер, в которой наиболее ярким образом представлен самоконтроль в западной культуре: здоровое тело символизирует здоровое поведение и самоконтроль, отклонение от этой нормы свидетельствует о моральной несостоятельности индивида, что сопряжено со стыдом и отвращением в отношении тела [17].

Исследования стигматизации людей с ожирением является иллюстрацией действия темы «самоконтроль—отсутствие самоконтроля». Как подчеркивают Х. Жофф и К. Старкле, особенно отчетливо это просматривается на примере американского общества, в котором предубеждения в отношении людей с ожирением основываются на идее о том, что вес — это конструкт, который находится в рамках волевой регуляции, и, соответственно, человек, отличающийся от идеала стройности, демонстрирует отсутствие самоконтроля со всеми вытекающими последствиями. Примечательны результаты ряда экспериментальных исследований. В одних, реализованных на родителях девушек с нормальным весом и девушек, страдающих ожирением, было показано, что девушки, страдающие ожирением, подвергаются стигматизации даже со стороны членов семьи, поскольку родители этих девушек в меньшей степени были готовы оплачивать образование своих дочерей, по сравнению с родителями девушек с нормальным весом. В других исследованиях было продемонстрировано действие стигмы через ассоциацию, когда всего лишь факта пространственного расположения рядом с человеком с ожирением достаточно для того, чтобы быть оцененным хуже по сравнению с

контрольным условием, где оцениваемый персонаж соседствовал с человеком с нормальным весом. Эти факты демонстрируют широкую распространенность убеждений о волевой регуляции веса [1].

Дисциплинированное и здоровое тело являют собой в логике модели Х. Жофф и К. Старкле способ проявления культурного превосходства, и в современном обществе представляется возможным констатировать наличие неразрывной связи между контролем в отношении тела, моральной чистотой и социальным статусом в представлениях о группах [17]. Специфика того, какие именно предписания характерны для той или иной культуры, может различаться, однако более интересным для нас здесь является факт нормативности представлений о теле, циркулирующих в той или иной культуре современного мира.

Развивая эту идею, можно полагать, что социальные представления о теле являются в крайней степени нормативными и не обнаруживают значительной вариативности между группами, что вполне соответствует логике так называемых гегемонических представлений [7], которые широко разделены в том или ином обществе. Более того, представления о теле основываются на антиномиях, глубоко коренятся в культуре. Если этос самоконтроля (антиномия «самоконтроль—отсутствие самоконтроля») в меньшей степени характеризует русскую культуру, хотя представляется возможным говорить о том, что действия с телом достаточно регламентированы [1], то антиномия «мужчина—женщина», где мужчине соответствует сила, а женщине красота, как было продемонстрировано эмпирическим путем на всех этапах исследования, является устойчивой призмой восприятия тела.

Подводя итог, представляется возможным сказать, что, перефразируя С. Московиси, относительно парадоксальных представлений [13], тело оказывается своего рода парадоксальным объектом социальных представлений: в одно и то же время оно является и не является объектом социального мышления. Именно это и объясняет состояние дел с анализом тела в рамках теории социальных представлений, а также позволяет понять полученные нами результаты. Хотя ключевым в научно-исследовательском проекте был поиск ответа на вопросы теоретического толка, однако в полученных результатах можно усмотреть определенную полезность прикладного характера, а именно: социальные представления — это своего рода очки, через которые люди смотрят на окружающий мир, а также компас, который направляет их действия в социальном мире. В этой связи, принимая превентивные меры, затрагивающие проблематику тела, необходимо учитывать специфику социальных представлений о теле. Именно через эти представления, своего рода фильтры, будет восприниматься информация; этими представлениями люди будут руководствоваться, действуя или бездействуя в отношении своего тела.

Если пытаться продолжить линию анализа тела через призму теории социальных представлений, то исследователи должны ответить на ряд вопросов. Во-первых, является ли тело таким же объектом социальных представлений, как все остальные, которые были изучены в рамках теории с 1961 года (времени появления первой работы по теории социальных представлений — «Психоанализ: его образ и публика» С. Московиси; эта работа, по сути, — рождение теории социальных представлений [18]).

Во-вторых, это вопрос, с которым столкнулась с К. Эрзлиш на заре теории социальных представлений, — каким методом изучать социальные представления о теле [15].

Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Социальные представления о теле:
теория, факты и комментарии (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 150–160

Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.B.
Social Representations of the Body:
Theory, Facts and Commentary (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 150–160

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В. Тело: с позиции теории социальных представлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206. doi:10.17759/psylaw.2023130114
2. Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Социальные представления о теле: теория, факты и комментарии (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 219–238. doi:10.17759/psylaw.2024140216
3. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003. 432 с.
4. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
5. Berri B., Bousfield A.B.S., Silva J.P., Giacomozzi A.I. Representaciones sociales del cuerpo para personas con discapacidad física // Ciencias Psicológicas. 2020. Vol. 14(2). doi:10.22235/cp.v14i2.2322
6. Bovina I., Dvorianchikov N., Melnikova D., Lavreshkin N. Social Representations of Body: A Comparison in The Two Generations of Russian Women (Results of an Exploratory Study) // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2022. Vol. 10(2). P. 185–195. doi:10.23947/2334-8496-2022-10-2-185-195
7. Breakwell G.M. Identity and social representations // Identity Process Theory: Identity, Social Action and Social Change / R. Jaspal, G.M. Breakwell (Eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 118–134. doi:10.1017/CBO9781139136983.010
8. Camargo B.V., Goetz E.R., Bousfield A.B.S., Justo A.M. Representações sociais do corpo: estética e saúde // Temas em Psicologia. 2011. Vol. 19(1). P. 257–268.
9. Camargo B.V., Wachelke J. The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body // Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 21.1–21.21.
10. Costalat-Founeau A.M., Picot M.C., Hauchard D., Klimekova M., Favier F. Représentation du corps et de l'alimentation chez une population de femmes de plus de 75 ans // Papers on Social Representations. 2002. Vol. 11. P. 4.1–4.20.
11. de Rosa A.S., Holman A. Social representations of female-male beauty and aesthetic surgery: a cross-cultural analysis // Temas em Psicologia. 2011. Vol. 19(1). P. 75–98.
12. de Souza-Filho E.A., Beldarrain-Durandegui A. The contextual analysis in social representations of the body among ethnic groups in Rio de Janeiro, Brasil // Universitas Psychologica. 2009. Vol. 8(3). P. 771–783.
13. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 176 p.
14. Goetz E.R., Camargo B.V., Bertoldo R.B., Justo A.M. Representação social do corpo na mídia impressa // Psicologia & Sociedade. 2008. Vol. 20(2). P. 226–236. doi:10.1590/S0102-71822008000200010
15. Herzlich C. A journey in the field of health: From social psychology to multidisciplinary // Journal of Health Psychology. 2018. Vol. 23(5). P. 386–396. doi:10.1177/1359105317709474
16. Jodelet D. The representation of the body and its transformations // Social Representations / R. Farr, S. Moscovici (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 1984. P. 211–238.
17. Joffe H. The self-control ethos // Cambridge Handbooks in Psychology. The Cambridge Handbook of Social Representations / G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). Cambridge University Press, 2015. P. 369–384.
18. Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.

Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Социальные представления о теле:
теория, факты и комментарии (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 150–160

Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.B.
Social Representations of the Body:
Theory, Facts and Commentary (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 150–160

19. *Moscovici S., Vignaux G.* Le concept de thémata // Structures et transformations des représentations sociales / C. Guimelli (ed.). Paris: Delachaux et Niestlé, 1994. P. 25–72.
20. *Secchi K., Camargo B.V., Bertoldo R.B.* Percepção da Imagem Corporal e Representações Sociais do Corpo // *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. 2009. Vol. 25(2). P. 229–236. doi:10.1590/s0102-37722009000200011
21. *Silveira A., Camargo B., Giacomozzi A.* Social Representations of the Body and Bodily Care Practices of Older Adults // *Psico-USF, Bragança Paulista*. 2021. Vol. 26(2). P. 279–290. doi:10.1590/1413-82712021260207
22. *Souza S.C.S.D., Ribeiro R.D., Polli G.M., Wanderbroocke A.C.* Social representations of the body and health for physically active and inactive individuals // *Trends in Psychology*. 2019. Vol. 27(4). P. 961–975. doi:10.9788/TP2019.4-10

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Budykin S.V. Telo: s pozitsii teorii sotsial'nykh predstavlenii [Body: Social-Representational Regard] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206. doi:10.17759/psylaw.2023130114 (In Russ.).
2. Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B. Sotsial'nye predstavleniya o tele: teoriya, fakty i kommentarii (Chast' 1) [Social Representations of the Body: Theory, Facts and Commentary (Part 1)]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 219–238. doi:10.17759/psylaw.2024140316 (In Russ.).
3. Kon I.S. Muzhskoe telo v istorii kul'tury. Moscow: Slovo, 2003. 432 p. (In Russ.).
4. Tkhostov A.Sh. Psikhologiya telesnosti. Moscow: Smysl, 2002. 287 p. (In Russ.).
5. Berri B. Bousfield A.B.S., Silva J.P., Giacomozzi A.I. Representaciones sociales del cuerpo para personas con discapacidad fisica. *Ciencias Psicológicas*, 2020. Vol. 14, no. 2. doi:10.22235/cp.v14i2.2322
6. Bovina I., Dvoryanchikov N., Melnikova D., Lavreshkin N. Social Representations of Body: A Comparison in The Two Generations of Russian Women (Results of an Exploratory Study). *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 2022. Vol. 10, no. 2, pp. 185–195. doi:10.23947/2334-8496-2022-10-2-185-195
7. Breakwell GM. Identity and social representations. In R. Jaspal, G.M. Breakwell (Eds). *Identity Process Theory: Identity, Social Action and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 118–134. doi:10.1017/CBO9781139136983.010
8. Camargo B.V., Goetz E.R., Bousfield A.B. S., Justo A.M. Representações sociais do corpo: estética e saúde. *Temas em Psicologia*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 257–268.
9. Camargo B. V., Wachelke J. The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body. *Papers on Social Representations*, 2010. Vol.19, pp. 21.1–21.21.
10. Costalat-Founeau A.M., Picot M.C., Hauchard D., Klimekova M., Favier F. Représentation du corps et de l'alimentation chez une population de femmes de plus de 75 ans. *Papers on Social Representations*, 2002. Vol. 11, pp. 4.1–4.20.
11. de Rosa A.S., Holman A. Social representations of female-male beauty and aesthetic surgery: a cross-cultural analysis. *Temas em Psicologia*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 75–98.

Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Социальные представления о теле:
теория, факты и комментарии (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 150–160

Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.B.
Social Representations of the Body:
Theory, Facts and Commentary (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 150–160

12. de Souza-Filho E.A., Beldarrain-Durandegui A. The contextual analysis in social representations of the body among ethnic groups in Rio de Janeiro, Brasil. *Universitas Psychologica*, 2009. Vol 8, no. 3, pp. 771–783.
13. Flament S., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 176 p.
14. Goetz E.R., Camargo B.V., Bertoldo R.B., Justo A.M. Representação social do corpo na mídia impressa. *Psicologia & Sociedade*, 2008. Vol. 20, no. 2, pp. 226–236. doi:10.1590/S0102-71822008000200010
15. Herzlich C. A journey in the field of health: From social psychology to multidisciplinary. *Journal of Health Psychology*, 2018. Vol. 23, no. 5, pp. 386–396. doi:10.1177/1359105317709474
16. Jodelet D. The representation of the body and its transformations. In Farr R., Moscovici S. (eds.). *Social Representations*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984, pp. 211–238.
17. Joffe H. The self-control ethos. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). *Cambridge Handbooks in Psychology. The Cambridge Handbook of Social Representations*. Cambridge University Press, 2015, pp. 369–384.
18. Moscovici S. La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
19. Moscovici S., Vignaux G. Le concept de thèmes. In C. Guimelli (ed.). *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994, pp. 25–72.
20. Secchi K., Camargo B.V., Bertoldo R.B. Percepção da Imagem Corporal e Representações Sociais do Corpo. *Psicologia: Teoria e Pesquisa*, 2009. Vol. 25, no. 2, pp. 229–236. doi:10.1590/s0102-37722009000200011
21. Silveira A., Camargo B., Giacomozzi A. Social Representations of the Body and Bodily Care Practices of Older Adults. *Psico-USF, Bragança Paulista*, 2021. Vol. 26, no. 2, pp. 279–290. doi:10.1590/1413-82712021260207
22. Souza S.C.S.D., Ribeiro R.D., Polli G.M., Wanderbroocke A.C. Social representations of the body and health for physically active and inactive individuals. *Trends in Psychology*, 2019. Vol. 27, no. 4, pp. 961–975. doi:10.9788/TP2019.4-10

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Мельникова Дарья Вячеславовна, старший преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Евгения Дмитриевна, специалист, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: ibovina@mgppu.ru

Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Социальные представления о теле:
теория, факты и комментарии (Часть 2)
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 150–160

*Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.B.*
Social Representations of the Body:
Theory, Facts and Commentary (Part 2)
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 150–160

ственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Darya V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Evgeniya D. Belova, Specialist, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 21.02.2024
Принята в печать 15.08.2024

Received 21.02.2024
Accepted 15.08.2024

Структурная организация событийного пространства временной перспективы личности у участников боевых действий

Никишина В.Б.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (ФГАОУ «ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2421-3652>, e-mail: vbnikishina@mail.ru

Петраш Е.А.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (ФГАОУ ВО «РНИМУ им. Н.И. Пирогова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3177-088X>, e-mail: petrash@mail.ru

Юнина-Пакулова Н.Ю.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (ФГАОУ ВО «РНИМУ им. Н.И. Пирогова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6386-7469>, e-mail: oststudio@yandex.ru

Работа направлена на изучение структурной организации событийного пространства временной перспективы личности участников боевых действий. Представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке мужчин — участников боевых действий с проявлениями посттравматического стрессового расстройства. В исследовании приняли участие респонденты в возрасте 20—53 года ($32,5 \pm 8,94$ года). Критерием включения в исследовательскую группу являлось наличие минно-взрывных и огнестрельных травм, а также нормативного когнитивного статуса (29—30 баллов по шкале MMSE). Исследование осуществлялось с использованием следующих методик: «Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций» (военный вариант), методика событийной реконструкции временной перспективы личности (Никишиной В.Б., Петраш Е.А.), «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (HADS), методика выявления склонности к суицидальным реакциям (CP-45) П.И. Юнацкевича. В результате исследования структурной организации событийного пространства участников боевых действий с высоким уровнем выраженности проявлений ПТСР выявлено значимое сужение размеров настоящего и будущего, размера событийного пространства в целом, дезинтегрированность событийного пространства настоящего и будущего, а также снижение хронологической протяженности временной перспективы личности.

Ключевые слова: событийное пространство, временная перспектива личности, участники боевых действий, уровень проявлений посттравматического стрессового расстройства.

Никишина В.Б., Петраш Е.А., Юнина-Пакулова Н.Ю.
Структурная организация событийного
пространства временной перспективы
личности у участников боевых действий
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 161–173

Nikishina V.B., Petrash E.A., Yunina-Pakulova N.Yu.
The Structural Organization of the Event
Space of the Time Perspective
of the Personality of the Combatants
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 161–173

Для цитаты: Никишина В.Б., Петраш Е.А., Юнина-Пакулова Н.Ю. Структурная организация событийного пространства временной перспективы личности у участников боевых действий [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 161–173. DOI:10.17759/psylaw.2024140313

The Structural Organization of the Event Space of the Time Perspective of the Personality of the Combatants

Vera B. Nikishina

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2421-3652>, e-mail: vbnikishina@mail.ru

Ekaterina A. Petrash

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3177-088X>, e-mail: petrash@mail.ru

Nataliya Yu. Yunina-Pakulova

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6386-7469>, e-mail: oststudio@yandex.ru

The work is aimed at studying the structural organization of the event space of the time perspective of the personality of the combatants. The materials of an empirical study obtained on a sample of male combatants with manifestations of post-traumatic stress disorder are presented. The study involved respondents aged 20-53 years (32.5 ± 8.94 years). The criteria for inclusion in the research group were the presence of mine-explosive and gunshot injuries, as well as normative cognitive status (29-30 points on the MMSE scale). The study was carried out using the following methods: the Mississippi scale for assessing post-traumatic reactions (military version), the method of event-based reconstruction of a person's temporal perspective (Nikishina V.B., Petrash E.A.), the hospital scale of anxiety and depression (HADS), the method of detecting suicidal tendencies (CP-45) by P.I. Yunatskevich. As a result of the study of the structural organization of the event space of participants in hostilities with a high level of severity of manifestations of PTSD, a significant narrowing of the size of the present and future, the size of the event space as a whole, the disintegration of the event space of the present and future, as well as a decrease in the chronological length of the time perspective of the individual was revealed.

Keywords: event space, the temporal perspective of the individual, participants in hostilities, the level of manifestations of post-traumatic stress disorder.

For citation: Nikishina V.B., Petrash E.A., Yunina-Pakulova N.Yu. The Structural Organization of the Event Space of the Time Perspective of the Personality of the Combatants. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 161–173. DOI:10.17759/psylaw.2024140313 (In Russ.).

Введение

Временная перспектива личности представляет собой совокупность причинных и целевых связей между событиями прошлого, настоящего, будущего. Субъективное событийное пространство является содержанием семантического пространства личности, которое определенным образом структурировано и представлено во взаимосвязях всех событий в их опосредствованиях [6]. В условиях длительного воздействия психотравмирующих факторов, в том числе приводящих к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), происходит трансформация событийного пространства временной перспективы личности — сужение временной перспективы как хронологически, так и содержательно (уменьшаются хронологические границы настоящего и будущего при сокращении событийной наполненности) [1; 7; 9; 11].

Методологически представляемое исследование основывалось на теории временной перспективы Ф. Зимбардо, положениях причинно-целевой концепции психологического времени А.А. Кроника, Е.И. Головахи, а также терагностическом подходе к трансформации событийной реконструкции временной перспективы личности Ф. Зимбардо [4; 6]. По мнению Ф. Зимбардо, четкость процесса целеполагания соотносится с будущим, эмоциональное содержание и эмоциональная оценка целей соотносится с настоящим, степень удовлетворенности достигнутыми результатами соотносится с прошлым. «Особенности отражения личностью временных отношений в масштабе жизни определяются ее представлениями о характере детерминации одних значимых жизненных событий другими» [3]. Так как временная перспектива в целом и ее событийное пространство зачастую выступают в качестве мишени психотерапевтических воздействий при таких психических состояниях, как травматические, фрустрационные, состояния дезадаптации и др., актуальной задачей является необходимость структурной организации событийного пространства временной перспективы личности участников боевых действий.

Трансформация временной перспективы при ПТСР происходит в трех основных направлениях — в зависимости от преобладающей группы клинической симптоматики ПТСР: повторяющиеся переживания травмирующих событий; симптомы избегания любых действий и ситуаций, которые могут напомнить о травмирующем событии; повышенное психофизиологическое возбуждение. Психотравмирующие события изменяют привычное течение жизни на то, что происходило «до» и «после». Такое деление появляется внезапно (как непосредственно после воздействия психотравмирующего события, так и в течение последующих шести месяцев) с интенсивным нарастанием симптоматики. Трансформация временной перспективы реализуется в направлении утраты связи между временными модусами — событиями прошлого, настоящего, будущего. Происходит фиксация либо на событиях прошлого, либо на настоящем — на психотравмирующем содержании, исключая в обоих случаях протравивание временной перспективы будущего.

Участие в боевых действиях выступает в качестве интенсивного психотравмирующего фактора, характеризующегося двумя векторами направленного воздействия: с одной стороны, собственно пребыванием в условиях боевых действий, с другой — полученными в ходе участия в боевых действиях травмами и ранениями. Как отмечают ряд авторов [5; 7], в ходе участия в боевых действиях формируется устойчивая тревожная настороженность, готовность к агрессивным действиям в отношении врага при снижении ответственности за собственные агрессивные действия. Таким образом, в процессе трансформации событийного пространства временной перспективы личности под воздействием психотравмирующих фак-

торов (боевого посттравматического стрессового расстройства) сопутствующими факторами также являются состояния тревоги, депрессии, которые могут также приводить к развитию и актуализации суицидальных реакций. Актуализация событий прошлого и настоящего (связанного с воздействием психотравмирующего фактора), а также практически полное отсутствие событийной наполненности будущего, его бесперспективность поддерживают тревожно-депрессивные переживания и, как следствие, суицидальные проявления. Поэтому реконструкция событийного пространства временной перспективы участников боевых действий, реализуя свой психотерапевтический ресурс (выступая в качестве мишени психотерапевтического воздействия), позволит обеспечить снижение эмоциональной напряженности в переживании травмирующего события; изменение системы межсобытийных взаимосвязей; расширение объема событийного пространства настоящего и будущего, а также хронологической протяженности временной перспективы личности; интеграцию событийного пространства личности вне травматического события, исключая взаимосвязи психотравмирующего события с другими событиями; семантическое преобразование значений событийного пространства без травматического контекста.

В связи с этим, целью исследования являлась оценка структурной организации событийного пространства временной перспективы личности участников боевых действий.

Организация и методы исследования

Общий объем исследовательской выборки составил 76 человек мужского пола в возрасте 20—53 года ($32,5 \pm 8,94$ года), принимавшие участие в боевых действиях, находящихся на лечении и реабилитации в Госпитале ветеранов войн № 3. Исследование осуществлялось на условиях письменного добровольного информированного согласия. Критерием включения в исследовательскую группу являлось наличие минно-взрывных и огнестрельных травм, а также нормативного когнитивного статуса. Оценка когнитивного статуса осуществлялась с использованием краткой шкалы оценки психического статуса (Mini-Mental State Examination, MMSE), в соответствии с которой нормативному когнитивному статусу соответствуют значения 29—30 баллов.

Организация исследования осуществлялась последовательно в три этапа. Задачей первого этапа являлась оценка уровня выраженности посттравматических стрессовых реакций у участников боевых действий (ПТСР). Данная оценка осуществлялась с использованием Миссисиппской шкалы для оценки посттравматических реакций (Mississippi Scale - MS, Keane et al., в адаптации Н.В. Тарабриной) — военного варианта. На основании результатов оценки выраженности проявлений ПТСР у участников боевых действий были сформированы две исследовательские группы. В экспериментальную группу вошли 35 испытуемых с высоким уровнем проявлений ПТСР, что в количественном выражении соответствует $84,3 \pm 7,21$. Контрольную группу составили 41 испытуемый со средним уровнем проявлений ПТСР, соответствующим $72,1 \pm 6,84$ балла в количественном выражении.

Вторым, основным, этапом исследования осуществлялась оценка событийного пространства временной перспективы личности участников боевых действий с учетом уровня выраженности проявлений ПТСР. Оценка структуры событийного пространства осуществлялась с использованием методики событийной реконструкции временной перспективы личности [4].

Задача третьего этапа заключалась в оценке дополнительных факторов структурной организации событийного пространства участников боевых действий — тревоги, депрессии и склонности к суицидальным реакциям. Методическое обеспечение данного этапа включало в

себя госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS), а также методику выявления склонности к суицидальным реакциям (CP-45) П.И. Юнацкевича [10]. Исследование данных факторов также осуществлялось по группам испытуемых с учетом уровня выраженности проявлений ПТСР у участников боевых действий.

Количественная обработка полученных результатов осуществлялась с использованием методов описательной, сравнительной и корреляционной статистики. Методы описательной статистики (показатели средних значений, среднее квадратическое отклонение, гистограммы частот) направлены на оценку уровня выраженности исследуемых показателей. В качестве методов сравнительной статистики использовался непараметрический критерий Манна—Уитни ($p < 0,05$) для оценки значимости различий в уровне выраженности исследуемых показателей между группами испытуемых. Оценка взаимосвязей параметров событийного пространства участников боевых действий с показателями уровня тревоги, депрессии и склонности к суицидальным реакциям осуществлялась через расчет коэффициентов ранговой корреляции r Спирмена ($p < 0,05$). Статистическая обработка осуществлялась с использованием пакета прикладных программ Statistika 13.0.

Результаты исследования

Оценка событийного пространства участников боевых действий с учетом уровня выраженности проявлений ПТСР осуществлялась по нескольким критериям: по критерию событийной наполненности (определяющей размер событийного пространства прошлого, настоящего и будущего по количеству событий), по критерию интегрированности/дезинтегрированности событий (характеризующей взаимосвязи между событиями в границах прошлого, настоящего и будущего), а также хронологических критериев (хронологической периодичности и общей хронологической протяженности событийного пространства в годах).

Оценивая событийную наполненность через размер событийного пространства, достоверно установлено, что при высоком уровне выраженности ПТСР у участников боевых действий количество событий настоящего значительно превышает таковое у участников боевых действий со средним уровнем выраженности проявлений ПТСР ($p = 0,031$). При этом количество событий прошлого и будущего при высоком уровне выраженности ПТСР значительно ниже ($p = 0,033$; $p = 0,037$ соответственно).

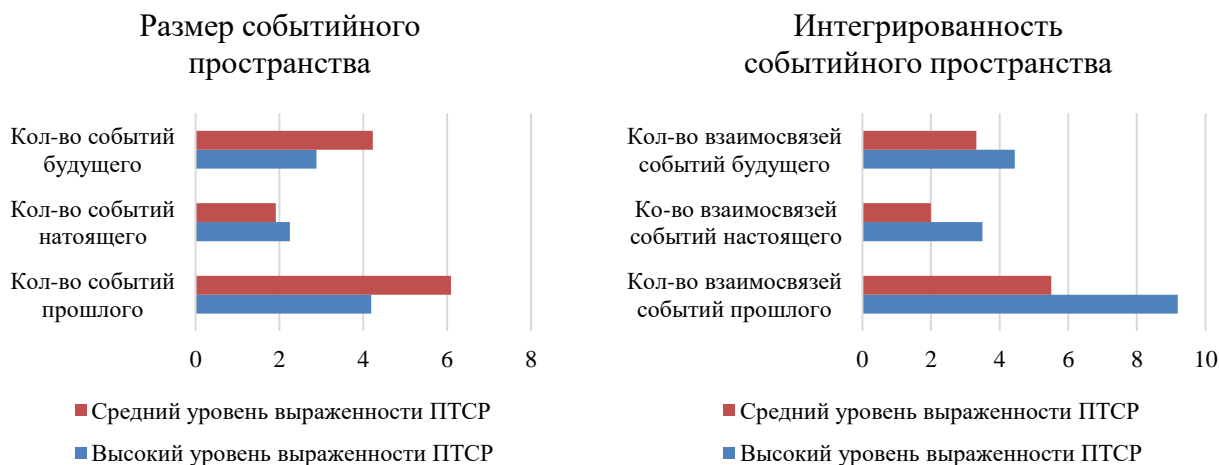
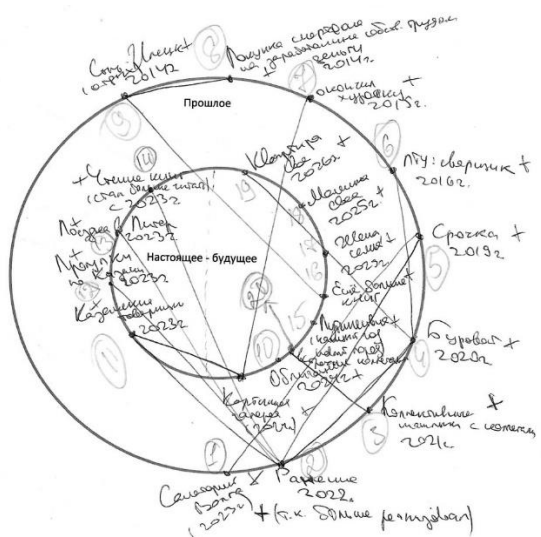

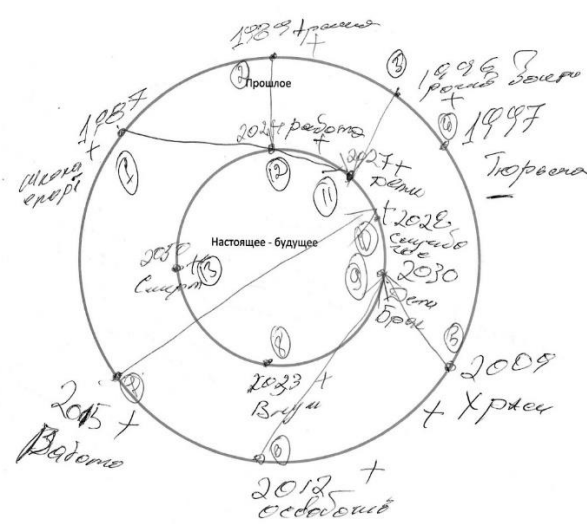
Рис. 1. Показатели размера и интегрированности событийного пространства у участников боевых действий с разным уровнем проявлений ПТСР

Таким образом, вне зависимости от уровня выраженности проявлений ПТСР в структуре событийного пространства максимальное количество событий относятся к прошлому при минимальном количестве событий настоящего (рис. 1). При этом следует отметить, что количество событий настоящего при высоком уровне выраженности ПТСР выше — при меньшей хронологической протяженности (менее 6 месяцев) количество событий больше. Однако данные события наполнены сходным травматическим содержанием и характеризуются интенсивным их переживанием. При среднем уровне выраженности проявлений ПТСР количество событий настоящего значительно меньше при большей их хронологической протяженности (около 14—16 месяцев в среднем).

Оценивая общее количество событий, можем констатировать, что при высоком уровне выраженности проявлений ПТСР общее количество событий (как прошлого, так и настоящего и будущего) меньше почти в два раза (рис. 2).

Средний уровень проявлений ПТСР

Высокий уровень проявлений ПТСР

Рис. 2. Примеры изображения событийного пространства временной перспективы у участников боевых действий с разным уровнем проявлений ПТСР

Это указывает на сужение событийного пространства вокруг событий с посттравматическими последствиями, аккумулирующими на себе систему межсобытийных связей, либо, наоборот, дезинтегрирующими событийное пространство (в форме отсутствия или изоляции травмирующих событий) и нарушающими временную перспективу личности участников боевых действий. На приведенных примерах при среднем уровне выраженности проявлений ПТСР событие, связанное с психотравмирующим опытом (ранение в 2022 г. в ходе участия в боевых действиях), аккумулирует на себе шесть межсобытийных связей, что является максимальным количеством. При высоком уровне выраженности проявлений ПТСР (рис. 2) события жизни, связанные с участием в боевых действиях и получением боевого ранения, от-

сутствуют. Однако другое событие, такое как отбывание наказания в местах лишения свободы, является изолированным и характеризуется полным отсутствием межсобытийных связей.

Группирующими событиями являются травматические события, концентрирующие на себе максимальное количество взаимосвязей. Количество группирующих событий в группе участников боевых действий с высоким уровнем проявлений ПТСР значительно выше ($p = 0,024$) в сравнении с группой участников боевых действий со средним уровнем выраженности проявлений ПТСР. При этом большее количество группирующих событий в обеих группах относятся к настоящему (рис. 3).

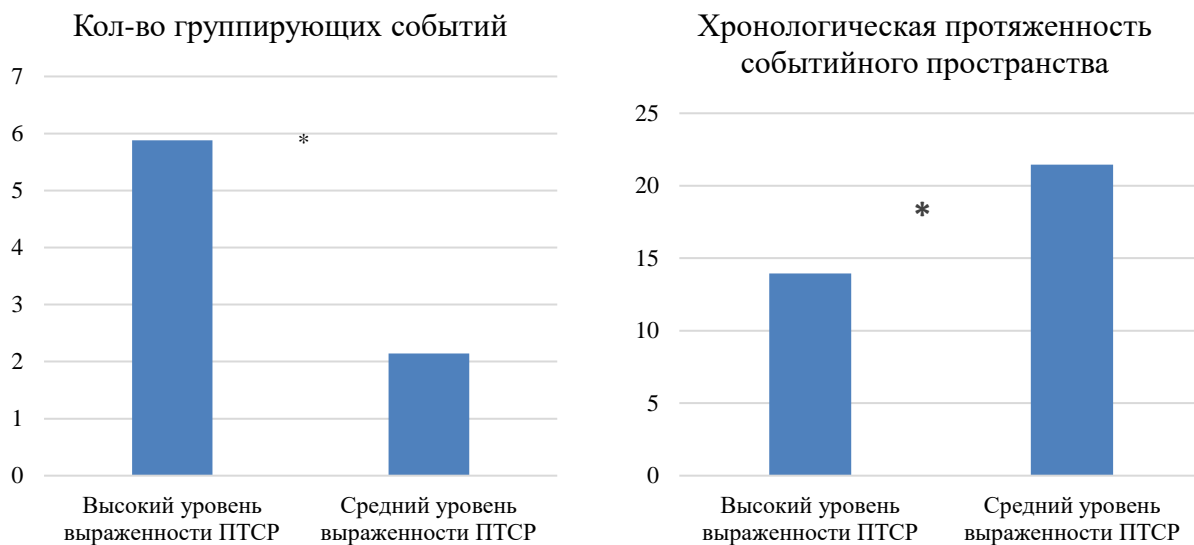

Рис. 3. Показатели количества группирующих событий и хронологической протяженности событийного пространства участников боевых действий с разным уровнем проявлений ПТСР

Полученные данные свидетельствуют о высокой степени актуальности группирующих событий и подтверждает их психотравмирующий характер.

Оценка хронологической протяженности событийного пространства участников боевых действий указывает на то, что при высоком уровне выраженности проявлений ПТСР хронологическая протяженность событийного пространства значительно меньше, чем при среднем уровне выраженности проявлений ПТСР ($p = 0,034$) (рис. 3). Участники боевых действий с проявлениями ПТСР в структуру событийного пространства включают события, охватывающие временной интервал средней протяженностью от 13 до 20 лет, что существенно меньше их хронологического возраста. Полученные результаты свидетельствуют о том, что существенная часть событий выпадает из смыслового содержания, не актуализируется и не является существенной. Участники боевых действий вне зависимости от уровня выраженности проявлений ПТСР не актуализируют события детства (отсутствуют события, связанные с детскими воспоминаниями, праздниками, памятным подарками, поездками и путешествиями и т. д.). При семантическом означивании участники боевых действий с высоким уровнем выраженности проявлений ПТСР используют обезличенные существительные и глаголы (с преобладанием последних) для называния (обозначения) событий временной перспективы. При среднем уровне выраженности проявлений ПТСР диапазон используемых лингвосемантических единиц для смыслового означивания событий временной перспективы существенно

шире, однако общий уровень семантического означивания все равно остается низким (что проявляется в низкой частоте использования существительных в сочетании с другими частями речи для семантического означивания событий временной перспективы).

При оценке вектора событийной направленности выявлено преобладание позитивных событий над негативными вне зависимости от уровня выраженности проявлений ПТСР в структуре событийного пространства (рис. 4).

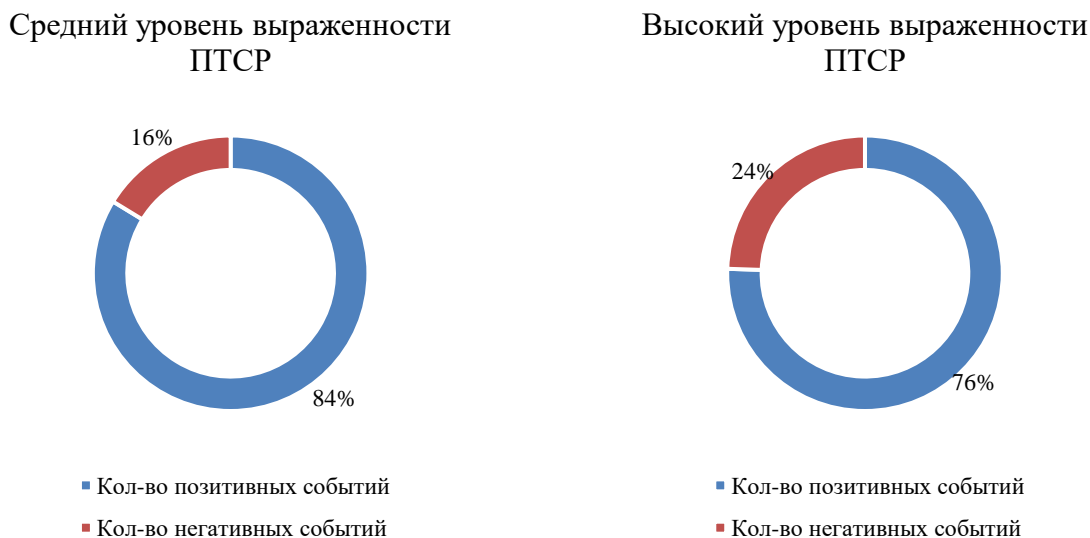

Рис. 4. Долевое распределение вектора событийной направленности участников боевых действий с разным уровнем проявлений ПТСР

Таким образом, в большинстве своем системообразующие события не оцениваются как негативные, несмотря на их психотравмирующее содержание. На уровне лингвосемантического анализа достоверно установлено снижение смысловой наполненности образов событий временной перспективы участников боевых действий с проявлениями ПТСР (вне зависимости от уровня выраженности проявлений ПТСР). Снижение смысловой наполненности проявляется в построении лингвистической композиции семантического означивания событий с преобладанием прилагательных (в группе участников боевых действий со средним уровнем выраженности проявлений ПТСР) и глаголов/отглагольных форм (в группе участников боевых действий с высоким уровнем выраженности проявлений ПТСР).

Решая задачу оценки дополнительных факторов структурной организации событийного пространства участников боевых действий с проявлениями ПТСР — тревоги, депрессии и склонности к суицидальным реакциям, — статистически значимые различия выявлены только по уровню тревоги (рис. 5).

В группе участников боевых действий с высоким уровнем выраженности проявлений ПТСР уровень тревоги значимо выше ($p = 0,024$) в сравнении с участниками боевых действий со средним уровнем проявлений ПТСР. На уровне статистической тенденции уровень депрессии также выше при высоком уровне выраженности проявлений ПТСР. Учитывая обратный характер шкалы, при оценке склонности к суицидальным реакциям выявлена аналогичная тенденция: выраженность склонности к суицидальным реакциям выше в группе участников боевых действий с высоким уровнем выраженности проявлений ПТСР. Таким

образом, на фоне высоких показателей тревоги и депрессии склонность к суицидальным реакциям у участников боевых действий характеризуется высокой вероятностью возникновения на фоне длительной психической травматизации и при реактивных состояниях психики.

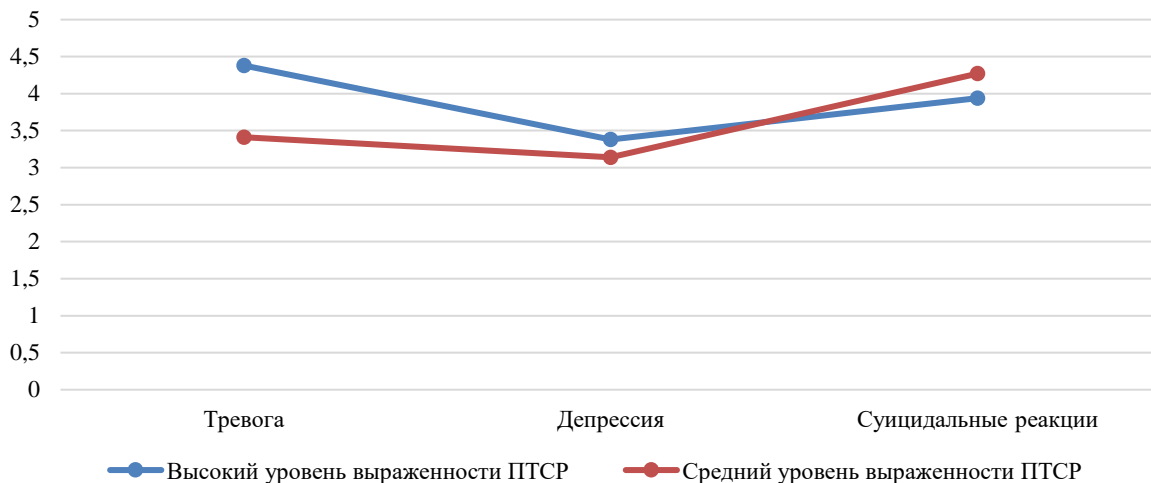

Рис. 5. Показатели тревоги, депрессии, суицидального риска у участников боевых действий с разным уровнем проявлений ПТСР

По результатам корреляционного анализа показателей уровня тревоги, депрессии и склонности к суицидальным реакциям с параметрами событийного пространства у участников боевых действий по группам испытуемых с разным уровнем выраженности ПТСР, получены следующие результаты (рис. 6).

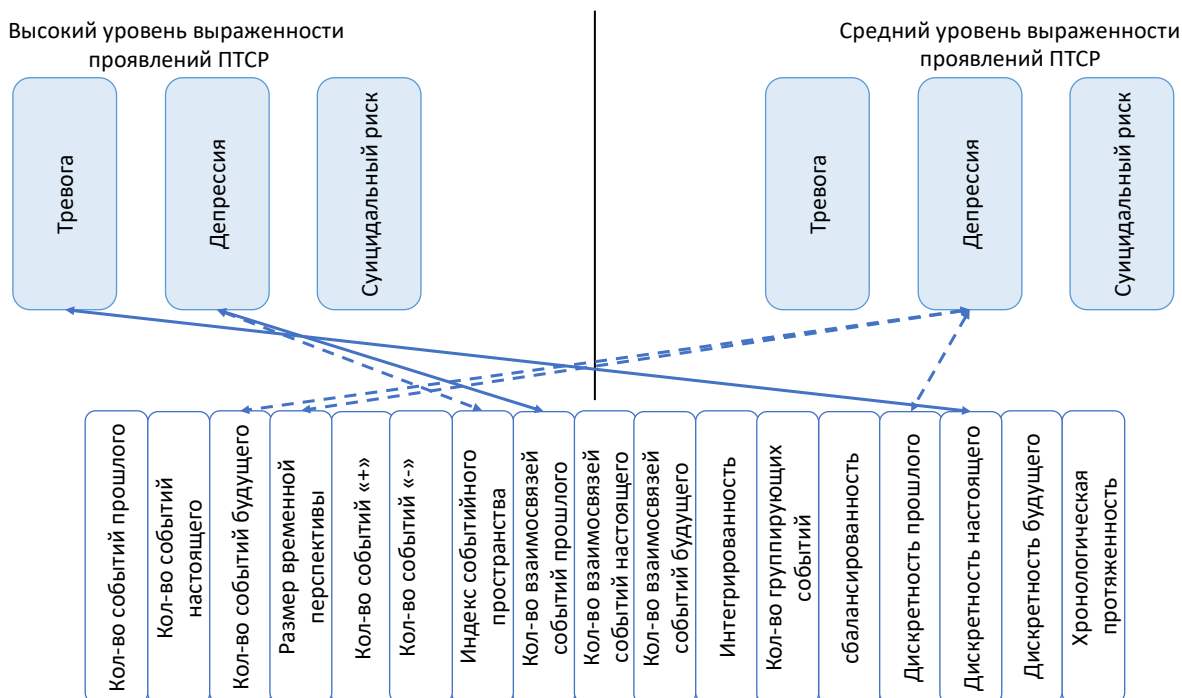

Рис. 6. Система взаимосвязей показателей тревоги, депрессии, суицидального риска и параметров событийного пространства участников боевых действий с разным уровнем проявлений ПТСР

В группе участников боевых действий с высоким уровнем выраженности проявлений ПТСР выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями тревоги и дискретностью настоящего ($r = 0,545$), а также выраженностью депрессии с количеством взаимосвязей событий прошлого ($r = 0,519$). Обратной пропорциональной статистически значимой взаимосвязью выявлена между показателем депрессии с индексом событийного пространства ($r = -0,594$), характеризующим отношение количества событий настоящего и будущего к количеству событий прошлого.

Участники боевых действий со средним уровнем выраженности проявлений ПТСР характеризуются обратными пропорциональными статистически значимыми взаимосвязями уровня депрессии с количеством событий будущего ($r = -0,528$), общим размером временной перспективы ($r = -0,584$), а также дискретностью прошлого ($r = -0,488$).

Обсуждение и выводы

В результате исследования структурной организации событийного пространства участников боевых действий с высоким уровнем выраженности проявлений ПТСР выявлено значимое сужение размеров настоящего и будущего, размера событийного пространства в целом, дезинтегрированность событийного пространства настоящего и будущего, а также снижение хронологической протяженности временной перспективы личности. При этом в данной группе испытуемых выявлены высокие показатели тревоги, депрессии и склонности к суицидальным реакциям. Полученные данные согласуются с результатами ранее проведенных исследований о том, что в качестве наиболее значимого фактора суицидального риска выступает тревога, обуславливающая возникновение чувства вины (Тарабрина, 2001, 2007). Чем выше выраженность тревоги и депрессии, тем выше дискретность настоящего и интегрированность событий прошлого, выступающих системообразующими и концентрирующими на себе максимальное количество взаимосвязей. Также при высоких показателях депрессии фиксируется низкий показатель индекса событийного пространства (как отношения количества событий настоящего и будущего к количеству событий прошлого).

При среднем уровне выраженности проявлений ПТСР в группе участников боевых действий структурная организация событийного пространства характеризуется снижением количества событий будущего и общего размера событийного пространства в целом, а также дискретностью прошлого, характеризующей среднее расстояние между событиями прошлого в хронологической протяженности. При этом, чем выше показатели выраженности проявлений ПТСР, тем сильнее выражены дезинтеграция событийного пространства, сужение его размеров, а также хронологическая протяженность.

Сопоставляя полученные в ходе проведенного исследования результаты с полученными ранее, можем констатировать их содержательную сопоставимость. О.С. Гурова (2004) в своем исследовании указывает на гедонистический стиль жизни участников военных действий, которые живут одним днем и ориентированы на удовлетворение насущных потребностей [9].

В качестве перспективы дальнейших исследований целесообразным является изучение мотивационной структуры временной перспективы участников боевых действий. Это позволит рассмотреть временную перспективу как функциональную репрезентацию мотивационных объектов (событий), формирующих содержание временной перспективы. Это позволит

более дифференцированно подходить к определению мишеней психокоррекционного воздействия.

В аспекте практической значимости полученные в результате исследования данные могут выступать в качестве основания для разработки программы психологического сопровождения участников боевых действий с проявлениями ПТСР. В качестве мишеней целесообразно рассматривать расширение и дифференциацию событийного пространства, а также реструктурирование системы межсобытийных взаимосвязей, что, в свою очередь, позволит снизить системообразующую роль травматических событий в опыте.

Литература

1. Авдентова В.Б. Изменение временной перспективы у взрослого человека в стрессовых ситуациях [Электронный ресурс] // *Universum: психология и образование*. 2023. № 1 (103). С. 20–23. doi:10.32743/UniPsy.2023.103.1.14838
2. Акимова А.Р. Сравнительный анализ стрессоустойчивости личностей различным типом саморегуляции во временной перспективе // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2017. Том 6. № 2А. С. 68–76.
3. Головаха Е.И. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 207 с.
4. Зудова Е.А. Взаимосвязь психологической травмы и временной перспективы личности // *Инновационная наука*. 2024. № 1-2. С. 181–186.
5. Никишина В.Б., Петраш Е.А. Структура событийного пространства личности на разных этапах возрастного развития // *Вопросы психологии*. 2017. № 3. С. 28–39.
6. Никишина В.Б., Петраш Е.А., Кузнецова А.А. Апробация методики событийной реконструкции временной перспективы личности // *Вопросы психологии*. 2015. № 2. С. 140–148.
7. Психология посттравматического стресса. Практическое руководство: В 2 ч. / Под ред. Н.В. Тарабриной. М., 2007.
8. Руденко С.В. Динамика временной перспективы в условиях нестабильной военно-политической ситуации // *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология*. 2023. № 1. С. 99–106.
9. Степаненко О.С. Жизненные перспективы участников локальных войн // *Психология XXI века: Тезисы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов 18-20 апреля 2002 года* / Под ред. В.Б. Чеснокова. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 89–91.
10. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001. 272 с.
11. Юнацкевич П. И. Основы психолого-педагогической диагностики и коррекции суицидального поведения. СПб: ВИКА им. Можайского, 1998. 160 с.
12. Яницкий М.С., Серый А.В., Балабащук Р.О. Хронотопические характеристики образа мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2022. Том 27. № 3 (90). С. 298–306. doi:10.24412/1999-6241-2022-390-298-306
13. Folstein M.F., Folstein S.E., McHugh P.R. “Mini-mental state”. A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician // *Journal of Psychiatric Research*. 1975. Vol. 12(3). P. 189–198. doi:10.1016/0022-3956(75)90026-6

14. Keane N.M., Caddell J.M., Taylor K.L. Mississippi Scale for Combat-Related Posttraumatic Stress Disorder: three studies in reliability and validity // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1988. Vol. 56(1). P. 85–90. doi:10.1037/0022-006x.56.1.85

References

1. Avdentova V.B. Izmenenie vremennoi perspektivy u vzroslogo cheloveka v stressovykh situatsiyakh [Problem of transformation of the time perspective in an adult in a stressful situation] [Elektronnyi resurs]. *Universum: psikhologiya i obrazovanie = Universum: Psychology and Education*, 2023, no. 1 (103), pp. 20–23. doi:10.32743/UniPsy.2023.103.1.14838 (In Russ.).
2. Akimova A.R. Sravnitel'nyi analiz stressoustoichivosti lichnostis razlichnym tipom samoregulyatsii vo vremennoi perspective [Comparative analysis of stress resistance personality and self-regulation in individuals with different perceptions of time perspective]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2017. Vol. 6, no. 2A, pp. 68–76. (In Russ.).
3. Golovakha E.I. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti*. Kiev: Naukova dumka, 1984. 207 p. (In Russ.).
4. Zudova E.A. Vzaimosvyaz' psikhologicheskoi travmy i vremennoi perspektivy lichnosti. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*, 2024, no. 1-2, pp. 181–186. (In Russ.).
5. Nikishina V.B., Petrash E.A. Struktura sobytiinogo prostranstva lichnosti na raznykh etapakh voznrastnogo razvitiya [Structure of a personal space of events in different developmental stages]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 2017, no. 3, pp. 28–39. (In Russ.).
6. Nikishina V.B., Petrash E.A., Kuznetsova A.A. Aprobatsiya metodiki sobytiinnoi rekonstruktsii vremennoi perspektivy lichnosti. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 2015, no. 2, pp. 140–148. (In Russ.).
7. Tarabrina N.V. (Ed.). *Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa. Prakticheskoe rukovodstvo: V 2 ch.* Moscow, 2007. (In Russ.).
8. Rudenko S.V. Dinamika vremennoi perspektivy v usloviyakh nestabil'noi voenno-politicheskoi situatsii [Dynamics of time perspective in unstable military and political situation]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya = Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, 2023, no. 1, pp. 99–106. (In Russ.).
9. Stepanenko O.S. Zhiznennye perspektivy uchastnikov lokal'nykh voyn. In Chesnokov V.B. (Ed.). *Psikhologiya XXI veka: Tezisy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i aspirantov 18-20 aprelya 2002 goda*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002, pp. 89–91. (In Russ.).
10. Tarabrina N.V. *Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa*. Saint Petersburg: Piter, 2001. 272 p. (In Russ.).
11. Yunatskevich P. I. *Osnovy psikhologo-pedagogicheskoi diagnostiki i korreksii suitsidal'nogo povedeniya*. SPb: VIKА im. Mozhaiskogo Publ., 1998. 160 p. (In Russ.).
12. Yanitsky M.S., Seriy A.V., Balabashchuk R.O. Khronotopicheskie kharakteristiki obraza mira osuzhdennykh, nakhodyashchikhsya v mestakh lisheniya svobody [Chronotopic Characteristics of the Representation of the World among Convicts in Penitentiary Facilities] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2022. Vol. 27, no. 3 (90), pp. 298–306. doi:10.24412/1999-6241-2022-390-298-306 (In Russ.).

Никишина В.Б., Петраш Е.А., Юнина-Пакулова Н.Ю.
Структурная организация событийного
пространства временной перспективы
личности у участников боевых действий
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 161–173

Nikishina V.B., Petrash E.A., Yunina-Pakulova N.Yu.
The Structural Organization of the Event
Space of the Time Perspective
of the Personality of the Combatants
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 161–173

13. Folstein M.F., Folstein S.E., McHugh P.R. “Mini-mental state”. A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician. *Journal of Psychiatric Research*, 1975. Vol. 12, no. 3, pp. 189–198. doi:10.1016/0022-3956(75)90026-6

14. Keane N.M., Caddell J.M., Taylor K.L. Mississippi Scale for Combat-Related Posttraumatic Stress Disorder: three studies in reliability and validity. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1988. Vol. 56, no. 1, pp. 85–90. doi:10.1037/0022-006x.56.1.85

Информация об авторах

Никишина Вера Борисовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая, кафедра клинической психологии, директор, Институт клинической психологии и социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (ФГАОУ ВО «РНИМУ им. Н.И. Пирогова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2421-3652>, e-mail: vbnikishina@mail.ru

Петраш Екатерина Анатольевна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической психологии, заместитель директора, Институт клинической психологии и социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (ФГАОУ ВО «РНИМУ им. Н.И. Пирогова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3177-088X>, e-mail: petrash@mail.ru

Юнина-Пакулова Наталья Юрьевна, ассистент, кафедра клинической психологии, заместитель директора, Институт клинической психологии и социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (ФГАОУ ВО «РНИМУ им. Н.И. Пирогова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6386-7469>, e-mail: oststudio@yandex.ru

Information about the authors

Vera B. Nikishina, Doctor of Psychology, Professor, Head, Department of Clinical Psychology, Director, Institute of Clinical Psychology and Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2421-3652>, e-mail: vbnikishina@mail.ru

Ekaterina A. Petrash, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Clinical Psychology, Deputy Director, Institute of Clinical Psychology and Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3177-088X>, e-mail: petrash@mail.ru

Nataliya Yu. Yunina-Pakulova, Assistant, Department of Clinical Psychology, Deputy Director, Institute of Clinical Psychology and Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6386-7469>, e-mail: oststudio@yandex.ru

Получена 21.05.2024
Принята в печать 21.07.2024

Received 21.05.2024
Accepted 21.07.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Жестокое обращение с собаками-компаньонами и их проблемное поведение: как зоопсихолог поможет юристу?

Фомина А.С.

Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4374-9244>, e-mail: a_bogun@mail.ru

Анисимов А.П.

Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>, e-mail: anisimovap@mail.ru

Волков И.К.

Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5265-3367>, e-mail: igor.volkov@list.ru

Буркова В.Н.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>, e-mail: burkovav@gmail.com

Крикунова А.А.

Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5475-5056>, e-mail: akrikunova@donstu.ru

Абакумова И.В.

Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2202-2588>, e-mail: abakira@mail.ru

Ермаков А.М.

Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9834-3989>, e-mail: amermakov@ya.ru

В аналитическом обзоре сформулировано научное обоснование возможности использования показателей тревожного поведения собак-компаньонов как признаков жестокого обращения. На основании анализа публикаций, представленных в международных базах данных (Elibrary, Pubmed, Science Direct, Google Academy и Scopus), определены подходы к классификации и интерпретации жестокого обращения с собаками-

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

компаньонами, на основании которых разработана соответствующая законодательная база. В качестве методологической основы, возможной к использованию в РФ, рассматриваются концепция «Пяти свобод» и концепция «Пяти доменов», позволяющие анализировать вклад различных сфер жизни (питание, состояние здоровья, окружающая среда) в поведенческие и психологические аспекты благополучия собак. Сформулированы поведенческие признаки, являющиеся показателями снижения уровня благополучия собак и доступные для выявления как ветеринарными врачами, так и специалистами других сфер. К ним в первую очередь отнесены показатели повышенного уровня тревожности. Наличие данных признаков может расцениваться как предиктор снижения качества жизни, проявления агрессивного поведения, дезадаптации, что приведет к отказу владельца от животного, помещению в приют или эвтаназии.

Ключевые слова: жестокое обращение, собака-компаньон, концепция «Пяти свобод», концепция «Пяти доменов», тревожность, проблемное поведение, качество жизни.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01561, <https://rscf.ru/project/24-28-01561/>

Для цитаты: Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н., Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М. Жестокое обращение с собаками-компаньонами и их проблемное поведение: как зоопсихолог поможет юристу? [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195. DOI:10.17759/psylaw.2024140314

Mistreatment and Behavior of Pet Dogs: How Will a Zoopsychologist Help a Lawyer?

Anna S. Fomina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4374-9244>, e-mail: a_bogun@mail.ru

Alexey P. Anisimov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>, e-mail: anisimovap@mail.ru

Igor K. Volkov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5265-3367>, e-mail: igor.volkov@list.ru

Valentina N. Burkova

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>, e-mail: burkovav@gmail.com

Anastasia A. Krikunova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5475-5056>, e-mail: akrikunova@donstu.ru

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

Irina V. Abakumova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2202-2588>, e-mail: abakira@mail.ru

Alexey M. Ermakov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9834-3989>, e-mail: amermakov@ya.ru

The analytical review formulates a scientific justification for the possibility of using indicators of the disturbing behavior of companion dogs as signs of abuse. Based on the analysis of publications presented in international databases (Elibrary, Pubmed, Science Direct, Google Academy and Scopus), approaches to the classification and interpretation of cruelty to companion dogs have been identified, on the basis of which an appropriate legislative framework has been developed. As a methodological basis that can be used in the Russian Federation, the concept of Five Freedoms and the concept of Five Domains are considered, which make it possible to analyze the contribution of various spheres of life (nutrition, health, environment) to the behavioral and psychological aspects of dog welfare. Behavioral signs are formulated that are indicators of a decrease in the level of well-being of dogs, and are available for detection by both veterinarians and specialists in other fields. These include, first of all, indicators of an increased level of anxiety. The presence of these signs can be regarded as a predictor of a decrease in the quality of life, manifestations of aggressive behavior, maladaptation, which will lead to the owner's rejection of the animal, placement in a shelter or euthanasia.

Keywords: mistreatment, pet dogs, Five freedoms, Five domains, anxiety, behavior, quality of life.

Funding: the reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 24-28-01561, <https://rscf.ru/project/24-28-01561/>

For citation: Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N., Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M. Mistreatment and Behavior of Pet Dogs: How Will a Zoopsychologist Help a Lawyer? *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195. DOI:10.17759/psylaw.2024140314 (In Russ.).

Введение

Концепция «Единое здоровье» — это всемирная стратегия, в рамках которой общественное здоровье связывается со здоровьем животных и окружающей средой. Подчеркивается взаимосвязь между благополучием человека и животных, а также важность междисциплинарного сотрудничества для решения проблем в области глобального здравоохранения. Комитет «Единое здоровье» Всемирной ветеринарной ассоциации мелких животных (WSAVA) в качестве важнейших аспектов общественного благополучия определяет взаимодействие человека и собак-компаньонов, обеспечение должного уровня ветеринарной помощи, ухода и иных аспектов взаимоотношений [44]. Изучение благосостояния животных позволяет выявить проблемные области, в которых необходимо вмешательство [42].

Отношение в обществе к благополучию животных и проблемному поведению используется при формировании мнения о приемлемости ряда процедур (отлов, эвтаназия и т. д) [42].

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

Благополучие животных описывает состояние в текущий момент и рассматривается как индивидуальный жизненный опыт, зависящий от физического здоровья, возможности проявлять видотипичное поведение и эмоции [21; 42]. Отсюда благополучие подразумевает создание условий жизни, позволяющих сохранять должный уровень здоровья и возможности удовлетворения потребностей — физических и поведенческих — с учетом характеристик конкретного животного [50].

Концепция «Единое благополучие» как развитие концепции «Единого здоровья» отражает необходимость построения взаимоотношений человека и животных, выбора способов взаимодействия для обеспечения их благополучия [36]. Поскольку человек и собаки обитают в одной социальной и физической среде, необходимо учитывать ее двунаправленное влияние [36]. Тревожное поведение — наряду с агрессивным — не просто снижает уровень благополучия, но может привести к отказу владельца от собаки, ее попаданию в приют или эвтаназии. Увеличение численности городского населения, рост числа домашних питомцев, отсутствие жестких требований к содержанию в условиях агломераций являются факторами, снижающими уровень благополучия собак [51].

В связи с этим целью настоящего обзора является обобщение современных методологических подходов к определению жестокого обращения с собаками-компаньонами и выбор на их основе поведенческих маркеров снижения уровня благополучия.

Анализ литературы проводился для источников, опубликованных в период с 2000 по 2024 гг. Анализируемые источники отбирались из научной рецензируемой литературы, представленной в базах данных Elibrary, Pubmed, Science Direct, Google Academy и Scopus. Отбирались полнотекстовые научные статьи и краткие сообщения, опубликованные на русском и английском языках. Ключевые слова для отбора определялись на основании наиболее часто применяемых научных терминов в разработках, известных авторам настоящей статьи. Включение статей в анализ проводилось на основании экспертизы не менее двух авторов статьи.

Ключевые направления исследований жестокого обращения с животными в Российской Федерации

При анализе публикаций, представленных в российской научной литературе, были выявлены 4 направления, связанные с оценкой благополучия животных.

1. Обеспечение благополучия продуктивных животных на производствах для повышения показателей продуктивности.

Данному вопросу посвящено наибольшее количество статей. Во многих статьях концепция «Пяти свобод» является основополагающей, поскольку позволяет оценить вероятность снижения уровня комфорта животных, риска возникновения технологического стресса. Применение предлагаемого подхода для анализа последствий жестокого обращения с собаками затруднительно, поэтому его обобщение и анализ не приводится.

2. Благополучие животных при содержании в неволе.

Данные исследования базируются на формировании этограмм поведения животных и оценке уровня благополучия на основании результатов визуального наблюдения. В качестве маркеров учитывается местонахождение животных в вольере, зависимость двигательной активности от количества посетителей [6], бюджет времени, социальные взаимодействия и другие аспекты поведения [5]. Данный подход может применяться и к собакам-компаньонам.

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

В качестве примера можно привести подход к применению концепции «Пяти свобод» при зоопарковом содержании животных [13], ключевыми аспектами которого является поддержание физического и психического состояния, максимально естественная и обогащенная среда обитания. Большое внимание уделяется факторам стресса, способам его идентификации и коррекции. Предлагается три направления в обеспечении благополучия: возможность реализации инстинктивного поведения, обеспечение предсказуемости окружающей среды, оптимальная контролируемость и прогнозируемость ситуации.

3. Правовые аспекты отношения к животным.

Данный пласт исследований представлен большим количеством публикаций, в которых производится анализ европейских законодательных актов и зарубежного опыта [1; 2; 10; 14—15]. Ключевыми концепциями являются Всемирная декларация прав животных (1977 г.) [1; 2; 15] и Европейская конвенция по защите домашних животных [15], согласно которой причинение животному страданий и оставление без владельца являются противоправными действиями.

В соответствии с пунктом 5 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ о жестоком обращении с животным можно говорить, что если обращение привело к ухудшению состояния здоровья и/или гибели (в том числе в результате длительного голодания, жажды, избиений и т. д.), а также ввиду неоказания своевременной помощи и нарушения требований содержания. Типы жестокого обращения анализируются без учета психоэмоционального состояния животных [4; 12]. Закон определяет причинно-следственную связь между фактом жестокого обращения и снижением уровня физического здоровья [12].

В российском правовом поле данному вопросу уделяется значительно меньше внимания в сравнении с европейскими странами [15]. Согласно ст. 137 Гражданского кодекса РФ, к животным применяются общие правила об имуществе; вследствие этого факт жестокого обращения расценивается как нанесение материального ущерба. В результате юридические процедуры о защите животных направлены не на обеспечение их благополучия, а на снижение материального ущерба для владельцев [1; 2]. Нормативные акты базируются на факте нанесения физических повреждений, серьезных болевых ощущений, последствий для состояния здоровья.

Становится очевидной необходимость отдельного рассмотрения животных-компаньонов в качестве объекта жестокого обращения. Для примера подобного рассмотрения приводится статья 387 УК Португалии, в которой устанавливается ответственность за причинение страданий или смерти именно животным-компаньонам [1]. Сформулировано мнение [1; 2; 15] о необходимости отказа от отношения к животным как к материальным объектам. Оценка последствий жестокого обращения должна носить универсальный характер независимо от количества пострадавших животных [12]. Признается необходимым разработка критериев для оценки ущерба при выявлении жестокого обращения с животным и подготовки доказательной базы [7].

4. Роль ветеринарной медицины в оценке жестокого обращения с собаками.

Связь ветеринарной медицины и зоопсихологии создала возможность сформулировать поведенческие критерии стресса у собак [3; 4; 9]. Для служебных собак к таковым отнесены изменения положения тела и хвоста, напряженность губ и вокализации [9], а для домашних — вокализации, деструктивное и пассивное поведение, агрессия, отсутствие аппетита [3].

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

Ветеринарными врачами используется в качестве маркеров стресса частота дыхательных движений и пульса [8].

Таким образом, ключевое направление данной статьи — поиск поведенческих маркеров жестокого обращения с собаками-компаньонами — в отечественной литературе не представлено. Возможность применения концепции «Пяти свобод» для собак также не раскрыта. В то же время рост количества публикаций, посвященных благополучию животных и увеличение внимания к проблемам психологического состояния собак в диаде «владелец—питомец» [4; 11 и др.] подтверждает актуальность этой темы для российской науки.

Взаимосвязь «человек—питомец» и Единое благополучие

Поскольку хронический стресс у собак приводит к снижению уровня их благополучия и сокращению продолжительности жизни, это приобретает особую важность при анализе фактов жестокого с ними обращения. Тенденции взаимодействия «человек—собака» связаны с резким увеличением затрат времени, энергии и денег на животных, что одновременно является одним из главных факторов нарушения поведения. Большинство владельцев считают, что собаки могут удовлетворить их психологические потребности [28; 29]. Домашние животные оказывают положительное воздействие на людей, сталкивающихся с серьезными проблемами: необходимостью реабилитации после заболеваний, одиночеством, социальным неприятием и др. («эффект домашнего животного») [28; 29; 53]. Такой подход учитывает ценность питомца и фокусируется на благополучии владельца. Вопрос последствий для собак остается невыясненным. Это определено рядом причин:

1. сложностью оценки психологических последствий взаимодействия;
2. недостаточной информированностью владельцев о специфике поведения животных в ответ на действие стресса;
3. ограниченностью привлечения экспертов из области ветеринарии для оценки таких последствий.

Насилие в отношении животных и межличностное насилие взаимосвязаны, поскольку они, как правило, происходят в одних и тех же домохозяйствах [19]. Само по себе жестокое обращение с собаками может быть одним из первых симптомов расстройства поведения. При этом домашнее животное может быть единственным источником привязанности или утешения для подвергнувшегося насилию человека [25]. Это имеет двойное негативное последствие для собак — стресс от насилия, направленного на него, и стресс от насилия в отношении владельца.

Жестокое обращение с собаками и зарубежная судебная практика

В Российской Федерации правовое регулирование защиты таких животных, как собаки, осуществляется в первую очередь, Федеральным законом «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 N 498-ФЗ. Однако его введение не позволило решить проблему жестокого обращения с животными. В судебной практике в Российской Федерации в качестве доказательства факта жестокого обращения с собаками оцениваются физические повреждения и клинические заключения ветеринарных экспертов о нанесении травм и ухудшении здоровья, тогда как эмоциональный ущерб не учитывается ввиду отсутствия четких измеримых критериев (за исключением явных признаков боли) [32].

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

Законодательство о защите животных как механизм регулирования поведения человека базируется на признании возможности и морально-этической значимости того, что животные могут испытывать как физический, так и психологический дискомфорт [43; 50]. Соответствующая судебная практика уже имеется в Венгрии, Словакии, Гонконге, Австралии, Великобритании и основывается на проблемном поведении как признаке и последствиях снижения уровня благополучия.

В зарубежной судебной практике применяются научные основы понимания благополучия, основанные на ряде концепций. Концепция «биологического функционирования» опирается на понятие жестокого обращения с животными, имеющего физиологические последствия [32]. На примере Гонконга [54] выделено 4 вида жестокого обращения с собаками:

1. нанесение телесных повреждений; в 30% случаев животные погибали;
2. пассивное пренебрежение: оставление собак в неподходящих помещениях, без корма и воды, недостаточный уход. В 27% случаев животные погибали;
3. коммерческая эксплуатация — использование собак для разведения без контроля за состоянием здоровья, соблюдения требований к вязкам и т.д.;
4. накопительство — содержание большого количества собак без удовлетворения потребностей в питании, санитарных условиях, территории и ветеринарной помощи.

Пассивное пренебрежение и жестокость по отношению к животным расцениваются как важные проблемы социума, с которыми наиболее часто сталкиваются собаки [48]. На основании судебной практики в Квинсленде (Австралия) Законом об уходе и защите животных 2001 года (АСРА) выделяется два правонарушения: неисполнение обязанностей по уходу и намеренное жестокое обращение. Неисполнение обязанностей по уходу заключается в отсутствии в свободном доступе необходимого количества пищи и воды, недостатке двигательной активности, доступа к ветеринарной помощи и неподходящие условия жизни. В случае если неисполнение обязанностей носит преднамеренный характер, оно может быть переклассифицировано в преднамеренное жестокое обращение, что повлечет более серьезное наказание [48]. Подобные взаимоотношения между человеком и собакой определены как «дисфункциональная диада». Это подтверждает мнение о неправильных условиях содержания как разновидности жестокого обращения ввиду увеличения риска получения собакой травм различной этиологии [20; 46].

Сформированная на примере Гонконга стратегия борьбы с жестоким обращением основывается на определении наиболее уязвимых видов и групп животных, обстоятельств причинения вреда, его типе, количестве пострадавших животных, необходимости в медицинской помощи и характеристик владельцев. От 24% до 52% собак погибают от несчастных причин [16; 17]: травмирования тупым предметом, огнестрельных ранений, асфиксии, теплового удара и голодания [16; 17; 45]. Для взрослых собак фиксируются отравления, оставление в автомобиле в жаркую погоду, отсутствие двигательной активности, а для щенков — физические наказания, отсутствие ветеринарной помощи, перенаселение и плохие условия содержания [48; 54]. Высокая частота случаев жестокого обращения именно с собаками связывается с их тесным контактом с человеком и зависимостью от него, спецификой поведения (агрессия является провоцирующим фактором) и характеристиками биологического вида [17].

Это требует пристального внимания со стороны ветеринарных служб (распознавание несчастных травм) и органов власти. Приводятся данные о прецеденте расследования собачьих боев с участием питбулей в Майрипоре (Бразилия) [24]. Данный случай был квалифици-

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

рован ветеринарными судебными медиками как пример крайне низкого благополучия собак, поскольку, помимо травмирования, животные подвергались хроническому стрессу, пренебрежительному обращению и риску передачи зоонозных инфекций и инвазий. В сходном исследовании факт жестокого обращения с собаками с нанесением серьезных травм также был подтвержден ветеринарной судебно-медицинской экспертизой и стал основанием для судебного разбирательства [18].

Ключевой идеей практики, проводимой в Канаде с 2014 г., является наличие прецедентов обвинительных приговоров за жестокое обращение с собаками, заключения о которых были вынесены на основании поведенческих признаков без явного физического вреда и признаков ухудшения здоровья. Приводятся данные о регистрации в Канаде в период 2014—2018 гг. 32 случаев, в которых было признано причинение собакам страданий, повлекших нарушения поведения и психологический ущерб [32]. Во всех случаях на основании поведения владельцев и собак был сделан вывод о нанесении серьезного психологического ущерба (в результате шлепков, ударов или дерганья поводком, оставления в одиночестве, грубых окриков и т. д.) без причинения вреда здоровью. Поэтому необходимо учитывать не только физические и клинические последствия жестокого обращения, но и последствия для психологического состояния, отражающиеся в поведенческих показателях.

Серьезной проблемой является низкая осведомленность общества о критериях и подходах, принятых в определении благополучия животных. На примере исследования [30] была выявлена низкая осведомленность владельцев собак о необходимости соблюдения обязанностей, закрепленных рядом нормативных актов. К таковым отнесены уборка фекалий в общественных местах, получение разрешений, уплата штрафов, использование идентификационных знаков, поводков и намордников, требуемый уровень ухода за животным, запрет на купирование хвостов и т. д. Владельцы собак лучше знали те обязанности, несоблюдение которых приводило к негативным для них последствиям (штрафы, конфискация животных, обязательное использование намордника и поводка), в сравнении с обязанностями, приводящими к снижению уровня благополучия.

Отсюда определяется необходимость увеличения вклада экспертов в области ветеринарии и зоопсихологии при разработке законодательства о жестоком обращении с животными, разборе подобных случаев в судебном порядке и определении мер пресечения и возможных последствий [34; 75].

Две концепции для оценки благополучия животных: на какую стоит опираться

Современная тенденция в области анализа благополучия животных заключается в переходе от рассмотрения потенциального вреда в контексте физиологических функций к оценке вклада психологических переживаний как фактора снижения уровня здоровья и потенциального риска [32; 33; 41; 50]. Уход от оценки неблагополучия как снижения уровня физических негативных переживаний (жажда, голод и боль) при отсутствии положительного подкрепления, состояния тревожности, скуки как реакции на низкий уровень обогащения внешней среды позволяет более полно понимать реальный уровень благополучия собак [27; 33].

В современной зоопсихологии общепризнанным является факт корреляции физического и психоэмоционального благополучия животных — как домашних, так и диких. Поведенческие показатели могут и должны использоваться для оценки состояния собак. Важным является переход от групповых сравнений к индивидуальным, требующим надежных технологий и методов сравнительной оценки поведения [42]. Основные принципы измерения благополу-

чия требуют учета показателей физиологических функций, возможности проявлять естественное видотипичное поведение и выражать эмоции [26]. В ситуации, при которой благополучие собак оценивается как достижение приемлемого уровня физического состояния, отсутствие боли и обеспечение биологических потребностей, признаки тревожности и дистресса могут расцениваться как ожидаемые и естественные, тогда как в действительности они являются показателями снижения качества жизни [41; 49].

Концепция «Пяти свобод» животных изначально разрабатывалась для оценки уровня благополучия продуктивных животных. Ее задачей является анализ определенной физиологической потребности, привлечение внимания к ней и ее удовлетворение. Ключевую роль играет свобода от физического дискомфорта и возможность выбора действий, позволяющих обеспечить необходимое качество жизни. Основными негативными факторами стали голод, жажда, боль, получение травм и увечий, заболевания, невозможность проявлять видотипичное поведение, страх и стресс [42].

С этой позиции концепция «Пяти свобод» рассматривается как перечень необходимых действий для снижения негативных последствий (условий содержания, ограничения подвижности и т. д.). Ее использование позволяет не исключить, а минимизировать негативные аспекты содержания, поскольку данные факторы не могут быть полностью устранены [39].

Пересмотр концепции «Пяти свобод» стал следствием накопления доказательств того, что психологическое состояние животных действительно является отражением уровня их благополучия. Это стало результатом тесного взаимодействия экспертов в области ветеринарии, медицины, зоопсихологии, поведенческих наук и создало возможность учета психоэмоционального состояния и жизненного опыта животных [27; 33].

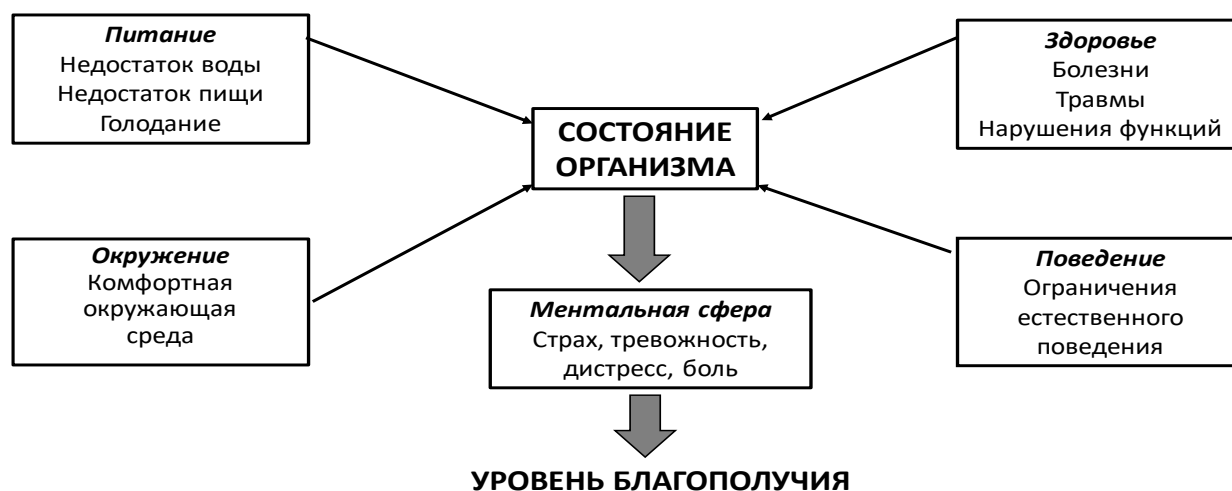

Рис. 1. Схематичное изображение разделов концепции «Пяти доменов» (по [21; 32; 33], с изменениями)

Возникшая на основе концепции «Пяти свобод» концепция «Пяти доменов» (рис. 1) в настоящее время расценивается как ведущая для собак, поскольку позволяет учитывать поведение и психологическое состояние и спрогнозировать последствия для обучения и развития. Концепция учитывает важность удовлетворения потребностей в питании, сохранении здоровья, подходящих условий среды обитания (что роднит ее с концепцией «Пяти свобод»), а также вклад поведенческих признаков, личного опыта и психологического состояния собак.

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

Особенностью концепции «Пяти доменов» являются минимизация негативного опыта и акцент на приобретении позитивного [38].

Спецификой концепции является признание взаимосвязей физических ощущений и психологических переживаний [33; 38]. Стала очевидной недостаточность стремления только к хорошему физическому состоянию животных, комфортности среды обитания [33], поскольку ухудшение психоэмоционального состояния всегда будет признаком снижения благополучия даже при отсутствии физического ущерба. Отсюда концепция «Пяти свобод» рассматривается как перечень действий для устранения влияния травмирующих факторов, а концепция «Пяти доменов» — как основа оценки психологического состояния животных [52].

Применение концепций «Пяти свобод» и «Пяти доменов» для выявления последствий жестокого обращения с собаками-компаньонами

Анализ концепций подтверждает необходимость учета психологического ущерба, нанесенного животному в ситуации жестокого обращения. Ситуация осложняется отсутствием регламентированных методов и объективных маркеров оценивания психологического состояния собаки. Это приводит к тому, что в настоящее время при анализе ситуации жестокого обращения психологические проявления, не связанные с длительными болевыми ощущениями, физическими повреждениями и ухудшением здоровья, могут исключаться из доказательной базы [32].

В качестве объективных способов оценки потенциального ущерба, нанесенного психологическому состоянию собак, предлагаются прикладной и количественный поведенческий анализ. Применение данных подходов позволяет проанализировать виды и частоту встречаемости определенных поведенческих признаков, коррелирующих с состоянием острого и хронического стресса, адаптивности и приспособляемости к ситуации [42].

Использование методов анализа поведенческих проявлений психологического состояния собак с опорой на жизненный опыт, обогащение внешней среды и коммуникации с владельцем позволит сформировать устойчивый уровень благополучия животных [21]. Оптимальным является одновременное применение концепции «Пяти свобод» для оценки текущей ситуации и концепции «Пяти доменов» как способа анализа психологического состояния животных и прогнозирования последствия жестокого обращения. Для собак, ввиду формирования совершенно определенного типа социальных взаимодействий с человеком, основной должна стать концепция «Пяти доменов». Существенным недостатком концепции «Пяти свобод» является оценка ситуации в текущий момент времени, без возможности выявления причины неблагополучия. Другим недочетом является невозможность учета психологического состояния собак, стресса, дистресса и их последствий, а также проявлений на уровне поведения [52].

На основании анализа литературного материала, а также концепции «Пяти доменов» сформирован перечень поведенческих признаков, потенциально являющихся отражением стресса, дистресса и общего неблагополучия. В исследовании [37] показано, что у собак, пострадавших от жестокого обращения, выявляется очень высокий уровень возбудимости, частоты проявления агрессивного и боязливое поведения по отношению к незнакомым людям и собакам, активные вокализации, гиперактивность, нарушения привязанности и стереотипное поведение. Повышенная тревожность характеризуется деструктивным и апатичным по-

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

ведением, вокализациями, мочеиспусканием и дефекациями вне положенных мест, избыточным уходом за шерстью, попытками побега, дрожью, гиперсаливацией [47].

С учетом концепции «Пяти доменов» определены показатели, используемые в качестве маркеров неблагополучия животных, не связанного с нанесением прямого ущерба здоровью [39]. Определение подобных маркеров связано с разделением переживаний животных на внутренние, связанные с физическим состоянием организма, и внешние, связанные с окружающей средой и происходящими событиями [32; 39]. Для формирования мнения о благополучии необходимо опираться на косвенные маркеры и проявления психологического состояния [38].

К внутренним переживаниям относятся состояния, связанные с самочувствием: одышка, жажда, голод, боль, тошнота, головокружение, и т. д. Внутренние переживания связаны с проявлением определенных моделей поведения, обеспечивающих удовлетворение физических потребностей. Данные факторы соотносятся с положениями концепции «Пяти свобод» и направлены на выживание организма [32; 39]. Внешние состояния включают тревогу, страх, панику, разочарование, гнев, беспомощность, одиночество, скуку и депрессию. Причины их возникновения связаны с окружающей средой, ситуациями и обстоятельствами, воспринимаемыми собакой как потенциально опасные, стесненные, нерешаемые и т. д. [32; 39].

На основании такого подхода в качестве потенциальных поведенческих маркеров неблагополучного состояния собак предлагается учет длительности активного и пассивного бодрствования (длительность состояния и уровень активности), длительность и тип вокализаций, тип поведения и особенности внешнего вида [32; 39; 40]. Для грамотного учета наносимого ущерба необходимо учитывать проявление поведения (агрессивная или пассивная оборонительная реакция, вокализации, мочеиспускание/дефекации вне положенных мест, попытки сбежать и т. д.), индивидуальный опыт и наличие травмирующих ситуаций в прошлом [32]. При этом необходимо оценить источник переживаний (внешние обстоятельства, состояние здоровья, предыдущий опыт), эмоциональную окраску переживаний (положительную или отрицательную) и само воздействие [33].

Физиологическая обоснованность показателей будет являться доказательной базой. Большая часть признаков является отражением активации симпато-адренало-медуллярной и гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковых систем [31]. Их появление коррелирует с резким снижением у собак способности к обучению и проявлению рабочих качеств, становясь предиктором тревожного поведения и состояния дистресса [35]. Ввиду коморбидности тревожности и агрессии длительное жестокое обращение может привести к непредсказуемому поведению, негативной реакции на контакт с новыми людьми и ситуациями, что является причиной для отказа от собак [23]. Кроме того, по мере взросления собак поведенческие последствия жестокого обращения сложнее поддаются коррекции [22; 55].

Заключение

Таким образом, учет поведенческих и психологических характеристик собак, пострадавших от жестокого обращения, является важнейшим шагом к прогнозированию немедленных и отсроченных последствий [37]. В Российской Федерации развитие ситуации с определением жестокого обращения с животными не теряет актуальности. И если касательно нанесения ущерба состоянию здоровья собак в России существуют как законодательная база, так и критерии проведения ветеринарной экспертизы, то снижение уровня благополучия вследствие психоэмоциональных травм находится вне зоны внимания. Это связано с отсутствием еди-

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

ной концепции анализа и оценки ущерба, опыта применения маркеров стресса и дистресса для определения факта жестокого обращения, не повлекшего нанесение травм и увечий.

В связи с вышеизложенным для обеспечения должного законодательного регулирования благополучия домашних собак необходимо соблюдение ряда важных условий.

- Внесение в законодательную базу РФ нормативных актов, позволяющих регулировать уровень благополучия животных с учетом потенциального ущерба их психоэмоциональному состоянию.
- Своевременное и полное информирование владельцев о признаках психологического неблагополучия собак, связанного с жестоким обращением, снижением уровня здоровья и благополучия.
- Увеличение роли практикующих ветеринарных врачей как экспертов при определении ущерба благополучию животных с учетом ущерба для психологического состояния.
- Представление необходимой информации о мерах обеспечения благополучия животных-компаньонов.
- Информирование владельцев животных о психологических последствиях, которые выявляются у собак вследствие неправильного и/или жестокого обращения.

Статистические данные необходимы для информирования общественности о том, какие поправки следует внести в закон для эффективной борьбы с жестоким обращением с животными [54]. Выявление факторов риска для животных в условиях города, связанных с влиянием человеческого фактора, будет способствовать формированию объективной оценки уровня благополучия, устранения негативных факторов и обеспечения требуемого качества жизни как питомцев, так и владельцев [51].

Литература

1. Афанасьева Е.Г., Афанасьева Е.А. Животные — объекты или субъекты права? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2019. № 2. С. 107–116.
2. Анисимов А.П. О некоторых философских и правовых аргументах в пользу новой концепции прав животных // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3 (224). С. 122–127.
3. Балакина Е.Е., Ксенофонтова А.А. Проблема стресса у домашних собак и способы его диагностики // Неделя студенческой науки: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 25 апреля 2023 года. М.: Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К.И. Скрябина», 2023. С. 396–398.
4. Бутова А.А. Асоциальные собаки: социализация и снижение влияния стресс-факторов при ветеринарных манипуляциях [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины имени Н.Э. Баумана. 2021. Том 247. № 3. С. 27–33. doi:10.31588/2413-4201-1883-247-3-27-33
5. Гурьянов С.И., Ксенофонтова А.А., Маловичко Л.В., Булгаков Е.А. К вопросу о применении индекса поведенческого разнообразия в оценке уровня благополучия животных // Неделя студенческой науки: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической кон-

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

ференции, Москва, 25 апреля 2023 года. М.: Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К.И. Скрябина», 2023. С. 531–533.

6. Денисова Е.В., Веселова Н.А. Оценка эффекта посетителей зоопарка на примере снежного барса *Uncia uncia* (Schreber, 1775) // Охрана биоразнообразия и экологические проблемы природопользования: Сборник статей III Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Пенза, 24–25 мая 2022 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 45–49.

7. Конин В.В., Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Некоторые вопросы методики расследования и предмета доказывания жестокого обращения с животными // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38). С. 37–44.

8. Курятова Е.В., Тюкавкина О.Н., Пискунов А.С. Терапия хронического эмоционального стресса собак [Электронный ресурс] // Дальневосточный аграрный вестник. 2022. Том 16. № 3. С. 59–67. doi: 10.22450/199996837_2022_3_59

9. Лазаренко Л.В. Этологические реакции у собак при стрессе // Актуальные вопросы кинологии: Сборник материалов II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Барнаул, 23–24 мая 2023 года. Барнаул: Алтайский государственный аграрный университет, 2023. С. 102–104.

10. Орлова Ю.М. Институт защиты животных в законодательстве ЕС и в практике Суда ЕС [Электронный ресурс] // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 12-1. С. 277–285. doi:10.34670/AR.2024.82.35.032

11. Погорелова В.А. Влияние стресс-факторов на собак: основные аспекты, последствия и восприятие владельцами // Научная консолидация 223: Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 31 мая 2023 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. С. 109–117.

12. Семенов К.П. Жестокое обращение с животными в контексте Федерального Закона об ответственном обращении с животными. Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы // Сборник материалов II научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 09 апреля 2019 года / Под науч. ред. Н.А. Крайновой. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. С. 420–425.

13. Солодовникова О.Г., Шахмурова Г.А., Плетнев М.Ю. Принцип «пяти свобод» в контексте исследований благополучия животных в условиях зоопаркового содержания // Современные проблемы зоологии, паразитологии и гидробиологии: Материалы IX научной конференции с международным участием, посвященной 125-летию со дня рождения профессора И.И. Барабаш-Никифорова (Воронеж, 6 декабря 2019 года) / Под ред. С.П. Гапонова. Воронеж, 2019. С. 98–103.

14. Чернова Е.А., Богатырева В.И. Правовое положение животных в мире и Российской Федерации // Будущее науки: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: Сборник научных статей 2-й Всероссийской молодежной научной конференции, Курск, 30 мая 2024 года: В 3 т. Т. 2. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 145–147.

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

15. Яременко Н.Е., Майоров А.В. Перспективы российского законодательства в области противодействия жестокому обращению с животными // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3 (10). С. 72–77.
16. Aleksic Radojkovic J., Nesic V., Ilic Bozovic A., Davitkov D., Djuric M., Krstic V., Davitkov D. Cruelty toward Dogs and Cats in the Republic of Serbia during a 10-Year Period // *Animals (Basel)*. 2024. Vol. 14(13). doi:10.3390/ani14131926
17. Araújo D., Lima C., Mesquita J.R., Amorim I., Ochôa C. Characterization of Suspected Crimes against Companion Animals in Portugal // *Animals (Basel)*. 2021. Vol. 11(9). doi:10.3390/ani11092744
18. Bartelink E.J., Clinkinbeard S., Spessard C., Kilmartin A., Spangler W.L. Documenting non-accidental injury patterns in a dog abuse investigation: A collaborative approach between forensic anthropology and veterinary pathology // *Journal of Forensic Science*. 2022. Vol. 67(2). P. 756–765. doi:10.1111/1556-4029.14948
19. Beirne P. From animal abuse to interhuman violence? A critical review of the progression thesis // *Society and Animals*. 2004. Vol. 12(1). P. 39–65. doi:10.1163/156853004323029531
20. Canejo-Teixeira R., Neto I., Baptista L.V., Niza M.M.R.E. Identification of dysfunctional human-dog dyads through dog ownership histories // *Open Veterinary Journal*. 2019. Vol. 9(2). P. 140–146. doi:10.4314/ovj.v9i2.8
21. Cobb M.L., Otto C.M., Fine A.H. The animal welfare science of working dogs: current perspectives on recent advances and future directions // *Frontiers in Veterinary Science*. 2021. Vol. 8. doi:10.3389/fvets.2021.666898
22. Dietz L., Arnold A.-M.K., Goerlich-Jansson V.C., Vinke C.M. The importance of early life experiences for the development of behavioural disorders in domestic dogs // *Behaviour*. 2018. Vol. 155(2). P. 83–114. doi:10.1163/1568539X-00003486
23. Edwards P.T., Hazel S.J., Browne M., Serpell J.A., McArthur M.L., Smith B.P. Fearful Fido: Investigating dog experience in the veterinary context in an effort to reduce distress // *Applied Animal Behaviour Science*. 2019. Vol. 213. P. 14–25. doi:10.1016/j.applanim.2019.02.009
24. Espejo E., Galante A., Tremori T.M., Kmetiuk L.B., Laiola M.A., Biondo A.W., Maiorka P. Case report: First criminal conviction of dog fighting in Brazil: an international network organization // *Frontiers in Veterinary Science*. 2023. Vol 10. doi:10.3389/fvets.2023.1327436
25. Flynn C.P. Why family professionals can no longer ignore violence toward animals // *Family Relations*. 2000. Vol. 49(1). P. 87–95. doi:10.1111/j.1741-3729.2000.00087.x
26. Glanville C., Ford J., Cook R., Coleman G.J. Community Attitudes Reflect Reporting Rates and Prevalence of Animal Mistreatment // *Frontiers in Veterinary Science*. 2021. Vol. 8. doi:10.3389/fvets.2021.666727
27. Green T.C., Mellor D.J. Extending ideas about animal welfare assessment to include ‘quality of life’ and related concepts // *New Zealand Veterinary Journal*. 2011. Vol. 59(6). P. 263–271. doi:10.1080/00480169.2011.610283
28. Herzog H.H. The impact of pets on human health and psychological well-being: Fact, fiction, or hypothesis? // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20(4). P. 236–239. doi:10.1177/096372141141415
29. Kanat-Maymon Y., Antebi A., Zilcha-Mano S. Basic psychological need fulfillment in human—pet relationships and well-being // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 92. P. 69–73. doi:10.1016/j.paid.2015.12.025

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

30. Keogh L., Hanlon A., Kelly A., Devitt C., Messam L. Self-reported awareness of the legal status of eight responsibilities of dog owners in Ireland: are dog owners different from non-dog owners? // *Irish Veterinary Journal*. 2022. Vol. 75(1). doi:10.1186/s13620-021-00208-z
31. Konok V., Kosztolányi A., Rainer W., Mutschler B., Halsband U., Miklósi Á. Influence of owners' attachment style and personality on their dogs' (Canis familiaris) separation-related disorder // *PLoS One*. 2015. Vol. 10(2). doi:10.1371/journal.pone.0118375
32. Ledger R.A., Mellor D.J. Forensic Use of the Five Domains Model for Assessing Suffering in Cases of Animal Cruelty // *Animals (Basel)*. 2018. Vol. 8(7). doi:10.3390/ani8070101
33. Littlewood K.E., Beausoleil N.J. Two Domains to Five: Advancing Veterinary Duty of Care to Fulfil Public Expectations of Animal Welfare Expertise // *Animals (Basel)*. 2021. Vol. 11(12). doi:10.3390/ani11123504
34. Lockwood R., Arkow P.P. Animal Abuse and Interpersonal Violence: The Cruelty Connection and Its Implications for Veterinary Pathology // *Veterinary Pathology*. 2016. Vol. 53(5). doi:10.1177/0300985815626575
35. MacLean E.L., Hare B. Enhanced Selection of Assistance and Explosive Detection Dogs - Using Cognitive Measures // *Frontiers in Veterinary Science*. 2018. Vol. 5. doi:10.3389/fvets.2018.00236
36. McDowall S., Hazel S.J., Chittleborough C., Hamilton-Bruce A., Stuckey R., Howell T.J. The Impact of the Social Determinants of Human Health on Companion Animal Welfare // *Animals (Basel)*. 2023. Vol. 13(6). doi:10.3390/ani13061113
37. McMillan F.D., Duffy D.L., Zawistowski S.L., Serpell J.A. Behavioral and psychological characteristics of canine victims of abuse // *Journal of Applied Animal Welfare Science*. 2015. Vol. 18(1). P. 92–111. doi:10.1080/10888705.2014.962230
38. Mellor D.J. Moving beyond the “Five Freedoms” by Updating the “Five Provisions” and Introducing Aligned “Animal Welfare Aims” // *Animals (Basel)*. 2016. Vol. 6(10). doi:10.3390/ani6100059
39. Mellor D.J. Updating animal welfare thinking: Moving beyond the “Five Freedoms” towards “A Life Worth Living” // *Animals (Basel)*. 2016. Vol. 6(3). doi:10.3390/ani6030021
40. Mellor D.J., Beausoleil N.J., Littlewood K.E., McLean A.N., McGreevy P.P.D., Jones B., Wilkins C. The 2020 Five Domains model: including human-animal interactions in assessments of animal welfare // *Animals (Basel)*. 2020. Vol. 10(10). doi:10.3390/ani10101870
41. Miller S.L., Serpell J.A., Dalton K.R., Waite K.B., Morris D.O., Redding L.E., Dreschel N.A., Davis M.F. The Importance of Evaluating Positive Welfare Characteristics and Temperament in Working Therapy Dogs // *Frontiers in Veterinary Science*. 2022. Vol. 9. doi:10.3389/fvets.2022.844252
42. Novack L.I., Schnell-Peskin L., Feuerbacher E., Fernandez E.J. The science and social validity of companion animal welfare: functionally defined parameters in a multidisciplinary field // *Animals (Basel)*. 2023. Vol. 13(11). doi:10.3390/ani13111850
43. Ohl F., Staay van der F.J. Animal welfare: at the interface between science and society // *The Veterinary Journal*. 2012. Vol. 192(1). P. 13–19. doi:10.1016/j.tvjl.2011.05.019
44. Overgaauw P.P.A.M., Vinke C.M., Hagen M.A.E.V., Lipman L.J.A. A One Health perspective on the human-companion animal relationship with emphasis on zoonotic aspects // *International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH)*. 2020. Vol. 17(11). doi:10.3390/ijerph17113789

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

45. *Rebollada-Merino A., Bárcena C., Mayoral-Alegre F.J., García-Real I., Domínguez L., Rodríguez-Bertos A.* Forensic cases of suspected dog and cat abuse in the Community of Madrid (Spain), 2014-2019 // *Forensic Science International*. 2020. Vol. 316. doi:10.1016/j.forsciint.2020.110522
46. *Rohlf V.I., Bennett P.P.C., Toukhsati S., Coleman G.* Why do even committed dog owners fail to comply with some responsible ownership practices? // *Anthrozoos*. 2010. Vol. 23(2). P. 143–155. doi:10.2752/175303710x12682332909972
47. *Sargisson R.J.* Canine separation anxiety: strategies for treatment and management // *Veterinary Medicine: Research and Reports*. 2014. Vol. 5. P. 143–151. doi:10.2147/VMRR.S60424
48. *Shih H.Y., Paterson M.B.A., Phillips C.J.C.* A Retrospective analysis of complaints to RSPCA Queensland, Australia, about dog welfare // *Animals (Basel)*. 2019. Vol. 9(5). doi:10.3390/ani9050282
49. *Squair C., Proudfoot K., Montelpare W., Overall K.L.* Effects of Changing Veterinary Handling Techniques on Canine Behaviour and Physiology Part 1: Physiological Measurements // *Animals (Basel)*. 2023. Vol. 13(7). doi:10.3390/ani13071253
50. *Takáčová D., Skurková L., Mesarčová L., Lešková L., Kottferová L., Pačková A., Vajányi D., Kottferová J.* Dog Tethering in Slovakia: Legal, Ethical and Behavioral Aspects and Dog Welfare Implications // *Animals (Basel)*. 2021. Vol. 11(3). doi:10.3390/ani11030594
51. *Voith V.L.* The impact of companion animal problems on society and the role of veterinarians // *Veterinary Clinics of North America Small Animal Practice*. 2009. Vol. 39(2). P. 327–345. doi:10.1016/j.cvsm.2008.10.014
52. *Webster J.* Animal Welfare: Freedoms, Dominions and “A Life Worth Living” // *Animals (Basel)*. 2016. Vol. 6(6). doi:10.3390/ani6060035
53. *Wells D.L.* The state of research on human—animal relations: Implications for human health // *Anthrozoos*. 2019. Vol. 32(2). P. 169–181. doi:10.1080/08927936.2019.1569902
54. *Whitfort A., Woodhouse F., Ho S., Chun M.A.* Retrospective analysis of typologies of animal abuse recorded by the SPCA, Hong Kong // *Animals (Basel)*. 2021. Vol. 11(6). doi:10.3390/ani11061830
55. *Yu Y., Wilson B., Masters S., Rooy van D., McGreevy P.P.D.* Mortality resulting from undesirable behaviours in dogs aged three years and under attending primary-care veterinary practices in Australia // *Animals (Basel)*. 2021. Vol. 11(2). doi:10.3390/ani11020493

References

1. Afanas'eva E.G., Afanas'eva E.A. Zhivotnye — ob'ekty ili sub'ekty prava? Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: *Gosudarstvo i parvo = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2019, no. 2, pp. 107–116. (In Russ.).
2. Anisimov A.P. O nekotorykh filosofskikh i pravovykh argumentakh v pol'zu novoi kontseptsii prav zhivotnykh [On some philosophical and legal arguments in favor of new concept of animals]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin. Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 2016, no. 3 (224), pp. 122–127. (In Russ.).
3. Balakina E.E., Ksenofontova A.A. Problema stressa u domashnikh sobak i sposoby ego diagnostiki. *Nedelya studencheskoi nauki: Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 25 aprelya 2023 goda*. Moscow: Ministerstvo sel'skogo kho-

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

zuyaistva Rossiiskoi Federatsii; Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Moskovskaya gosudarstvennaya akademiya veterinarnoi meditsiny i biotekhnologii — MVA imeni K.I. Skryabina" Publ., 2023, pp. 396–398. (In Russ.).

4. Butova A.A. Asotsial'nye sobaki: sotsializatsiya i snizhenie vliyaniya stress-faktorov pri veterinarnykh manipulyatsiyakh [Antisocial dogs: socialization and reduction of the influence of stress factors during veterinary manipulations] [Elektronnyi resurs]. *Uchenye zapiski Kazanskoi gosudarstvennoi akademii veterinarnoi meditsiny imeni N.E. Bauman* = *Scientific Notes Kazan Bauman State Academy of Veterinary Medicine*, 2021. Vol. 247, no. 3, pp. 27–33. doi:10.31588/2413-4201-1883-247-3-27-33 (In Russ.).

5. Guryanov S.I., Ksenofontova A.A., Malovichko L.V., Bulgakov E.A. K voprosu o primeneni indeksovedencheskogo raznoobraziya v otsenke urovnya blagopoluchiya zhivotnykh. *Nedelya studencheskoi nauki: Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 25 aprelya 2023 goda*. Moscow: Ministerstvo sel'skogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii; Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Moskovskaya gosudarstvennaya akademiya veterinarnoi meditsiny i biotekhnologii — MVA imeni K.I. Skryabina" Publ., 2023, pp. 531–533. (In Russ.).

6. Denisova E.V., Veselova N.A. Otsenka efekta posetitelei zooparka na primere snezhnogo barsa *Uncia uncia* (Schreber, 1775) [Evaluation of the zoo visitors effect on the example of the snow leopard *Uncia uncia* (Schreber, 1775)]. *Okhrana bioraznobraziya i ekologicheskie problemy prirodopol'zovaniya: Sbornik statei III Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 24–25 maya 2022 goda*. Penza: Penzenskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2022, pp. 45–49. (In Russ.).

7. Konin V.V., Korsakov K.A., Sidorenko E.V. Nekotorye voprosy metodiki rassledovaniya i predmeta dokazyvaniya zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi [Some questions of the investigation methodology and the subject of proving animal cruelty]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2023, no. 2 (38), pp. 37–44. (In Russ.).

8. Kuryatova E.V., Tyukavkina O.N., Piskunov A.S. Terapiya khronicheskogo emotsional'nogo stressa sobak [Chronic emotional stress therapy in dogs] [Elektronnyi resurs]. *Dal'nevostochnyi agrarnyi vestnik* = *Far Eastern Agrarian Bulletin*, 2022. Vol. 16, no. 3, pp. 59–67. doi:10.22450/199996837_2022_3_59 (In Russ.).

9. Lazarenko L.V. Etologicheskie reaktsii u sobak pri stresse [Ethological reactions in dogs under stress]. *Aktual'nye voprosy kinologii: Sbornik materialov II Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, Barnaul, 23–24 maya 2023 goda*. Barnaul: Altayskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2023, pp. 102–104. (In Russ.).

10. Orlova Yu.M. Institut zashchity zhivotnykh v zakonodatel'stve ES i v praktike Suda ES [Animal protection in the EU legislation and in the ECJ's jurisprudence] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* = *Matters of Russian and International Law*, 2023. Vol. 13, no. 12-1, pp. 277–285. doi:10.34670/AR.2024.82.35.032

11. Pogorelova V.A. Vliyanie stress-faktorov na sobak: osnovnye aspekty, posledstviya i vospriyatie vladel'tsami [The impact of stress factors on dogs: the main aspects, consequences and perception by owners]. *Nauchnaya konsolidatsiya 223: Sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Petrozavodsk, 31 maya 2023 goda*. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva "Novaya Nauka" Publ., 2023, pp. 109–117. (In Russ.).

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

12. Semenov K.P. Zhestokoe obrashchenie s zhitvnyimi v kontekste Federal'nogo Zakona ob otvetstvennom obrashchenii s zhitvnyimi. Pravo i sovremennaya ekonomika: novye vyzovy i perspektivy. In Krainova N.A. (Ed.). *Sbornik materialov II nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem yuridicheskogo fakul'teta SPbGEU, Sankt-Peterburg, 09 aprelya 2019 goda*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet Publ., 2019, pp. 420–425. (In Russ.).
13. Solodovnikova O.G., Shakhmurova G.A., Pletnyev M.Yu. Printsip “pyati svobod” v kontekste issledovanii blagopoluchiya zhitvnykh v usloviyakh zooparkovogo sodержaniya [The "five freedoms" principle in a context of animal welfare a zoo]. In Gaponov S.P. (Ed.). *Sovremennye problemy zoologii, parazitologii i gidrobiologii: Materialy IX nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya professora I.I. Barabash-Nikiforova (Voronezh, 6 dekabrya 2019 goda)*. Voronezh, 2019, pp. 98–103. (In Russ.).
14. Chernova E.A., Bogatyreva V.I. Pravovoe polozhenie zhitvnykh v mire i Rossiiskoi Federatsii. *Budushchee nauki: vzglyad molodykh uchenykh na innovatsionnoe razvitie obshchestva: Sbornik nauchnykh statei 2-i Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii, Kursk, 30 maya 2024 goda: V 3 t. T. 2*. Kursk: ZAO “Universitetskaya kniga”, 2024, pp. 145–147. (In Russ.).
15. Yaremenko N.E., Mayorov A.V. Perspektivy rossiiskogo zakonodatel'stva v oblasti protivodeistviya zhestokomu obrashcheniyu s zhitvnyimi [Prospects of russian legislation in the area of combating animal cruelty]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice*, 2016, no. 3 (10), pp. 72–77.
16. Aleksic Radojkovic J., Nestic V., Ilic Bozovic A., Davitkov D., Djuric M., Krstic V., Davitkov D. Cruelty toward Dogs and Cats in the Republic of Serbia during a 10-Year Period. *Animals (Basel)*, 2024. Vol. 14, no. 13. doi:10.3390/ani14131926
17. Araújo D., Lima C., Mesquita J.R., Amorim I., Ochôa C. Characterization of Suspected Crimes against Companion Animals in Portugal. *Animals (Basel)*, 2021. Vol. 11, no. 9. doi:10.3390/ani11092744
18. Bartelink E.J., Clinkinbeard S., Spessard C., Kilmartin A., Spangler W.L. Documenting non-accidental injury patterns in a dog abuse investigation: A collaborative approach between forensic anthropology and veterinary pathology. *Journal of Forensic Science*, 2022. Vol. 67, no. 2, pp. 756–765. doi:10.1111/1556-4029.14948
19. Beirne P. From animal abuse to interhuman violence? A critical review of the progression thesis. *Society and Animals*, 2004. Vol. 12, no. 1, pp. 39–65. doi:10.1163/156853004323029531
20. Canejo-Teixeira R., Neto I., Baptista L.V., Niza M.M.R.E. Identification of dysfunctional human-dog dyads through dog ownership histories. *Open Veterinary Journal*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 140–146. doi:10.4314/ovj.v9i2.8
21. Cobb M.L., Otto C.M., Fine A.H. The animal welfare science of working dogs: current perspectives on recent advances and future directions. *Frontiers in Veterinary Science*, 2021. Vol. 8. doi:10.3389/fvets.2021.666898
22. Dietz L., Arnold A.-M.K., Goerlich-Jansson V.C., Vinke C.M. The importance of early life experiences for the development of behavioural disorders in domestic dogs. *Behaviour*, 2018. Vol. 155, no. 2, pp. 83–114. doi:10.1163/1568539X-00003486
23. Edwards P.T., Hazel S.J, Browne M., Serpell J.A., McArthur M.L., Smith B.P. Fearful Fido: Investigating dog experience in the veterinary context in an effort to reduce distress. *Applied Animal Behaviour Science*, 2019. Vol. 213, pp. 14–25. doi:10.1016/j.applanim.2019.02.009

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

24. Espejo E., Galante A., Tremori T.M., Kmetiuk L.B., Laiola M.A., Biondo A.W., Maiorka P. Case report: First criminal conviction of dog fighting in Brazil: an international network organization. *Frontiers in Veterinary Science*, 2023. Vol 10. doi:10.3389/fvets.2023.1327436
25. Flynn C.P. Why family professionals can no longer ignore violence toward animals. *Family Relations*, 2000. Vol. 49, no. 1, pp. 87–95. doi:10.1111/j.1741-3729.2000.00087.x
26. Glanville C., Ford J., Cook R., Coleman G.J. Community Attitudes Reflect Reporting Rates and Prevalence of Animal Mistreatment. *Frontiers in Veterinary Science*, 2021. Vol. 8. doi:10.3389/fvets.2021.666727
27. Green T.C., Mellor D.J. Extending ideas about animal welfare assessment to include ‘quality of life’ and related concepts. *New Zealand Veterinary Journal*, 2011. Vol. 59, no. 6, pp. 263–271. doi:10.1080/00480169.2011.610283
28. Herzog H.H. The impact of pets on human health and psychological well-being: Fact, fiction, or hypothesis? *Current Directions in Psychological Science*, 2011. Vol. 20, no. 4, pp. 236–239. doi:10.1177/096372141141415
29. Kanat-Maymon Y., Antebi A., Zilcha-Mano S. Basic psychological need fulfillment in human—pet relationships and well-being. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 92, pp. 69–73. doi:10.1016/j.paid.2015.12.025
30. Keogh L., Hanlon A., Kelly A., Devitt C., Messam L. Self-reported awareness of the legal status of eight responsibilities of dog owners in Ireland: are dog owners different from non-dog owners? *Irish Veterinary Journal*, 2022. Vol. 75, no. 1. doi:10.1186/s13620-021-00208-z
31. Konok V., Kosztolányi A., Rainer W., Mutschler B., Halsband U., Miklósi Á. Influence of owners’ attachment style and personality on their dogs’ (*Canis familiaris*) separation-related disorder. *PLoS One*, 2015. Vol. 10, no. 2. doi:10.1371/journal.pone.0118375
32. Ledger R.A., Mellor D.J. Forensic Use of the Five Domains Model for Assessing Suffering in Cases of Animal Cruelty. *Animals (Basel)*, 2018. Vol. 8, no. 7. doi:10.3390/ani8070101
33. Littlewood K.E., Beausoleil N.J. Two Domains to Five: Advancing Veterinary Duty of Care to Fulfil Public Expectations of Animal Welfare Expertise. *Animals (Basel)*, 2021. Vol. 11, no. 12. doi:10.3390/ani11123504
34. Lockwood R., Arkow P.P. Animal Abuse and Interpersonal Violence: The Cruelty Connection and Its Implications for Veterinary Pathology. *Veterinary Pathology*, 2016. Vol. 53, no. 5. doi:10.1177/0300985815626575
35. MacLean E.L., Hare B. Enhanced Selection of Assistance and Explosive Detection Dogs - Using Cognitive Measures. *Frontiers in Veterinary Science*, 2018. Vol. 5. doi:10.3389/fvets.2018.00236
36. McDowall S., Hazel S.J., Chittleborough C., Hamilton-Bruce A., Stuckey R., Howell T.J. The Impact of the Social Determinants of Human Health on Companion Animal Welfare. *Animals (Basel)*, 2023. Vol. 13, no. 6. doi:10.3390/ani13061113
37. McMillan F.D., Duffy D.L., Zawistowski S.L., Serpell J.A. Behavioral and psychological characteristics of canine victims of abuse. *Journal of Applied Animal Welfare Science*, 2015. Vol. 18, no. 1, pp. 92–111. doi:10.1080/10888705.2014.962230
38. Mellor D.J. Moving beyond the “Five Freedoms” by Updating the “Five Provisions” and Introducing Aligned “Animal Welfare Aims”. *Animals (Basel)*, 2016. Vol. 6, no. 10. doi:10.3390/ani6100059

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

39. Mellor D.J. Updating animal welfare thinking: Moving beyond the “Five Freedoms” towards “A Life Worth Living”. *Animals (Basel)*, 2016. Vol. 6, no. 3. doi:10.3390/ani6030021
40. Mellor D.J., Beausoleil N.J., Littlewood K.E., McLean A.N., McGreevy P.P.D., Jones B., Wilkins C. The 2020 Five Domains model: including human-animal interactions in assessments of animal welfare. *Animals (Basel)*, 2020. Vol. 10, no. 10. doi:10.3390/ani10101870
41. Miller S.L., Serpell J.A., Dalton K.R., Waite K.B., Morris D.O., Redding L.E., Dreschel N.A., Davis M.F. The Importance of Evaluating Positive Welfare Characteristics and Temperament in Working Therapy Dogs. *Frontiers in Veterinary Science*, 2022. Vol. 9. doi:10.3389/fvets.2022.844252
42. Novack L.I., Schnell-Peskin L., Feuerbacher E., Fernandez E.J. The science and social validity of companion animal welfare: functionally defined parameters in a multidisciplinary field. *Animals (Basel)*, 2023. Vol. 13, no. 11. doi:10.3390/ani13111850
43. Ohl F., Staay van der F.J. Animal welfare: at the interface between science and society. *The Veterinary Journal*, 2012. Vol. 192, no. 1, pp. 13–19. doi:10.1016/j.tvjl.2011.05.019
44. Overgaauw P.P.A.M., Vinke C.M., Hagen M.A.E.V., Lipman L.J.A. A One Health perspective on the human-companion animal relationship with emphasis on zoonotic aspects. *International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH)*, 2020. Vol. 17, no. 11. doi:10.3390/ijerph17113789
45. Rebollada-Merino A., Bárcena C., Mayoral-Alegre F.J., García-Real I., Domínguez L., Rodríguez-Bertos A. Forensic cases of suspected dog and cat abuse in the Community of Madrid (Spain), 2014-2019. *Forensic Science International*, 2020. Vol. 316. doi:10.1016/j.forsciint.2020.110522
46. Rohlf V.I., Bennett P.P.C., Toukhsati S., Coleman G. Why do even committed dog owners fail to comply with some responsible ownership practices? *Anthrozoos*, 2010. Vol. 23, no. 2, pp. 143–155. doi:10.2752/175303710x12682332909972
47. Sargisson R.J. Canine separation anxiety: strategies for treatment and management. *Veterinary Medicine: Research and Reports*, 2014. Vol. 5, pp. 143–151. doi:10.2147/VMRR.S60424
48. Shih H.Y., Paterson M.B.A., Phillips C.J.C. A Retrospective analysis of complaints to RSPCA Queensland, Australia, about dog welfare. *Animals (Basel)*, 2019. Vol. 9, no. 5. doi:10.3390/ani9050282
49. Squair C., Proudfoot K., Montelpare W., Overall K.L. Effects of Changing Veterinary Handling Techniques on Canine Behaviour and Physiology Part 1: Physiological Measurements. *Animals (Basel)*, 2023. Vol. 13, no. 7. doi:10.3390/ani13071253
50. Takáčová D., Skurková L., Mesarčová L., Lešková L., Kottferová L., Pačková A., Vajányi D., Kottferová J. Dog Tethering in Slovakia: Legal, Ethical and Behavioral Aspects and Dog Welfare Implications. *Animals (Basel)*, 2021. Vol. 11, no. 3. doi:10.3390/ani11030594
51. Voith V.L. The impact of companion animal problems on society and the role of veterinarians. *Veterinary Clinics of North America Small Animal Practice*, 2009. Vol. 39, no. 2, pp. 327–345. doi:10.1016/j.cvsm.2008.10.014
52. Webster J. Animal Welfare: Freedoms, Dominions and “A Life Worth Living”. *Animals (Basel)*, 2016. Vol. 6, no. 6. doi:10.3390/ani6060035
53. Wells D.L. The state of research on human—animal relations: Implications for human health. *Anthrozoös*, 2019. Vol. 32, no. 2, pp. 169–181. DOI:10.1080/08927936.2019.1569902

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

54. Whitfort A., Woodhouse F., Ho S., Chun M.A. Retrospective analysis of typologies of animal abuse recorded by the SPCA, Hong Kong. *Animals (Basel)*, 2021. Vol. 11, no. 6. doi:10.3390/ani11061830

55. Yu Y., Wilson B., Masters S., Rooy van D., McGreevy P.P.D. Mortality resulting from undesirable behaviours in dogs aged three years and under attending primary-care veterinary practices in Australia. *Animals (Basel)*, 2021. Vol. 11, no. 2. doi:10.3390/ani11020493

Информация об авторах

Фомина Анна Сергеевна, кандидат биологических наук, доцент, кафедра «Биология и общая патология», Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4374-9244>, e-mail: a_bogun@mail.ru

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор, кафедра «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>, e-mail: anisimovap@mail.ru

Волков Игорь Константинович, кандидат юридических наук, доцент, кафедра «Гражданское право», Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5265-3367>, e-mail: ig-or.volkov@list.ru

Буркова Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр кросс-культурной психологии и этологии человека, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>, e-mail: burkovav@gmail.com

Крикунова Анастасия Анатольевна, ассистент, кафедра «Ветеринарная интернаттура», Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5475-5056>, e-mail: akrikunova@donstu.ru

Абакумова Ирина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, декан, факультет «Психология, педагогика и дефектология», Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2202-2588>, e-mail: abakira@mail.ru

Ермаков Алексей Михайлович, доктор биологических наук, профессор, декан, факультет «Биоинженерия и ветеринарная медицина», Донской государственный технический университет (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9834-3989>, e-mail: amermakov@ya.ru

Information about the authors

Anna S. Fomina, PhD. of Biology, Associate Professor, Department of Biology and General Pathology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4374-9244>, e-mail: a_bogun@mail.ru

Фомина А.С., Анисимов А.П., Волков И.К., Буркова В.Н.,
Крикунова А.А., Абакумова И.В., Ермаков А.М.
Жестокое обращение с собаками-компаньонами
и их проблемное поведение: как зоопсихолог
поможет юристу?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 174–195

Fomina A.S., Anisimov A.P., Volkov I.K., Burkova V.N.,
Krikunova A.A., Abakumova I.V., Ermakov A.M.
Mistreatment and Behavior of Pet Dogs:
How Will a Zoopsychologist
Help a Lawyer?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 174–195

Alexey P. Anisimov, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>, e-mail: anisimovap@mail.ru

Igor K. Volkov, PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5265-3367>, e-mail: igor.volkov@list.ru

Valentina N. Burkova, PhD in History, Senior Researcher, Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>, e-mail: burkovav@gmail.com

Anastasia A. Krikunova, Assistant Professor, Department of Veterinary Internship, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5475-5056>, e-mail: akrikunova@donstu.ru

Irina V. Abakumova, Doctor of Psychology, Professor, Dean, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2202-2588>, e-mail: abakira@mail.ru

Alexey M. Ermakov, Doctor of Biology, Professor, Dean, Faculty of Bioengineering and Veterinary Medicine, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9834-3989>, e-mail: amermakov@ya.ru

Получена 26.07.2024

Принята в печать 26.08.2024

Received 26.07.2024

Accepted 26.08.2024

Review of Foreign Studies of the Mechanisms of Mental Adaptation in Mentally Healthy People

Maria M. Pronicheva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Alexander A. Dubinsky

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Olga Yu. Rashevskaya

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2905-2173>, e-mail: olga_rashevskaya@bk.ru

The article presents an overview of modern foreign studies devoted to the study of adaptation mechanisms of mentally healthy people. The authors examine the relationship between mental health and physical illness, the role of social support in adaptation to stress and its impact on psychological well-being, as well as the impact of stressors on emotional regulation. A separate block of studies is devoted to the study of post-traumatic stress disorder as a manifestation of maladjustment in high-risk and life-threatening situations. It is shown that studies of the mechanisms of mental adaptation are necessary for the development of effective strategies for maintaining emotional stability and psychological well-being. The present study provides an idea of the vectors of foreign empirical studies over the past 7 years, the degree of development of the problem of adaptation mechanisms and coping with stress in high-risk and life-threatening situations.

Keywords: mechanisms of mental adaptation, stress response, regulation of behavior, high-risk situations, life-threatening situations, mental health.

For citation: Pronicheva M.M., Dubinsky A.A., Rashevskaya O.Yu. Review of Foreign Studies of the Mechanisms of Mental Adaptation in Mentally Healthy People. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 196–205. DOI:10.17759/psylaw.2024140315

Обзор зарубежных исследований механизмов психической адаптации у психически здоровых лиц

Проничева М.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Дубинский А.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Рашевская О.Ю.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2905-2173>, e-mail: olga_rashevskaya@bk.ru

Статья представляет обзор современных зарубежных исследований, посвященных изучению адаптационных механизмов психически здоровых людей. Авторами исследуется взаимосвязь между психическим здоровьем и физическими заболеваниями, роль социальной поддержки в адаптации к стрессу и ее влияние на психологическое благополучие, а также влияние стрессоров на эмоциональную регуляцию. Отдельный блок исследований посвящен изучению посттравматического стрессового расстройства как проявления дезадаптации в высокорисковых и жизнеугрожающих ситуациях. Показано, что изучение механизмов психической адаптации необходимо для разработки эффективных стратегий поддержания эмоциональной устойчивости и психологического благополучия. Настоящее исследование дает представление о векторах зарубежных эмпирических исследований за последние 7 лет, о степени разработанности проблемы механизмов адаптации и совладания со стрессом в высокорисковых и жизнеугрожающих ситуациях.

Ключевые слова: механизмы психической адаптации, стрессовая реакция, регуляция поведения, ситуации повышенного риска, жизнеугрожающие ситуации, психическое здоровье.

Для цитаты: Проничева М.М., Дубинский А.А., Рашевская О.Ю. Обзор зарубежных исследований механизмов психической адаптации у психически здоровых лиц [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 196–205. DOI:10.17759/psylaw.2024140315

Introduction

Socio-economic and technological progress confront a person with significant stresses that affect its physical and intellectual state [33]. In addition, priority areas for the development of healthcare are strengthening and preserving the mental health of people, improving the system of psychoprophylactic work in the context of an increase in the number man-made, biological and social threats.

According to World Health Organization (WHO), 22% of people who have survived war or other armed conflicts in the last 10 years develop mental disorders such as depression, anxiety disorder, post-traumatic stress disorder and bipolar disorder [25]. It emphasizes that mental health is an important aspect of full social and economic recovery after emergencies, both at the level of society and the country as a whole, and at the individual level.

The prevalence of mental disorders varies depending on the frequency of disasters and traumatic events. Thus, studies show that stressful environmental influences (epidemics, disasters) lead to a significant increase in the number of mental disorders. In particular, during the COVID-19 pandemic, the number of people seeking psychiatric help with complaints of anxiety and depressive symptoms has sharply increased. There was an increase in indicators of operational and organizational stress (88.4% and 87.2%, respectively), emotional burnout (10.9%) and a decrease in resilience (53.8%) among employees of internal affairs bodies and doctors. 24.6% had a high severity of socio-psychological maladjustment [3; 35].

Particular attention is paid to studying the consequences of occupational stress and maladjustment in representatives of dangerous professions. It has been established that in everyday conditions, maladaptive neuropsychic states are observed in 23% of employees of the Russian Ministry of Emergency Situations, and after eliminating complex fires – in 33% [1]. It has been shown that professional stress in representatives of dangerous professions has a negative impact on self-regulation processes, leading to a decrease in labor efficiency, loss of productivity and making wrong and risky decisions [2; 4].

Post-traumatic stress disorder (PTSD) is considered as one of the consequences of stressful effects on humans. It is noted that it is directly dependent on the intensity of stress and develops in 50-80% of people who have suffered severe stress. Foreign studies have shown that the prevalence of PTSD throughout the year remains at 4.8% [16].

Thus, most studies are aimed at studying the features of mental adaptation in representatives of dangerous professions and from the point of view of mental illnesses. However, taking into account the current situation and the growth of social tension and the tendency for life-threatening situations to increase, it seems important to review and analyze studies of the mechanisms of mental adaptation in mentally healthy people.

Methods and materials of the study

The search for foreign research materials was carried out in the Science Direct (www.sciencedirect.com), PubMed (<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/>), which include publications indexed in the Scopus and Web of Science databases. A search was conducted for articles published in English according to the following criteria: mechanisms of mental adaptation, stress response and regulation of behavior in high-risk and life-threatening situations in mentally healthy people. More than 5,000 sources were identified. Despite the large number of studies on this topic, there are very few modern works. Preference was given to empirical studies for the period from 2018 to 2024.

Results and discussion. Social adaptation and socio-psychological adaptation

The study of the process of social adaptation and morbidity is carried out within the framework of studies devoted to the analysis of the impact of life events and stress on health. Relevant studies are usually carried out using rating scales of social adaptation, named “life events questionnaires” [15]. However, research that began in the late 60s and continues until recently demonstrates that isolated events do not play a decisive role in the occurrence of the disease [12; 13]. Moreover, the score does not explicitly imply that the event is of equal importance to different people, e.g. its in-

dividual significance and the possibility of selective selection of recorded events, depending on the personal characteristics of the subject, are not taken into account.

An important direction in developing and deepening ideas about the role of life events and social adaptation in the genesis of neurotic and psychosomatic disorders has been their inclusion in the broad context of psychological and psychophysiological studies of humans. In accordance to the adaptation concept, the question of the similarities and differences of pathogenetically significant factors of neurotic and psychosomatic disorders can be presented as a question of the similarities and differences of factors underlying the development of clinically pronounced forms of violation of two interrelated aspects of mental adaptation: psychopathological phenomena that are in the nature of neuroses can be associated primarily with violations of mental adaptation itself, and psychosomatic disorders – with violations of primarily pathophysiological adaptation.

It can be assumed that personality characteristics can influence the subjective selection of recorded events, changing their individual significance, or, by determining the effectiveness of interpersonal interaction, they can increase or decrease the probability of the occurrence of certain events. Most likely, both mechanisms take place.

The concept of “socio-psychological adaptation” is defined as a complex process of interpersonal interaction in a certain social community with its group standards, value orientations and traditions, the convergence of activity goals and value orientations, the individual’s assimilation of the norms and traditions of the group, and entry into the role structure.

Research on the adaptability of college students suggests that stress and anxiety levels can impact students’ ability to learn effectively and adapt to new environments. It is important to develop regulation and self-regulation strategies to cope with high levels of stress and anxiety. It is noted that students’ adaptability plays an important role in improving the psychological model of quality education. At the same time, the psychological mechanism for the development of adaptability is discussed, which correlates with the years of study of students [27; 34; 36]. The aspect of cultural diversity in stress responses and individual differences in approaches to reducing perceived cultural incongruity are also noted when studying students’ adaptation [32]. The cultural aspect of mental adaptation is especially clearly shown in the example of expatriates [21].

Luxembourg scientists conducted a study aimed at studying learning and adaptation in older adults [33]. Their main conclusion is that there is a need for environmental support for aging in the form of assistive technology and supporting older people’s desire to learn new things.

Australian and Canadian scientists believe climate change is affecting mental health [14]. They believe that climate change has a serious impact on people’s mental health, putting them at risk for stress and psychopathology. It is therefore important to take priority actions to overcome these risks and improve adaptation to new climate conditions.

American and Canadian scientists consider adaptation and mental health from a neurophysiological point of view. They study behavioral and structural adaptation to stress [8]. Their research suggests that unpredictable aversive experiences or stressors lead to changes in behavior associated with depression and anxiety and changes in hippocampal structure, including decreased adult neurogenesis, granular and pyramidal dendritic morphology, and volume. Considering the relationship between behavioral and structural changes, they discuss the possibility that these changes may be largely adaptive. Specifically, they suggest that new neurons in the dentate gyrus increase behavioral adaptability to changes in the environment by biasing behavior in new situations based on previous experiences of stress. Conversely, atrophic changes in the hippocampus and decreased neurogenesis in adults following chronic stress may serve to limit stress responses and stabilize behavior during chronic stress.

It is noted that despite its potential for adaptation, the largest risk factor for mental illness remains family history, whether related to genes, environment, or both, and suggesting a limited ability of the brain to adapt to these early and lifelong risk factors [5; 7]. The hypothesis that genetic structure modifies the trajectory of adaptive behavior underlies current efforts to identify specific genetic changes associated with mental illness. For example, genes associated with schizophrenia, such as *NRG1*, *DISC1*, or *DTNBP1*, are under positive selection, suggesting that these genes drive a behavioral phenotype that may confer an evolutionary advantage in certain conditions. The question is whether potentially deleterious inherited traits produce homeostatic compensatory responses and whether these responses can be enhanced through early interventions.

Mental health and psychological adaptation in high-risk and life-threatening situations

Mental health and psychological adaptation play an important role in everyone's life, especially in situations of crisis and stressful situations such as diseases, natural disasters, wars and pandemics. Therefore, studies related to stress, high-risk and life-threatening situations occupy a special place in the study of adaptation and mental health. In this regard, foreign studies often touch upon the issues of PTSD. For example, Israeli and English scientists [28] found that higher levels of general negative emotions predicted post-traumatic stress symptoms and depression two months after the armed conflict. Levels of positive affect and negative and positive emotional reactions to sirens were not associated with subsequent symptomatology. Their results indicate a stronger role for general negative emotions as predictors of symptomatology compared to momentary emotional reactivity and a stronger predictive role for negative emotions compared to positive emotions.

Italian [9], Spanish [10; 30] and Turkish scientists [22] focused on the effects of COVID-19 related to stress and adaptation to it. The first evidence for the mediating role of worry in the relationship between coping and anxiety during the COVID-19 pandemic lockdown was offered. It confirms the clinical importance of studying people's coping strategies as well as levels of (cognitive) anxiety and their long-term impact on psychological well-being during the outbreak to ensure adequate personalized interventions. Psychological support should enhance emotion-focused coping strategies, which have a protective effect on anxiety.

It has been shown that people with high levels of attachment anxiety will experience lower resilience due to emotion-focused coping strategies [22]. Strengthening attachment security may reduce the use of emotion-focused strategies and may increase resilience in individuals with high levels of attachment anxiety.

It has also been shown that one of the consequences of COVID-19 is symptoms of post-traumatic stress disorder [11; 17; 30]. At the same time, emotional intelligence is a key health resource that helps reduce unproductive behavior. And, as a result, it is the main means of reducing stress and increasing productivity.

There is growing evidence that dysfunctional personality traits, associated with psychological maladaptation and psychopathology, may play an important role in an individual's ability to cope with major stressful events. In this regard, the relationship between maladaptive personality traits, such as psychoticism, detachment and negative affect, and psychological distress, taking into account the consequences of COVID-19-related anxiety and emotional dysregulation [30]. Maladaptive personality traits (psychoticism, detachment, and negative affect) have been found to be associated with psychological distress. COVID-19-related anxiety and emotional dysregulation partly explain this association. The study's findings suggest that in the early months of 2022, as government restrictions were lifted, although the world's population was no longer under nationwide lockdown,

the emotional component associated with COVID-19 could still explain, at least in part, the association between maladaptive traits personality and psychological stress.

In a study of adolescent's COVID-19 stress, it was shown that adolescents' perceived stress from the COVID-19 pandemic was significantly positively correlated with their depressive symptoms. It has been shown that adolescents' character strengths may act as a protective factor and may buffer the impact of the perceived stress of the COVID-19 pandemic on their depressive symptoms and help support their mental health [24; 29]. In addition to character strengths, foreign scientists name a supportive family among the protective factors of stress [18; 20; 23]. Whereas a family in which abuse was noted, on the contrary, is a risk factor for maladjustment in the future. It is noted that distancing from such a family is a basic coping strategy that promotes growth and recovery.

Results of a study of adolescents who experienced an earthquake [19], showed that PTSD significantly predicted future depression, with the effect partially mediated by negative life events after the earthquake. Gender was not found to be a significant moderator between PTSD and depression.

Another direction of research is to study models of psychological adaptation. Mental health and coping play an important role in everyone's life, so it is important to pay attention to them and develop effective strategies to maintain resilience and psychological well-being. Using the example of nurses, it was shown that the psychological adaptation model of nursing can effectively help nurses experiencing post-traumatic stress syndrome after a natural disaster [26]. Thus, it is important to create a supportive environment for health workers and provide them with the necessary help and support in difficult situations.

French scientists have proposed a model of adaptability as a key mechanism of interaction between people [6]. Research has shown the influence of adaptation mechanisms on the experience of interaction between people and their perceptions. Communication with an adaptive agent is perceived as more positive than with a non-adaptive one. Research on human interaction in virtual space emphasizes the importance of taking expectations into account.

Conclusion

Summarizing the review of the mechanisms of mental adaptation of mentally healthy people, it is worth highlighting several vectors for studying this issue. From the point of view of social and socio-psychological adaptation, areas of adaptation related to the educational environment and climate change were highlighted. Also the relationship between mental adaptation and mental health from a neuropsychological point of view was noted.

The studies presented in the article show that stressful environmental influences can lead to an increase in mental disorders, such as depression, anxiety, post-traumatic stress disorder, and bipolar disorder. Scientists turn their attention to the consequences of COVID-19, natural disasters such as an earthquake, as well as the consequences of armed conflicts.

The impact of socio-economic and technological progress on people's physical and intellectual state, as well as the increasing frequency of man-made, biological, and social threats, highlight the need for further research in this area. It appears that very important research has been conducted on models of mental adaptation.

Studies on the mechanisms of mental adaptation are essential for developing effective strategies to maintain resilience and psychological well-being. The research presented here provides valuable insights into how individuals cope with stress and adapt to high-risk and life-threatening situations. Also this will help improve mental health outcomes and promote overall social and economic recovery after emergencies. Concerning the fact that in periods of social crisis, social stress disorders become widespread among the majority of the population, it seems important to conduct further

studies of the mechanisms of mental adaptation not only within the framework of clinically defined disorders, but also at the preclinical level.

References

1. Baranova T.M., Noss I.N. Mesto i rol' obucheniya v sovremennykh zarubezhnykh kontseptsiyakh professional'noi adaptatsii [The place and role of teaching in modern foreign concepts of professional adaptation]. *Psikhologiya obucheniya = Psychology of Education*, 2018, no. 2, pp. 5–15. (In Russ.).
2. Bulygina V.G. et al. Professional'nyi stress i psikhicheskaya adaptatsiya u sotrudnikov silovykh struktur. Moscow: Natsional'nyi meditsinskii issledovatel'skii tsentr psixiatrii i narkologii imeni V.P. Serbskogo Publ., 2021. 284 p. (In Russ.).
3. Dubinsky A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M. Mekhanizmy stressovladayushchego povedeniya u operupolnomochennykh sotrudnikov politzii v situatsii ChS [Mechanisms of Stress-Coping Behavior in Police Operation Officers in an Emergency Situation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 109–123. doi:10.17759/psylaw.2021110308 (In Russ.).
4. Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Kuzmina E.I. Psikhologicheskie resursy lichnosti pri prozhivanii zhiznennykh situatsii raznoi stepeni neopredelennosti [Psychological Resources of the Individual when Living Life Situations of Varying Degrees of Uncertainty]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 156–177. doi:10.17759/sps.2023140410 (In Russ.).
5. Albert P.R. The adaptive brain in mental health: overcoming inherited risk factors. *Journal of Psychiatry & Neuroscience*, 2017. Vol. 42, no. 1, pp. 3–5. doi:10.1503/jpn.160225
6. Biancardi B., Dermouche S., Pelachaud C. Adaptation Mechanisms in Human–Agent Interaction: Effects on User's Impressions and Engagement. *Frontiers in Computer Science*, 2021. Vol. 3. doi:10.3389/fcomp.2021.696682
7. Borçoi A.R., Mendes S.O., dos Santos J.G. Risk factors for depression in adults: NR3C1 DNA methylation and lifestyle association. *Journal of Psychiatric Research*, 2020. Vol. 121, pp. 24–30. doi:10.1016/j.jpsychires.2019.10.011
8. Cameron H.A., Schoenfeld T.J. Behavioral and structural adaptations to stress. *Frontiers in Neuroendocrinology*, 2018. Vol. 49, pp. 106–113. doi:10.1016/j.yfrne.2018.02.002
9. Cincidda C., Pizzoli S.F.M., Oliveri S., Pravettoni G. Regulation strategies during COVID-19 quarantine: The mediating effect of worry on the links between coping strategies and anxiety. *European Review of Applied Psychology*, 2022. Vol. 72, no. 6. doi:10.1016/j.erap.2021.100671
10. Delhom I., Cholbi A.C., Trejo L.L. Prediction of psychopathology during the COVID-19 pandemic using linear and non-linear methodologies: importance of COVID-19 threat perception, emotional competencies and resilience. *European Review of Applied Psychology*, 2023. Vol. 74, no. 2. doi:10.1016/j.erap.2023.100912
11. Frenkel M.O., Giessing L., Egger-Lampl S., Hutter V., Oudejans R.R.D., Kleygrewe L., Jaspaert E., Plessner H. The impact of the COVID-19 pandemic on European police officers: Stress, demands, and coping resources. *Journal of Criminal Justice*, 2021. Vol. 72. doi:10.1016/j.jcrimjus.2020.101756
12. Harris T.O. Life Events and Illness. London, 1989.
13. Harris T.O. Recent Developments in the Study of Life Events in Relation to Psychiatric and Physical Disorders. *Psychiatric Epidemiology*, 2021, pp. 81–102. doi:10.1201/9781003134831-8

14. Hayes K., Blashki G., Wiseman J., Burke S., Reifels L. Climate change and mental health: risks, impacts and priority actions. *International Journal of Mental Health Systems*, 2018. Vol. 12, no. 1. doi:10.1186/s13033-018-0210-6
15. Holmes T.H., Rahe R.H. The social readjustment rating scale. *Journal of Psychosomatic Research*, 1967. Vol. 11, no. 2, pp. 213–218. doi:10.1016/0022-3999(67)90010-4
16. Husky M.M., Mazure C.M., Kovess-Masfety V. Gender differences in psychiatric and medical comorbidity with post-traumatic stress disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 2018. Vol. 84, pp. 75–81. doi:10.1016/j.comppsy.2018.04.007
17. Inlus M., Masalha S., Zagoory-Sharon O., Feldman R. Dialogue intervention to youth amidst intractable conflict attenuates stress response to outgroup. *Hormones and Behavior*, 2019. Vol. 110, pp. 68–76. doi:10.1016/j.yhbeh.2019.02.013
18. Jespersen B.V., Hildebrand V.M., Korbin J.E., Spilsbury J.C. The influence of neighborhood violent crime on child-rearing: Integrating neighborhood ecologies and stratified reproduction approaches. *Social Science & Medicine*, 2021. Vol. 272, no. 6. doi:10.1016/j.socscimed.2021.113705
19. Jin Y., Sun C., Wang F., An J., Xu J. The relationship between PTSD, depression and negative life events: Ya’an earthquake three years later. *Psychiatry Research*, 2018. Vol. 259, pp. 358–363. doi:10.1016/j.psychres.2017.09.017
20. Khan A., Deb A. Family as a source of risk and resilience among adults with a history of childhood adversity. *Children and Youth Services Review*, 2021. Vol. 121, no. 2. doi:10.1016/j.childyouth.2020.105897
21. Kumar R., Budhwar P., Patel C., Varma A. Self-regulation and expatriate adjustment: The role of regulatory fit. *Human Resource Management Review*, 2019. Vol. 29, no. 4. doi:10.1016/j.hrmr.2018.09.002
22. Kural A.I., Kovacs M. Attachment anxiety and resilience: The mediating role of coping. *Acta Psychologica*, 2021, Vol. 221, no. 31. doi:10.1016/j.actpsy.2021.103447
23. Lavi I., Manor-Binyamini I., Seibert E., Katz L.F., Ozer E.J., Gross J.J. Broken bonds: A meta-analysis of emotion reactivity and regulation in emotionally maltreating parents. *Child Abuse & Neglect*, 2019. Vol. 88, pp. 376–388. doi:10.1016/j.chiabu.2018.11.016
24. Liu Q., Wang Z. Perceived stress of the COVID-19 pandemic and adolescents’ depression symptoms: The moderating role of character strengths. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 182. doi:10.1016/j.paid.2021.111062
25. Mental health in emergencies. *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-in-emergencies> (Accessed 04.06.2024).
26. Mustikasari, Pratiwi A., Hamid A.Y.S., Fadhillah H. Effectiveness of Psychological Adaptation Model of Mental Health Nursing for Nurse Survivors Experiencing Post-Earthquake Disaster Post-Traumatic Stress Syndrome. *Enfermería Clínica*, 2018. Vol. 28, no. S1, pp. 289–294. doi:10.1016/S1130-8621(18)30172-4
27. Palacios-Barrios E.E., Hanson J.L. Poverty and self-regulation: Connecting psychosocial processes, neurobiology, and the risk for psychopathology. *Comprehensive Psychiatry*, 2019. Vol. 90, pp. 52–64. doi:10.1016/j.comppsy.2018.12.012
28. Pickman L.L., Gelkopf M., Greene T. Do positive and negative emotional reactions during war predict subsequent symptomatology? A prospective experience sampling study. *Journal of Anxiety Disorders*, 2021. Vol. 84. doi:10.1016/j.janxdis.2021.102492
29. Roberts A.G., Lopez-Duran N.L. Developmental influences on stress response systems: Implications for psychopathology vulnerability in adolescence. *Comprehensive Psychiatry*, 2019. Vol. 88, pp. 9–21. doi:10.1016/j.comppsy.2018.10.008

Проничева М.М., Дубинский А.А., Рашевская О.Ю.
Обзор зарубежных исследований механизмов
психической адаптации у психически здоровых лиц
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 196–205

Pronicheva M.M., Dubinsky A.A., Rashevskaya O.Yu.
Review of Foreign Studies of the Mechanisms
of Mental Adaptation in Mentally Healthy People
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 196–205

30. Sadovyy M., Sánchez-Gómez M., Bresó E. COVID-19: How the stress generated by the pandemic may affect work performance through the moderating role of emotional intelligence. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 180. doi:10.1016/j.paid.2021.110986
31. Semeraro C., Giofrè D., Coppola G., Verri V., Botalico M., Cassibba R., Taurino A. The role of maladaptive personality traits on psychological stress the mediating effects of COVID-19-related worries and emotional dysregulation. *Personality and Individual Differences*, 2023. Vol. 213. doi:10.1016/j.paid.2023.112270
32. Sladek M.R., Doane L.D., Luecken L.J., Gonzales N.A., Grimm K.J. Reducing cultural mismatch: Latino students' neuroendocrine and affective stress responses following cultural diversity and inclusion reminder. *Hormones and Behavior*, 2020, no. 120. doi:10.1016/j.yhbeh.2020.104681
33. Tournier I. Learning and adaptation in older adults: An overview of main methods and theories. *Learning, Culture and Social Interaction*, 2022. Vol. 37. doi:10.1016/j.lcsi.2020.100466
34. Xiao F., Hua W., Han J., Yan R. A Preliminary Study on Adaptability of College Students in the New Era and Its Cultivating Model. *Psychology*, 2020. Vol. 11, no. 12, pp. 2055–2065. doi:10.4236/psych.2020.1112128
35. Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with Mental Health Disorders in the COVID-19 Epidemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020. Vol. 7, no. 4. doi:10.1016/S2215-0366(20)30090-0
36. Zhang S., Fu Y.-N., Liu Q., Turel O., He Q. Psychological capital mediates the influence of meaning in life on prosocial behavior of university students: A longitudinal study. *Children and Youth Services Review*, 2022. Vol. 140. doi:10.1016/j.childyouth.2022.106600

Information about the authors

Maria M. Pronicheva, PhD in Psychology, Senior Researcher Associate, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Alexander A. Dubinsky, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Olga Yu. Rashevskaya, Junior Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2905-2173>, e-mail: olga_rashevskaya@bk.ru

Информация об авторах

Проничева Мария Михайловна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Дубинский Александр Александрович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России

Проничева М.М., Дубинский А.А., Рашевская О.Ю.
Обзор зарубежных исследований механизмов
психической адаптации у психически здоровых лиц
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 196–205

Pronicheva M.M., Dubinsky A.A., Rashevskaya O.Yu.
Review of Foreign Studies of the Mechanisms
of Mental Adaptation in Mentally Healthy People
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 196–205

(ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Рашевская Ольга Юрьевна, младший научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2905-2173>, e-mail: olga_rashevskaya@bk.ru

Получена 29.06.2024

Принята в печать 29.07.2024

Received 29.06.2024

Accepted 29.07.2024

Особенности самовосприятия у мужчин и женщин, страдающих алкогольной зависимостью

Власова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Буслаева Е.Л.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

В статье приведены результаты исследования компонентов самовосприятия мужчин и женщин с установленным диагнозом хронический алкоголизм. Теоретическим обоснованием работы выступает анализ современных научных исследований, который указывает на ряд противоречий, выявленных при изучении отдельных качественных характеристик в самооценке лиц с алкогольной зависимостью. В эмпирическом исследовании приняли участие 80 человек в возрасте от 30 до 47 лет, в том числе алкозависимые женщины (N = 20) и мужчины (N = 20), а также здоровые женщины (N = 20) и мужчины (N = 20), употребляющие спиртные напитки не чаще 2—3 раз в месяц. Для определения показателей самовосприятия личности были использованы следующие методики: «Изучение общей самооценки» (Г.Н. Казанцева), «Личностный дифференциал» (Е.Ф. Бажин и А.М. Эткин), «Тест-опросник самоотношения» (В.В. Столин и С.Р. Пантिलеев). Результаты исследования показали, что характерными чертами самовосприятия у мужчин с алкогольной зависимостью является низкий уровень самооценки и самоконтроля, снижение аутосимпатии и самопринятия, отсутствие ощущения саморуководства в парадоксальном сочетании с излишней самоуверенностью. В то же время самовосприятие женщин с алкогольной зависимостью в меньшей степени отличается от показателей здоровых респонденток и характеризуется излишней самоуверенностью в сочетании с низким самопониманием. Кроме того, в отличие от алкозависимых мужчин страдающие алкоголизмом женщины испытывают большую аутосимпатию и менее выраженный уровень самообвинения. Полученные данные могут быть использованы для разработки программ реабилитации, направленных на формирование мотивации отказа от употребления алкоголя у лиц, страдающих алкозависимостью.

Ключевые слова: алкоголизм, алкогольная зависимость, самовосприятие, самоотношение, самооценка, саморегуляция.

Благодарности. Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных для исследования Евгении Владимировне Фадеевой, кандидату психологических наук, заведующей отделом организации профилактической помощи в наркологии Национального научного центра наркологии — филиала Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Для цитаты: *Власова Н.В., Буслаева Е.Л.* Особенности самовосприятия у мужчин и женщин, страдающих алкогольной зависимостью [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 206–219. DOI:10.17759/psylaw.2024140316

Features of Self-Perception in Men and Women Suffering from Alcohol Addiction

Nataliya V. Vlasova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

The article presents results of the research into self-perception of males and females diagnosed with chronic alcoholism. The article's data is theoretically based on the analysis of contemporary scientific studies which indicate a number of discrepancies identified in certain qualitative characteristics of alcohol addicts' self-image. The empirical research studies 80 people aged between 30 and 47 years, including males (N = 20) and females (N = 20) with alcohol addiction, as well as healthy males (N = 20) and females (N = 20) who consume alcohol not more than 3 times a month. To identify indicators of a person's self-perception the article uses the following methodology: "The study of the general self-esteem" by G.N. Kazantseva, "Personality differential" by E.F. Bazhin and A.M. Etkind, "Self-attitude Questionnaire" by V.V. Stolin and S.R. Pantilev. The research data shows that male alcohol addicts tend to have low self-esteem and self-control, declining auto-sympathy and self-acceptance, lack of self-management which is paradoxically coupled with excessive self-assurance. At the same time female alcohol addicts self-image is less different from that of healthy females. The former tend to have excessive self-assurance combined with low self-understanding. Moreover, compared with their male counterparts, females alcohol users show higher auto-sympathy and lower self-blaming. The acquired data can be used for developing rehabilitation programs for people suffering from alcohol addiction to help them build motivation for alcohol withdrawal.

Keywords: alcoholism, alcohol addiction, self-perception, self-esteem, self-assessment, volitional self-regulation.

Acknowledgements. The authors are grateful to Eugenia V. Fadeeva, PhD in Psychology, Head of the Department of Preventive Care, National Research Center on Addictions — branch, National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology n.a. V.P. Serbsky, Russian Federation Ministry of Health, for assistance in data collection.

For citation: Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Features of Self-Perception in Men and Women Suffering from Alcohol Addiction. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 206–219. DOI:10.17759/psylaw.2024140316 (In Russ.).

Введение

Несмотря на множество различных видов и форм профилактической работы, реализуемых государственными службами, специалистами в области медицины, психологии и педагогики, проблема алкогольной зависимости остается острой и актуальной. Так, согласно данным Росстата, за последние два года сформировалась устойчивая тенденция роста количества людей, страдающих алкогольной зависимостью. При этом наиболее негативная динамика наблюдается в отношении женщин, страдающих алкоголизмом. Их число за последнее десятилетие увеличилось почти в два раза.

Указанные тревожные тенденции свидетельствуют о необходимости разработки более эффективных методов психодиагностики, направленных на раннее выявление склонности к формированию алкогольной зависимости, а также систематизации и апробации превентивных мер, основанных на доказательном подходе в изучении многоаспектности этого феномена аддиктивного поведения [9; 2; 12].

В настоящее время исследования в области изучения психологических предикторов формирования алкоголизма относятся в основном к выявлению таких качеств личности, как общее снижение толерантности к стрессу, эмоциональная лабильность, низкий уровень коммуникативной компетентности и нестабильность самооценки. В то же время данные особенности являются лишь обобщенными показателями склонности к злоупотреблению спиртными напитками и во многом зависят от условий жизни человека, его семейной ситуации и уникального личного опыта. Как отмечают О.Д. Тучина, Т.В. Агибалова и Д.И. Шустов: «На пациентов с алкогольной зависимостью более выраженное влияние оказывают характеристики бессознательного плана жизни — жизненного сценария, а именно — степень отрефлексированности и дифференцированности относящихся к сценарию событий прошлого и будущего» [13].

Также ключевую роль сформированных личностно значимых стимулов, которые закрепляются у страдающих алкоголизмом лиц, в процессе формирования аддиктивного поведения отмечают в своем исследовании В.Б. Никишина, Е.А. Петраш и С.Л. Борисова, предлагая использовать их в процессе установления диагностических признаков заболевания [10].

Следовательно, важным для выявления факторов риска формирования зависимого от алкоголя поведения является поиск тех особенностей личности, которые при учете ее внутренних характеристик целостно встраивались бы в общий образ актуальной ситуации и отражали имеющийся у субъекта опыт [18].

Одной из таких особенностей личности может выступать самовосприятие. Данный феномен определяется как Я-динамическое, которое не является константным и, с одной стороны, имеет весьма ситуативное определение, а с другой — основывается на вполне устойчивых компонентах сознания — ценностных ориентациях, жизненных смыслах и установках человека [4; 7]. При этом восприятие самого себя личностью имеет функциональный характер, а,

следовательно, может быть описано через такие измеряемые качественные характеристики, как самооценка, самоотношение и самосознание.

Самовосприятие аддикта, как правило, отличается выраженной неадекватностью, что является одним из симптоматических признаков степени зависимости. Так, пациент, страдающий алкоголизмом, не считает, что злоупотребляет спиртным. Он не в состоянии критически оценить свои способности и возможности, легко уходит в фантазии по поводу дальнейших перспектив и жизненных планов, объясняя сложившиеся негативные условия временными трудностями, от него не зависящими.

Большинство современных, как отечественных, так и зарубежных, исследователей отмечают, что лица с алкогольной зависимостью обоих полов характеризуются низкой самооценкой, а их представление о себе имеет выраженный негативный образ [20; 5].

Так, А.М. Лановая отмечает, что для алкозависимых мужчин характерен крайне низкий уровень саморегуляции поведения, планирования деятельности и самопринятия [8; 3; 14]. К подобному мнению относительно алкозависимых женщин в своих исследованиях приходят Е.А. Плешакова, Н.В. Иващук и А.П. Макурина. Авторы делают вывод, что «...женщины, зависимые от алкоголя, имеют более низкие показатели базовых компонентов благополучия, таких как автономность, контроль над окружением, личностный рост, цели в жизни, самопринятие» [11]. Более того, в некоторых исследованиях можно найти констатацию связи алкоголизации у женщин с выраженной виктимностью [21; 6]. Так, авторы подчеркивают, что женщине с алкогольной зависимостью свойственно воспринимать себя как жертву, принижать собственную значимость и считать, что она достойна такого отношения.

В то же время А. Guillon с соавторами, исследуя качественные показатели самоотношения, не находят значимых различий при сравнении в оценке себя у здоровых женщин, алкоголизирующихся и находящихся на стадии длительной ремиссии (абстинентных) [17]. Интересными в плане исследования самооценки в сочетании с полоролевым поведением у женщин с алкогольной зависимостью являются результаты, полученные Е.П. Архипенко. Так, было установлено, «...что у зависимых от алкоголя женщин с трансформацией полоролевого поведения самооценка неадекватно завышена, у зависимых женщин с гиперролевым поведением — неадекватно занижена» [1].

Таким образом, согласно анализу современных исследований, проблема изучения различных компонентов самовосприятия у страдающих алкоголизмом мужчин и женщин является по-прежнему актуальной в связи с неоднозначностью и противоречивостью результатов, представленных учеными. Также значимость и новизна данного исследования подтверждаются необходимостью формирования устойчивой мотивации отказа от объекта зависимости у данной категории пациентов, которая, в свою очередь, во многом определяется такими характеристиками самовосприятия, как уверенность и симпатия к себе, самоинтерес и др.

Все вышеизложенное определило **цель** нашего исследования — определение особенностей самовосприятия у страдающих алкогольной зависимостью мужчин и женщин в сравнении со здоровыми людьми, не имеющими такой зависимости, а также выявление различий по качественным характеристикам самовосприятия по половому признаку в группе алкозависимых.

Метод и участники исследования

В исследовании приняли участие пациенты с установленным диагнозом алкогольной зависимости, а также здоровые мужчины и женщины, не имеющие пристрастия к спиртным

напиткам. Общее количество респондентов — 80 человек, все респонденты проживают в г. Москве. Группу А составили 20 мужчин и 20 женщин, находившихся на лечении в Национальном научном центре наркологии — филиале ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения РФ. Средний возраст респондентов с алкогольной зависимостью составил 39 (\pm 8,5) лет.

В группу здоровых (группа К) вошли 20 мужчин и 20 женщин, употребляющих спиртные напитки не чаще 2—3 раз в месяц. Респонденты данной выборки проявили инициативный интерес к исследованию. Средний возраст испытуемых составил 37 (\pm 5,5) лет.

С целью выявления показателей самовосприятия личности были использованы методики: «Изучение общей самооценки» (Г.Н. Казанцева), «Личностный дифференциал» (Е.Ф. Бажин и А.М. Эткин), «Тест-опросник самоотношения» (В.В. Столин и С.Р. Пантеев).

Для обработки полученных результатов использовался статистический критерий проверки гипотез в пакете SPSS Statistics-26 — непараметрический критерий Манна—Уитни для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Данные, полученные по результатам методики «Изучение общей самооценки», свидетельствуют о том, что в группе лиц, зависимых от алкоголя (группа А), 45% респондентов обладают средним уровнем самооценки, 40% — высоким, 15% — низким. В группе здоровых людей (группа К), напротив, большинство обследованных (55%) имеют высокий уровень самооценки, 40% — средний и всего 5% — низкий. При этом проведенный сравнительный анализ показал, что существуют значимые различия между уровнем самооценки в исследуемых группах.

Таблица 1

Результаты методики «Изучение общей самооценки» (Г.Н. Казанцева)

Группы	Группа А (N = 40)		Группа К (N = 40)		Асимптотическая значимость
	M (SD)		M (SD)		
Уровень самооценки	1,85 (4,35)		4,08 (2,91)		0,023*
	Мужчины (N = 20)	Женщины (N = 20)	Мужчины (N = 20)	Женщины (N = 20)	
Уровень самооценки	2,60 (2,98)	1,10 (5,36)			0,512
	2,60 (2,98)		4,80 (3,05)		0,049*
		1,10 (5,36)		3,85 (2,83)	0,157

Примечание: M (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); * — различия значимы, $p < 0,05$.

В то же время, как видно из приведенных в табл. 1 данных, этот результат обусловлен только разницей результатов между здоровыми и алкозависимыми мужчинами. Так, уровень самооценки у мужчин группы А является значительно ниже — им свойственны неуверенность в себе, ожидание неуспеха в делах и недоверие к окружающим. Сравнение результатов по уровню самооценки у женщин из групп А и К не показал значимых различий. В то же время можно заметить, что показатели самооценки алкозависимых женщин значительно варьируют. Следовательно, женщинам, страдающим алкогольной зависимостью, свойственны крайности в оценке себя — они либо переоценивают свои возможности и личностные каче-

ства, либо, напротив, считают себя ни на что не способными, зависимыми от обстоятельств и окружающих.

Полученные результаты наглядно подтверждают, что выводы о снижении самооценки у пациентов, страдающих алкоголизмом, являются некорректными. При этом следует учитывать, что сам инструмент определения самооценки лишь по ее уровню используется, как правило, только на предварительном психодиагностическом этапе.

Для более подробного изучения отдельных факторов самовосприятия были проанализированы результаты, полученные с использованием методики «Личностный дифференциал», представленные в табл. 2.

Таблица 2

Результаты методики «Личностный дифференциал» (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд)

Шкалы	Группа А (N = 40)		Группа К (N = 40)		Асимптотическая значимость
	Мужчины (N = 20)	Женщины (N = 20)	Мужчины (N = 20)	Женщины (N = 20)	
	M (SD)		M (SD)		
Фактор Оценки	12,95 (5,40)		13,10 (6,13)		0,685
	11,70 (4,78)	14,20 (5,81)			0,127
	11,70 (4,78)		12,30 (7,03)		0,512
		14,20 (5,81)		13,90 (5,14)	0,841
Фактор Силы	4,88 (7,54)		8,05 (7,63)		0,070
	2,55 (7,42)	7,20 (7,09)			0,056t
	2,55 (7,42)		9,20 (7,92)		0,012*
		7,20 (7,09)		6,90 (7,35)	0,968
Фактор Активности	9,07 (7,63)		7,23 (7,38)		0,157
	6,90 (7,79)	11,25 (7,01)			0,056t
	6,90 (7,78)		6,10 (7,06)		0,678
		11,25 (7,01)		8,35 (7,70)	0,121

Примечание: M (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); * — различия значимы, $p < 0,05$; t — различия значимы на уровне тенденции.

Значимые различия выявлены лишь при сравнении мужской выборки исследуемых групп и только по одному показателю методики «Фактор силы». Данные результаты демонстрируют, что страдающие алкогольной зависимостью мужчины обладают низким самоконтролем, ощущают собственное бессилие в достижении поставленных целей и, в сравнении со здоровыми, более тревожны и астенизированы.

Несмотря на то, что по другим шкалам методики значимых различий не выявлено, можно констатировать, что некоторые результаты показывают различия на уровне тенденции. Так, в группе А между мужчинами и женщинами наблюдается разница в показателях по шкалам «Фактор силы» и «Фактор активности». Следовательно, женщинам, страдающим алкоголизмом, свойственны общительность и активность, более яркие внешние проявления эмоций, демонстративность и экстравертированность; для зависимых от алкоголя мужчин характерны сниженное настроение, уплощенность эмоций, интровертированность, общее снижение тонуса и в целом пессимистическая оценка своей жизни. Подтверждение данного результата можно увидеть в исследованиях отечественных и зарубежных исследователей, которые так-

же отмечают, что женщины, злоупотребляющие спиртными напитками, чаще склонны к аффективным проявлениям, манерности и проявлениям агрессии. Они обычно начинают алкоголизироваться в компании знакомых, в то время как у мужчин формирование данной зависимости, как правило, происходит в процессе употребления алкоголя в одиночестве, когда целью становится снижение тревоги и депрессивных реакций [15; 16; 19].

Таблица 3

Результаты методики «Тест-опросник самоотношения» (В.В. Столин и С.Р. Пантеев)

Показатели самоотношения	Группа А (N = 40)		Группа К (N = 40)		Асимптотическая значимость
	Мужчины (N = 20)	Женщины (N = 20)	Мужчины (N = 20)	Женщины (N = 20)	
	M (SD)		M (SD)		
Интегральная шкала S	63,93 (12,33)		62,33 (12,66)		0,592
	62,70 (10,99)	65,15 (13,71)			0,602
	62,70 (10,99)		60,40 (13,78)		0,414
		65,15 (13,71)		64,25 (11,46)	
Самоуважение	54,28 (17,58)		57,30 (18,36)		0,464
	53,55 (17,95)	55,00 (17,64)			0,799
	53,55 (17,95)		57,95 (17,91)		0,461
		55,00 (17,64)		56,65 (19,24)	
Аутосимпатия	51,55 (15,43)		57,55 (15,11)		0,074
	45,45 (13,58)	57,65 (15,03)			0,007**
	45,45 (13,58)		52,80 (17,08)		0,149
		57,65 (15,03)		62,30 (11,37)	0,369
Ожидаемое отношение от других	71,23 (13,22)		72,30 (18,13)		0,440
	68,95 (14,26)	73,50 (12,01)			0,414
	68,95 (14,26)		71,50 (18,53)		0,583
		73,50 (12,01)		73,10 (18,16)	0,602
Самоинтерес	82,15 (14,65)		80,28 (15,38)		0,559
	82,75 (12,49)	81,55 (16,85)			1,000
	82,75 (12,49)		78,40 (13,38)		0,301
		81,55 (16,85)		82,15 (17,30)	0,883
Самоуверенность	60,60 (16,07)		49,13 (18,55)		0,002**
	60,25 (15,58)	60,95 (16,93)			0,883
	60,25 (15,58)		46,60 (21,56)		0,012*
		60,95 (16,93)		53,65 (13,09)	0,049*
Отношение других	71,15 (15,07)		73,65 (17,52)		0,421
	70,25 (17,79)	72,05 (12,16)			0,904
	70,25 (17,79)		72,65 (18,47)		0,659
		72,05 (12,16)		74,65 (16,95)	0,529
Самопринятие	66,75 (25,98)		77,90 (19,94)		0,045*
	60,65 (23,05)	72,85 (27,84)			0,052
	60,65 (23,05)		72,25 (23,36)		0,108
		72,85 (27,84)		83,55 (14,26)	0,341

Саморуководство, самопоследо- вательность	53,50 (16,62)		60,98 (14,04)		0,055
	52,15 (15,37)	54,85 (18,08)			0,414
	52,15 (15,37)		62,05 (14,09)		0,046*
		54,85 (18,08)		59,90 (14,26)	0,565
Самообвинение	62,73 (18,63)		48,75 (24,04)		0,007**
	70,25 (15,99)	55,20 (18,37)			0,013*
	70,25 (15,99)		51,55 (25,55)		0,012*
		55,20 (18,37)		45,95 (22,73)	0,157
Самоинтерес	74,60 (13,29)		70,30 (16,03)		0,243
	71,35 (14,01)	77,85 (12,01)			0,183
	71,35 (14,01)		69,95 (16,08)		0,738
		77,85 (12,01)		70,65 (16,38)	0,211
Самопонимание	37,45 (20,09)		47,40 (17,39)		0,033*
	39,30 (18,98)	35,60 (21,48)			0,565
	39,30 (18,98)		48,35 (14,08)		0,157
		35,60 (19,48)		46,45 (20,52)	0,021*

Примечание: М (SD) — среднее значение (стандартное отклонение); * — различия значимы, $p < 0,05$; ** — различия значимы, $p < 0,01$.

Результаты исследования по методике «Тест-опросник самооотношения» В.В. Столина и С.Р. Панталева, представленные в табл. 3, свидетельствуют об отсутствии значимых различий по показателю «Интегральной шкалы». Это подтверждает выдвинутое предположение о том, что в общем показателе самооотношения сложно найти различия между группами здоровых людей и алкозависимых. В то же время по отдельным шкалам методики значимые различия в сравниваемых группах были получены. Так, установлены различия в результатах респондентов групп А и К по шкалам «Самоуверенность», «Самопринятие», «Самообвинение» и «Самопонимание». Полученные данные свидетельствуют о том, что респонденты с алкогольной зависимостью демонстрируют более высокий уровень самоуверенности и самообвинения в сочетании со сниженным уровнем самопринятия и самопонимания, чем участники из нормативной группы. Эти результаты наглядно демонстрируют, что алкозависимым свойственно неадекватное восприятие себя. С одной стороны, они считают себя достойными уважения и уверенными в себе, ощущают собственную значимость, в то же время постоянно чувствуют недооцененность. При столкновении же с реальными затруднениями они начинают испытывать полное отчаяние и отвращение к себе, у них отсутствует понимание неблагоприятно сложившейся ситуации и своей роли в ней. Данные характеристики в большей степени свойственны страдающим алкоголизмом мужчинам. Эти черты усиливаются более низким уровнем аутосимпатии и саморуководства в сравнении с алкозависимыми женщинами. Мужчины группы А, испытывая чувство вины и отвержения себя, объясняют невозможность справиться с жизненными проблемами за счет низкого волевого контроля и сильного воздействия внешних событий. В то же время алкозависимым женщинам свойственны такие особенности самовосприятия, как неадекватно высокая самооценка в сочетании с низким самопониманием. Они считают, что обладают незаурядными способностями и внешней привлекательностью, а все негативные события в своей жизни считают случайными, не принимая ответственность за них, не рефлексируют по этому поводу и не стремятся в дальнейшем найти решение, как справиться с фрустрирующими ситуациями. Выход из неблагоприятно сложившихся обстоятельств они видят в уходе от реальности вследствие употребления алкоголя.

Выводы

1. Согласно результатам эмпирического исследования установлено, что лицам с алкогольной зависимостью свойствен более низкий уровень самооценки. При этом сравнительный анализ показал, что данный факт обусловлен значимыми различиями между алкозависимыми и здоровыми только в мужской выборке. В то же время разница в показателях уровня самооценки у женщин, страдающих алкоголизмом, несмотря на более низкие показатели по среднему значению, не является значимой. Также при сравнении результатов по другим компонентам самовосприятия в группах алкозависимых и здоровых выявлены значимые различия по следующим факторам: самоуверенность, самопринятие, самообвинение и самопонимание. При этом алкозависимые мужчины и женщины демонстрируют большую уверенность в себе, чем здоровые люди обоих полов. Различие по фактору самопринятия наблюдается только в общей выборке при сравнении алкозависимых пациентов со здоровыми. Однако тенденция к снижению по данному показателю у мужской части респондентов также наблюдается. Значимые различия по показателю самообвинения в общей выборке алкозависимых определяются результатами, полученными при сравнении мужской части групп. В то же время достоверные различия по показателю самопонимания получены при сравнении результатов в женской половине респондентов.

2. Наиболее характерными чертами самовосприятия у мужчин с алкогольной зависимостью являются низкий уровень самооценки и самоконтроля, снижение аутосимпатии и самопринятия, отсутствие ощущения саморуководства в сочетании с излишней самоуверенностью.

3. Согласно результатам исследования, самовосприятие женщин с алкогольной зависимостью в меньшей степени отличается от данного показателя в выборке здоровых лиц женского пола. В то же время наиболее характерными для алкозависимых женщин являются излишняя самоуверенность в сочетании с низким уровнем самопонимания.

4. При сравнении особенностей самовосприятия алкозависимых женщин и мужчин выявлено, что женщины испытывают большую аутосимпатию и менее выраженный уровень самообвинения.

Заключение

Проблема алкоголизации населения по-прежнему остается актуальной для современных исследований в области медицины, психологии, социологии и юриспруденции. Алкогольная зависимость сопряжена с серьезными личностными нарушениями, утратой межличностных отношений и профессиональной деятельности, негативно отражается на семейном благополучии и процессе воспитания детей. При этом реабилитация и абилитация лиц, страдающих алкоголизмом, отягощены определенной стагнацией общества, недоверием со стороны потенциальных работодателей, а также теми психологическими особенностями, которые сопровождают процесс погружения в болезнь, такими как снижение воли, формирование установок, оправдывающих пристрастие к пьянству, изменения в восприятии себя и других.

Результаты проведенного исследования позволяют выявить именно те особенности самовосприятия, которые присущи лицам с алкогольной зависимостью. К ним можно отнести общее снижение самооценки, самоуверенность, самопринятие, самообвинение и самопонимание. При этом алкозависимые женщины и мужчины обладают разными показателями самовосприятия. Так, мужчинам-аддиктам свойственны: неуверенность в себе и своих силах справиться с существующими проблемами, ощущение собственной незначимости и даже отвлечение к себе. В то же время специфика самовосприятия женщин, страдающих алко-

лизмом, отличается излишней самоуверенностью в сочетании с непониманием себя, своих поступков и поведения.

Проведенное эмпирическое исследование позволяет выявить ряд значимых факторов самовосприятия мужчин и женщин, страдающих алкогольной зависимостью, которые могут стать ключевыми мишенями коррекционного воздействия при проведении реабилитационных программ. Вместе с тем следует отметить, что полученные результаты имеют ряд ограничений, которые обусловлены, прежде всего, небольшим объемом выборки, а также условиями стационарного лечения, в которых находились респонденты, принимавшие участие в программах первичной психокоррекции. В связи с этим в перспективе для выявления более полных характеристик самовосприятия алкозависимых мужчин и женщин планируется расширить границы исследования с привлечением большего количества респондентов, в том числе находящихся на разных этапах реабилитации, что позволит уточнить некоторые аспекты полученных результатов.

Литература

1. Архипенко Е.П. Результаты исследования адекватности самооценки и тревожности у зависимых от алкоголя молодых женщин с расстройствами половой роли нетранссексуального типа // Психология, социология и педагогика. 2015. № 12.
2. Буслаева Е.Л. Проблема адаптации личности в обществе // XVIII Царскосельские чтения / Под ред. В.Н. Скворцова. Т. III. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 179–181.
3. Власова Н.В., Лановая А.М. Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 208–220. doi:10.17759/psylaw.2021110215
4. Ермолова Е.О., Тютюникова Н.В. Феномен самоотношения личности в отечественной и зарубежной психологии: системный анализ [Электронный ресурс] // СМАЛЬТА. 2022. № 4. С. 22–31. doi:10.15293/2312-1580.2204.03
5. Зенцова Н.И., Фёдорова С.С. Склонность к манипулятивному поведению как одна из составляющих синдрома комплекса психологических нарушений при зависимостях от психоактивных веществ [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2013. Том 6. № 2. С. 84–90. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2013_n2/61760 (дата обращения: 16.04.2024).
6. Кулемзина Т.В. О конституциональных проявлениях женского алкоголизма // Психиатрия и наркология: прошлое, настоящее, взгляд в будущее: Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием, посвященной 60-летию кафедры психиатрии и наркологии, психиатрической службы Гродненской области, 40-летию наркологической службы Гродненской области. Гродно, 2022. С. 64–66.
7. Казак Т.В., Шершень Т.Н. Концепции самовосприятия личности в зарубежной психологии // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2014. № 1 (27). С. 150–154.
8. Лановая А.М., Власова Н.В., Фадеева Е.В. Изучение процесса саморегуляции у пациентов с синдромом зависимости от алкоголя (пилотное исследование) // Интердисциплинарный подход к коморбидности психических расстройств на пути к интегративному лечению: Сборник тезисов. СПб, 2021. С. 1130–1132.
9. Миронова О.И., Роговая О.С. Трудности взаимодействия с созависимыми: системно-семейный анализ [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 166–182. doi:10.17759/psylaw.2023130213

10. Никишина В.Б., Петраш Е.А., Борисова С.Л. Типизация фиксаций глазодвигательных реакций при восприятии аддиктивнозначимых стимулов пациентами с алкогольной зависимостью [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Том 31. № 2. С. 137–151. doi:10.17759/cpp.2023310207
11. Плешакова Е.А., Иващук Н.В., Макурина А.П. Психологические факторы риска социальной дезадаптации и защитные факторы у женщин, зависимых от алкоголя [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 80–92. doi:10.17759/psylaw.2015100206
12. Резник А.М., Сюняков Т.С., Арбузов А.Л. Алкогольная зависимость у ветеранов войн, получающих лечение в психиатрическом стационаре: встречаемость, коморбидность с симптомами ПТСР, связь с боевыми стрессорами [Электронный ресурс] // Consortium Psychiatricum. 2022. Том 3. № 3. С. 73–89. doi:10.17816/CP188
13. Тучина О.Д., Азигалова Т.В., Шустов Д.И. Рефлексия жизненного сценария и связанных с ним бессознательных убеждений и проекций будущего как фактор длительности ремиссии при синдроме зависимости от алкоголя у мужчин [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 3. С. 116–139. doi:10.17759/cpp.2021290308
14. Фадеева Е.В., Лановая А.М. Изучение осведомленности женщин репродуктивного возраста о вредных последствиях употребления алкоголя [Электронный ресурс] // Вестник психотерапии. 2023. № 86. С. 68–80. doi:10.25016/2782-652X-2023-0-86-68-80
15. Шайдукова Л.К., Шарипова Р.Р., Анохина Е.А. Женский алкоголизм в структуре супружеского: современные зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Наркология. 2023. Том 22. № 5. С. 69–79. doi:10.25557/1682-8313.2023.05.69-79
16. Ait-Daoud N., Blevins D., Khanna S., Sharma S., Holstege C.P., Amin P. Women and addiction: an update // Medical Clinics of North America. 2019. Vol. 103(4). P. 699–711 doi:10.1016/j.mcna.2019.03.002
17. Guillon A., Chauveau-Clerc C., Courtois R., Bacq Ya., Maugé D., Ballon N., Gaillard Ph. Comparaison de l'estime de soi de femmes alcoolodépendantes et de femmes devenues abstinentes, par rapport à un groupe témoin (A comparison of self-esteem in alcohol-dependent women and women who have become abstinent, against a control group) // La Presse Médicale. 2012. Vol. 41(9-1). P. 420–425. doi:10.1016/j.lpm.2012.01.037
18. Aubry C., Gay L., Romo M.-C., Joffre S. L'image de soi de l'alcoolodépendant à travers l'échelle tennessee du concept de soi: Étude comparative entre hommes et femmes. (The alcoholic's self-image: a comparative study between men and women) // La Presse Médicale. 2004. Vol. 30(1). P. 24–31.
19. Denson T.F., O'Dean S.M., Blake K.R., Beames J.R. Aggression in Women: Behavior, Brain and Hormones // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2018. Vol. 12. doi:10.3389/fnbeh.2018.00081
20. King A.C., Bernardy N.C., Hauner K. Stressful events, personality, and mood disturbance: Gender differences in alcoholics and problem drinkers // Addictive Behaviors. 2003. Vol. 28(1). P. 171–187. doi:10.1016/S0306-4603(01)00264-7
21. Miller A.P., Fatch R., Lodi S., Marson K., Emenyonu N., Kekibiina A., Beesiga B., Chamie G., Muyindike W.R., Hahn J.A. Unhealthy alcohol use and intimate partner violence among men and women living with HIV in Uganda // BMC Public Health. 2022. Vol. 22(1). doi:10.1186/s12889-022-14295-2

References

1. Archipenko H.P. Rezul'taty issledovaniya adekvatnosti samootsenki i trevozhnosti u zavisimyykh ot alkogolya molodykh zhenshchin s rasstroistvami polovoi roli netransseksual'nogo tipa [The results of self-esteem and anxiety in alcohol-dependent young woman with disorders of sexual role are not transsexual type]. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika = Psychology, Sociology and Pedagogy*, 2015, no. 12. (In Russ.).
2. Buslaeva E.L. Problema adaptatsii lichnosti v obshchestve. In Skvortsov V.N. (Ed.). *XVIII Tsarskosel'skie chteniya*. T. III. Saint Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2014, pp. 179–181. (In Russ.).
3. Vlasova N.V., Lanovaya A.M. Osobennosti samoregulyatsii muzhchin s alkohol'noi zavisimost'yu [Self-Control Peculiarities of Men with Alcohol Dependence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 208–220. doi:10.17759/psylaw.2021110215 (In Russ.).
4. Ermolova E.O., Tyutyunikova N.V. Fenomen samootnosheniya lichnosti v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii: sistemnyi analiz [The Phenomenon of Personal Self-Attitude in Domestic and Foreign Psychology: System Analysis] [Elektronnyi resurs]. *SMAL'TA = SMAL'TA*, 2022, no. 4, pp. 22–31. doi:10.15293/2312-1580.2204.03 (In Russ.).
5. Zentsova N.I., Fedorova S.S. Sklonnost' k manipulativnomu povedeniyu kak odna iz sostavlyayushchikh sindromokompleksa psikhologicheskikh narushenii pri zavisimostyakh ot psikhoaktivnykh veshchestv [The propensity for manipulative behavior as a component of antisocial syndrome common for substance abuse disorder] [Elektronnyi resurs]. *Ekspertimnaya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2013. Vol. 6, no. 2, pp. 84–90. URL: https://psyjournals.ru/journals/expsy/archive/2013_n2/61760 (Accessed 16.04.2024). (In Russ.).
6. Kulemzina T.V. O konstitutsional'nykh proyavleniyakh zhenskogo alkogolizma. *Psikhiatriya i narkologiya: proshloe, nastoyashchee, vzglyad v budushchee: Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 60-letiyu kafedry psikhiatrii i narkologii, psikhiatricheskoi sluzhby Grodnenskoj oblasti, 40-letiyu narkologicheskoi sluzhby Grodnenskoj oblasti*. Grodno, 2022, pp. 64–66. (In Russ.).
7. Kazak T.V., Shershen T.N. Kontseptsii samovospriyatiya lichnosti v zarubezhnoi psikhologii [Concepts of self-perception of the personality in foreign psychology]. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' = Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2014, no. 1 (27), pp. 150–154. (In Russ.).
8. Lanovaya A.M., Vlasova N.V., Fadeeva E.V. Izuchenie protsessa samoregulyatsii u patsientov s sindromom zavisimosti ot alkogolya (pilotnoe issledovanie). *Interdistsiplinarnyi podkhod k komorbidnosti psikhicheskikh rasstroistv na puti k integrativnomu lecheniyu: Sbornik tezisov*. Saint Petersburg, 2021, pp. 1130–1132. (In Russ.).
9. Mironova O.I., Rogovaya O.S. Trudnosti vzaimodeistviya s sozavisimymi: sistemno-seimeinyi analiz [Difficulties of Interaction with Codependents: System-Family Analysis] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 166–182. doi:10.17759/psylaw.2023130213 (In Russ.).
10. Nikishina V.B., Petrash E.A., Borisova S.L. Tipizatsiya fiksatsii glazodvigatel'nykh reaktsii pri vospriyatii addiktivnoznachimyykh stimulov patsiyentami s alkohol'noi zavisimost'yu [Typification of Fixations of Oculomotor Reactions in the Perception of Addictively Significant Stimuli by Patients with Alcohol Dependence] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2023. Vol. 31, no. 2, pp. 137–151. doi:10.17759/cpp.2023310207 (In Russ.).

11. Pleshakova E.A., Ivashchuk N.V., Makurina A.P. Psikhologicheskie faktory riska sotsial'noi dezadaptatsii i zashchitnye faktory u zhenshchin, zavisimyykh ot alkogolya [Psychological risk factors of social maladjustment and protective factors in alcohol-dependent women] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 2, pp. 80–92. doi:10.17759/psylaw.2015100206 (In Russ.).
12. Reznik A.M., Syunyakov T.S., Arbuzov A.L. Alkohol'naya zavisimost' u veteranov voin, poluchayushchikh lechenie v psixiatricheskom statsionare: vstrechaemost', komorbidnost' s simptomami PTSD, svyaz' s boevymi stressorami [Alcohol Addiction in War Veterans Treated in an Inpatient Psychiatric Facility: Incidence, Comorbidity with PTSD Symptoms, Association with Combat Stressors] [Elektronnyi resurs]. *Consortium Psychiatricum*, 2022. Vol. 3, no. 3, pp. 73–89. doi:10.17816/CP188
13. Tuchina O.D., Agibalova T.V., Shustov D.I. Refleksiya zhiznennogo stsenariya i svyazannykh s nim bessoznatel'nykh ubezhdenii i proektsii budushchego kak faktor dlitel'nosti remissii pri sindrome zavisimosti ot alkogolya u muzhchin [Reflecting on Life Script, Related Unconscious Beliefs, and Future Projections as a Factor of Remission Duration in Male Patients with Alcohol Dependence] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 3, pp. 116–139. doi:10.17759/cpp.2021290308 (In Russ.).
14. Fadeeva E.V., Lanovaya A.M. Izuchenie osvedomlennosti zhenshchin reproduktivnogo vozrasta o vrednykh posledstviyakh upotrebleniya alkogolya [Exploring the knowledge of women of reproductive age about the harmful effects of alcohol consumption] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik psikhoterapii = The Bulletin of Psychotherapy*, 2023, no. 86, pp. 68–80. doi:10.25016/2782-652X-2023-0-86-68-80 (In Russ.).
15. Shaidukova L.K., Sharipova R.R., Anokhina E.A. Zhenskii alkogolizm v strukture supruzheskogo: sovremennye zarubezhnye issledovaniya [Female alcoholism in the structure of marital: modern foreign studies] [Elektronnyi resurs]. *Narkologiya = Narcology*, 2023. Vol. 22, no. 5, pp. 69–79. doi:10.25557/1682-8313.2023.05.69-79 (In Russ.).
16. Ait-Daoud N., Blevins D., Khanna S., Sharma S., Holstege C.P., Amin P. Women and addiction: an update. *Medical Clinics of North America*, 2019. Vol. 103, no. 4, pp. 699–711 doi:10.1016/j.mcna.2019.03.002
17. Guillon A., Chauveau-Clerc C., Courtois R., Bacq Ya., Maugé D., Ballon N., Gaillard Ph. Comparaison de l'estime de soi de femmes alcoolodépendantes et de femmes devenues abstinentes, par rapport à un groupe témoin (A comparison of self-esteem in alcohol-dependent women and women who have become abstinent, against a control group). *La Presse Médicale*, 2012. Vol. 41, no. 9-1, pp. 420–425. doi:10.1016/j.lpm.2012.01.037
18. Aubry C., Gay L., Romo M.-C., Joffre S. L'image de soi de l'alcoolodépendant à travers l'échelle tennessee du concept de soi: Étude comparative entre hommes et femmes. (The alcoholic's self-image: a comparative study between men and women). *La Presse Médicale*, 2004. Vol. 30, no. 1, pp. 24–31.
19. Denson T.F., O'Dean S.M., Blake K.R., Beames J.R. Aggression in Women: Behavior, Brain and Hormones. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 2018. Vol. 12. doi:10.3389/fnbeh.2018.00081
20. King A.C., Bernardy N.C., Hauner K. Stressful events, personality, and mood disturbance: Gender differences in alcoholics and problem drinkers. *Addictive Behaviors*, 2003. Vol. 28, no. 1, pp. 171–187. doi:10.1016/S0306-4603(01)00264-7

Власова Н.В., Буслаева Е.Л.
Особенности самовосприятия у мужчин и женщин,
страдающих алкогольной зависимостью
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 206–219

Vlasova N.V., Buslaeva E.L.
Features of Self-Perception in Men and Women
Suffering from Alcohol Addiction
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 206–219

21. Miller A.P., Fatch R., Lodi S., Marson K., Emenyonu N., Kekibiina A., Beesiga B., Chamie G., Muyindike W.R., Hahn J.A. Unhealthy alcohol use and intimate partner violence among men and women living with HIV in Uganda. *BMC Public Health*, 2022. Vol. 22, no. 1. doi:10.1186/s12889-022-14295-2

Информация об авторах

Власова Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Буслаева Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: mose-lena2201@yandex.ru

Information about the authors

Nataliya V. Vlasova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, Russia, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Получена 26.04.2024
Принята в печать 16.06.2024

Received 26.04.2024
Accepted 16.06.2024

Determinants of Successful Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners

Oksana I. Mironova

HSE University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Lydia A. Ruonala

Independent Researcher, Gothenburg, Sweden

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

This theoretical study is devoted to the current topic of the determinants of successful adaptation of women married to foreigners. As a result of the theoretical research the following determinants of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners were identified: determinants associated with cultural context (traditions, attitudes, values of society, historical memory, communication norms, rules of women's behaviour, characteristics of gender socialization of women), determinants characterizing the woman's social status (age, education, place of residence, professional status, marital status, presence of children, characteristics of gender socialization, social capital and intragroup trust, access to resources), determinants reflecting relations of a couple (attachment type, characteristics of communication, satisfaction with the relationship, ideas about gender roles, behavioural norms in the family), determinants revealing the personal characteristics of a woman (self-concept, attitudes, values, motives, level of aspirations, time perspective).

Keywords: social and psychological adaptation of migrants; adaptation of women; marriage migration; determinants of social and psychological adaptation.

For citation: Mironova O.I., Ruonala L.A. Determinants of Successful Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 220–236. DOI:10.17759/psylaw.2024140317

Детерминанты успешной социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами

Миронова О.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Руонала Л.А.

Независимый исследователь, г. Гетеборг, Швеция

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Данное теоретическое исследование посвящено актуальной теме изучения детерминантов успешной адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами. В результате теоретического исследования были выявлены следующие детерминанты успешной социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами: связанные с культурным контекстом (традиции, установки, ценности общества, историческая память нормы общения, регламент поведения женщины, особенности гендерной социализации женщин), характеризующие социальный статус женщины (возраст, образование, место жительства, профессиональный статус, семейный статус, наличие детей, особенности гендерной социализации, социальный капитал и внутригрупповое доверие, доступ к ресурсам), отражающие отношения в паре (тип привязанности, особенности коммуникации, удовлетворенность отношениями, представления о гендерных ролях, нормах поведения в семье), раскрывающие личностные особенности женщин (я-концепция, установки, ценности, мотивы, уровень притязаний, временная перспектива).

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация мигрантов, адаптация женщин, брачная миграция, детерминанты социально-психологической адаптации.

Для цитаты: Миронова О.И., Руонала Л.А. Детерминанты успешной социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 220–236. DOI:10.17759/psylaw.2024140317

Introduction

The social and psychological adaptation of an individual is a characteristic of any self-regulating system as a reaction to constantly changing conditions of the environment. It can be successful when all elements such as integrity, direction, creative approach, understanding of goals, values and motives, willingness to change, are present, or it can be unsuccessful, if one of the elements of adaptation is absent for any reason.

Social and psychological adaptation is a necessary condition of an individual and a society functioning as a whole social entity since it presumes the inclusion of the individual into a social environment through acquiring status and a place in the social structure of a society [9].

A significant amount of research revealing the determinants of successful adaptation is devoted to the adaptation of schoolchildren, students, employees of companies, military personnel, labour migrants, displaced persons from places of hostilities, as well as the characteristics of migrants' experience of covid restrictions [31; 42; 59].

Despite the fact that in the modern world there is a noticeable increase in the number of intermarriages, this topic remains poorly studied. Currently, research of marriage migration mainly considers this phenomenon as a social lift for women who cannot realize themselves in their home country [29]. At the same time, it remains unclear why some women choose this social elevator and others do not.

The available studies do not reveal important aspects of social and psychological adaptation such as the influence of personal characteristics of a woman on choosing a foreign spouse, the motivation of a woman to move from economically prosperous countries, women's expectations related to a

new country (including expectations from herself as an individual who could realize herself in these new conditions differently). There are, practically, no studies examining the complexity and integrity of the migration phenomenon.

At the previous stage of the research of the phenomenon under study, a model of successful social and psychological adaptation of women who married foreigners was presented [47]. The levels of social and psychological adaptation of the group being studied are the key element of this model, which allows us to consider this complex phenomenon from a variety of perspectives: from the collective level, the social level, the level of close relationships and the personal level [45].

All these levels relate to the integral concept of identity, which, according to many researchers, is central for understanding migration [53]. Currently, the phenomenon of identity is being actively developed by researchers, including the adaptation of migrants, however, its nature and dynamics remain insufficiently formulated.

This study, as part of foundational research on the successful socio-psychological adaptation of women married to foreigners, aims to clarify the components of each level of adaptation. The collected data will provide the basis for developing tools to carry out the empirical phase of the research.

Let us consider the determinants of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners in accordance with the mentioned levels of adaptation.

Study

The analysis of studies and literature shows that in science there is currently no consensus regarding the content of the phenomenon of social and psychological adaptation of migrants. There are practically no studies that comprehensively research changes happening to migrants in the process of integration into a new society.

The social and psychological determinants of successful adaptation of women married to foreigners have not been specifically studied in science. However, there is a significant amount of theoretical and practical research of the problem of social and psychological adaptation, which can form the basis for studying this topic.

The study of the determinants of successful social and psychological adaptation is based on the following developed concepts: concepts defining values and meanings (A.N. Leontiev, B.S. Bratus, V. Frankl, K.S. Albukhanova-Slavskaya, A.V. Brushlinsky, F.B. Berezin), conservation of resources theory (S. Hobfoll), concept of culture shock and acculturative stress (J. Berry), characteristics of gender socialization (L. Kohlberg, N. Chodorow, K. Horney, S. Boehm), attachment theory (J. Bowlby, D. Winnicott, M. Ainsworth, D. Stern, S. Hazan and F. Shaver, K. Rubin), compelled contacts (O. Mironova).

In addition to the key concepts, it is worth to mention self-concept, self-esteem, level of aspirations, tolerance for uncertainty and time perspective. These theories are not directly related to adaptation but are necessary for understanding what happens to migrants during the adaptation process.

The analysis of literature devoted to the study of the determinants of social and psychological adaptation in general showed that the available data can be distributed at the following levels: collective, social, close relationships and personal. Let's take a closer look at them.

Collective level. At this level the focus is on such characteristics as stereotypes, attitudes, and values of both the host society and the migrants' home country. It is the intercultural interaction that can highlight the existing contradictions in the unconscious attitudes and beliefs within where the psyche of the participants in intercultural communication was formed.

G.U. Soldatova, L.A. Shaigerova [20], having studied more than 40 modern western theories of intercultural communication, came to the conclusion that there are five groups of theories which focus on: 1) identity; 2) adaptation: the main role is given to personality characteristics; 3) the result of interaction: the main role is given to the intensity of intercultural contacts; 4) the process of developing intercultural competence, where one's own culture is proposed to be considered in the context of other cultures and 5) integral theories, where both the social context and the results of achievements in the communication process are considered.

The authors discover a lack of clear understanding of the mechanisms underlying intercultural interaction, and the common problem of theories is insufficient attention to activity of a subject (a migrant) in the conditions of intercultural communication.

K. Oberg [52] was the first who proposed to explain the difficulties arising in intercultural communication from the perspective of “cultural shock” which causes tension associated with the efforts necessary for achieving psychological adaptation; a feeling of loss including loss of friends, social status and property; changes in values and self-identity; unexpected fear caused by awareness of cultural differences; a feeling of inferiority and helplessness associated with the inability to cope with the new environment.

Modern science considers this process from the perspective of acculturative stress taking into account both negative and positive aspects of this process. The dissonance of social demands and the actual capabilities of migrants in an “alien” social and cultural environment, can naturally cause an active desire of migrants to overcome the arising difficulties, to achieve a comfortable existence and self-realization in the new conditions that motivates the migrants to start the adaptation process. However, these aspirations will not always go beyond fantasies and can become a “psychological refuge” where the migrant reduces the level of frustration.

The most important and difficult thing associated with acculturative stress, apparently, is not just a change in the rules, but unconscious communication between representatives of the local population and the migrant, who do not cognitively formulate the beliefs from which this communication originates.

The success of such interaction is associated with the interaction of ethno cultural competence among participants, i.e. the level of demonstrating knowledge, skills and abilities by a person allowing him to correctly assess the specifics and conditions of interaction, relations with representatives of other ethnic communities, to find adequate forms of collaboration with them aiming to maintain an atmosphere of agreement and mutual trust.

According to V.S. Vitkovskaya [7], the lack of constructive communications and interaction with local residents leads to the emergence of maladaptive feelings towards migrants — alienation, isolation, dispensability and uselessness. And even after time, when basic everyday issues are more or less resolved, migrants experience a “sense of loneliness”, “lack of friendly relations”, feeling like “strangers, needless, unwanted guests”, and as a result migrants end up in a “social vacuum”.

Let us take a closer look at what influences the success of the social and psychological adaptation of migrants. The collective level is associated with the mutual social expectations of the migrant and the host society, as well as the categories that form these expectations: cultural characteristics of the new and native country, the image of the host country, the image of oneself as a migrant, prejudices, stereotypes regarding the host culture and the culture of origin, attitude towards migrants in the host society, as well as the relationships between these categories [45].

One of the most developed topics is the influence of gender on adaptation. Most modern scientists are of the opinion that differences in the adaptation of men and women primarily depend on the

characteristics of gender socialization, i.e. formed at the level of a large group of attitudes that are not subject to reflection and often not realized at all [25].

The significance of the topic for gender socialization in this study is undeniable. However, it is difficult to assess the content and the level of this influence due to the fact that this issue is becoming tendentious and the answer to it can lose its validity. It is necessary to evaluate the influence of this factor avoiding extremes, i.e. taking into account both the complexity and integrity of this term.

On the one hand, differences in the social and psychological adaptation of men and women are influenced by environmental factors that can and should be taken into account, reducing the imbalance in responsibilities and access to resources. It is worth noting that restrictions on access can be not only factual (such as statutory bans in a number of countries around the world), but also cultural, forming an internal attitude.

Based on the model of conservation of resources by Hofboll [30], it can be assumed that gender differences are expressed in the characteristics of the use of resources that leads to differences in social and psychological adaptation. It is likely that women themselves may, because of self-inhibiting beliefs, have fewer resources than men. Men can also support these beliefs, by “confirming from the outside” the gender-determined difference in claims. It all leads to the fact that a woman generally experiences more stress than a man in a similar situation with a similar set of proclaimed prospects.

In accordance with the studies, women often place higher demands on themselves than men that may lead them into a situation of limited opportunities. It means that to use a resource it is insufficient to just have an access to this resource but it is necessary to have an affirmation allowing to use this resource.

This strategy also occurs in marital relationships. In marriage men and women tend to exhibit different strategies at a young age. Women are more in control of their emotions, while men do not control them consciously. Women’s productive strategy is directed to the external world, including the material world, while men are more likely to show passive avoidance and are prone to a more positive perception of their personality traits, which can be baseless. At the same time, women can show demonstrative arrogance, and men can show antipathy [10].

In addition to internal beliefs associated with gender socialization, women in a new country may face a specific attitude from the host society. As C. Mohanty notes [48], there is a paternalistic attitude of women of the dominant culture towards migrant women from third world countries. This social group is defined as religious (“not progressive”), family-oriented (“conformist”), legally incompetent (“unaware of their rights”), illiterate (“ignorant”), domestic (“undeveloped”). This is how the third world difference is brought about.

There may also be prejudices against first world women moving into traditional cultures, but such studies have not been found.

When moving to a new society, because gender socialization in different countries is more diverse compared to a male socialization, a female migrant, firstly, accumulates stereotypes, norms and rules that are applied separately to each of the categories: a woman, a migrant, her country birth, with children or childless, employed or unemployed, etc., while she may discover attitudes unknown to her, which were considered the norm in the country of origin, finds herself in a situation of multiple conflict - old and new, conscious and unconscious attitudes, cognitive dissonance.

Another important moment which is significantly represented in modern studies: a female migrant is in a more vulnerable position in the labour market and this is especially noticeable with low qualified professions, it is more difficult for a woman to look for a job, a woman is more vulnerable

to abuse of economical and/or sexual character; women with a high level of education when migrating are much more likely to find themselves [39; 55]. moving down the social-economic ladder.

In addition, in comparison to a man, a woman of reproductive age faces a number of challenges related to childbearing: if there are children, the woman spends more efforts on their adaptation; if there are no children, then a woman has to either forgo childbearing in favour of adaptation, or be fulfilled in parenthood, but “pause” the processes associated with integration into society. Modern researchers observe the reproductive choice of women who moved to a new country [24; 50], but there are no studies of this choice and their impact on the mental state of a woman.

Thus, being female can be a challenge in a new culture. Only recently the issue of gender in migrant adaptation studies has begun to be considered as a key aspect of adaptation, and not as one of the equivalent factors influencing the adaptation [40]. This means that it is not possible to draw conclusions regarding women’s adaptation based on studies that do not examine gender differences or have a male sample.

Differences in strategies for coping with stress in men and women are likely to be reflected in the success of adaptation in a new country and are associated not only with the personal characteristics of migrants, but also with the cultural context where both migrants and representatives of the host society are formed.

The main determinants of social and psychological adaptation of women married to foreigners at the collective level will be: the content of the norms and rules of the host country, the content of the norms and rules of the country of origin, expectations regarding themselves and people through the scope of belonging to the group being studied to female, motherhood, level of education, nationality of her parental family, professional status, etc.

Social level. Within this level the determinants associated with such characteristics of adaptation as age, education, financial status, the size of residence, presence of children, family composition, characteristics of social communication have been studied. Both domestic and foreign scientists have worked on this issue.

A considerable part of research has focused on the impact of such characteristics as having a job and education [55], comprehension of the local language [43; 49], financial aspects [29; 36], age [32; 36], ethnicity [21; 34].

This study is aimed at going beyond a statistical analysis of the studied groups. The results of these studies are understandable and clearly show that middle – aged men with a higher education and relevant work experience in the developed country adapt better than other groups of migrants. But psychological and social features of adaptation of the groups we are studying remain unclear.

As it is known, all the social roles studied in the above research are formed in society and affect the behavioural scenarios where communication takes place. However, firstly, a woman finds herself in a new social context where these roles may have different content. And, secondly, after migration practically all contacts of a woman are classified as forced. As a result, a woman experiences irritability [27; 45].

Below the determinants, associated with social communication namely from the viewpoint of increase of irritability due to a drastic change in the content of social and role behaviour, will be considered. Even a slight change in these roles in a situation, when a woman migrated to a new country and immediately found a job and met friends, affects the content of communication since a woman gets a new social role – a role of a migrant.

Along with the changes of the ideas about what it is like to be a woman, a wife, a mother, a specialist in a new society, a woman has to face the fact how these roles are perceived by the local so-

ciety through the lens of migration. This attitude is expressed at both the cognitive and unconscious levels, and these levels can vary significantly.

A woman now finds herself in a situation of not just interpersonal, but also interethnic communication, and all her social roles become secondary, and the primary one is belonging to a social group of migrants.

It makes sense to consider the features of adaptation at this level from the viewpoint of social capital. Having moved to a new country, a woman faces the necessity of changing her role behavior since all the social capital acquired over her whole life remains in the native country. The social capital in the new country is practically zero. The acquisition of social capital is associated with the fact that it is necessary to form new role behaviors but the woman may not understand how this is done in the new society.

In cross-cultural contacts, due to the inconsistencies between traditions, cultural norms and expectations, tension can be accumulated at all stages of establishing contact and create additional difficulties at self-realization. In accordance with the theory of psychological contact proposed by L.B. Filonov, each participant of communication takes care of creating a “common fund” including the best characteristics, attitudes, positions, principles, motives which everyone can utilize in the communication [2].

But, before moving on to this task a woman needs to establish a sufficient number of acquaintances, where all parties (both the woman and other people) are ready to create this common fund.

The aspects of the migrant’s position are associated with the fact that she ends up to be a “blank slate”, which even in everyday communication can lead to amusing or not always pleasant situations. And, given the difficulties of adaptation, the formation of a “common fund” may take a significant amount of time.

It is worth noting that the group being studied does not have a pronounced external motivation to form new social contacts, since it, unlike labour migrants, not only does not get a job, but can spend considerable time validating its education. In addition, given the requirements of many countries for the economic stability of a spouse, a woman may not feel pressure regarding the necessity to support herself.

The development of the “common fund” is influenced by such determinants as social access practices, migrant phobia, attitude towards migrants in society (good refugees, bad migrants), social capital.

Social capital is aimed at obtaining a common product and is associated with freedoms, equality of payment, and economic independence. Individual social capital is a predictor of entrepreneurial ability (intentions and actual business). People with a high level of social and psychological capital are better adapted and have a higher level of subjective welfare, and its accumulation is impossible without belonging to different social groups and intragroup trust [15; 23].

At the social level the development of trust can be associated with the formation of common norms, values and rules, both in society as a whole and intra-personally. However, it should be noted that there are practically no studies qualitatively examining the influence of stereotypes and values on the adaptation of migrants, and they are mainly limited to small national samples [54; 58].

The “common fund” for a woman married to a foreigner is most often formed only in interaction with her husband and his close circle, i.e. with those people where a woman can experience more trust, that makes the situation paradoxical: in order to adapt, a woman must be in society, but in order to enter society, a woman must be successfully adapted.

Depending on the leading coping strategies, a woman can go into isolation and avoid socialization, increase communication with her native country, control her behaviour excessively and form a false identity, get into conflict with her husband and/or his environment.

In addition, due to the difference in communication culture and communication barriers, people around a migrant – woman may not be perceived by her as authorities. At the same time, a woman may experience rejection and resistance to communication and related activities necessary for integration, that, in its turn, leads to the need to follow role behaviour. And the behaviour of the migrant-woman herself and her attempts to cope with the difficulties associated with the situation of forced contacts can be considered as inadequate, incomprehensible and unpredictable.

The level of an individual's experiencing her social deprivation and isolation depends on the social parameters of the society that accepts her, as well as the migration policy of the host country in general [19].

One of the most important parts of this policy is the presence or absence of programs for migrants in the country that teach the language, the basics of culture and values of the host society, and the aspects of access to services, education and healthcare. The presence and accessibility of such programs improves the adaptability of migrants.

The migrant context places a woman who moved for marriage in conditions different from the context of economic and political migrants, as well as those whose families are monocultural. The group being studied is situated in better financial and living conditions, but adaptation is connected with a specific communicative situation. In addition, the motive for moving may vary. It is obvious, that labour migrants have the ideal of financial wealth, while political migrants have the ideal of security and the realization of freedoms. The studied group migrates to a new country in hopes of emotional well-being [21; 51].

Thus, the determinants of successful adaptation of a woman who migrated to a new country due to marriage will be associated with the social characteristics of the woman, such as age, education, financial status, size of residence, presence of children, family composition; understanding the specifics of communication in situations of forced contacts; access to resources provided by the state and society (including knowledge of the language, the availability of educational programs to study the language, confirmation of professional status or the opportunity to acquire a new profession under a special program, the opportunity to receive medical and psychological assistance, etc.); differences in the content of social and role behaviour in the country of origin and the new country, as well as attitude towards these differences; social capital and intragroup trust.

Level of close relations. The study of this level is associated with the experience of a woman's previous relations and type of attachment to significant others, the characteristics of the marriage choice of women who choose foreigners as a partner, expectations from relationships and marital satisfaction.

This issue is practically not considered by modern scientists. The main focus of the studies is related to the migration of women from economically non-prosperous countries to more prosperous ones to help their parental family. For this purpose, women may get married to men from rural areas or those who need medical care.

These studies do not provide answers to logical questions in such a situation about how exactly men and women feel in a marital relationship, why even in poor countries not all women are oriented towards foreign marriage, how to explain a woman's migration from an economically favourable country to a less wealthy one, what specific features of interethnic communication in marriage influence the successful adaptation of women.

The digitalization of marriage choice and interpersonal communication is of the greatest interest to modern scientists. In modern realities meeting foreigners has become much easier thanks to online applications and dating sites. There are specialized forums for those who want to meet foreigners, and in 2013 dating through the internet surpassed all other traditional methods of forming romantic relationships in the United States [56].

Digitalization of communication according to research is associated with the level of self-esteem, irrational attitudes regarding body image, aggression, risky sexual behaviour, an attempt to circumvent the restrictions of offline communication, and type of attachment. Such communication has an ambivalent character and can negatively affect the communicative qualities of communication participants and their motivation [59].

Of course, not all marriage migrants met their partners through the internet, but all of them used digital communication tools in the period before moving. Digital communication cannot fully reveal a person and introduce partners to how they are used to behave in everyday interactions.

Apparently, it is the type of attachment to significant others that is an important determinant of the success of adaptation in the social group under study. The study of women who migrated to a new country due to marriage revealed a significant percentage of anxious-avoidant attachment type in the sample [44]. It is likely that avoidant behaviour contributes to women experiencing difficulties in building warm, trusting relationships in their home country, and anxiety prevents them from being satisfied with the state of loneliness and enables them to remain in a relationship, since the formation of intimacy occurs in conditions of long-distance communication.

This assumption indirectly confirms the connection between the most pronounced of all studied groups' tendency to caution and selectivity in establishing close relationships and such a character trait as being adaptable to accept others. Women with a secure attachment type adapt most successfully to a new country. A low level of anxiety is associated with respondents' ability to take responsibility, experience emotional comfort, and treat others positively. In addition, a secure type of attachment is associated with overall success in life [8; 33].

It is logical to assume that the successful adaptation of a marriage migrant will be influenced by satisfaction with the marriage as the main motive for migrating. In the conducted empirical study of the characteristics of social and psychological adaptation of women married to foreigners it was satisfaction or dissatisfaction with the marriage (and not the type of ethnic identity as in other groups of migrants) that formed the woman's behaviour in a new country [16].

The studied group of women is characterized by high expectations of themselves in interpersonal communication, an external locus of control, a cautious attitude towards attempts to get closer and build friendly, intimate relationships, a tendency towards avoidant behaviour and a high level of anxiety.

It is worth noting that choosing a partner from a different culture and maintaining a long-distance relationship likely has a specific motivation structure, including the satisfaction of special needs and expectations associated with the woman's personality and previous, not always successful, experience.

The choice of cultural context for migration is probably related to the woman's desire to overcome the difficulties that arose in relations with her countryman. As noted by S.V. Koludarova [12] and S.Yu. Sivoplyasova [18], Russian women can strive to realize feminist rights by choosing members of western culture as partners, and those who feel the need for traditional gender roles move to the east.

It can be assumed, there is a special narrative for women who choose foreigners as partners. This narrative is associated with the idea that "I can't find the right man in my culture, because I'm dif-

ferent, I can't be happy here." This idea can be based on observation of relationships in the family and environment, and the experience of previous relationships.

The question remains about what happens to a woman's experience of belonging to different groups (family, team, culture, etc.) if she, consciously or not, chooses to build relationships in conditions of "non-belonging" to these groups in her country of origin and specific "trans-memberships belonging" to social groups in the new country.

Thus, the determinants of this level include: conscious and unconscious motivation for choosing a foreign partner; features of attachment to people close to the woman and the experience of close relationships; features of interpersonal communication in a couple, including the stage of "long-distance relationships"; expectations from marriage; marital satisfaction.

Personal level. The study of this level is associated with personality characteristics as features of the self-concept, attitudes, values, motives, etc.

As a theoretical analysis of studies on the researched topic showed, a large number of articles are devoted to mental health symptoms associated with migration (depression, PTSD, anxiety disorders) [26; 37]. As for the psychological well-being of migrants, this topic is practically not covered, and research is mainly of a local character.

Predictors of the subjective well-being of migrants, which are mainly of a social rather than a personal nature, are being studied. One can note a number of studies examining coping strategies among refugees, labour migrants and asylum seekers [38; 41]. Currently, the personal characteristics of migrants and their connection with adaptation in a new country are not sufficiently studied.

Meanwhile, all the studied levels of social and psychological adaptation are directly related to the personal characteristics of migrants.

As noted by N.M. Lebedeva and A.N. Tatarko [15], the formation of a social capital is determined through relationships in society and is associated with psychological characteristics of the individual such as reflexivity, tolerance, stress resistance, empathy, predictability, etc.

V.V. Karlov [11] points out the underestimation of the study of frustration in the context of interethnic tension. I. A. Novikova established a connection between communicative tolerance and intercultural adaptation [17].

Despite the lack of research related to the study of personal factors in the social and psychological adaptation of migrants, one can turn to fundamental studies on personality theory and identify those aspects that are directly related to the context of migration.

The concepts of domestic scientists L.S. Vygotsky, A.N. Leontyev, S.L. Rubinshtein, B.F. Lomov, K.A. Abulkhanova-Slavskaya, A.V. Petrovsky, E.V. Shorokhova and others represent adaptation as a unity of personal and external environmental factors influencing each other. Adaptation to the external environment is influenced by subjective (personal) and objective factors.

V. Frankl [28] highlights the values of the individual: creativity, experiencing relationships. A.G. Asmolov [3], B.S. Bratus [5] identify value-semantic components of personality, including value orientations, personal meanings and attitudes.

A number of authors (V. Frankl, B.S. Bratus, K.A. Abulkhanova-Slavskaya, A.V. Brushlinsky) consider "values" and "personal meaning" as identical concepts. V. Frankl [28] argues that a person gains a purpose in life by experiencing certain values. B. S. Bratus [5] defines "the general purposes of his life realized and accepted by a person" as personal values. Values external to a person, declared, not provided with corresponding semantic and emotionally experienced life values do not, in fact, have a direct relationship to the semantic sphere for the individual.

Similar positions are held by G.L. Budinaite and T.V. Kornilova [6], who emphasize that along with awareness of meanings, a decision about their acceptance or non-acceptance is also necessary.

A necessary condition for the formation of personal values is the individual's internal acceptance of conscious meanings.

A. Akimenko [1] identifies five structural components of personality adaptation: value orientations, “self-concept”, communicative-dialogical characteristics, individual personal and individual volitional characteristics — stress resistance, satisfaction with the conditions of activity, communication and relationships, intelligence.

Studying the adaptation of a teacher to activities, I.V. Konoryukova et al. [13] connects the success of this process with external factors (such as stress-inducing and the level of salaries — it refers to the social level) and internal factors (a system of ideas about oneself as a subject of professional activity and personality).

T.E. Sheina [22] associates the success of adaptation with a balanced time perspective. O.P. Krolevets [14] connects the concepts of failure with such predicates as a low level of aspirations, learned helplessness syndrome, inappropriately high aspirations in the absence of abilities, excessive optimism in a situation of failure. B.Yu. Berezin and N.E. Zykina [5] highlighted the connection between procedural motivation and social and psychological adaptation.

E. Tamam [57] notes a positive correlation between the success of psychological adaptation and intercultural communication with tolerance for uncertainty, openness to new experiences and empathy.

Determinants of this level are of particular importance for women who migrated to a new country due to marriage, as they most often find themselves in a situation of external well-being. On the one hand, they may lack motivation for external achievements — they do not need to get any job to make a living. On the other hand, such a situation can stimulate avoidant types of behaviour in difficult situations, which, without a doubt, include migration.

In a situation of dependence on the husband and the loss of their social status, they acquired in their homeland, women often “merge” with the demands of female gender socialization in its most distorted form, as if “paying” for their well-being, because of which a woman can deny herself the ability to use the resources at her disposal, if she considers them not belonging to her personally, but belonging to the family.

In addition, motivation to overcome internal difficulties can take on the image of a cargo cult. Instead of overcoming real problems, some women, especially if they are prone to experiencing guilt, solve “virtual difficulties”, denying themselves the usual standard of living, demanding from themselves outstanding achievements in school and everyday life.

To overcome these specific difficulties, a woman's intrapersonal characteristics are of great importance, as well as the level of awareness regarding the specific ways of coping in a moving situation inherent in her social group, the woman's willingness and ability to see, recognize and overcome these difficulties.

Thus, the determinants of successful adaptation at the personal level include: values and meanings, self-concept, the presence of adequate self-esteem and level of aspirations, tolerance to uncertainty, stress resistance, time perspective.

Conclusions

The determinants of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners were comprehensively examined in this article.

As a result of the theoretical study, the following determinants of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners were identified: determinants related to the cultural context (traditions, attitudes, values of society, historical memory, communication norms, rules of women behaviour, characteristics of gender socialization of women), determinants charac-

terizing the social status of a woman (age, education, place of residence, professional status, marital status, presence of children, features of gender socialization, social capital and intragroup trust, access to resources), determinants reflecting relationships in a couple (type of attachment, characteristics of communication, satisfaction with relationships, ideas about gender roles, norms of behaviour in the family), determinants revealing the personal characteristics of women (self-concept, attitudes, values, motives, level of aspirations, time perspective).

In modern research migration is studied from the perspective of the social level. Despite the large number of studies concerning the study of personal characteristics of social and psychological adaptation, there is practically no research of the specifics of these processes among migrants. There are significant gaps in the study of the collective level and the level of close relationships. The determinants associated with these levels were obtained as a result of critical re-evaluation of studies similar in topic to the problem being studied.

As a review of studies on adaptation shows, at present in psychological science there is no understanding of the system and hierarchy of determinants that influence the adaptation of migrants. In one respect, the accepted theories cannot provide answers to the questions raised in this study; alternatively, the variety of identified determinants associated with the adaptation of migrants reveals the fact that knowledge on the topic under study is fragmentary, not structured and not conceptualized. We can say that the topic being studied contains more questions than answers.

Currently, migration as a phenomenon needs to be rethought and clarified, taking into account new realities associated with the digitalization of everyday life and post-non-classical scientific rationality. This will allow us to go beyond the instrumental approach to the study of migration and rethink the philosophical and social and psychological foundations of this phenomenon.

Despite the fact that the identified determinants of successful adaptation of women who married foreigners are directly related to identity, the phenomenon of migrant identity itself was not considered in this article. This topic requires a separate, in-depth theoretical and empirical study and is of particular interest both from the standpoint of studying migrants and personal adaptation in general, which can be presented as a prospect for further research.

References

1. Akimenko A. K. Vzaimosvyaz' predstavlenii o lzhi i strategii povedeniya v sisteme sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii lichnosti: Diss. kand. psikhol. nauk. Saratov, 2008. 217 p. (In Russ.).
2. Anan'eva N.A. Antropotsentricheskaya fenomenologiya mezhlichnostnogo kontakta: Pamyati Filonova L'va Borisovicha (01.08.1925—11.04.2016) [Anthropocentric phenomenology of interpersonal contact: in memory of Filonov Lev Borisovich (01.08.1925-11.04.2016)] [Elektronnyi resurs]. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, 2018, no. 6 (114), pp. 42–57. doi:10.25629/hc.2018.06.05 (In Russ.).
3. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. Moscow: Smysl. 2019. 448 p. (In Russ.).
4. Berzin B.Yu., Zykina N.E. Protsessual'naya motivatsiya i sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti v sisteme upravleniya personalom [Procedural motivation and social-psychological adaptation of the person in personnel management system]. *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2016. Vol. 39, no. 2, pp. 221–229. (In Russ.).
5. Bratus B.S. K probleme cheloveka v psikhologii. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 1997, no. 6, pp. 3–19. (In Russ.).

6. Budinaite G.L., Kornilova T.V. Lichnostnye tsennosti i lichnostnye predpochteniya sub'ekta. *Voprosy psikhologii = Voprosy psikhologii*, 1993, no. 5-6, pp. 101–106. (In Russ.).
7. Vitkovskaya G.V. Vynuzhdennye pereselentsy iz blizhnego zarubezh'ya: Problemy integratsii v rossiiskii sotsium. *Migratsionnye protsessy posle raspada SSSR: Programma po issledovaniyu migratsii*. Vypusk 5. Moscow: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 1994, pp. 53–69. (In Russ.).
8. Dianova E.S. Issledovaniya roli privyazannosti v zhizni cheloveka. Obzor zarubezhnykh issledovaniy [Research into the role of attachment in a person's life. Overview of foreign research] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 88–96. doi:10.17759/jmfp.2019080409 (In Russ.).
9. Zhuravleva N.A. Psikhologiya sotsial'nykh izmenenii: tsennostnyi podkhod. 2nd ed. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2019. 528 p. (In Russ.).
10. Zlokazov K.V. Vliyanie identichnosti na predpochtenie strategii sotsial'nogo povedeniya [The influence of identity in social behavior strategies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017. Vol. 76, no. 4, pp. 206–212. (In Russ.).
11. Karlov V.V. Faktor frustratsii v istorii mezhetnicheskikh konfliktov v Rossii ot nachala XX veka do nashikh dnei. *Vlast', informatsionnye tekhnologii, massovoe soznanie: osnovnye tendentsii sovremennogo politicheskogo razvitiya*. Moscow: MGU Publ., 2016, pp. 4–10. (In Russ.).
12. Koludarova S.V. Braki rossiyan s inostrantsami i sotsial'nye riski [Russians' marriages with foreigners and social risks]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 8, pp. 153–157. (In Russ.).
13. Konoryukova I.V., Antonovsky A.V., Balakshina E.V. K voprosu ob uspekhnosti professional'noi adaptatsii studentov pedagogicheskikh vuzov [On the issue of the successful professional adaptation of pedagogical universities students] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*, 2019, no. 2, pp. 72–85. doi:10.51314/2073-2635-2019-2-72-85 (In Russ.).
14. Krolevets O.P. Sub'ektivnyi i ob'ektivnyi professional'nyi neuspekh: tipologicheskii podkhod [Subjective and objective professional failure: a typological approach]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" = Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2017, no. 4, pp. 68–74. (In Russ.).
15. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Sotsial'nyi kapital: teoriya i psikhologicheskie issledovaniya: Monografiya. Moscow: RUDN Publ., 2009. 233 p. (In Russ.).
16. Mironova O.I., Ruonala L.A. Udovletvorennost' brakom kak faktor sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii zhenshchin, zaklyuchivshikh brak s inostrantsami [Satisfaction with marriage as a factor of socio-psychological adaptation of women who married foreigners] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 3, pp. 120–132. doi:10.18384/2310-7235-2022-3-120-132
17. Novikova I.A., Novikov A.L., Shlyakhta D.A. "Shkala akkul'turatsii k Rossii" dlya kitaiskikh studentov: adaptatsiya i psikhometricheskaya proverka [Acculturation Scale to Russia (for Chinese Students: Development and Psychometric Verification)] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 801–824. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-4-801-824 (In Russ.).

18. Sivoplyasova S. Yu. Brachnaya emigratsiya iz Rossii: Problemy i prognozy. In Kuleshova A.V. (Ed.). *Materialy IX mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii "Sotsial'naya inzheneriya: kak sotsiologiya menyaet mir"*, 20–21 marta 2019 g. Moscow: AO "VTsIOM" Publ., 2019, pp. 413–418. (In Russ.).
19. Soldatova G.U., Panteleev A.B. Mezukul'turnaya kompetentnost' i adaptatsiya v inokul'turnoi srede: Podkhody i tekhnologii [Intercultural competence and adaptation in foreign-cultural environment: approaches and technologies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2007, no. 1, pp. 12–22. (In Russ.).
20. Soldatova G.U., Shaigerova L.A. Refleksiya mnozhestvennosti vybora v psikhologii mezukul'turnykh kommunikatsii [Reflection upon multiplicity of choice in psychology of intercultural communication] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2015. Vol. 8, no. 40. doi:10.54359/ps.v8i40.561 (In Russ.).
21. Chebotareva E.Yu., Konina M.A., Rudenko A.S. Etnicheskaya identichnost' russkikh zhenshchin v mezhetnicheskikh brakakh i ee svyaz' s privyazannost'yu k suprugu i separatsiei ot roditelei [Ethnic Identity of Russian Women in Interethnic Marriages and its Relationship with Their Attachment to Spouses and Separation from Parents] [Elektronnyi resurs] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol. 17, no. 1, pp. 101–127. doi:10.22363/2313-1683-2020-17-1-101-127 (In Russ.).
22. Sheina T.E. Sbalansirovannaya vremennaya perspektiva lichnosti kak faktor sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii studentov vuza [Balanced time perspective of a personality as a factor of social and psychological adaptation of university students] [Elektronnyi resurs]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 2018, no. 1 (32), pp. 67–72. doi:10.18323/2221-5662-2018-1-67-72 (In Russ.).
23. Adedeji A. Social Capital and Migrants' Quality of Life: A Systematic Narrative Review. *Journal of International Migration and Integration*, 2021. Vol. 22, no. 1, pp. 87–101. doi:10.1007/s12134-019-00724-6
24. Alarcão V., Stefanovska-Petkovska M., Virgolino A., Santos O., Ribeiro S., Costa A., Nogueira P., Pascoal P.M., Pintassilgo S., Machado F.L. Fertility Migration and Acculturation (FEMINA): A research protocol for studying intersectional sexual and reproductive health inequalities. *Reproductive Health*. 2019. Vol. 16, no. 1. doi:10.1186/s12978-019-0795-5
25. Bos A.L., Greenlee J.S., Holman M.R., Oxley Z.M., Lay J.C. This One's for the Boys: How Gendered Political Socialization Limits Girls' Political Ambition and Interest. *American Political Science Review*, 2022. Vol. 116, no. 2, pp. 484–501. doi:10.1017/S0003055421001027
26. Choy B., Arunachalam K., Gupta S., Taylor M., Lee A. Systematic review: Acculturation strategies and their impact on the mental health of migrant populations. *Public Health in Practice*, 2021. Vol. 2. doi:10.1016/j.puhip.2020.100069
27. Deveney C.M., Roule, A.L., Wulff R.A. Trait irritability and social cue identification and interpretation in young adult females. *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 156. doi:10.1016/j.paid.2019.109751
28. Frankl V.E. *The Will to Meaning: Foundations and Applications of Logotherapy*. Plume Books, 2014. 208 p.

29. Fresnoza-Flot A. ‘Men are butterflies, women are hindlimbs of an elephant’: Thai women’s gendered being in transnational spaces. *Gender, Place & Culture*, 2021. Vol. 28, no. 5, pp. 680–701. doi:10.1080/0966369X.2020.1752628
30. Hobfoll S.E. Social and Psychological Resources and Adaptation. *Review of General Psychology*, 2002. Vol. 6, no. 4, pp. 307–324. doi:10.1037/1089-2680.6.4.30
31. Jing X., Ghosh R., Sun Z., Liu Q. Mapping global research related to international students: A scientometric review. *Higher Education*, 2020. Vol. 80, no. 3, pp. 415–433. doi:10.1007/s10734-019-00489-y
32. John O., Liubinienė V. “This is not my world”. Essential support strategies for newly arrived adult immigrants learning Swedish. *Sustainable Multilingualism*, 2021. Vol. 18, no. 1, pp. 85–110. doi:10.2478/sm-2021-0005
33. Kawamoto T. The moderating role of attachment style on the relationship between self-concept clarity and self-esteem. *Personality and Individual Differences*, 2020. Vol. 152. doi:10.1016/j.paid.2019.109604
34. Kolesnikov A.A., Nikulina D.E., Danilenko I.A., Zimovets N.V. Social and psychological features of inter-cultural adaptation of Russian students in different universities. *Cypriot Journal of Educational Sciences*, 2019. Vol. 14, no. 1, pp. 90–98. doi:10.18844/cjes.v14i1.3966
35. Kōu A., Bailey A. ‘Some people expect women should always be dependent’: Indian women’s experiences as highly skilled migrants. *Geoforum*, 2017. Vol. 85, pp. 178–186. doi:10.1016/j.geoforum.2017.07.025
36. Lachal J., Rodriguez J., Moro M.R. La dépression chez les adolescents migrants [Depression in adolescent migrants]. *Annales Medico-Psychologiques*, 2022. Vol. 180, no. 8, pp. 788–793. doi:10.1016/j.amp.2022.07.030
37. Lanzara R., Scipioni M., Conti C. A clinical-psychological perspective on somatization among immigrants: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 9. doi:10.3389/fpsyg.2018.02792
38. Liem A., Renzaho A.M.N., Hannam K., Lam A.I.F., Hall B.J. Acculturative stress and coping among migrant workers: A global mixed-methods systematic review. *Applied Psychology: Health and Well Being*, 2021. Vol. 13, no. 3, pp. 491–517. doi:10.1111/aphw.12271
39. Liversage A., Ismail A.M. ‘Migrant Carer-Wives’ – Between Transnational Marriages, Care Work for Older Husbands and Gendered Precarity. *Nordic Journal of Migration Research*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 156–173. doi:10.33134/njmr.427
40. Mahler S.J., Pessar P.R. Gender Matters: Ethnographers Bring Gender from the Periphery toward the Core of Migration Studies. *International Migration Review*. 2006. Vol. 40, no. 1, pp. 27–63. doi:10.1111/j.1747-7379.2006.00002.x
41. Mak J., Roberts B., Zimmerman C. Coping with Migration-Related Stressors: A Systematic Review of the Literature. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 2021. Vol. 23, no. 2, pp. 389–404. doi:10.1007/s10903-020-00996-6
42. Mengesha Z., Alloun E., Weber D., Smith M., Harris P. “Lived the Pandemic Twice”: A Scoping Review of the Unequal Impact of the COVID-19 Pandemic on Asylum Seekers and Undocumented Migrants. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 11. doi:10.3390/ijerph19116624
43. Mirici I.H. The needs of adult immigrants in Europe for social inclusion through language education. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 2020. Vol. 16, no. 2, pp. 552–564. doi:10.17263/jlls.759247

44. Mironova O.I., Ruonala L.A. Type of attachment as a factor of socio-psychological adaptation of women married to foreigners. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 101–112. doi:10.18384/2310-7235-2022-4-101-112
45. Mironova O.I., Ruonala L.A. Psychological Difficulties in Marriage Migrant Women Adaptation. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 161–174. doi:10.17759/psylaw.2023130312
46. Mironova O.I., Ruonala L.A., Mironov E.S. Digitalization of social contacts—Risks for women seeking a spouse through dating sites and apps. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 42–63. doi:10.17759/psylaw.2021110404
47. Mironova O.I., Ruonala L.A. Model of Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 248–265. doi:10.17759/psylaw.2024140116
48. Mohanty C.T. “Under western eyes” revisited: Feminist solidarity through anticapitalist struggles. *Signs. Journal of Women in Culture and Society*, 2003. Vol. 28, no. 2, pp. 499–535. doi:10.1086/342914
49. Morrice L., Tip L.K., Collyer M., Brown R. ‘You can’t have a good integration when you don’t have a good communication’: English-language Learning Among Resettled Refugees in England. *Journal of Refugee Studies*. 2021. Vol. 34, no. 2, pp. 681–699. doi:10.1093/jrs/fez023
50. Mussino E., Cantalini S. Multiple-origin and Multiple-destination: The fertility of migrants in Europe. *Research Reports in Demography*. Stockholm: Stockholm University, 2020, pp. 1–19. doi:10.17045/sthlmuni.13238909.v1
51. Novara C., Serio C., Lavanco G., Schirinzi M., Moscato G. Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners. *Family Process*, 2020. Vol. 59, no. 2, pp. 709–724. doi:10.1111/famp.12437
52. Oberg K. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Anthropology*, 1960. Vol. 4, no. 7, pp. 177–182. doi:10.1177/009182966000700405
53. Pisarevskaya A., Levy N., Scholten P., Jansen J. Mapping migration studies: An empirical analysis of the coming of age of a research field. *Migration Studies*, 2020. Vol. 8, no. 3, pp. 455–481. doi:10.1093/migration/mnz031
54. Polek E., Oudenhoven van J.P., Ten Berge J.M.F. Evidence for a “Migrant Personality”: Attachment Styles of Poles in Poland and Polish Immigrants in the Netherlands. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 2011. Vol. 9, no. 4, pp. 311–326. doi:10.1080/15562948.2011.616163
55. Riaño Y. Understanding brain waste: Unequal opportunities for skills development between highly skilled women and men, migrants and nonmigrants. *Population, Space and Place*, 2021. Vol. 27, no. 5. doi:10.1002/psp.2456
56. Rosenfeld M. J., Thomas R. J., Hausen S. Disintermediating your friends: How online dating in the United States displaces other ways of meeting. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2019. Vol. 116, no. 3. doi:10.1073/pnas.1908630116
57. Tamam E. The influence of ambiguity tolerance, open-mindedness, and empathy on sojourners’ psychological adaptation and perceived intercultural communication effectiveness. The University of Oklahoma, 1993.
58. Triantafyllidis S., Darvin L. Mass-participant sport events and sustainable development: Gender, social bonding, and connectedness to nature as predictors of socially and environmentally responsible behavior intentions. *Sustainability Science*, 2021. Vol. 16, no. 1, pp. 239–253. doi:10.1007/s11625-020-00867-x

Миронова О.И., Руонала Л.А.
Детерминанты успешной социально-психологической
адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 220–236

Mironova O.I., Ruonala L.A.
Determinants of Successful Social and Psychological
Adaptation of Women Married to Foreigners
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 220–236

59. Yang F., Chu R., Cai Y., Chen Z. Breadwinning: Migrant workers' family motivation in facing life-threatening events and its performance implications. *Journal of Business Research*, 2022. Vol. 150, pp. 491–502. doi:10.1016/j.jbusres.2022.06.038

Information about the authors

Oksana I. Mironova, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University; Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Lydia A. Ruonala, MA in Psychology, Independent Researcher, Gothenburg, Sweden, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Информация об авторах

Миронова Оксана Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); профессор, кафедра психологии и развития человеческого капитала, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Руонала Лидия Александровна, магистр психологии, независимый исследователь, г. Гетеборг, Швеция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Получена 05.06.2024
Принята в печать 30.08.2024

Received 05.06.2024
Accepted 30.08.2024